

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2016

№ 3 (41)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-29498 от 27 сентября 2007 г.

Международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-8613).

Подписной индекс 44014 в объединённом каталоге «Пресса России».

Журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО
ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета; **Дацишен Владимир Григорьевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Иванова Наталья Анатольевна**, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва); **Кирюшин Юрий Федорович**, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул); **Красильников Сергей Александрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., зам. директора Института Дальнего Востока РАН; **Мерлин Од**, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентерберри, Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии); **Функ Дмитрий Анатольевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой этнологии Московского государственного университета; **Ермекбай Жарас Акишевич**, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, председатель научной редакции, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета; **Румянцев Петр Петрович**, ответственный секретарь, канд. ист. наук, доцент; **Кулемзин Владислав Михайлович**, д-р ист. наук, проф.; **Ларьков Николай Семёнович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории и документоведения; **Румянцев Владимир Петрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений; **Тимошенко Алексей Георгиевич**, канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой мировой политики; **Фоминых Сергей Фёдорович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой современной отечественной истории; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф.; **Черняк Эдуард Исаакович**, д-р ист. наук, проф., директор института искусств и культуры ТГУ; **Чиндина Людмила Александровна**, д-р ист. наук, проф.; **Шевелев Дмитрий Николаевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории; **Шерстова Людмила Ивановна**, д-р ист. наук, проф.; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории России Новосибирского государственного университета

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, Deputy Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ethnology of Moscow State University; **Ermekbay Zharas A.** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Sulyak Sergey Georgiyevich**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus’» (Moldova)

**ACADEMIC EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasily P., Chairman of the Academic Editorial Board, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of History; **Rumyantsev Peter P.**, Executive Editor, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History; **Kulemzin Vladislav M.**, Dr. of History, Professor, Professor of the Faculty of History; **Larkov Nikolay S.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of History and Documentation Studies; **Rumyantsev Vladimir P.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern and Contemporary History and International Relations; **Timoshenko Aleksey G.**, PhD (History), Associate Professor, Head of the Department of World Politics; **Fominykh Sergey F.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern Russian History; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Faculty of History; **Chernyak Eduard I.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Museum Studies, Cultural and Natural Heritage, Director of the Institute of Art and Culture; **Chindina Lyudmila A.**, Dr. of History, Professor, Professor of the Faculty of History; **Shevelyov Dmitry N.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ancient and Medieval History and Methodology of History; **Sherstova Lyudmila I.**, Dr. of History, Professor; **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Маслюженко Д.Н. Тюркские группы в кочевьях Кучумовичей в Южном Зауралье в 1600-е гг.	5
Побежимов А.И. Население поморской части Турчасовского стана Каргопольского уезда в начале XVIII в.	11
Бибииков Г.Н., Бакшт Д.А. Учреждение жандармского надзора на золотых приисках Сибири в 1841–1842 гг.	16
Агапов В.Л. Официальная пресса Российской империи во время Первой мировой войны (по материалам «Приамурских ведомостей»)	25
Маджун Д.С. Влияние внешних сил на ход восстания в Семиречье в 1916 г.	35
Шигапов С.Р. Советская власть и староверы: развитие взаимоотношений в 1920–1930-е гг. (на материалах Томского уезда)	44
Кринко Е.Ф., Черкасов А.А. «Ледовые рейды» советских диверсантов: действия оперативной инженерной группы И.Г. Старинова в Приазовье в начале 1942 г.	51
Орав В.А. Налоговые льготы и материальное положение колхозников Карельского перешейка в 1940-х гг.	60
Федоров А.Н. И.М. Зальцман и Челябинский обком ВКП(б): взаимоотношения местных партийных и хозяйственных органов в первые послевоенные годы	65
Глушко Н.М., Массель Л.В., Дейнеженко А.Л. Начало подготовки инженеров-математиков в Томском политехническом институте	74

ПРОБЛЕМЫ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

Смолякова Л.Н. П.З. Пилзер об изменениях в медицинском страховании США	82
Терехов О.Э. Традиционализм, культурпессимизм, модерн: к идейным истокам немецкой «консервативной революции» ...	88

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Зайцева О.В., Водясов Е.В. Локализация зимней ставки князя Тояна	94
Головченко Н.Н. «В их руках соединились пряслице и нож», или Некоторые вопросы культовой интерпретации пряслиц населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа	100
Казаков А.А. Изделия полихромного стиля из погребения на р. Ераська	106
Идиатуллово А.К. Синкретичная религиозность кумыков и ногайцев в начале XXI в.	115

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ И ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ

Симонова М.В. К.А. Булавин в отечественной историографии	121
Глинкин В.С. К вопросу об историографии изучения чжуанов в XX в.	129
Данков А.Г. Британская историография второй половины XX в. о «Большой игре» в Центральной Азии	133
Горбунова А.А. Освещение темы экспертизы ценности документов в журнале «Делопроизводство»	139

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Maslyuzhenko D.N. Turkic groups in the Kuchumovichi camping grounds in the South Trans-Urals in the 1600-s	5
Pobezhimov A.I. The population of the Pomor part of the Turchasovsky camp of the Kargopolsky district at the beginning of the XVIII century	11
Bibikov G.N., Baksht D.A. The establishing of gendarmerie supervision on private gold mines in Siberia in 1841–1842	16
Agapov V.L. The official media in Russian Empire during World War I 1914–1918 (based on materials of “Priamurskie vedomosti”)	25
Madzhun D.S. The influence of external forces in the course of the uprising in the Semyrechye in 1916	35
Shigapov S.R. The Soviet Authority and old-believers: the development of relations in 1920–1930s (on materials of Tomsk county)	44
Krinko E.F., Cherkasov A.A. The «Ice raids» of the soviet diversionists: the activity of the I.G. Starinov’ task engineering force in the Azov sea region in early 1942	51
Orav V.A. Tax privileges and welfare position of collective farmer in the Karelian isthmus in 1940s	60
Fedorov A.N. I.M. Zaltsman and Chelyabinsk regional committee of VKP(b): relationship of local party and economic bodies in the early postwar years	65
Glushko N.M., Massel L.V., Deynezhenko A.L. The beginning of engineering-mathematics education in Tomsk Polytechnic Institute	74

PROBLEMS OF WORLD HISTORY

Smolyakova L.N. P.Z. Pilzer on changes in the US health insurance	82
Terekhov O.E. Traditionalism, kulturpessimismus, modern: to ideological sources German «conservative revolution»	88

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY & ANTHROPOLOGY

Zaitceva O.V., Vodyasov E.V. Locating the Winter Stavka of Knyaz Toyan	94
Golowchenko N.N. "In their hands joined spindles and a knife" or some of the questions of interpretation of the cult spindles population Upper Ob Early Iron Age	100
Kazakov A.A. Polychrome style objects from burial site on the Eras’ka river	106
Idiatullovo A.K. Sinkretizm religiosity of Kumyks and Nogais at the beginning of the XXI st century	115

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY AND DOCUMENTARY

Simonova M.V. Cossack leader K.A. Bulavin in Russian historiography	121
Glinkin V.S. To a question of historiography of Zhuang Studies in the XX century	129
Dankov A.G. British historiography (second half of the XX th century) on «The Great Game» in Central Asia	133
Gorbunova A.A. Covering of Records Appraisal Issues in «Deloproizvodstvo» magazine	139

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Балтабаева К.Н. Рецензия : Аблажей Н.Н. Казахский миграционный маятник «Казахстан – Синьцзян». Эмиграция. Репатриация. Интеграция. 2-е изд., испр. Новосибирск, 2015. 255 с.	143
Коккоулин В.Г. Рецензия: Шиловский М.В. Первая мировая война 1914 – 1918 годов и Сибирь / отв. ред. В.П. Зиновьев; Рос. акад. наук, Сиб. отд-е, Институт истории. Новосибирск : Автограф, 2015. 330 с.	146
Красильников С.А. Рецензия: Шевцов В.В. Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX – начало XX века). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 620 с. 500 экз. Серия «Транссибирский научный путь». ISBN 978-5-7511-2394-9. DOI: 10.17223/9785751123949	148
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	151

REVIEWS AND SCIENTIFIC LIFE

Baltabayeva K.N. Review: Ablazhey N.N. The Kazakhs migration pendulum «Kazakhstan – Xinjiang» emigration. Repatriation. Intergration. 2-nd edition, checked. Novosibirsk, 2015. 255 p.	143
Kokoulin V.G. Review: Shilovsky M.V. First World War 1914–1918 years and Siberia / executive editor by V.P. Zinovyev. Academy of science of Russian Federation, Siberian branch, Institute of history. Novosibirsk : Autograp 2015. 330 p.	146
Krasilnikov S.A. Review: Shevtsov V.V. Governmental Periodicals in Siberia (the second half of the 19 th century and beginning of the 20 th century). Tomsk : Tomsk State University Publishing House, 2016. 640 p. «Transsiberian Scientific Way»	148
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	151

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(571.1) "1600-1610"
DOI 10.17223/19988613/41/1

Д.Н. Маслюженко

ТЮРКСКИЕ ГРУППЫ В КОЧЕВЬЯХ КУЧУМОВИЧЕЙ В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ В 1600-е гг.

После гибели Кучума новым сибирским ханом около 1601 г. был провозглашен его старший сын Али. Он и его братья сохраняли власть над частью южных лесостепных и степных территорий Сибирского ханства. В связи с этим в кочевьях Кучумовичей постоянно находились представители отдельных ногайских кланов и тюркских племен Южного Зауралья из числа сынрян, табын и мякотин. После разгрома Али и его брата Азима в 1607 г. представители племен уходят в тюркские волости. Пленение Али привело к возведению на ханский престол Ишима, ориентировавшегося прежде всего на поддержку калмыков, которые к 1610 г. вытеснили с этой территории ногаев. Эти события кардинально изменили как облик кочевий Кучумовичей, так и на некоторое время разорвали традиционные связи этих династий с тюркскими племенами.

Ключевые слова: Сибирское ханство; Кучумовичи; тюрки Южного Зауралья.

После разгрома Кучума на реке Оби в 1598 г. и дальнейшей гибели сибирского хана около 1601 г. в Южном Зауралье начинается затяжная борьба его потомков Кучумовичей с русской властью за восстановление Сибирского ханства. Деятельность Кучумовичей в этом направлении хорошо представлена в исторических исследованиях, итоги которых были подведены В.В. Трепавловым [1]. Несмотря на это, не всегда остается ясным то, на какие силы потомки Кучума опирались в этой борьбе, за исключением хорошо известных связей с калмыками [2. С. 19–31]. Однако, не прояснив этой ситуации, невозможно понять то, насколько они имели шансы в противостоянии с русскими и насколько их претензии были близки местным тюркским племенам и кланам. При этом с 1600 по 1603 г., т.е. в непосредственной связи с гибелью Кучума, в Южном Зауралье и на Исети формируются тюркские волости в составе Русского государства: Салжиутская, Кипчакская, Табынская, Айская, Киньрская, Бачкурская, Терсякская, Катайская, Сынрянская. Они были образованы на основе местных тюркских племен, чьи этнонимы стали основой для волостных названий.

Сам факт формирования этих волостей в указанные годы показывает стремление представителей местных тюркских племен к присоединению к Русскому государству, закрепленное процедурой шертования, упоминающейся в указанных волостях с 1600 г., и получением вотчинных кочевий уже из рук русского царя [3. С. 187]. Волости Южного Зауралья и юга Западной Сибири к началу XVII в. ограничили возможности кочевания Кучумовичей «треугольником» между Тоболом с притоками, Иртышом с Ишимом и казахскими степями. Южная часть Сибирского ханства в Тоболо-Ишимском междуречье, судя по чертежу Сибири 1667 г., созданному по указу воеводы Петра Годунова [4. С. 36, рис. б/н], даже в это время продолжала рассматриваться как территория, частично подвластная Кучумовичам. Удерживать эти земли и претендовать на восстановление Сибирского ханства было возможно

лишь в том случае, если за спиной детей и внуков Кучума стояла военная сила, способная поддержать эти претензии. Она могла происходить как из внешних (калмыки, ногаи), так и внутренних (тюркские племена Южного Зауралья, входившие в состав Сибирского ханства) источников. Сложность фиксации конкретных кланов и племен в их окружении заключается в том, что часто они именуется в источниках обобщенно как «Алеевы люди», «Алеевы татары», «царевичевы татаровя» [3. С. 231, 233].

Сами эти наименования свидетельствуют о кочевании вместе с Кучумовичами определенной группы, организованной по образу традиционного «ордубазара». Судя по результатам походов, вместе с потомками Кучума постоянно находились их жены, дети и иные родственники как из Шибанидов, так и близких кланов. Сам состав кочевой ставки хорошо реконструирован В.В. Трепавловым как состоящий прежде всего из аталыков и абызов. Он также допускает, что при Али б. Кучуме мог быть беклярибек из ногаев Али б. Ураз-Мухаммад [1. С. 132–134]. Ясно, что в условиях потери части территорий, разгрома лидера и отца при ставках уже не было всех тех чиновников, которые реконструируются в целом при дворах Чингизидов позднего Средневековья. Однако некоторые нюансы все же могут быть выявлены. Во время переговоров 1600–1601 гг. в Уфу были присланы ярлыки Али и Азима, а находившийся в Уфе Ишим посылал к братьям «ярлык татарским письмом... за своим знаменем (тамгой? – Д.М.)» [3. С. 195]. Оформление этих документов подразумевало наличие при ставках царевичей писца-битикчи [5. С. 156], а также, возможно, толмача, который мог перевести грамоты, присылаемые русскими администраторами. В том же году в окружении самих Кучумовичей, в частности Азима, упоминается его аталык Козембердей и абыз (духовное лицо, возможно, мулла) Алебай [3. С. 195].

Позднее, уже в 1607 г., от Азима бежал находившийся при нем некий Сеит [Там же. С. 240], хотя

В.В. Трепавлов и отмечает, что «сеиды не замечены... в окружении Кучумовичей» [1. С. 133]. Традиционно на абызов и сеитов возлагались обязанности по отправлению исламских обрядов, а на аталыков – воспитание наследников, но все это в сумме давало значительное влияние в целом на жизнь ставки. Будучи признанными авторитетами они выполняли и дипломатические функции, а также собирали для Кучумовичей ясак и другие налоги. Аталыки вместе с князьями и мурзами входили также и в состав личного ханского военного отряда (известно, в 1598 г. на Оби погибло пять аталыков) [6. С. 3]. Племенная, клановая или территориальная принадлежность этих людей почти никогда не фиксируется в документах, хотя известно, что при Канае посланный в Москву абыз Безелек был из Чатов [3. С. 196]. Чатские татары поддерживали Кучума в 1597–1598 гг. [1. С. 53].

Таким образом, с потомками Кучума кочевали небольшие дворы, вполне выполнявшие функции управления как в рамках ставки хана или султана, так и племенными ополчениями. При этом документы не дают однозначного основания для выявления беклярибека, в частности указанный В.В. Трепавловым Али в начале XVII в. при Кучумовичах не упоминается. С учетом сокращения территории ханства не ясно и то, насколько эта должность могла быть востребована.

Судя по отписке тюменского воеводы князя Луки Щербатова, одними из первых в окружении Кучумовичей оказались жившие в верховьях Исети сынрянцы. В 1600 г. они были при братьях Али, Канае и Азиме как на Ишиме, так и Тоболе, на «Арал Карагае» (скорее всего, приток р. Синташты) [3. С. 183, 195]. Опасность от представителей вышеуказанного племени, видимо, осознавалась русскими властями и до этого. С 1593–1594 г. аманаты от сынрянцев содержались в Тюмени и Тобольске, что позволяло русским опираться на их верность и использовать при строительстве Тары в 1596 г. [7. С. 282, 351].

Несмотря на это, уже в 1600 г. упоминается о потенциальной опасности от сынрянцев и ногаев для бывшего Епанчина юрта, на месте которого началось возведение г. Туринск [Там же. С. 375]. Зимой и ранней весной 1601 г. сынрянцы были при недавно провозглашенном хане Али и его братьях в 5 днях от Тюмени на притоке Тобола Убагане (Абага источников), где хан на пяти боровых озерах держал свой кош. Именно здесь готовился набег на Бачкурскую и Кынскую волости [3. С. 196, 198, 211]. Сынрянцы оставались при Али в тяжелом для него 1603 г., когда лучшие его люди ушли к братьям Азиму и Канаю, которого и хотели называть ханом. Именно сынрянцы выполняли и дипломатические миссии, когда приходили в Салжиутскую волость Уфимского уезда проводить вести про возвращение из Москвы царевича и цариц, взятых в плен [Там же. С. 209]. Оставались они при Али и в 1606 г. при подготовке набега на Айскую и Салжиутскую волости [Там же. С. 226].

Таким образом, сынрянцы фиксируются чаще всего только в окружении хана Али, при этом после 1606 г. упоминаний о них больше нет. Этническая принадлежность этого коллектива вызывает резонные сомнения, поскольку чаще всего в документах их представителей именуют татарами, однако имеются и существенные оговорки «татаровем и сынрянцом» [Там же. С. 198, 210, 242].

С того же 1600 г. при Кучумовичах, вместе с сынрянцами, упоминаются татары из табынцев. В целом их было вместе с женами и детьми около 300, половина из них были мужчины [Там же. С. 183]. При этом очевидно, что табынцы были раньше с Кучумом, поскольку в отписке говорится: «каратабынские волости ясашные же башкирцы были с Кучумом». Одновременно в источнике указывается, что 20 семей от Кучумовых детей отступили и ушли в Каратабынскую волость [Там же. С. 197–198]. Они были в окружении Али и его братьев в 1601, 1603 и 1606 гг., при этом суммарно ногайцев, сынрянцев и табынцев было с «1000-у» человек [Там же. С. 198, 226]. Вскоре после пленения русскими Али в 1608 г. табынцы, видимо, покинули Кучумовичей, уйдя в Каратабынскую волость к родственникам [1. С. 81]. Недаром в 1623 г. их пытался вернуть из Уфимского уезда брат Али Ишим, причем они именовались «старых своих людей табынцев» [3. С. 342]. Фактически последний раз они упоминаются в 1632 г. вместе с калмыками в окружении сына Ишима Аблая. Хотя их позиция уже была двойственной, в частности они спасли от грабежа пленных тюменских татар и приказали им предупредить тюменского воеводу о грядущем нападении калмыков [Там же. С. 463]. Длительная поддержка табынцев Кучумовичам объясняется как «русскими обидами» (например, в 1596 г. полон в Каратабынской волости взяли «Тюменского города люди») [Там же. С. 185–186], так и длительностью связей с тюменскими и сибирскими ханами. Представители некоторых предполагаемых табынских родов (уйшуны, тюмени) фиксируются в окружении еще первого тюменского хана Абу-л-Хайра с 1430 г. [8. С. 237–239; 9. С. 16–17]. В составе отрядов Кучумовичей табынцы именуются татарами, хотя проживавшие в это же время в соответствующей волости чаще относятся к башкирам [3. С. 183, 187]. В целом это противоречит сложившейся традиции именовать сынрянцев и табынцев только башкирами [Там же. С. 656; 10. С. 211, 234–282]. Разночтения в источниках объяснимы, если считать, что под татарами, очевидно, в это время понимали не только этническую, но и словную группу [11. С. 127–131].

Также в 1601 г. вместе с сынрянцами в окружении Али указываются и мякотинцы, которых совместно было «человек до 300 и больше» [3. С. 196]. Причем в 1607 г. один из их лидеров Евлубай Бекотин был тестем царевича Чувака б. Кучума. Евлубай кочевал вместе с Азимом, хотя их отношения, видимо, не сложились, поскольку он увел свою и еще 11 татарских семей на

Убаган (Обага река), где их пограбил дядька царевича Алтаная Боишан с калмыками. В результате Евлубай пришел в Тюмень на «государево имя» [Там же. С. 239–240].

После 1606 г. представители тюркских племен при Али и его братьях практически не упоминаются. При этом в источниках встречается указание на «Алеевых татар» в 1607 г., под которыми, видимо, понимали сынрянцев и табынцев. После разгрома в мае 1607 г. ставки Азима, а в июле того же года кочевий Али, пленения их родственников и ухода Али «в Ногаи» представители западносибирских тюркских племен при Кучумовичах фактически отсутствовали [З. С. 231, 234; 12. С. 132]. При этом комментаторы Г.Ф. Миллера предположили, что табынцы и сынрянцы вновь ушли в степи к Кучумовичам в 1615 г. [З. С. 638], хотя и ссылаются при этом на упомянутый Б.О. Долгих случай измены служилых ясачных татар Терсякской волости в этом же году [З. С. 284; 13. С. 44]. Возвращение табынцев произошло, как это указано, позднее. Ясно, что отдельные представители этих племен могли оставаться в окружении Кучумовичей, но они, скорее всего, уже не представляли сколько-нибудь организованной силы, не воспринимались или не идентифицировались как представители рода или клана. В целом весной 1607 г. от Али и его братьев начинается отток татар в Тюменский уезд [З. С. 230, 239]. Скорее всего, большинство из них расселялось среди родственных групп соответствующих волостей, т.е. Кара-Табынской и Сынрянской, за исключением бикатинцев. Только с этим племенем не связано отдельной волости, а их представители в дальнейшем считались частью айлинцев, что подтверждается и шежере [10. С. 194]. При этом предком Бикатун был Иштяк. Этот этноним был собирательным образом для многочисленных местных западносибирских групп тюркизированных угров [14. С. 71].

Отдельным вопросом является наличие на юге Западной Сибири отрядов ногаев. Это могли быть подразделения не только из окружения Кучумовичей, но и представляющие независимых мурз. Территория Южного Зауралья была в составе ногайских кочевий с 1530-х гг., когда она входила во владения ногайского бия Шейх-Мамай, внука тюменского хана Ибрахима по женской линии [15. С. 164, 181]. Тесные политические и родственные связи между мангытской аристократией и местными Шибанидами на протяжении XV–XVI вв., а также сам характер государственности у кочевников, по всей видимости, делали абсолютно прозрачной и номинальной границу между Ногайской Ордой и Тюменским или Сибирским ханством. Ногаи свободно кочевали вплоть до Исети. Особенно тесные связи с ногаями, в том числе и брачные, были у хана Кучума, в окружении которого до 1598 г. были представители разных ногайских родов (Али б. Ураз-Мухаммад, Чин из потомков бия Юсуфа, а также потомки бия Исмаила) [1. С. 41–43]. Еще в 1595 г. в грамоте царя Федора Ива-

новича в Тару воеводе Федору Елецкому указывалось, что за ногайским мурзой Али б. Ураз-Мухаммадом были 7 волостей по Иртышу [7. С. 362]. В конце жизни Кучум поссорился со своими родственниками Алтыулами, в частности Аулией б. Аком б. Шейх-Мамаем [1. С. 45]. Многие зауральские племена также были связаны с ногаями, в том числе платили им ясак. Это положение подтверждается тем, что в 1623 г. калмыки требовали ясак у татар из катайцев и сынрянцев, указывая на то, что до этого они платили его ногаям [З. С. 342]. Известно, что в еще 1600 г. ногаи приезжали в деревни Салжиутской волости [Там же. С. 184]. Судя по последующим документам, ясак с зауральских волостей Уфимского уезда и Китайской волости Тюменского уезда собирал мурза Канай б. Динбай б. Исмаил [Там же. С. 194]. По мнению В.В. Трепавлова, он был сторонником русской партии, занимал пост наместника Башкирии [16. С. 366]. С 1600 г. участвовал в третьей смуте в Ногайской орде вместе с другими Тинбаевыми на стороне Урусовых и Алтыулов [Там же. С. 386]. Судя по дальнейшим событиям, именно для представителей этих трех кланов юг Западной Сибири на некоторое время станет местом накопления сил.

Летом 1601 г. в Тюмень пришла информация о том, что по осени («как хлеб поспеет») на Исеть в Пускурскую (Бачкурскую) волость хотели прийти до семи тысяч ногайцев во главе с детьми Уруса б. Исмаила мурзами Ян Расланом и Алта Улышаимом [З. С. 198]. Еще в 1578 г. старший сын ногайского нурадина Уруса Ханмирза был в конфликте с Кучумом и пытался даже получить поддержку у Ивана IV [17. С. 268–269]. Впрочем, это не помешало Кучуму и его сыну Канаю жениться на дочерях бия Уруса, а его сын Джан-Арслан, видимо, был женат на дочери Кучума [1. С. 43; 16. С. 375; 18. С. 84]. Генеалогия Урусовых позволяет идентифицировать этих мурз именно как Джан-Арслана (одного из лидеров Урусовых в эти годы) и Балта-Барака. Хотя В.В. Трепавлов в одной из работ предположил, что вторым мог быть Шаим из Шихмаевичей, с этим трудно согласиться в силу наименования «Урусовы дети» [16. С. 388, 657]. Они вместе с «Казакские орды люди» в 1601 г. подошли к Исети и хотели использовать кочевья между Исетью и Миассом для того, чтобы оставить здесь жен, детей и «кошевных людей». Кочевья должны были стать тылом в дальнейшей войне с «Казыевым улусом, с Урмаметевыми детьми» [З. С. 198].

Под «Казыевым улусом» принято понимать потомков Урака б. Алчагира, кочевавших в Малой Ногайской орде на Крымской стороне Волги и пользовавшихся поддержкой крымских ханов. Около 1590 г. казыевцы убили Уруса, что могло стать причиной для кровной мести, а еще в середине 1590-х гг. Урусовы привлекались астраханскими воеводами для отражения казыевцев [19. С. 46–56]. Однако к 1601 г. эти ногайские кланы были разделены значительным расстоянием. Урусовы, видимо, получили поддержку казахов, с которыми

ми к этому времени у ногаев прекратились столкновения из-за появления общего противника ойратов-калмыков, и вынуждены были отступить в Сибирь под угрозой русских войск. Однако вторая часть документа более точно указывает, что противником для Урусовых были Урмаметевы, т.е. большой клан братьев и сыновей прорусски настроенного ногайского бия Ураз-Мухаммада, зятя Кучума. Несмотря на длительный союз этих кланов против казыевцев, в 1598 г. Ураз-Мухаммад был убит в ходе столкновения с Джан-Арсланом. Вражда между этими кланами продолжалась вплоть до 1604 г. [16. С. 387–392].

В отписке указывается, что Урусовы хотели заключить договор с ханом Али и бывшими при нем табынцами и сынрянцами для совместного нападения на Пускурскую и Киньрскую волости [3. С. 198]. Однако во время набега на Астрахань в том же 1601 г. Джан-Арслан попал в плен и был увезен в Москву. Хотя о дальнейшем пребывании этого ногайского клана в Сибири информации нет, в отписке от мая 1606 г. тюменского воеводы Матвея Годунова встречается информация о некоем князе «Барак» брат» из кочевий хана Али. Князь жаловался на то, что хан Али со своими людьми, в том числе ногаи, больше к нему не прислушиваются, поскольку его братья Барак и Карлам Апас Азя (возможно, Каплан Урусов) умерли в Тобольске и Тюмени соответственно [Там же. С. 226].

Вопросы о том, кто этот брат и как ногаи оказались в русских городах, в источниках не раскрывается. Лишь отписка тюменского головы Алексея Безобразова от 28 мая 1605 г. позволяет предположить, что Барак ушел в Тюмень вместе с сыном Али Арасланом [Там же. С. 223], взятым в плен еще в 1598 г. и потом отпущенным к отцу в Сибирь. В 1604 г. лидер Урусовых Джан-Арслан заключил шерть со своим давним противником бием Иштереком, братом Ураз-Мухаммада. Возможно, в условиях Смутного времени его братья были аманатами, призванными сдерживать активность своего лидера, который в 1606 г. даже хотел встать на сторону Лжедмитрия II [16. С. 393].

Родственные Кучумовичам Алтыулы впервые упоминаются в военных действиях в Сибири позднее. В 1603 г. на Обуге (Убагане) недалеко от хана Али зимовали 300 ногаев во главе с мурзой Урусом Алтыулова улуса, один из потомков Шейх-Мама, с которыми у Кучума и Кучумовичей были традиционные союзнические отношения. Весной он подкочевывал к Ую, недалеко от его впадения в Тобол, где вскоре были ограблены «Кильдемановы дети» из Терсятской волости [3. С. 210]. Тогда же была предпринята попытка организации совместного похода Али и Уруса с 1 100 татарами на Тюмень, оставшаяся безуспешной в связи с ожиданием возвращения из Московии царевича Кансувара и царя [Там же. С. 211–212]. Несмотря на это, опреде-

ленная часть ногаев (видимо, и Урусовых, и Алтыуловых) была при Али и в 1606 г. [Там же. С. 226]. В 1607 г. ногаи во главе с Пен-мурзой, клановую принадлежность которого определить не удастся, единственный раз упоминаются в окружении Каная [Там же. С. 231]. В августе 1607 г. кочевье Али на Ишиме было разгромлено тюменцами, родственники Али и Азима попали в плен [Там же. С. 234]. После этого Али ушел к ногаям, скрывался у Урмаметевых, а затем попал в русский плен [1. С. 76]. В августе 1608 г. мирза Урус, кочевавший ранее с Алеем, еще пограбил два юрта татарских служилых людей на Пышме, но был затем разбит за Исетью служилыми людьми того же атамана Дружины Юрьева, что ранее разбил Азима [3. С. 243]. Несмотря на это, в сентябре 1610 г. ногаи вновь пограбили Салжиутскую волость, а затем по Миассу ушли в сторону Тюмени [Там же. С. 256]. По всей видимости, это был последний поход ногаев на юге русских земель в Западной Сибири.

Таким образом, в составе отрядов Кучумовичей из тюркских племен Южного Зауралья упоминаются только сынрянцы, табынцы и мякотинцы. При этом они упоминаются в документах только до 1606–1607 г., в основном при хане Али и его брате Азиме. После их поражений в 1607 г. начался уход представителей этих племен в Тюменский и Уфимский уезды. Одновременно с этим в том же году Азим, Ишим и Кансувар впервые вели военные действия вместе с более многочисленными калмыками [Там же. С. 231], искавшими земли под новые кочевья.

С 1600 г. Урусовы, Алтыулы и Тинбаевы в условиях «заворошни» в Ногайской Орде также действовали, в том числе совместно с Кучумовичами, в Южном Зауралье, где имели традиционные интересы. Однако к 1610 г. ногаи были вытеснены калмыками из Восточного Дешта, что привело к их исчезновению и с исследуемой территории. В новых условиях представители тюркских племен Южного Зауралья, видимо, оказались более заинтересованы в укреплении связей с Московским государством. В этом проявлялись и последствия смены политики нового сибирского хана Ишима, который в большей степени ориентировался на связи с ойратами. Это представляло угрозу как для русской власти, так и ногаев и пограничных тюркских групп Южного Зауралья. Лишь с 1623 г. (возвращение табынцев) и особенно с началом восстания в Таре в 1629 г. при Кучумовичах вновь оказалось много местных татар и бухарцев.

Такая хронология совпадает и с позицией Ю.С. Худякова о восстаниях татар в Западной Сибири в конце 1620-х – начале 1630-х гг. [20. С. 48–52], однако причины, как и сама ситуация этого времени, будут уже абсолютно иными, чем в первое десятилетие XVII в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. 231 с.
2. Пузанов В.Д. Военно-административная система России в Южном Зауралье (конец XVI – начало XIX в.) // История Курганской области. Курган, 2002. Т. 7. С. 7–200.
3. Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2000. Т. II. 796 с.
4. Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. М.; Л., 1960. Вып. 1. XVII век. 280 с.
5. Абзалов Л.Ф. Ордынская канцелярия. Казань, 2013. 333 с.
6. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 2. 1598–1613. 438 с.
7. Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2005. Т. I. 630 с.
8. Мустакимов И.А. Сведения «Таварих-и-гузида – Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов // Тюркологический сборник. 2009–2010. Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М., 2011. С. 228–248.
9. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / сост. С.К. Ибрагимов и др. Алма-Ата, 1969. 652 с.
10. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. Уфа, 2010. 560 с.
11. Самигулов Г.Х. Тюрки Южного Зауралья в конце XVI – первой половине XVIII века: консолидация / разделение – к постановке вопроса // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы междунар. науч. конф. Курган, 2011. С. 127–131.
12. Усманов Н.А. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1960. 196 с.
13. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. 623 с.
14. Исаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань, 2006. 196 с.
15. Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1998. 420 с.
16. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2002. 752 с.
17. Продолжение древней российской вивлиофики. СПб., 1801. Ч. XI. 315 с.
18. Беляков А.В. Новый документ о ранней истории г. Самары // Известия Саратовского университета. Сер. История. Международные отношения. 2014. Т. 14, вып. 1. С. 82–85.
19. Трепавлов В.В. Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды. Казань, 2011. 252 с.
20. Худяков Ю.С. Восстания татарских этнических групп в Западной Сибири в конце 1620-х – начале 1630-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22, № 1. С. 48–52.

Maslyuzhenko Denis N. Kurgan State University (Kurgan, Russia). E-mail: denmas13@yandex.ru

TURKIC GROUPS IN THE KUCHUMOVICHI CAMPING GROUNDS IN THE SOUTH TRANS-URALS IN THE 1600-s.

Keywords: Siberian khanate; Kuchumovichi; Turks of South Trans-Urals.

After Kuchum's death his eldest son, Ali, was appointed as the new Siberian Khan in approximately 1601. Under such conditions Turkic yasak volosts start to develop in the South South Trans-Urals the population of which becomes a part of Moskovia on the ground of shert in 1600–1603. Despite this process Ali and his brothers preserved the power over a part of the Southern forest-steppe and steppe territory of the Siberian Khanate. They kept a traditional nomadic lifestyle in that territory together with their courts which included atalyks, abyzes, princes, Mirzas, and possibly scribes and interpreters. Also present were representatives of Turkic tribes of South Trans-Urals, such as synryans, tabyns and myakotins who formed parts of militia troops. Nogai clans of Urusovy and Altyulovy (Shikhmamevichi) also stood in that territory. Urusovy leaders could act as beklyaribeks. All these Turks supported Kuchumovichi in their struggle with the Russian power. Khan Ali and his brother Azim together with those Turks harassed the volosts of Tyumen and Ufa counties from 1601 to 1607. Kuchumovichi territories were used by Urusovy to accumulate forces for steppe wars, for example, against other Nogai clans amid disarray in the Horde. In 1601 their leader Djan Arslan was taken captive and his brothers occurred to be hostages in Tyumen and Tobolsk. After Ali's and his brother Azim's overthrow in 1607 local Turkic tribes went to the yasak volosts in the Southern Trans-Urals and Priisietie. Soon after Ali was taken captive, Ishim who had the Kalmyks' backing became the Khan. By 1610, the Kalmyks forced Nogai out from the South Trans-Urals under the command of Altyuly. The latter in the considered years acted separately from the local dynasts and collected yasak from the Southern Trans-Urals volosts. These facts turned the situation around, changed the Kuchumovichi camping ground image and severed their ties with Turkic tribes. The Kalmyks (Oirats) constituted a danger not only for the Russian power but also for the Turkic tribes from the South Trans-Urals. They happened to be on the very border with the Russian state and often became at risk of raids which encouraged their loyalty towards Russian voivodes. Only in the 1620-s the coalition of several tribes and Kuchum's descendants would regain but the reasons and the situation of that time period would be absolutely different from the first decade of the XVII century.

REFERENCES

1. Trepavlov, V.V. (2012) *Sibirskiy yurt posle Ermaka: Kuchum i Kuchumovichi v bor'be za revansh* [Siberian tents after Ermak: Kuchum and Kuchumovichi in the struggle for a rematch]. Moscow: Vostochnaya literatura.
2. Puzanov, V.D. (2002) *Voенно-administrativnaya sistema Rossii v Yuzhnom Zaural'e (konets XVI – nachalo XIX vv.)* [Russian military and administrative system in the Southern Trans-Urals (the late 16th – early 19th centuries)]. In: *Istoriya Kurganskoy oblasti* [The history of Kurgan Region]. Vol. 7. Kurgan: [s.n.]. pp. 7-200.
3. Miller, G.F. (2000) *Istoriya Sibiri* [The History of Siberia]. 2nd ed. Vol. 2. Moscow: Vostochnaya literatura.
4. Andreev, A.I. (1960) *Oчерki po istochnikovedeniyu Sibiri* [Essays on the source studies of Siberia]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences.
5. Abzalov, L.F. (2013) *Ordynskaya kantselyariya* [The Horde Office]. Kazan: Tatar Book Publ.
6. Russian Archeographical Commission. (1841) *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoy komissiiy* [Historical Acts collected and published by the Archeographical Commission]. Vol. 2. St. Petersburg: [s.n.].
7. Miller, G.F. (2005) *Istoriya Sibiri* [The History of Siberia]. Vol. 1. Moscow: Vostochnaya literatura.
8. Mustakimov, I.A. (2011) *Svedeniya "Tavarikh-i guzida – Nusrat-name" o vladenyakh nekotorykh dzhuchidov* [The data from "Tavarikh-i guzida – Nusrat-name on some possessions" about possessions of some Juchids]. In: Klyashtornyy, S., Sultanov, T. & Trepavlov, V. (eds) *Tyurkologicheskiy sbornik. 2009–2010. Tyurkskie narody Evrazii v drevnosti i srednevekov'e* [Turkological Collection. 2009–2010. Eurasian Turkic peoples in Old Times and Middle Ages]. Moscow: Vostochnaya literatura. pp. 228-248.
9. Ibragimov, S.K. et al. (1969) *Materialy po istorii Kazakhskikh khanstv XV–XVIII vekov (izvlecheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochineniy)* [Materials on the history of the Kazakh Khanate of the 15th – 18th centuries (extracted from Persian and Turkic writings)]. Alma-Ata: Nauka.

10. Kuzeev, R.G. (2010) *Proiskhozhdenie bashkirskogo naroda. Etnicheskiy sostav, istoriya rasseleniya* [The origin of the Bashkir people. Ethnic composition, history of settlement]. Ufa: DizaynPoligraf-Servis.
11. Samigulov, G.Kh. (2011) [South Ural Turks in the late 16th – early 18th centuries: Consolidation / division – to the formulation of the problem]. *Istoriya, ekonomika i kul'tura srednekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri* [History, economy and culture of medieval Turko-Tatar states of Western Siberia]. Proc. of the International Research Conference. Kurgan. pp. 127-131. (In Russian).
12. Usmanov, N.A. (1960) *Prisoedinenie Bashkirii k Russkomu gosudarstvu* [Bashkiria Joining the Russian state]. Ufa: Bashkir Book Publ.
13. Dolgikh, B.O. (1960) *Rodovoy i plemennoy sostav narodov Sibiri v XVII v.* [The tribal structure of the peoples of Siberia in the 17th century]. Moscow: USSR Academy of Sciences.
14. Iskhakov, D.M. (2006) *Vvedenie v istoriyu Sibirskogo khanstva. Ocherki.* [Introduction to the history of the Siberian Khanate. Essays]. Kazan: Institute of History, Republic of Tatarstan.
15. Herberstein, S. (1998) *Zapiski o Moskovii* [Notes on Muscovy]. Moscow: Moscow State University.
16. Trepavlov, V.V. (2002) *Istoriya Nogayskoy Ordy* [History of the Nogai Horde]. Moscow: Vostochnaya literatura.
17. Russian Academy of Sciences. (1801) *Prodolzhenie drevney rossiyskoy vivliofiki* [Continuation of the ancient Russian vivliofika]. St. Petersburg: [s.n.].
18. Belyakov, A.V. (2014) A new document about the protohistory of the city of Samara. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya – Izvestiya of Saratov University. New series. Series History. International Relations.* 14(1). pp. 82-85. (In Russian).
19. Trepavlov, V.V. (2011) *Tyurkskie narody srednekovoy Evrazii. Izbrannye trudy* [Medieval Turkic peoples of Eurasia. Selected works]. Kazan: Foliant.
20. Khudyakov, Yu.S. (2015) Revolts of the Tatar ethnic groups in Western Siberia in the late 1620s – early 1630s. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanities in Siberia.* 22(1). pp. 48-52. (In Russian).

А.И. Побежимов

НАСЕЛЕНИЕ ПОМОРСКОЙ ЧАСТИ ТУРЧАСОВСКОГО СТАНА КАРГОПОЛЬСКОГО УЕЗДА В НАЧАЛЕ XVIII в.

Территория поморской части Турчасовского стана Каргопольского уезда (Онежское Поморье) к началу XVIII в. располагалась по берегам Онежской губы, на юго-западе – Поморском, от р. Куша до Онеги и на северо-востоке – Онежском берегах, от мыса Ухт-Наволоч на севере до Онеги. Исследуются занятия, социальная структура, численность, населённость дворов, брачные связи, определяется уровень миграций населения, их причины и направления. Автор приходит к выводу, что к этому времени социально-экономическое положение населения ухудшилось, что привело к увеличению малоимущих слоёв, росту миграций и значительному сокращению населения Онежского Поморья.

Ключевые слова: уезд; стан; волость; вотчина; бобыли; подсоседники; подворники; миграции.

Вопросы истории населения поморской части Турчасовского стана Каргопольского уезда неоднократно затрагивались в отечественной историографии (А.А. Савич, Ю.С. Васильев, Т.А. Бернштам, В.И. Иванов) [1. С. 1–280; 2. С. 39–46; 3. С. 476; 4. С. 1–608]. В этой связи стоит выделить труд Т.А. Бернштам «Поморы», посвящённый изучению этногенеза поморов. В работе автор прослеживает процесс формирования населения берегов Поморья на протяжении всей его истории. Тем не менее в столь масштабном по своему территориальному и хронологическому охвату исследовании различные области Поморья освещены не в одинаковой степени. Территориально таковой является поморская часть Турчасовского стана Каргопольского уезда (Онежское Поморье), в хронологическом – начало XVIII в. В статье изучаются вопросы, связанные с историей населения Онежского Поморья: занятия, социальная структура, численность, населённость дворов, причины и направления миграций, брачные связи, прошлое население. Исследование построено на работе с неопубликованной переписной книгой Каргопольского уезда 1712 г., хранящейся в Российском государственном архиве древних актов [5. Л. 1–882].

К началу XVIII в. вся поморская территория Турчасовского стана Каргопольского уезда входила в состав вотчин монастырей: Соловецкого, Кожеозерского, Кирило-Белозерского и Крестного [Там же. Л. 467–716].

Традиционными для поморского населения были солеварение и рыбный промысел. Соляной промысел в значительной степени принадлежал монастырям (Соловецкому, Кожеозерскому и Кирило-Белозерскому), тем не менее встречаются случаи владения варницами крестьянами. В Кушереевской волости вотчины Соловецкого монастыря отмечены «крестьянских жилых четыре варницы», в Пурнемской волости вотчины Соловецкого монастыря – «одна крестьянская», в Нижнеозерской волости вотчины Соловецкого монастыря – «три варницы соляные крестьянские» [Там же. Л. 488–495, 521–532]. В Золотицкой волости вотчины Кирилова монастыря «сальный

промысел» отдавался крестьянам монастыря «в оброк погодно» [Там же. Л. 467–471].

Рыбный промысел вёлся на реках и море. Рыбу ловили с помощью забора, или «запора». Забор – устройство для ловли сёмги, которым перегораживалась вся река, в виде ломаной линии [6. С. 46]. В переписной книге Каргопольского уезда 1712 г. говорится о запорах в Кушереевской волости «на реке», в Лямецкой волости вотчины Соловецкого монастыря запоры на кумжу стояли «на Лямце реке, на Палове речке, запор в Котов речке, в Выго речке». За право ловить рыбу крестьяне Лямецкой волости, вероятно, платили натуральный оброк, «ловили на монастырь». В Пурнемской волости отмечено два запора на кумжу, принадлежавшие Соловецкому монастырю, «один на реке Пурнеме, другой на реке на Вейге», «на монастырь оброку не положено». В Золотицкой и Пушлахтской волостях запоры «для сёмужного лова» были «на Золотицкой речке», кумжовый промысел вёлся на «реке Шидрове». Сёмужьи тони (места рыбного промысла) отдавались Кириловым монастырём крестьянам «в оброк погодно» [5. Л. 467–471, 476–482, 483–487, 488–497, 521–532].

Морской рыбный промысел у местного населения имел два направления: в водах Онежской губы и «мурманский рыбный промысел», центром которых был Кольский острог. Судя по всему, «мурманский рыбный промысел» у жителей поморской части не пользовался такой же популярностью, как у населения континентальной части Турчасовского стана [7. С. 444–455]. В переписной книге Каргопольского уезда 1712 г. упоминается всего семь случаев «отлучки в Кольский острог за рыбным промыслом». Чаще можно встретить сведения такого характера: «потонул на море» [5. Л. 467–471, 476–482, 483–487, 488–497, 521–532]. В Онежской губе, у Золотицкого берега существовали и свои «рыбные промыслы на Жигжине острову», принадлежавшие Кирилову монастырю, и многочисленные тони «на море ж окияне», что также отдавались «в оброки погодно» населению Золотицы и Пушлахты [Там же. Л. 476–482].

В переписной книге Каргопольского уезда 1712 г. отсутствуют сведения о занятиях населением земледелием

и скотоводством. «Конюшенные» и «скотские» дворы упоминаются вместе с монастырскими дворами, только в двух случаях говорится о «пашенных крестьянах» в Лямецкой волости [5. Л. 476–482]. Обратимся к более ранним источникам. Документы середины XVI в. свидетельствуют о том, что население Онежского берега занималось и земледелием, и скотоводством. Даже в самой северной из волостей Турчасовского стана – Золотицкой на Никольском погосте – было 2 двора «пашенных» [8. С. 476]. Судя по количеству названий сенокосных мест в документах середины XVI в., важное место здесь также занимало скотоводство. Перечисляются сенокосные угодья: «на морском берегу», «на реке на Золотице», «на Угольном ручью», в Сатаницах на сечищах» [Там же. С. 476–477]. Всего 18 дворов косили 157 копен сена, в среднем приходилось около 9 копен на двор. Были дворы, которые заготавливали по 50 копен сена [8. С. 476–477; 9. С. 301–307]. В Таймице из 37 дворов только 4 были «непашенных» [8. С. 475], в Лямецкой волости – из 20 дворов было 2 «непашенных» [Там же. С. 449], в Пурнемской волости «непашенных дворов» не было [Там же. С. 447–448]. И всё же говорить о развитости земледелия на Онежском берегу было бы неверно. Ни одна из поморских волостей Турчасовского стана не платила государству «посопный хлеб» (натуральный или денежный сбор) [10. С. 278–288]. Обложению «посопным хлебом» подлежали только те волости, в которых предполагался излишек зерна и от его количества зависел размер налога [11. С. 28–29].

При численности в 668 человек обоёго пола социальная структура населения в волостях поморской части Турчасовского стана была довольно сложной. Население состояло из монастырских крестьян (бывших черносошных), духовенства, монастырских служащих (старцы, монахи, работники), бобылей, подсоседников, подворников. Духовенства (поп, дьякон, пономарь с их семьями) насчитывался 101 человек, монастырских служащих – 31, бобылей – 16, подсоседников – 29, подворников – 17 [5. Л. 467–718]. К этому стоит добавить, что только в одном случае, в Нижмозерской волости, упоминается казак (название наёмного работника, широко распространённое в середине XVI – середине XVII в.): «у них же полетно наёмный казак Кожеозерского монастыря вотчины Кяндской волости Мирон Софронов двадцати лет» [Там же. Л. 488–495].

Самой многочисленной группой после крестьян было духовенство и монастырские служащие. В совокупности они составляли около 20%, бобыли – 2%, подсоседники и подворники – 6%. Численно духовенство распределялось по волостям относительно равномерно. Монастырские служащие присутствовали в вотчинах Соловецкого, Кожеозерского и Кирилова монастырей, в вотчинах Крестного монастыря они были только в Таймицкой волости [Там же. Л. 467–718].

Бобыли и подсоседники были наиболее значительными группами после крестьян в вотчинах Кожеозерского монастыря Малошуйской и Кяндской волостей.

От общего числа дворов и изб в Малошуйской волости дворы бобылей составляли 20%. Бобыли иногда назывались «промышленниками» [Там же. Л. 467–471], тем самым подчёркивалось, что они в основном занимались промыслами. Историк П. Иванов характеризовал бобылей как просто рабочих, имеющих случайные заработки, нанимавшиеся работать на церковь, монастырь или к крестьянам. Летом они работали на промыслах, пастухами, зимой – жили кто как мог [11. С. 69]. Их дворы были менее населёнными, чем крестьянские. В среднем на крестьянский двор в Малошуйской волости приходилось 7–8 человек обоёго пола, на бобыльский – 2–3. В бобыльских дворах жил либо один бобыль, либо бобыль с женой и детьми. В переписной книге Каргопольского уезда 1712 г. приводится случай и более сложной бобыльской семьи: «...двор бобыля Елизара Григорьева семидесяти двух лет, у него жена Анна шестидесяти девяти лет, дети сын Елисей тридцати девяти лет, у него жена Евдокия тридцати двух лет, сноха Екатерина сына его Семёна жена двадцати трёх, у неё сын Кирилл трёх лет» [5. Л. 521–532]. Он был единственным жилым среди бобыльских дворов Малошуйской волости. Безусловно, крестьянская семья была не только крупнее, но и, главное, состоятельнее. Доказательством этого служит жизнестойкость крестьянских дворов. К началу XVIII в. крестьянские дворы в Малошуйской волости пустели, но не все, бобыльские дворы были «в пусте» все, за исключением одного двора. Бобыли редко встречались в вотчинах Соловецкого и Крестного монастырей. Вероятно, как класс к началу XVIII в. бобыли постепенно стали исчезать. Для сравнения, в середине XVII в. в Кяндской волости насчитывалось 37 крестьянских и 6 бобыльских дворов, к началу XVIII в. – 40 крестьянских и ни одного двора бобыльского [Там же. Л. 496–521; 12. Приложение].

Подсоседником считался крестьянин, принятый в чужой двор на жительство [13. С. 1–166]. Рекордное количество подсоседников переписи фиксируют в Кяндской волости. Здесь из 46 дворов в 18 жили «в подсоседстве». При этом подсоседники, как правило, имели свои дворы и приходились родственниками хозяину двора. Двор крестьянина Якова и Павла Симоновы дети, а «в переписных 1707 и 1710 годах он Яков с женой и детьми в том дворе не написан, а написан в 1707 и 1710 годах в подсоседстве у брата своего Павла» [5. Л. 496–520].

Подворниками называли работников, живущих на чужом дворе и оплачивающих своё подворье работой на хозяина, в некоторых случаях получающих за свой труд оплату. Среди них были люди, утратившие способность к труду или потерявшие хозяйственную самостоятельность [11. С. 68]. По количеству подворий отличались волости Золотицкая и Пушлахтская. Здесь каждый второй двор имел подворье, населённое одной или несколькими семьями. В этих волостях численность двора доходила до 20–26 человек [9. С. 301–307]. Из других волостей поморской части Турчасовского стана единственное

подворье упоминается только в Варзогорской волости вотчины Крестного монастыря: «на подворье вдова нищая Улита Евсиева жена семидесяти лет» [5. Л. 711–717].

Вероятно, количество бобылей, подсоседников и подворников являлось показателем имущественного положения населения и состояния хозяйства волости. В случае с Кяндской и Малошуйской волостями в документах приводятся данные, свидетельствующие о полном запустении монастырского хозяйства, закрытии соляных и рыбных промыслов, что не могло не отразиться на жизни местного крестьянства [Там же. Л. 496–532]. В Золотицкой и Пушлахтской волостях сложилась иная ситуация. Созданная монастырём экономическая ситуация (максимальная концентрация всех хозяйственных угодий у Кирилова монастыря) постепенно привела к значительному обнищанию населения и возникновению такой категории населения, как подворники, по словам П. Иванова, мало чем отличающиеся от «нищих» [Там же. Л. 467–476; 11. С. 69]. Вероятно, состояние «подсоседства» и «подворничества» для многих семей являлось переходным для последующей миграции в другие уезды.

Основным направлением миграций населения был Холмогорский уезд (212 человек), далее Архангельск (22 человека), Двинской (12 человек), Олонецкий (13 человек) и Важский уезды (12 человек), а также Сибирь (12 человек). Число мигрантов составило 283 человека, более чем 40% от живущего населения поморских волостей (668 человек). Лидировали Кяндская, Малошуйская и Золотицкая волости. Из Кяндской волости ушли 48 человек в Холмогорский уезд, более половины населения всей волости (85 человек), из Малошуйской – 45 человек (138 человек). Из Золотицкой волости мигрировали 37 человек (45 человек), самый высокий показатель миграции населения наблюдался в волостях Онежского Поморья. Если прибавить к этому 228 человек, сошедших «от хлебной скудности скитаться в мир безвестно» или «неведомо куда», получится цифра, близкая к количеству живущего в то время в волостях поморской части Турчасовского стана населения. Можно сказать, что только благодаря миграциям земли Онежского Поморья к началу XVIII в. опустели наполовину [5. Л. 467–717]. Правда, встречаются и единичные случаи возврата ушедших «в мир скитаться». В Таймицкой волости двор крестьянина Гаврилы Фомина с женой, детьми и братом двоюродным Яковом Кондратьевым с семьёй, а в переписных 1707 г. двоюродный брат с женой и детьми «не написаны для того, что ходили в мир для прокормления» [Там же. Л. 710–718].

В переписной книге Каргопольского уезда 1712 г. довольно расплывчато объясняются причины ухода: «сошли от хлебной скудности в Холмогорский уезд», «был в отлучке для своего прокормления в Холмогорском уезде» [Там же. Л. 496–520]. В большинстве случаев не конкретизируется, куда уходили переселенцы: «сошли в Холмогорский уезд, а где ныне живут того не известно» [Там же. Л. 471–482].

По отрывочным сообщениям всё же удалось определить географию тех мест, где оседали мигранты: «Сава сшёл от хлебной скудности и живёт в Холмогорском уезде в Ненокской волости», «Аникей Иванов сшёл в 1711 году и живёт в Холмогорском уезде в Варзугской волости», «Майя с сыном Василием от хлебной скудности сошли в Холмогорский уезд в том же году и Василей потонул на Двине реке», «Потап вдов с сыном Дмитрием и снохой Улитой сошли от хлебной скудности в Холмогорский уезд в 1709 году на реку Двину», «она вдова с обеими дочерьми от хлебной скудности сошла в Двинской уезд в Лопшеньгскую волость», «он с матерью вдовой Любовью от хлебной скудности сошли в Двинской уезд в нынешнем 1712 году», «а внук его Никита сшёл от хлебной скудности в Архангельский Город», «Василей с женой Ириной и дочерью Акилиной и с племянником Макаром были в 1707 году в бегах, а в 1710 году в Важский уезд от хлебной скудности», «Ульян с женой и сыном Панфилом и шурином Семёном и свояченицей сошли в 1709 году от хлебной скудности в Олонецкий уезд», «он с женой Устиной от хлебной скудности в Каргопольский уезд», «Иван живёт в Соловецком монастыре вотчины Колежемской волости в Олонецком уезде», «Спиридон сошёл в Николокорельской монастырь, а племянник Степан в Заонежские погосты в 1709 году, а сын его Иван Иванов в Сумской острог», «жена его Ирина Иванова дочь с детьми Иваном, Петром и братом его Васильевым двоюродным Семёном Савиным и сыном его Аникием сошли от хлебной скудности в 1707 году после переписи в Сибирские Города», «они Авраам с женой Пелагеей в 1710 году от хлебной скудности сошли в Олонецкий уезд, а сын его Фёдор с женой и двумя детьми за скудностью съехал в Сибирские Города», «они с сыном Антоном холост в 1708 году съехали от хлебной скудности в Важский уезд», «а родом он из Холмогорского уезда Унежемской волости и съехал он с женой и детьми в Унежему» [Там же. Л. 467–718]. Тот факт, что мигранты уходили с семьями, лишней раз подчёркивает их бедственное положение на родине.

Наступили «петровские времена», и такое новое явление, как «рекрутчина», тяжёлым бременем легла на плечи крестьян. Поморские волости не сильно пострадали из-за «рекрутского набора», «по набору капитана Тимофея Татаринова» были взяты в солдаты всего 10 человек [Там же]. Здесь вскрываются отдельные факты, указывающие на то, как местное население использовало переселенцев в своих целях. Семён Харитонов из Лямецкой волости «с женой и детьми с Павлом и с Андреем живёт с сыном своим Кирилова монастыря вотчины в Пушлахтской волости в Каргопольском уезде с 1710 году, а Павла в 1710 году они отдали Кирилова монастыря за себя за Пушлахтскую волость в рекрутные солдаты». Лукерья с детьми с Семёном и Ларионом после смерти мужа «сошли в том же году в Холмогорский уезд Двинской волости и в 1711 году отдали той волости крестьяне за себя в солдаты, а мать его Ларионова с братом Семёном живут в той волости»

[5. Л. 472–482]. Так решалась проблема призыва в армию в тех волостях, где селились мигранты.

Есть сведения о брачных связях, в результате которых часть женского населения уходила в другие волости и уезды. «Девка Анна» из Кяндской волости «замуж выдана в Нижмозерскую волость за Василия Резина в 1710 году», «Улита» из Малошуйской волости «выдана замуж за вышеписанного Софрона» (Софрон из той же волости), «Осипова дочь Парасковья» из Малошуйской волости «выдана замуж в вотчину Соловецкого монастыря в Кушерецкую волость», «Митрофанова дочь Зинаида» из Малошуйской волости «не писана для того что выдана замуж в Олонецкий уезд в Нюхоцкую волость до переписи 1710 года», «Герасимова дочь Ксения» из Кушерецкой волости «выдана замуж в Малошуйскую волость за Романа Кондратьева Кожеозерского монастыря», «подсоседница же вдова Татьяна» из Лямецкой волости «вышла замуж в Каргопольский уезд», во дворе попа Нименгской волости живёт «зять крестьянин Подпорожской волости Василий Иванов», «девка Евфимия» из Варзогорской волости «выдана замуж в Крестного монастыря вотчину в село Концеостров за крестьянина Луку Андреева», «девка Парасковья» из Таймицкой волости «выдана в Холмогорский уезд в Солозерскую волость замуж» [Там же. Л. 467–718].

Пришлое население в поморских волостях встречается преимущественно в монастырских, «скотских» и «конюшенных» дворах, и, похоже, оно не отличалось сильным постоянством. В Кяндской волости на дворе Кожеозерского монастыря жил «приказной монах Гурей семидесяти лет да скотник Фёдор Попов из Турчасовского стана Прилуцкой волости шестидесяти лет» [Там же. Л. 496–521]. В Малошуйской волости «он старец Зосима приехал из монастыря, а Яков пришёл из Олонецкого уезда из Унижемского усолья вотчины Соловецкого монастыря в 1711 году, а поп из волости Заостровской в 1710 году». В «скотском» дворе «скотник Фома крестьянин Крестного монастыря Каргопольского уезда Фехтолимской волости, в нынешнем 1712 году пришёл для работы, в том же дворе скотница Татьяна Фёдорова дочь Ермолы Корнилова жена шестидесяти лет той же волости пришла в нынешнем

1712 году в мае» [Там же. Л. 521–531]. В Лямецкой волости в «конюшенном» дворе жили «скотник Пётр Михайлов тридцати пяти лет холост родом Важенского уезда Сельской волости деревни Заозерной пахотный государев крестьянин, а пришёл жить в Соловецкий монастырь по обещанию в прошлом 1711 году, Иван Андреев тридцати двух лет родом Кирилова монастыря Пушлахтской волости пахотный крестьянин холост» [Там же. Л. 476–481]. В Золотицкой волости во дворе «Кирилова монастыря для рыбного промысла, а в нём живут служенник Никон бобыль из Солозера» [Там же. Л. 467–471]. В Кушерецкой волости в «скотском» живёт «скотник Софрон Ефстафьева сын шестидесяти лет той же монастырской вотчины Унижемской волости крестьянин», «да в том же дворе были написаны Олонецкого уезда Пётр Парфёнов» [Там же. Л. 521–531].

В крестьянских дворах упоминается выходец из «Олонецкого уезда Соловецкого монастыря вотчины Нюхоцкой волости» Фёдор Иванов, родной племянник крестьянина Ивана Кондратьева из Малошуйской волости [Там же]. Во дворе крестьянина Агафона Семёнова из Нижмозерской волости живёт «церковный Архип Леонтьев тридцати лет, у него жена Ксения Иванова дочь двадцати пяти лет, у них сын Яков году, пришёл жить к церкви в нынешнем 1712 году из Холмогорского уезда из волости Кирилова монастыря Лопшеньгской». Во дворе «прежнего попа Петра Миронова» из Нижмозерской волости «постригся в Соловецкий монастырь в 1710 году», в переписных 1707 г. написан был «жилец из Турчасова целовальник винного кабака» [Там же. Л. 589–595].

Начало XVIII в. в поморских волостях Турчасовского стана характеризуется ухудшением социально-экономического положения населения, особенно в вотчинах Кожеозерского монастыря волостях: Кяндской, Малошуйской и вотчинах Кирилова монастыря волостях (Золотицкой, Пушлахтской). Показателем является увеличение малоимущих слоёв населения (подсоседники, подворники, бобыли) в этих волостях. Высока была также мобильность населения, вызванная ростом миграций в Холмогорский, Двинской, Важский, Олонецкий уезды и Сибирь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савич А.А. Соловецкая вотчина XV–XVII вв. (Опыт изучения хозяйства и социальных отношений). Пермь, 1927.
2. Васильев Ю.С. Каргопольский уезд // Аграрная история северо-запада России XVI века. Л., 1978.
3. Бернштам Т.А. Поморы. Формирование группы и системы хозяйства. Л., 1978.
4. Иванов В.И. Монастыри и монастырские крестьяне Поморья в XVI–XVII веках. СПб., 2007.
5. Российский государственный архив древних актов. Ф. 350. Оп. 1. Ед. хр. 168. Каргопольский уезд. 1712. Книга переписная посадских людей Турчасовского посада, церковнослужителей, монахов, дворцовых и монастырских крестьян Устьмошского, Мошинского, Турчасовского станов Каргопольского уезда.
6. Подвысоцкий А.И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
7. Побежимов А.И. Особенности формирования населения Поонежья в начале XVIII в. // Поморские чтения по семиотике культуры. Архангельск, 2012. Вып. 6 : Геоисторические и геотноткультурные образы и символы освоения арктического пространства.
8. Сотные на волости Каргопольского уезда с книг письма Никиты Григорьевича Яхонтова 1561–1562 гг. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вологда, 1972. Вып. 2.
9. Побежимов А.И. Золотица и Пушлахта в середине XVI и начале XIII вв. // Поморские чтения по семиотике культуры. Архангельск, 2015. Вып. 8 / Геоисторические и геотноткультурные образы и символы освоения арктического пространства.
10. Платёжная книга Каргопольского уезда, составленная около 1560 г. по книгам письма Якова Сабурова и Ивана Кутузова 1555–1556 гг. // Материалы по истории Европейского Севера СССР : Северный археографический сборник. Вологда, 1972. Вып. 2.
11. Иванов П. Северная писцовая книга как материал для истории обложения. М., 1900.

12. Богословский М.М. Земское самоуправление на русском севере в XVII в. : Чтения при Московском университете. М., 1910. Кн. I.
 13. Чернякова И.А. Карелия на переломе эпох. Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998.

Pobezhimov Andrew I. JSC "Ionik" (St. Petersburg, Russia). E-mail: andrey-pi@mail.ru

THE POPULATION OF THE POMOR PART OF THE TURCHASOVSKY CAMP OF THE KARGOPOLSKY DISTRICT AT THE BEGINNING OF THE XVIII CENTURY.

Keywords: district; camp; volost; ancestral lands; solitary men; podsosednik; podvornik; migrations.

The territory of the Pomor part of the Turchasovsky camp of Kargopolsky district (the Onega Pomorze) by the beginning of the XVIII century was located on coast of Onega Bay: Pomor and Onega. In article the questions connected with history of the population of the Onega Pomorze are studied: occupations, social structure, number, density of population of the yards, reasons and directions of migrations, marriage communications, alien population. Research is constructed at work with the unpublished census book of the Kargopolsky district of 1712 which is stored in Russian Record Office ancient act. By the beginning of the XVIII century the territory of the Onega Pomorze was ancestral lands of monasteries: Solovki, Kozhezersky, Kirilo-Belozersky and God. Salt production and fishery, traditional for the Pomor population, generally belonged to monasteries, and on condition of monastic economy and the economic policy pursued by them in many respects depended not only welfare, but also formation of structure of the population. The social structure of the population numbering 668 people of both sexes was problem: monastic peasants, monastic employees, clergy, solitary men, podsosednik (tenant), householder. Monastic employees and clergy (20%) were the most numerous group after peasants; solitary men, podsosednik and householder (8%). In ancestral lands of the Kozhezersky monastery Maloshuysky and Kyandsky volosts of the solitary man and podsosednik made 20%. By quantity of farmsteads volosts Zolotitskaya and Pushlakhtskaya differed. Needy segments of the population probably also made the basis for migrations to other districts. The Holmogorsky district (212 people), Arkhangelsk (22 persons), Dwin (12 people), Olonets (13 people) and Vazhsky districts (12 people), Siberia (12 people) were the directions of population shifts. Kollichestvo migrants 283 persons, more than have made 40% of the living population of the Pomor volosts (668 people). If to add to it 228 people "descent to the world it is unknown" the figure close to number of the population living at that time in the Onega Pomorze will turn out. Thanks to migrations of the earth of the Onega Pomorze by the beginning of the XVIII century have become empty half. Geography of places where migrants settled was quite wide: in the Nenoksky volost, the Varzugsky volost, in the Lopshengsky volost of the Dwin district, in Arkhangelsk, in the Vazhsky district, in the Kargopolsky district, in the Kolezhemsky volost of the Olonets district, in Zaonezhsky country churchyards, in the Sumy jail, in the Unezhemsky volost of the Holmogorsky district, in the Siberian Cities. There are data on marriage communications as a result of which the part of the female population went to other volosts and districts: from the Kyandsky volost to the Nizhmozersky volost, from the Maloshuysky volost to the Kuseretsky volost, from the Maloshuysky volost to the Olonets district the Nyukhotsky volost, from the Kuseretsky volost to the Maloshuysky volost, from the Lyametsky volost to the Kargopolsky district, from the Podporozhsky volost to the Nimengsky volost, from the Varzogorsky volost to the village of Konetsostrov (Chekuyevovo), from the Taymitsky volost to the Holmogorsky district to the Solozersky volost. The alien population in the Onega Pomorze was mainly in monastic: the cattle and konyushenny yards, with rare exception in the country yards – natives of Prilutsky, Chekuyevsky, Fekhtolimsky, Zaostrovsky volosts of the Turchasovsky camp, of Turchasov, of Unizhensky, Nyukhotsky volosts of the Olonets district, of the Rural volost of the Vazhsky district, of Lopshengsky, Solozersky volosts of the Holmogorsky district. The beginning of the XVIII century in the Pomor volosts of the Turchasovsky camp is characterized by deterioration of economic and social situation of the population. Indicator is the increase in needy segments of the population (podsosednik, podvornik, solitary men) and growth of migrations in Holmogorsky, Dwin, Vazhsky, Olonets districts and Siberia.

REFERENCES

1. Savich, A.A. (1927) *Solovetskaya votchina XV–XVII vv. (Opyt izucheniya khozyaystva i sotsial'nykh otnosheniy)* [The Solovky patrimony of the 15th – 17th centuries. (The studies of economy and social relations)]. Perm: Perm State University.
2. Vasiliev, Yu.S. (1978) Kargopol'skiy uезд [Kargopol County]. In: Shapiro, A.L. (ed.) *Agrarnaya istoriya severo-zapada Rossii XVI veka* [The agrarian history of the Russian North-West in the 16th century]. Leningrad: Nauka.
3. Bernstam, T.A. (1978) *Pomor'y. Formirovaniye gruppy i sistemy khozyaystva* [The Pomors. The formation of the group and economic system]. Leningrad: Nauka.
4. Ivanov, V.I. (2007) *Monastyri i monastyrskie krest'yane Pomor'ya v XVI–XVII vekakh* [Monasteries and monastic peasants of Pomorie in the sixteenth and seventeenth centuries]. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publ.
5. Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 350. List 1. File 168. Kargopol County. 1712. *Kniga perepisnaya posadskikh lyudey Turchasovskogo posada, tserkovnoslužhiteley, monakhov, dvortsovykh i monastyrskikh krest'yan Ust'moshskogo, Moshinskogo, Turchasovskogo stanov Kargopol'skogo uezda* [The census book of the townspeople of Turchasovsky tenements, of priests, monks, court and monastery peasants of Ustmoshsky, Moshinsky, Turchasovsky stans of Kargopolsky County].
6. Podvysotskiy, A.I. (1885) *Slovar' oblastnogo arkhangel'skogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [The Dictionary of Arkhangelsk regional dialect in its household and ethnographic application]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
7. Pobezhimov, A.I. (2012) Osobennosti formirovaniya naseleniya Poonezh'ya v nachale XVIII v. [The formation of Poonezhye population in the early 18th century]. In: Zhuravlev, P.S. (ed.) *Pomorskie chteniya po semiotike kul'tury* [The Pomor Readings on the semiotics of culture]. Arkhangelsk: North-Arctic Federal University.
8. Kolesnikov, P.A. et al. (eds) (1972a) *Materialy po istorii Evropeyskogo Severa SSSR. Severnyy arkhograficheskiy sbornik* [The history of the European North of the USSR. The North Archeographic Collection]. Issue 2. Vologda: [s.n.]. pp. 370–471.
9. Pobezhimov, A.I. (2015) Zolotitsa i Pushlakhta v seredine XVI i nachale XIII vv. [Zolotitsa and Pushlakhta in the middle of the 16th and the early 18th centuries]. In: Terebikhin, N.M. (ed.) *Pomorskie chteniya po semiotike kul'tury* [The Pomor Readings on the semiotics of culture]. Issue 8. Arkhangelsk: North-Arctic Federal University.
10. Kolesnikov, P.A. et al. (eds) (1972b) *Materialy po istorii Evropeyskogo Severa SSSR. Severnyy arkhograficheskiy sbornik* [The history of the European North of the USSR. The North Archeographic Collection]. Issue 2. Vologda: [s.n.]. pp. 253–291.
11. Ivanov, P. (1900) *Severnaya pistovaya kniga kak material dlya istorii oblozheniya* [The North cadastres as a material for the history of taxation]. Moscow: [s.n.].
12. Bogoslovskiy, M.M. (1910) *Zemskoe samoupravlenie na russkom severe v XVII v.: Chteniya pri Moskovskom universitete* [The territorial self-government in the Russian North in the 17th century: Readings at Moscow University]. Moscow: [s.n.].
13. Chernyakova, I.A. (1998) *Kareliya na perelome epokh. Ocherki sotsial'noy i agrarnoy istorii XVII veka* [Karelia at the turn of the era. Essays on the social and agrarian history of the 17th century]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University.

УДК 94 (470)
DOI 10.17223/19988613/41/3

Г.Н. Бибиков, Д.А. Бакшт

УЧРЕЖДЕНИЕ ЖАНДАРМСКОГО НАДЗОРА НА ЗОЛОТЫХ ПРИИСКАХ СИБИРИ В 1841–1842 ГГ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-31-01018.

Статья посвящена обстоятельствам учреждения жандармского надзора на частных золотых приисках Сибири в 1841–1842 гг. В статье нашли отражение основные этапы формирования частей Корпуса жандармов в Сибири в 1830-е гг., восстановлена дискуссия в правительственных кругах о путях усиления полицейского надзора на золотых приисках в условиях распространения новых форм социального протеста рабочих. Отдельное внимание уделено рассмотрению должностных обязанностей жандармских штаб-офицеров на приисках, сформулированных в специальных секретных инструкциях.

Ключевые слова: Корпус жандармов; золотопромышленность; Сибирь; политическая полиция; рабочий вопрос.

Отечественная историография с начала 1990-х гг. уделяет значительное внимание исследованию российской дореформенной жандармерии. Корпус жандармов рассматривается не только в контексте противодействия правительства оппозиционному и революционному движению, но также как государственный институт, призванный отслеживать общественные настроения и контролировать высшую губернскую администрацию [1; 2. С. 147–210; 3. С. 374–413]. Отдельное внимание уделено и другим направлениям деятельности жандармов, больше связанным с задачами общей полиции [4–8]. Среди прочего отмечены участие губернских жандармских штаб-офицеров в наблюдении за рекрутскими присутствиями, исполнение ими обязанностей комендантов на ярмарках и др. [9, 10]. Меньший интерес вызывает история становления полицейского и, в частности, жандармского надзора на промышленных предприятиях, хотя рабочий вопрос обращал на себя внимание руководства политической полиции с 1830-х гг.

Обстоятельства учреждения постоянного жандармского наблюдения на золотых приисках Сибири в 1841–1842 гг. и полномочия жандармских чинов на приисках до настоящего времени не получили специального освещения в научной литературе. Этот сюжет важен не только применительно к внутренней истории Корпуса жандармов, но также в общем контексте экономической и социальной истории Сибири XIX в., развития социального контроля государства в связи с распространением полицейского надзора (об истории понятия «социальный контроль» см.: [11, 12]). Последний сюжет популярен в англоязычной историографии, в частности отдельные работы посвящены роли полиции в поддержании порядка и формировании негласных норм поведения на золотых приисках в США, Южной Африке и Австралии [13–15]. Британский историк К. Эмсли на примере европейских континентальных держав рассматривает жандармов XIX в. в качестве агентов центрального правительства, призванных распространить правительственный контроль на сельскую

глубинку, способствуя ее вовлечению в общее государственное правовое и культурное пространство [16]. О роли полиции в административной централизации во Франции XIX в. пишет Дж. Мерриман [17].

Впервые в научной литературе о присутствии жандармов на частных золотых приисках Сибири упомянул В.И. Семевский [18], в работе которого дана ссылка на указы императора Николая I о привлечении жандармов к надзору за состоянием золотых приисков Сибири. Семевский привел выдержки из инструкции, составленной в штабе Корпуса жандармов для штаб-офицеров на приисках (обнаружена им в архиве Горного департамента), а также отдельные материалы жандармской отчетности. В то же время историк не получил доступа к архивам Министерства внутренних дел, в котором находились жандармские бумаги [19].

Работа В.И. Семевского по объему и полноте привлеченных данных не имеет аналогов в историографии, а приведенные им сведения об организации жандармского надзора на сибирских золотых приисках впоследствии переходили из одной работы в другую, но не были дополнены материалами других источников. Советские историки рассматривали дореволюционную золотопромышленность в большей мере в контексте истории хозяйственного развития и рабочего движения [20–22]. Современный исследователь В.П. Зиновьев считает появление жандармерии на приисках составной частью полицейских мероприятий, спровоцированных волнениями 1841–1842 гг. в Енисейской губернии [23. С. 192]. В отдельной статье В.П. Зиновьев оценивает жандармскую отчетность с приисков в качестве источника для изучения социального облика приисковых рабочих, отмечая, что жандармские отчеты в сравнении с полицейской документацией отличала большая объективность в описании конфликтов между рабочими и управляющими [24]. Надзор за частной золотопромышленностью пореформенного периода рассматривается в работах Д.А. Бакшта [25; 26. С. 25].

Для понимания обстоятельств учреждения жандармского надзора на золотых приисках в Сибири

необходимо в общих чертах обрисовать, с одной стороны, состояние сибирской золотопромышленности 1830–1840-х гг. и систему государственного регулирования частной золотопромышленности, с другой – существовавшую на тот момент организацию российской жандармерии.

В 1827 г. был заложен первый в Сибири золотоносный Бериккульский прииск (Томская губерния), через пять лет открыты золотоносные россыпи в Минусинском и Ачинском округах Енисейской губернии. В 1840–1850-е гг. сибирские прииски давали до 80% всего российского золота, а апогей золотой лихорадки, этот, по словам мемуариста, «героический период золотопромышленности» [20. С. 98], пришелся на 1843–1848 гг. Стремительный рост золотодобычи привел к формированию новой и самой динамично развивавшейся отрасли сибирского хозяйства.

Частная золотопромышленность в России была узаконена указом императора Александра I от 28 мая 1812 г. «О представлении прав всем российским подданным отыскивать и разрабатывать золотые и серебряные руды с платежом в казну податей». На сибирских приисках сложилось полное преобладание частновладельческого производства.

Быстрый рост частной золотопромышленности в Сибири вынудил правительство выработать дополнительные законодательные нормы для регулирования поиска и добычи золота. Они были обобщены в утвержденном Николаем I «Положении о частной золотопромышленности на казенных землях Сибири» от 30 апреля 1838 г.

В XIX в. Сибирь являлась основным местом уголовной и политической ссылки в империи. Во второй четверти XIX в. в этот регион ежегодно ссылались в среднем от 6 до 8 тыс. человек, 80% из них были владельческими и государственными крестьянами [27. С. 30; 20. С. 63]. К 1836 г. в Сибири находились более 100 тыс. ссыльных разных категорий. «Устав о ссыльных» 1822 г., разработанный М.М. Сперанским, способствовал получению ссыльнопоселенцами оседлости и прикреплению к крестьянскому сословию (так называемая штрафная колонизация), но большинству не удавалось обзавестись собственным домом и хозяйством.

Ссыльнопоселенцы составили основной контингент рабочих на частных золотых приисках Сибири в 1830–1840-х гг. Так, в 1834 г. 82,1% всех сибирских приисковых рабочих были ссыльнопоселенцами, в 1840 г. – 89,1%, в 1850 г. – 54%. До половины всех ссыльнопоселенцев ежегодно отправлялись на прииски [23. С. 76 и др.; 28. С. 59].

Легкость добычи золота из россыпей предполагала быструю оборачиваемость капитала, побуждая золотопромышленников выставлять на работу максимально возможное количество рабочих. В 1840–1850-х гг. на сибирских приисках ежегодно трудились около 25–35 тыс. человек [18. С. 93].

Условия труда в частной золотопромышленности были тяжелыми – рабочий день длился в среднем 12–14 часов, сохранялась практика устных соглашений золотопромышленников с рабочими, однако высокая плата (в 1840-е гг. в среднем около 18 руб. в месяц [23. С. 145]) привлекала на прииски тысячи людей. Ревизовавший западносибирские губернии в конце 1840-х гг. генерал-адъютант Н.Н. Анненков отмечал, что на прииски «стекались и продолжают донныне стекаться, хотя и в меньшем размере, толпы искателей счастья со своими надеждами и обольщениями, страстями и пороками. Сюда же устремились толпы людей другого рода – большей частью бездомных, буйных и необузданных» [20. С. 104]. Другой современник писал, что сословие золотопромышленных рабочих «представляет собой корпорацию тесно между собой связанную. <...> Ныне золотопромышленность соединила их в огромные массы, тесно соединенные духом товарищества и общего дела... Между ними бывают беспокойные говоруны, трибуны. Эта корпорация золотопромышленных рабочих, кочевых, безответственных, склонных к буйству, может быть опасна, когда не станет работы» [29. С. 236].

Положение на приисках создавало благоприятную почву для различных форм социального протеста. В 1830–1840-х гг. с золотых промыслов Западной Сибири ежегодно бежали 6–11% рабочих, а на приисках Восточной Сибири, уход с которых был затруднен удаленностью от населенных пунктов и бездорожьем, бежали 3–4% рабочих, или 0,5–1,5 тыс. человек [30. С. 14–15]. С начала 1830-х гг. протест стал принимать форму коллективных выступлений рабочих. 1831–1833 гг. были отмечены волнениями на приисках купцов Я.М. Рязанова и А.С. Баландина. Более массовым стало выступление рабочих в 1837 г. в Томской и Енисейской губерниях, для разбирательства по которым были сформированы две военно-судные комиссии. На крупнейшем Великоникольском прииске золотопромышленника И.Д. Асташева в волнении 1842 г. приняли участие около 2 тыс. человек.

Таким образом, уже в 1830-х гг. стала ощутимой необходимость принятия специальных мер для поддержания порядка на золотых приисках в Сибири. Усиление полицейских мероприятий следует связывать также с широким распространением незаконной добычи и продажи золота.

На правительственном уровне дела о частном золотом промысле традиционно относились к предметам ведения министра финансов, который являлся главным управляющим Корпуса горных инженеров. В 1846 г. в составе Департамента горных и соляных дел Министерства финансов было сформировано отделение частных золотых промыслов.

В местном управлении частные золотые промыслы были подчинены в Восточной Сибири – генерал-губернатору, а в Западной Сибири – Алтайскому горному правлению под особенным наблюдением главно-

го начальника Алтайских горных заводов (до 1864 г. эта должность была совмещена с должностью томского гражданского губернатора). В административном отношении районы добычи золота были разделены на 4 округа, которыми заведовали горные ревизоры – чины Корпуса горных инженеров. Они должны были наблюдать за технической стороной разработки приисков и контролировать процесс отвода земель (ст. 69 «Положения» 1838 г.) [31].

«Положение» делегировало полицейскую власть западносибирскому и восточносибирскому генерал-губернаторам, которые «суть главные блюстители за благочинием на частных золотых промыслах Сибири». Им подчинялись гражданские губернаторы, областные начальники и пограничный начальник сибирских киргизов (должность существовала в 1822–1854 гг.) (ст. 68 «Положения 1838 г.» [Там же]. В октябре 1833 г. Николай I утвердил положение Комитета министров «О полицейском надзоре за частным золотым промыслом в Западной Сибири» [32], по которому охраной порядка на золотых приисках Томской губернии заведовали полицейские чиновники – отдельные (или горные) заседатели (с 1844 г. – горные исправники), в подчинении которых было несколько полицейских чинов и командированные казаки. По «Положению» 1838 г. отдельные заседатели назначались во все уезды сибирских губерний, где велась добыча золота. Отдельные заседатели являлись служащими Земского суда, но на время нахождения на приисках освобождались от остальных должностных поручений. В обязанности заседателей входило заведование полицией, проведение предварительного следствия по уголовным делам (до прибытия земского суда), наказание за административные правонарушения. В подчинение заседателю гражданские губернаторы выделяли от 20 казаков из городских казачьих полков (ст. 76–78 «Положения» 1838 г.) [31].

Кроме того, в 1834 г. получила поддержку инициатива генерал-губернатора Западной Сибири И.А. Вельяминова о расстановке казачьих эскадронов вдоль Московского тракта от Омска до границы Енисейской губернии, а также в районах крупнейших приисков. Линейные казаки обеспечивали перевозку денежных средств на прииски и правопорядок на путях следования рабочих [Там же].

В конце 1836 г. генерал-губернатор Восточной Сибири С.Б. Броневский также указывал министру финансов, что на местных золотых приисках работы ведутся главным образом ссыльными в количестве до «многих тысяч человек». Весной 1837 г. по его распоряжению 200 казаков были командированы из Западной Сибири в Красноярск для «предупреждения беспорядка и [внушения] страха рабочим». По окончании работ команды располагались по главным путям следования рабочих «для удержания их в должном повиновении и порядке» [Там же]. К июню 1838 г., после выхода «Положения», в казачьих отрядах, командиро-

ванных для охранения золотых приисков в Томской и Енисейской губерниях, состояли уже 447 офицеров и нижних чинов [18. С. 45]. Привлечение казаков к охранению порядка на золотых промыслах нашло отражение в «Положении о Сибирском линейном казачьем войске» от 5 декабря 1846 г.

В 1836 г. для содержания полиции и казачьих отрядов правительство ввело дополнительный единый налог с золотопромышленников (в размере 4 руб. с каждого добытого фунта золота). Горные ревизоры и отдельные заседатели содержались за счет золотопромышленников и неизбежно оказывались в той или иной степени зависимы от последних. В.И. Семевский утверждал в этой связи, что «горные исправники получали сначала ничтожное, позднее же небольшое по местным условиям жалованье от казны, но за то вознаграждали себя огромными субсидиями от золотопромышленников. <...> Понятно, что при таких условиях и они, и их помощники, и урядники на промыслах отдельных компаний были верными слугами золотопромышленников, и рабочие лишь в редких случаях могли найти у них защиту от притеснений со стороны хозяев» [Там же. С. LXV]. Последнюю точку зрения подтверждает В.П. Зиновьев, который изучал документацию полицейских служащих: «Материальная зависимость горнополицейских чинов от владельцев предприятий оборачивалась сокрытием информации об истинном положении рабочих, преступлений против них работодателей и самих полицейских» [24. С. 31].

Присутствие казаков не останавливало рабочих от побегов и выступлений. Тревожные сигналы поступали в Петербург от сибирского жандармского начальства. Жандармерия, выполнявшая функции внутренней стражи в отдельных крупных городах, была создана в России в 1817 г. по указу императора Александра I. В ходе реорганизации политического сыска в начале правления Николая I все жандармские команды были объединены в Корпус жандармов в подчинении шефа жандармов, который одновременно руководил центральным органом политической полиции – III отделением собственной его императорского величества канцелярии (далее – III отделение). К началу 1830-х гг. в каждую губернию, входившую в состав жандармских округов, были направлены жандармские штаб-офицеры. На этих чинов легли основные задачи политической полиции в губерниях. Они были независимы от местной администрации и представляли результаты своих наблюдений за местным обществом и действиями местных властей шефу жандармов.

В 1817–1833 гг. строевые жандармские команды действовали только в нескольких крупных городах Сибири (Тобольск, Томск, Красноярск и Иркутск). Для надзора за сибирской ссылкой III отделение направляло отдельных жандармских офицеров. Первая такая миссия была поручена полковнику А.П. Маслову в 1826 г. В 1834 г. жандармский капитан А.К. Мишо провел негласную ревизию томских золотых приис-

ков [33]. В 1833 г., с учреждением седьмого (с 1837 г. – восьмого) округа Корпуса жандармов с управлением в Тобольске, на Сибирь была распространена общеимперская жандармская организация.

В рапорте от 22 июня 1837 г. начальник восьмого округа Корпуса жандармов генерал-майор Н.Я. Фалькенберг докладывал шефу жандармов о результатах наблюдений по разбирательству дела о выступлении рабочих на золотых приисках Томской и Енисейской губерний. Он указал, что ревизор из штаб-офицеров Корпуса горных инженеров и горный заседатель с двумя сотнями казаков были «не вправе наказывать ослушников и бунтовщиков, коих в числе 7 тыс. [ссылных] поселщиков рабочих весьма значительное число». Рабочие понимали, что «ревизор и заседатель <...> не есть гроза», а «стража <...> не имеет права ни страшить их, ни наказывать». По заключению жандармского генерала, «ревизор и заседатель слабы в распоряжениях своих относительно к рабочим и не уполномочены действовать решительнее и строже» [34. Л. 3 об.].

Как докладывал Н.Я. Фалькенберг в штаб Корпуса жандармов в конце 1840 г., «принимая в соображение значительное число ссылных, ежегодно нанимающихся на золотые промыслы в сибирских губерниях и вообще обращая особенное внимание на эту промышленность» [35. Л. 4], в 1839 и 1840 гг. на крупнейшие прииски Томской и Енисейской губерний были направлены чины восьмого жандармского округа – майор М.С. Шишмарев [36] и секретарь титулярный советник П.А. Попов [37]. Они выявили ряд злоупотреблений при отводе земель и в организации работ на приисках. В отчете по результатам ревизии отмечалось, что «на приисках Минусинского округа не заметно никакого надзора со стороны горного ревизора, за производством работ, и едва ли он в течение минувшего лета объезжал их». Земская полиция, указывал Попов, «повидимому, не мешает пропиваться поселенцам, возвращающимся с приисков, получая за это награду от енисейского откупа» [35. Л. 66]. Фалькенберг предложил усилить полицейское управление на приисках [Там же. Л. 40]. В начале 1841 г. он обратился с отношением к генерал-губернатору Западной Сибири П.Д. Горчакову, в котором также указывал на слабость полицейской власти в местах добычи золота: «Объезжая Томскую и Енисейскую губернии, я видел, что золотопромышленность в этих губерниях весьма быстро распространяется и наем рабочих значительно увеличился <...>, но число этого класса людей уйдя в леса и потом обращаясь оттуда к зиме можно сказать не имеют за собою надлежащего присмотра» [38. Л. 11].

Таким образом, к началу 1840-х гг. III отделение имело определенные сведения о положении дел на золотых приисках в Сибири, которые указывали на отсутствие достаточного попечения местного начальства о сохранении порядка и формировании условий для новых выступлений приисковых рабочих. В таких об-

стоятельствах на правительственном уровне возник вопрос о привлечении к надзору за ведением приисковых работ жандармских чинов.

8 марта 1841 г. генерал-губернатор Западной Сибири П.Д. Горчаков уведомил шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа о том, что высочайше учрежденная комиссия для ревизии государственных имуществ в Западной Сибири посетила частные золотые прииски Томской губернии. Комиссия обратила внимание на ряд отступлений от «Положения» 1838 г., а также случаи массового бегства рабочих с приисков. Горчаков назвал эти сведения «довольно гадательными», но с целью «ввести строжайшую исполнительность» на приисках предложил запросить дозволение императора «на определение для наблюдения собственно за порядком на частных золотых приисках особого благонадежного офицера от Корпуса жандармов, который находился бы там постоянно во время производства работ и об оказывающемся доносил непосредственно мне и начальнику VIII округа Корпуса жандармов» [39. Л. 1].

Повод для учреждения постоянного жандармского надзора на приисках носил частный характер, тем более что к началу 1840-х гг. центр золотопромышленности сместился в Восточную Сибирь. Однако предложение Горчакова согласовывалось с теми данными, которыми располагало III отделение.

Письменно засвидетельствованное мнение генерал-губернатора позволило А.Х. Бенкендорфу напрямую обратиться к императору. Во всеподданнейшем докладе от 5 апреля шеф жандармов к соображениям Горчакова прибавил свое заключение: «Хотя не могу дать решительного мнения моего на счет необходимости испрашиваемого генерал-лейтенантом князем Горчаковым назначения, но я нахожу оное полезным в том уже отношении, что чрез сие усилится наблюдение за золотопромышленниками и их рабочими, об удовлетворительности положения которых еще положительного заключения сделать нельзя, ибо отзывы по сему предмету противоречат одни другим, а между тем золотопромышленность год от года распространяется». Император оставил на докладе распоряжение: «Назначить совершенно надежного штаб-офицера» [Там же. Л. 3].

По инспекторской, строевой и хозяйственной части Корпус жандармов состоял в ведении военного министра, и все вопросы штатного расписания согласовывались с Военным министерством. Поэтому А.Х. Бенкендорф немедленно обратился с рапортом к А.И. Чернышеву (военный министр в 1827–1852 гг.), предлагая открыть новую ставку штаб-офицера в составе восьмого округа. Для этого требовалось добавить в линию производства по Корпусу жандармов одного полковника, сравнив его во всех правах с губернскими жандармскими штаб-офицерами в Сибири [Там же. Л. 9 об.–10]. Бенкендорфу важно было учредить новую штатную должность, а не задействовать на приисках уже служивших в округе офицеров. 9 мая 1841 г. имен-

ным указом Николай I одобрил предложения шефа жандармов [40], а 16 мая соответствующий приказ был разослан по Корпусу жандармов [39. Л. 15]. Штаб-офицером на золотые прииски Западной Сибири был утвержден подполковник Корпуса жандармов И.М. Огарев [41].

В отношении от 10 апреля 1841 г. Бенкендорф просил Горчакова «составить проект инструкции для означенного чиновника, определив в оной подробно круг действий, обязанности и отношения его к тем лицам, с коими он будет иметь дело, и таковой проект доставить ко мне для соображения при окончательном составлении мною инструкции». «С тем вместе, – добавлял шеф жандармов, – не изволите ли уведомить меня, где именно и в какое время упомянутый штаб-офицер обязан иметь пребывание, каким расстоянием будут ограничиваться его поездки по приискам». Аналогичная просьба о составлении проекта инструкции была направлена В.А. Глинке (главный начальник горных заводов Уральского хребта в 1837–1856 гг.), Е.Ф. Канкрину (министр финансов в 1823–1844 гг.), А.Г. Строганову (управляющий Министерством внутренних дел в 1839–1841 гг.) и Н.Я. Фалькенбергу [39. Л. 5 об.–8].

Должностная инструкция составлялась и обсуждалась в течение года. Ее итоговый вариант был утвержден шефом жандармов только в мае 1842 г.

Инструкция носила секретный характер и предполагала, что «штаб-офицер Корпуса жандармов, назначенный для наблюдения собственно за порядком на частных золотых промыслах Западной Сибири в течение зимнего времени должен находиться в г. Томске, с начала же работ и до окончания оных, то есть с 1-го мая по 1-е октября постоянно на золотых промыслах». Штаб-офицер наблюдал за исполнением «Положения» 1838 г., в частности, чтобы «рабочие люди на промыслах находящиеся состояли в надлежащем повиновении местным властям». Предполагалось, что штаб-офицер, «не принимая никакого прямого и деятельного участия в распоряжениях по приискам, ограничиться одними наблюдениями в черте их, руководствуясь в сем случае, как и во всех прочих, общей инструкцией жандармским штаб-офицерам преподанной» [42. С. 473–373]¹. Все замеченные злоупотребления штаб-офицер доносил местной полиции, а о значимых случаях нарушения законодательства сообщал генерал-губернатору и начальнику жандармского округа [39. Л. 49–52 об.].

Разногласие вызвал вопрос о наделении жандармского офицера более широкими полицейскими полномочиями. Канкрин и Фалькенберг предложили назначить жандармского офицера временным комендантом на приисках, переподчинив ему казацкие эскадроны. Однако Горчаков смог настоять на том, чтобы компетенция жандармов была ограничена одним наблюдением.

Приступая к учреждению должности жандармского офицера на золотых приисках, А.Х. Бенкендорф уве-

домил об этом генерал-губернатора Восточной Сибири В.Я. Руперта. В своем отношении шеф жандармов запрашивал его мнение об учреждении аналогичной должности и в этом регионе: «...если же изволите признать это полезным то не угодно ли будет <...> сообщить мне Ваше мнение, на каком основании Вы полагаете привести в исполнение означенное предположение» [43. Л. 1].

Назначение жандармского штаб-офицера на золотые прииски Восточной Сибири, куда сместился центр золотопромышленности, казалось вполне оправданным. Несмотря на то что в 1834–1837 гг. В.Я. Руперт служил начальником одного из жандармских округов, инициатива шефа жандармов показалась ему не вполне обдуманной и, по крайней мере, преждевременной. Его главный аргумент сводился к тому, что «золотые промыслы в Восточной Сибири разбросаны на несколько миллионов квадратных верст и к ним нет постоянных дорог, следовательно, для проезда жандармского штаб-офицера к тем промыслам ему необходимо должно будет покупать лошадей, нанимать вожakov, заготавливать для первых фураж и для последних провиант, одним словом, для этого правительство должно будет ассигновать десятки тысяч [рублей] ежегодно, а существенной пользы от присутствия жандармского штаб-офицера собственно на золотых промыслах я не предвижу» [Там же. Л. 2].

Генерал-губернатор высказался в пользу существовавшей на тот момент системы надзора: «В случае противозаконных действий золотопромышленников мне это будет известно чрез горного ревизора и отводчиков площадей – чиновников, имеющих кроме полицейских познаний горные; в случае же противозаконных действий ревизора или кого-либо из отводчиков, даже обоюдно с кем-нибудь из золотопромышленников, то и это не останется безызвестным от других золотопромышленников, которые имея собственно свои от этого выгоды следят друг за другом». Руперт предлагал оценить результаты жандармского контроля на приисках Западной Сибири перед тем, как вновь поднимать этот вопрос на правительственном уровне [Там же. Л. 2–3].

После такого заключения генерал-губернатора вопрос о назначении жандармов на золотые прииски Восточной Сибири был отложен.

Однако в ходе обсуждения инструкции для штаб-офицера на золотых приисках Западной Сибири министр финансов Е.Ф. Канкрин высказал соображение, что назначение штаб-офицера для наблюдения за приисками в Восточной Сибири будет не менее полезно «как по обширности и важности тамошних промыслов, так и по значительному числу обращающихся на оных рабочих людей» [39. Л. 32]. Позиция Канкринина, чей голос имел значительный вес в вопросах внутренней политики, очевидно, согласовывалась с мнением самого Бенкендорфа, и он поспешил представить ее на рассмотрение императора. Во всеподданнейшем докладе от 5 мая 1842 г. Бенкендорф предложил учредить

должность штаб-офицера на золотых приисках Восточной Сибири на тех же основаниях, как ранее была учреждена должность штаб-офицера на приисках Западной Сибири. Николай I дал согласие, и 9 мая 1842 г. последовал соответствующий именной указ императора, объявленный шефом жандармов управляющему Военным министерством [44].

На восточносибирские прииски был назначен служивший в Сибири подполковник Корпуса жандармов Я.Д. Казимирский, впоследствии начальник восьмого округа Корпуса жандармов. Еще до первой ревизии приисков Казимирский рапортовал Фалькенбергу, что волнения рабочих «происходят от недостатка значительного посредника между рабочими и хозяином, к которому обе стороны имели бы доверие». Свою роль он в духе общей инструкции губернским жандармским офицерам видел в том, что «в средину их (т.е. золотопромышленников и рабочих. – Г.Б., Д.Б.) ставится штаб-офицер Корпуса жандармов, которому хотя не дано власти, но дано право все ведать и о всем доносить высшему правительству» [43. Л. 18].

Специальная секретная инструкция для штаб-офицера на золотых приисках Восточной Сибири была утверждена в ноябре 1842 г. Ему предстояло в течение зимнего времени пребывать в Красноярске или Иркутске, а с 1 мая по начало октября постоянно находиться на золотых приисках. Основные положения двух инструкций совпадали, но жандармский офицер на приисках Восточной Сибири получил дополнительные полицейские полномочия: «В случае если будут отряжены воинские команды на золотые промыслы, то оные подчиняются штаб-офицеру и состоят в продолжение работ в непосредственном его распоряжении». Кроме того, в помощь штаб-офицеру передавались восемь пеших жандармов из Красноярской жандармской команды для поиска рабочих без разрешительных билетов, ведения секретных дознаний по делам о расхищении золота и наблюдения при расчете рабочих с управляющим приисков» [Там же. Л. 50 об.].

В.Я. Руперт не участвовал в составлении текста инструкции, подтвердив свое мнение о нецелесообразности назначения отдельного жандармского офицера на прииски Восточной Сибири. Со своей стороны Н.Я. Фалькенберг в ходе обсуждения второй инструкции посчитал возможным вернуться к вопросу о наделении штаб-офицера на приисках Западной Сибири широкими полицейскими полномочиями и, в частности, подчинить им казачьи команды: «Разумея, что штаб-офицер на приисках исправляет некоторым образом должность коменданта, – докладывал Фалькенберг в Петербург, – полагаю, что и все воинские команды и отряды должны быть подчинены ему». Начальник сибирского жандармского округа добавлял, что «всегда могут возникнуть между отдельными заседателями и начальниками отрядов несогласия, а с тем вместе произойдет вред для самой службы; состояние же команд под непосредственным начальством и распоряжением

штаб-офицеров собственно для соблюдения порядка на золотых промыслах назначенных, отклонит подобные несогласия» [39. Л. 67].

А.Х. Бенкендорф вновь заручился поддержкой министра финансов и представил соображения Н.Я. Фалькенберга на усмотрение министра внутренних дел Л.А. Перовского. Однако последнее слово оказалось за П.Д. Горчаковым, который посчитал «неудобным допускать какое-либо изменение в порядке установленном по настоящему предмету» [Там же. Л. 81].

В 1842 г. окончательно определились города для учреждения канцелярий указанных штаб-офицеров: западносибирского – в Томске, восточносибирского – в Иркутске [45. Л. 64]. Тогда же решался вопрос с утверждением дополнительного содержания штаб-офицерам на длительные разъезды по приискам. Бенкендорф полагал нецелесообразным ставить их «в зависимость от золотопромышленников, предоставляя им снабжать его всем необходимым для совершения переездов» [43. Л. 39]. В итоге для штаб-офицера на приисках Западной Сибири кроме штатного жалованья была утверждена дополнительная сумма из казенных источников на разъезды в размере 500 руб. серебром в год, а для офицера на восточносибирских приисках – 1 тыс. руб. [Там же. Л. 68]².

Таким образом, в течение 1830-х гг. на правительственном уровне неоднократно обсуждался вопрос об усилении полицейского надзора за частными золотыми приисками Сибири. В 1841–1842 гг. к надзору за состоянием дел на приисках были привлечены чины Корпуса жандармов. Положение дел на сибирских золотых промыслах, скопление больших масс ссыльнопоселенцев, регулярные побеги и первые волнения рабочих обращали на себя внимание III отделения еще до учреждения постоянного жандармского надзора. Не случайно должность жандармского штаб-офицера на золотых приисках Восточной Сибири была учреждена вопреки мнению восточносибирского генерал-губернатора.

На прииски была направлена не усиленная жандармская команда с полицейскими задачами внутренней стражи, а жандармские штаб-офицеры. Их главные задачи сводились к наблюдению за порядком и соблюдением правил «Положения» 1838 г., свои отчеты жандармы направляли местному генерал-губернатору и начальнику жандармского округа, от которого сведения попадали в III отделение. При этом жандармский штаб-офицер на приисках Восточной Сибири получил дополнительные полицейские полномочия, существенно расширявшие его служебные обязанности в сравнении с губернскими жандармскими штаб-офицерами.

Конкретный повод для направления отдельных штаб-офицеров на прииски носил в значительной мере случайный характер, и его не следует напрямую связывать с конкретными фактами волнений приисковых рабочих в 1841–1842 гг. Однако появление жандармов

на приисках было подготовлено сложившейся к тому моменту логикой организационного развития российской жандармерии и политической полиции в целом, стремлением расширить сферу жандармского и, шире, правительственного контроля. Жандармские офицеры

выступали в роли агентов правительства, а система жандармского надзора должна была обеспечить высокий авторитет жандармов при решении возникавших конфликтов, их независимость от золотопромышленников и высшей сибирской администрации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Секретная инструкция жандармским штаб-офицерам была составлена в сентябре 1826 г. и действовала до 1860-х гг.

² Для сравнения, горный ревизор и отдельный заседатель на приисках получали на разъезды дополнительно 1 тыс. руб. ассигнациями в год (с 1839 г. – 300 руб. сер.).

ЛИТЕРАТУРА

- Абаумов О.Ю. «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы»: из истории борьбы III Отделения с европейским влиянием в России (1830-е – начало 1860-х гг.). Саратов, 2008. 212 с.
- Бибииков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009. 407 с.
- Бикташева А.Н. Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX века. М.: Новый хронограф, 2012. 480 с.
- Горяинов В.М. Исторические аспекты деятельности корпуса жандармов Российской империи в XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2001. 173 с.
- Дремков Н.В. Полицейские структуры и органы жандармерии Ярославской губернии в XIX – начале XX вв. Ярославль, 2010. 210 с.
- Коновалов И.А. Сибирский жандармский округ: структура, полномочия и деятельность // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2014. № 14 (41). С. 25–34.
- Романов В.В. Взаимодействие Корпуса жандармов и военных губернаторов в Поволжье в начале 30-х – 50-е гг. XX в. // Общество и право. 2007. № 4. С. 23–26.
- Романов В.В. История разработки «Положения о Корпусе жандармов» от 1 июля 1836 г. // История государства и права. 2005. № 8. С. 6–8.
- Романов В.В. Подразделения Корпуса жандармов в Поволжье и рекрутские наборы во второй половине 20-х – начале 60-х гг. XIX в. // Право и образование. 2007. № 9. С. 126–135.
- Романов В.В. Функционирование местных подразделений политической полиции в условиях проведения ярмарок в 1825–1860 гг. // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. № 1. С. 103–111.
- Liska A.E. Introduction to the study of social control // Social threat and social control / ed. A.E. Liska. N.Y., 1992. P. 1–22.
- Хок С.Л. Крепостное право и социальный контроль в России. Петровское, село Тамбовской губернии. М., 1993. 192 с.
- McDowell A. Real Property, Spontaneous Order and Norms in the Gold Mines // Law & Social Inquiry. 2004. No. 4. P. 771–818.
- Baker D. Batons and Blockades: Policing Industrial Disputes in Australia. Melbourne, 2005. 256 p.
- Segal N. Anti-Union or Pro-Property? Worker Surveillance and Gold Theft in Western Australian Gold Mines, 1899–1920 // Labour History. 2009. No. 97. P. 37–52.
- Emsley C. Gendarmes and the state in nineteenth-century Europe. Oxford, 1999. 304 с.
- Merriman J.M. Police stories: building the French state, 1815–1851. Oxford, 2006. 264 с.
- Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. СПб., 1898. Т. 1. 577 с.
- Шейнфельд М.В. Историография Сибири: конец XIX – начало XX века. Красноярск, 1973. 399 с.
- Нагаев А.С. Золотопромышленность Восточной Сибири в 30–50 гг. XIX в. и ее влияние на социально-экономическое развитие края: дис. ... канд. ист. наук. М., 1958.
- Овсянникова Н.Д. Развитие золотодобывающей промышленности Восточной Сибири в эпоху капитализма: 1861–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1964.
- Хроленок С.Ф. Золотопромышленность Сибири (1832–1917): историко-экономический очерк. Иркутск, 1990. 307 с.
- Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск, 2007. 258 с.
- Зиновьев В.П. Жандармско-полицейская отчетность как источник по социальному облику рабочих Сибири в XIX веке // Документ в контексте истории: Материалы II Междунар. науч. конф. Омск, 2009. С. 28–33.
- Бакшт Д.А. Жандармский надзор за золотопромышленностью в Енисейской губернии (Енисейский округ) во второй половине XIX в. // Енисейский Север: история и современность: сб. науч. тр. Красноярск, 2011. Вып. 1. С. 82–90.
- Бакшт Д.А. Енисейское губернское жандармское управление: организационно-правовой и региональный аспекты функционирования в системе Департамента полиции МВД (1880–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2015. 261 с.
- Марголис А.Д. Тюрьма и ссылка в императорской России: Исследования и архивные находки. М., 1995. 207 с.
- О-Ун-Дар К.У. Золотопромышленность Енисейской губернии с 1832 по 1917 год: дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2003. 284 с.
- Зиновьев В.П. Формирование сибирского отряда рабочих России в XVIII – первой половине XIX в. // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX в.: сб. науч. тр. Барнаул, 2005. С. 226–243.
- Зиновьев В.П. Побег рабочих Сибири в XVIII в. – первой половине XIX в. // Проблемы классовой борьбы и общественного движения в Сибири в дооктябрьский период. Омск, 1992. С. 6–19.
- Высочайше утвержденное Положение о частной золотопромышленности на казенных землях в Сибири [№ 11188] // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2-е. СПб., 1839. Т. XIII. Отд. 1.
- Высочайше утвержденное положение Комитета Министров «О полицейском надзоре за частным золотым промыслом в Западной Сибири» [№ 6511] // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1834. Т. VIII. Отд. 1.
- Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Перцева Т.А., Ремнев А.В. М.М. Сперанский: сибирский вариант имперского регионализма (к 180-летию сибирских реформ М.М. Сперанского). Иркутск, 2003. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/speransky, свободный (дата обращения: 12.04.2016).
- Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 109. 1 эксп. 1837. Д. 158.
- ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1840. Д. 75.
- ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 525.
- ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 984.
- ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1841. Д. 149.
- ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 541.
- Именной указ, объявленный шефу жандармов Военным министром «О назначении жандармского штаб-офицера для наблюдения за порядком на частных золотых приисках в Сибири» (9 мая 1841 г.) [№ 14537] // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1842. Т. XVI. Отд. 1.
- ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 549.
- Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. М., 1997. Т. 1. 748 с.

43. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 542.
 44. Именной указ, объявленный управляющему военным министерством шефом жандармов «О назначении особого штаб-офицера Корпуса жандармов для наблюдения за золотыми приисками в Восточной Сибири» (9 мая 1842 г.) [№ 15621] // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1843. Т. XVII. Отд. 1.
 45. Государственный архив Красноярского края. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1.

Bibikov Grigory N. The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: grigoriy_bibikov@mail.ru; *Baksht Dmitrii A.* Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia). E-mail: baksht@mail.ru

THE ESTABLISHING OF GENDARMERIE SUPERVISION ON PRIVATE GOLD MINES IN SIBERIA IN 1841–1842.

Keywords: The Corps of gendarmes; gold mining; Siberia; political police; labor unrest.

The article is devoted to the establishing of permanent gendarme supervision on private gold mines in Siberia in 1841–1842. This subject has not been yet studied in historiography. The article reconstructs main stages of the formation of gendarmerie units in Siberia in the 1830s, as well as basic legislative acts which regulated the system of police surveillance in the mines. The article touches upon main discussions in government circles on how to enhance policing in the gold mines in the spread of various forms of social protest. Special attention is paid to the duties of gendarme officers in the mines which were set out in special secret instructions. Almost all Siberian mines were privately owned production. Exiles made up the bulk of workers in the private gold mines of Siberia in 1830–1840-ies. The authors conclude that the situation in the Siberian gold mines, the accumulation of large masses of exiles and first labor unrest drew the attention of the political police before the establishment of a permanent supervision of gendarmerie. Thus, already in the 1830s it became clear that special measures to maintain order in the gold mines in Siberia were needed. Strengthening of police activities should be also linked with the widespread of illegal mining and sale of gold. In this regard it is not surprising that the post of the gendarmerie officer in the gold mines of Eastern Siberia was set against the opinion of the East Siberian governor-general. The initiator of the establishing of a gendarmerie officer post to oversee the Siberian gold mines was the governor-general of Western Siberia P.D. Gorchakov. He was supported by the chief of gendarmes A.Kh.Benkendorff. On the 9th of May 1841 the post of gendarmerie officer in the goldfields of Western Siberia was established. In May 1842 a special secret instructions for this officer was prepared at the headquarters of the Corps of gendarmes. It assumed that the gendarme would not be vested with police powers, but watch the execution of the «Regulations on private gold mines» of 1838. Gendarme staff officer in the mines of Eastern Siberia received additional police powers. The establishment of the gendarmerie control in the mines was prepared by the logic of the organizational development of the Russian political police and gendarmerie in general, the tendency to expand the scope of the gendarmerie and, more broadly, government control. Gendarmerie officers acted in the role of government agents and gendarmes surveillance system was conceived to ensure a high credibility in solving conflicts, their independence from the gold miners and higher administration of Siberia.

REFERENCES

1. Abaumov, O.Yu. (2008) "...*Chtob npravstvennaya zaraza ne pronikla v nashi predely*": iz istorii bor'by III Otdeleniya s evropeyskim vliyaniem v Rossii (1830-e – nachalo 1860-kh gg.) ["... For the moral plague no to penetrate into our land": The history of the struggle of The Third section of His Imperial Majesty's Own Chancellery against European influence in Russia (the 1830s – early 1860s)]. Saratov: Nauchnaya kniga.
2. Bibikov, G.N. (2009) *A.Kh. Benkendorf i politika imperatora Nikolaya I* [A.Kh. Benkendorf and Emperor Nicholas I's policy]. Moscow: Tri kvadrata.
3. Biktasheva, A.N. (2012) *Antropologiya vlasti: kazanskie gubernatory pervoy poloviny XIX veka* [The anthropology of power: Kazan Governors of the early 19th century]. Moscow: Novyy khronograf.
4. Goryainov, V.M. (2001) *Istoricheskie aspekty deyatel'nosti korpusa zhandarmov Rossiyskoy imperii v XIX – nachale XX vv.* [Historical aspects of the Corps of Gendarmes of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries]. History Cand. Diss. Kursk.
5. Dremkov, N.V. (2010) *Politseyskiye struktury i organy zhandarmerii Yaroslavskoy gubernii v XIX – nachale XX vv.* [Police structures and organs of the gendarmerie of Yaroslavl Province in the 19th – early 20th centuries]. Yaroslavl: Yaroslavl State University.
6. Kononov, I.A. (2014) *Sibirskiy zhandarmskiy okrug: struktura, polnomochiya i deyatel'nost'* [Siberian Gendarmerie District: The structure, powers and activities]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: "Pravo" – Herald of Omsk University. Law.* 14(41). pp. 25-34.
7. Romanov, V.V. (2007a) Cooperation of the Case of Gendarmes and military governors in Volga region in the early 1930-1950-s. *Obshchestvo i pravo – Society and Law.* 4(18). pp. 23-26. (In Russian).
8. Romanov, V.V. (2005) *Istoriya razrabotki "Polozheniya o Korpuse zhandarmov"* ot 1 iyulya 1836 g. [The development of the "Regulations of the Corps of Gendarmes" of July 1, 1836]. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law.* 8. pp. 6-8.
9. Romanov, V.V. (2007b) *Podrazdeleniya Korpusa zhandarmov v Povolzh'e i rekrutskie nabory vo vtoroy polovine 20-kh – nachale 60-kh gg. XIX v.* [Divisions of the Gendarmerie Corps in the Volga region and conscription in the late 1820-s – early 1860-s]. *Pravo i obrazovanie – Law and Education.* 9. pp. 126-135.
10. Romanov, V.V. (2010) *Funktsionirovaniye mestnykh podrazdeleniy politicheskoy politsii v usloviyakh provedeniya yarmarok v 1825–1860 gg.* [The functioning of local political police departments during fairs in 1825-1860-s]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'.* 1. pp. 103-111.
11. Liska, A.E. (1992) Introduction to the study of social control. In: Liska, A.E. (ed.) *Social threat and social control.* New York: SUNY. pp. 1-22.
12. Hawk, S.L. (1993) *Krepostnoye pravo i sotsial'nyy kontrol' v Rossii. Petrovskoye, selo Tambovskoy gubernii* [The serfdom and social control in Russia. Petrovskoye, a village in Tambov Province]. Translated from English. Moscow: Progress-Akademiya.
13. McDowell, A. (2004) Real Property, Spontaneous Order and Norms in the Gold Mines. *Law & Social Inquiry.* 4. pp. 771-818. DOI: 10.1111/j.1747-4469.2004.tb01076.x
14. Baker, D. (2005) *Batons and Blockades: Policing Industrial Disputes in Australia.* Melbourne: Melbourne Publishing Group.
15. Segal, N. (2009) Anti-Union or Pro-Property? Worker Surveillance and Gold Theft in Western Australian Gold Mines, 1899–1920. *Labour History.* 97. pp. 37-52.
16. Emsley, C. (1999) *Gendarmes and the state in nineteenth-century Europe.* Oxford: Oxford University Press.
17. Merriman, J.M. (2006) *Police stories: building the French state, 1815–1851.* Oxford: Oxford University Press.
18. Semevskiy, V.I. (1898) *Rabochie na sibirskikh zolotykh promyslakh* [Workers at the Siberian gold fields]. Vol. 1. St. Petersburg: Ripol Klassik.
19. Sheinfeld, M.V. (1973) *Istoriografiya Sibiri: konets XIX – nachalo XX veka* [Historiography of Siberia: the late 19th – early 20th centuries]. Krasnoyarsk: [s.n.].
20. Nagaev, A.S. (1958) *Zolotopromyshlennost' Vostochnoy Sibiri v 30–50 gg. XIX v. i ee vliyaniye na sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye kraya* [Gold mining in Eastern Siberia in 1830-50-s and its impact on the socio-economic development of the region]. History Cand. Diss. Moscow.
21. Ovsyannikova, N.D. (1964) *Razvitiye zolotodobyvayushchey promyshlennosti Vostochnoy Sibiri v epokhu kapitalizma: 1861–1914 gg.* [The development of the gold mining industry in Eastern Siberia in the capitalist era: the 1861-1914-s]. History Cand. Diss. Irkutsk.

22. Khrolenok, S.F. (1990) *Zolotopromyshlennost' Sibiri (1832–1917): istoriko-ekonomicheskii ocherk* [Gold mining in Siberia (1832–1917): A historical and economic essay]. Irkutsk: Irkutsk State University.
23. Zinoviev, V.P. (2007) *Industrial'nye kadry staroy Sibiri* [Industrial cadres of old Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
24. Zinoviev, V.P. (2009) [Gendarmes and police reports as a source of social appearance of the workers in Siberia in the 19th century]. *Dokument v kontekste istorii* [The document in the context of history]. Proc. of the 2nd International Conference. Omsk. pp. 28-33. (In Russian).
25. Baksht, D.A. (2011) Zhandarm'skiy nadzor za zolotopromyshlennost'yu v Eniseyskoy gubernii (Eniseyskiy okrug) vo vtoroy polovine XIX v. [The gendarme supervision of the gold industry in Yenisei Province in the late 19th century]. In: Vdovin, A.S. (ed.) *Eniseyskiy Sever: istoriya i sovremenost'* [The Yenisei North: History and modernity]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University. pp. 82-90.
26. Baksht, D.A. (2015) *Eniseyskoe gubernskoe zhandarm'skoe upravlenie: organizatsionno-pravovoy i regional'nyy aspekty funktsionirovaniya v sisteme Departamenta politzii MVD (1880–1917 gg.)* [The Yenisei provincial gendarmery management: Organizational, legal and regional aspects of the functioning of the Police Department of the Ministry of Interior (1880–1917)]. History Cand. Diss. Kemerovo.
27. Margolis, A.D. (1995) *Tyur'ma i ssylka v imperatorskoy Rossii: Issledovaniya i arkhivnye nakhodki* [Prison and exile in Imperial Russia: Studies and archival findings]. Moscow: Lanterna.
28. O-Un-Dar, K.U. (2003) *Zolotopromyshlennost' Eniseyskoy gubernii s 1832 po 1917 god* [Gold mining in Yenisei province from 1832 to 1917]. History Cand. Diss. Krasnoyarsk.
29. Zinoviev, V.P. (2005) Formirovaniye sibirskogo otryada rabochikh Rossii v XVIII – pervoy polovine XIX vv. [The formation of the Siberian workers' detachment in Russia in the 18th – early 19th centuries]. In: Goncharov, Yu.M. (ed.) *Sovremennoye istoricheskoe sibirvedeniye XVII – nachala XX vv.* [Modern historical Siberian studies in the 17th – early 20th centuries]. Barnaul: Az Buka. pp. 226-243.
30. Zinoviev, V.P. (1992) Pobegi rabochikh Sibiri v XVIII v. – pervoy polovine XIX v. [Escapes of workers in Siberia in the 18th – early 19th centuries]. In: Zinoviev, V.P. (ed.) *Problemy klassovoy bor'by i obshchestvennogo dvizheniya v Sibiri v dooktyabr'skiy period*. Omsk: Omsk State University. pp. 6-19.
31. Russia. (1839) Vysochayshe utverzhdennoe Polozheniye o chastnoy zolotopromyshlennosti na kazennykh zemlyakh v Sibiri [№ 11188] [Regulation on private gold mining on public lands in Siberia consolidated by Imperial Court [№ 11188]]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. St. Petersburg. Vol. 13.
32. Russia. (1834) Vysochayshe utverzhdennoe polozheniye Komiteta Ministrov "O politseyskom nadzore za chastnym zolotym promyslom v Zapadnoy Sibiri" [№ 6511] [Regulation of the Committee of Ministers "On the police supervision of private gold mining in Western Siberia" [№ 6511]]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 8. St. Petersburg.
33. Dameshek, L.M., Dameshek, I.L., Pertseva, T.A. & Remnev, A.V. (2003) *M.M. Speranskiy: sibirskiy variant imperskogo regionalizma (k 180-letiyu sibirskikh reform M.M. Speranskogo)* [M.M. Speransky: The Siberian variant of Imperial Regionalism (to the 180th anniversary of the M.M.Speransky's Siberian reform)]. [Online] Available from: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/speransky. (Accessed: 12th April 2016).
34. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 109. 1837. File. 158.
35. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 109. 1840. File 75.
36. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 110. List 2. File 525.
37. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 110. List 2. File 984.
38. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 109. 1841. File 149.
39. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 110. List 3. File 541.
40. Russia. (1842) Imennoy ukaz, ob'yavlennoy shefu zhandarmov Voennym ministrom "O naznachenii zhandarm'skogo shtab-ofitsera dlya nablyudeniya za poryadkom na chastnykh zolotykh priiskakh v Sibiri" (9 maya 1841 g.) [№ 14537] [Nominal decree announced by the War Minister to Chief of the Gendarmes "On the appointment of the gendarme staff officer to oversee the procedure in private gold mines in Siberia" (May 9, 1841) [№ 14537]]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 16. St. Petersburg.
41. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 110. List 2. File 549.
42. Schilder, N.K. (1997) *Imperator Nikolay I. Ego zhizn' i tsarstvovanie* [Emperor Nicholas I. His life and reign]. Vol. 1. Moscow: Eksmo.
43. The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 110. List 3. File 542.
44. Russia. (1843) Imennoy ukaz, ob'yavlennoy upravlyayushchemu voennym ministerstvom shefom zhandarmov "O naznachenii osobogo shtab-ofitsera Korpusa zhandarmov dlya nablyudeniya za zolotymi priiskami v Vostochnoy Sibiri" (9 maya 1842 g.) [№ 15621] [Nominal decree announced by Chief of Police Gendarmery to Deputy Minister of War "On the appointment of a special staff officer of the gendarmery to monitor gold mines in Eastern Siberia" (May 9, 1842) [№ 15621]]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 17. St. Petersburg.
45. The State Archives of the Krasnoyarsk Territory. Fund 827. List 1. File 1.

УДК 94(100)"1914/19" Первая Мировая война, 1914–1919
DOI 10.17223/19988613/41/4

В.Л. Агапов

ОФИЦИАЛЬНАЯ ПРЕССА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ «ПРИАМУРСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»)

На примере издававшейся в Хабаровске газеты «Приамурские ведомости» показаны положение официальной периодической печати и её роль в государственной пропаганде Российской империи во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. Анализ содержания «Ведомостей» показывает бедность публицистики официальной печати. Документы Российского государственного исторического архива Дальнего Востока позволяют сделать вывод, что правительство недооценило необходимость широкого освещения и популяризации своей политики в военное время. Редакторам официальных изданий в провинциях было предписано оставаться в рамках местных культурно-просветительских, общегуманитарных нужд и запросов, совершенно не касаясь политики. Вследствие этого «Ведомости» оказались исключены из обсуждения вопросов, волновавших провинциальное общество.

Ключевые слова: Российская империя; периодическая печать; «Приамурские ведомости»; Первая мировая война 1914–1918 гг.

Отличительной чертой начала XX в. было усилившееся внимание правящих кругов России к созданию правительственной прессы. По словам С.В. Смирнова, «венцом собственно государственной системы печати были органы Сената, Синода и различных министерств. Ниже располагались периодические издания градоначальства, губернских правлений, епархий, полицейских управлений, городских дум и городских управ» [1. С. 20]. Центральным правительственным печатным органом был «Правительственный вестник», издававшийся Главным управлением по делам печати с 1869 по 1917 г. Его роль была чисто официальной и справочной. Он «отдавал приказы, а не пропагандировал» [2. С. 44]. Здесь печатались Высочайшие документы, государственные распоряжения и хроники, важные правительственные сообщения [3. С. 61]. Однако этого было недостаточно. Как писал в 1904 г. в записке «Правительственная организация повременной печати» член Главного управления по делам печати историк и дипломат С.С. Татищев, «влиять на общественное мнение чрез печать у нас в России – в настоящее время более чем когда-либо составляет насущную потребность для правительства. Но это – искусство, требующее опыта, знания, умственных дарований, творчества и большого такта. Вот почему мысль эта туго или вовсе не прививается в наших бюрократических сферах, признающих инструмент негодным только потому, что не умеют на нем играть» [4. С. 105–106].

После Революции 1905–1907 гг. задачу «выяснить взгляды и намерения правительства по вопросам текущей государственной жизни страны» поставила перед собой издававшаяся в Санкт-Петербурге газета «Россия» – официоз Министерства внутренних дел, замаскированный под частное издание. Популярность и влияние «России», вероятно, не выходили за пределы столиц [Там же. С. 111]. Проанализировав в 1908 г. публикации этой газеты, либеральный журнал «Русская мысль» сделал вывод, что она «никакого идейного знамени не имеет». То есть, по словам

С.Я. Махониной, самодержавие по-прежнему пренебрегало идеологическими проблемами и сказать читателю ему было нечего [2. С. 47].

Правительство стремилось расширить своё влияние также и в провинции. С 1838 г. в крупных городах издавались «Губернские ведомости». Сначала их было 40, в начале XX в. – 75, к 1911 г. – 81. В.В. Шевцов – автор наиболее обстоятельного исследования правительственной провинциальной прессы Российской империи второй половины XIX – начала XX в., – пишет: «После революции правительственные круги отказались от идеи масштабной реорганизации сети губернских ведомостей, сосредоточившись на поддержке центральных официозных газет и местных периодических изданий» [5. С. 606]. Проекты реформы губернских ведомостей остались не реализованными [6]. Поэтому после некоторого оживления неофициальных отделов этих газет в начале XX в. наступил период их угасания. В 1907 г. были закрыты неофициальные отделы губернских ведомостей, и они превратились в официально-справочные издания наподобие петербургского «Правительственного вестника» [2. С. 48].

Так произошло и с выходившей в Хабаровске с 1894 г. газетой «Приамурские ведомости» – официальным органом Приамурского генерал-губернаторства. До первой революции она занимала весьма прогрессивные позиции, чем была обязана своим первым редакторам М.Я. Сибирцеву и А.П. Сильницкому. Как пишет первая исследовательница истории дальневосточной прессы Л.М. Сквирская, «при Сибирцеве в “Приамурских ведомостях” сосредоточился огромный исторический, географический и этнографический материал». Сильницкий ещё более расширил круг тем, поднимаемых в газете: «...здесь и разработка угольных месторождений, и создание местной добывающей и обрабатывающей промышленности, и охрана богатств моря и недр от хищнического промысла иностранцев, и изучение быта, нравов, традиций малых народов Дальнего Востока и Севера и т.д.» [7. С. 34–35]. К мнению

Сквирской присоединяется и другой историк дальневосточной печати И.Г. Стрюченко [8. С. 63]. Оба этих автора подчёркивают, что такой характер был свойствен «Приамурским ведомостям» только в первые годы, когда периодических изданий в крае было ещё мало. С началом же Революции 1905–1907 гг. и вплоть до своей «кончины» в феврале 1917 г., сохраняя верность монархии, газета утратила свой прежний характер. По словам Т.В. Прудкогляд, «Приамурские ведомости» «поиняли», сникли, не только утратили активность, наступательность в отстаивании своих убеждений, но как бы лишились их вовсе, скатившись до простой констатации фактов. И стали напоминать епархиальные ведомости – издания епархий русской православной церкви, – всегда отличавшиеся узостью тематики и нежеланием затрагивать острые проблемы текущей жизни [9. С. 135].

Обстоятельства и причины этого и являются предметом нашей статьи, цель которой – проанализировать положение официальной периодической печати в провинциях Российской империи, её роль как проводника государственной политики. Эта проблема исследована в работах В.В. Шевцова, написанных по материалам сибирской правительственной прессы [5, 6, 10 и др.]. В нашей статье в качестве примера берутся хабаровские «Приамурские ведомости» (1894–1917). Детальная характеристика этой газеты даётся ещё в учебном пособии Л.М. Сквирской, опубликованном в 1971 г. [7], но там описывается только период до Первой российской революции. Почти в таких же хронологических рамках упоминает «Приамурские ведомости» и И.Г. Стрюченко [8]. В исследовании Т.В. Прудкогляд [9] история дальневосточной прессы доведена до 1917 г., но, поскольку это работа общего характера, о «Ведомостях» в ней говорится буквально в нескольких абзацах. Наша работа посвящена периоду 1910-х гг. – последних лет существо-

вания Российской империи, включающих Первую мировую войну. Предпринята попытка показать организацию, финансирование и материальное положение официальной газеты, соответствие её содержания задачам, которые перед ней ставились правительством и потребностям времени.

При работе над статьёй были использованы две основные группы источников. Первую составляют документы Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, Фонд 702 «Канцелярия Приамурского генерал-губернатора», Опись 3, Дело 408 «Об исходатайствовании пособия на издание газеты “Приамурские ведомости”» и Дело 540 «Отчёт редактора “Приамурских ведомостей” о командировке в Петроград на съезд редакторов губернских ведомостей в 1916 г. с приложением протоколов заседаний этого съезда». Вторая группа представлена подшивками газеты «Приамурские ведомости» за 1913–1916 гг. из собрания того же архива.

Развитие «Приамурских ведомостей» прошло через те же стадии, что были характерны и для других губернских ведомостей. В 1909 г. субсидия на их издание была уменьшена с 7 000 до 3 500 руб. в год, в 1912 г. – с 3 500 до 2 000 руб. [11. Д. 408. Л. 2]. По мнению Министерства внутренних дел, материальное положение газеты укрепилось, и потому большая субсидия не требовалась. «С учетом планируемого генерал-губернатором расширения неофициального отдела газета будет зарабатывать больше» [Там же. Л. 3].

Формальным основанием для такого решения, вероятно, послужила «Ведомость о доходах и расходах типографии канцелярии Приамурского генерал-губернатора за 1909, 1910 и 1911 годы», датированная 11 апреля 1912 г. Согласно этому документу (таблица) доходы типографии в 1910 г. превысили расходы на 2 854 руб., а в 1911 г. – на 2 318 руб. [Там же. Л. 4–5].

Ведомость о доходах и расходах типографии канцелярии Приамурского генерал-губернатора за 1909, 1910 и 1911 гг., руб. Составлена 11 апреля 1912 г.

Наименование дохода	1909	1910	1911	Наименование расхода	1909	1910	1911
Остаток на 1 января	1 963	1 504	2 892	Содержание редактора	2 040	2 200	2 560
Подписная плата, розничная продажа	2 260	2 719	2 804	...смотрителя типографии и корректоров	2 933	2 883	2 868
Плата за объявления	10 395	12 172	14 311	Наём наборщиков, печатников, рабочих	12 286	11 365	13 698
Типографские заказы	7 705	6 332	8 734	Ремонт типографского имущества	83	53	738
Непредвиденные поступления	2	48	60	Покупка бумаги, красок, шрифтов и т.п.	2 674	3 369	7 407
Пособие от казны	3 500	3 500	3 500	Плата телеграфному агентству	1 031	599	-
				Рассылка газеты	415	504	582
				Плата сотрудникам	122	87	178
				Отопление, освещение, мытье полов, пр.	793	738	456
				Уплата городского сбора	165	15	293
				Канцелярские и пр. расходы	310	304	225
				Непредвиденные расходы	7	4	44
Итого	25 826	26 276	32 301	Итого	24 321	23 422	29 983
				Остаётся	1 505	2 854	2 318

Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти смотрел на положение менее оптимистично. Хлопоча о возвращении субсидии в 7 000 руб., 9 января 1913 г. он писал Министру внутренних дел Н.А. Маклакову, что в первое десятилетие своего существования, когда «При-

амурские ведомости» были единственной газетой в Хабаровске, они представляли собой настоящую энциклопедию местной жизни, где бесплатно сотрудничали лучшие представители местной интеллигенции. Но после появления частной прессы все авторы стали

печататься там, где их труд оплачивался (у «Ведомостей» такой возможности не было, поскольку они финансировались государством, и единственными платными сотрудниками их были редактор и его помощник). Поэтому в начале XX в. «Приамурские ведомости» «заметно упали в смысле содержательности и общественного интереса». «В 1903 г. была сделана попытка расширить размер газеты до формата больших столичных газет. <...> Но дело в силу тех же обстоятельств (отсутствие средств) далеко не пошло. <...> Затем, с 1907 г., редакционные силы “Приамурских ведомостей” уменьшились ещё значительно, так как отпускаясь от казны субсидия вначале в размере 7 000 руб. постепенно была доведена до 2 000 р., что вынудило обходиться одним только редактором. <...> В настоящее время в газете помещаются преимущественно законы и другие официальные распоряжения, уделяя самое незначительное место неофициальному отделу. <...> Доходов от самой газеты не достаточно даже для издания в настоящем её малом размере. <...> За истекший год <...> расход на печатание только официального отдела выразился в сумме до 19 830 руб., дохода же от газеты (подписка и объявления) получилось до 17 000 рублей...» Задолженность типографии достигает в 1913 г. суммы до 10 000 рублей. «Я, со своей стороны, положительно нахожу необходимым иметь здесь не губернские ведомости только, а серьёзную официальную газету (официоз). <...> Здесь крайне важно и своевременное опубликование официальных распоряжений и авторитетное разъяснение целей и истинного значения различных мероприятий <...>, и опровержение неверных слухов. <...> Нужно <...>, чтобы газета была призвана к содействию работе краевой администрации путём широкого ознакомления общественных и правительственных сфер с действительным положением дел в Приамурье и с нуждами местного населения...» [11. Л. 7–11].

Согласно «Ведомости о доходах и расходах типографии канцелярии Приамурского генерал-губернатора за 1911 и 1912 годы» доход в 1911 г. составил 32 301 руб. (в том числе 2 892 осталось с 1910 г.), в 1912 г. – 44 097 руб. (2 318 осталось с 1911 г.). Расход в 1911 г. показан в 29 983 руб., в 1912 г. – 40 788 руб. Долг типографии к концу 1911 г. – 8 617 рублей, а к концу 1912 г. – уже 9 489 руб. [Там же. Л. 14–15].

Понятно, что генерал-губернатор был лично заинтересован в увеличении отпуска средств на свою типографию. Но он добился лишь сохранения прежней субсидии: на содержание «Приамурских ведомостей» в 1914–1915 гг. было выделено только по 2 000 руб. в год [Там же. Л. 48]. Показателен ответ Министра Гондатти от 2 января 1914 г.: «Министерство финансов и Государственный контроль <...> категорически высказались против увеличения пособия до 7 000 руб.» [Там же. Л. 50–51].

События 1914 г., особенно начало Первой мировой войны, вызвало увеличение расходов на издание «При-

амурских ведомостей». Как писал 6 июня 1915 г. Гондатти, «во многих селениях “Приамурские ведомости” являются почти единственной газетой, из которой население узнаёт о том, что творится на свете. <...> В 1914 г. “Приамурские ведомости” выпустили 147 номеров в объёме 892 полных газетных страниц с площадью чистого набора 1 800 квадратов каждая. <...> Расходы на издание газеты, не считая содержание редактора и гонорара сотрудникам, потребовали расхода в сумме 27 405 руб. 50 коп.». Кроме того, до 1 января 1915 г. было выпущено 138 номеров бесплатных бюллетеней военных телеграмм Петроградского телеграфного агентства тиражом 3 000–4 000 экз., что обошлось дополнительно в 6 000 руб. Возросли и доходы: в 1913 г. поступило доходов 39 031 руб., в 1914 г. – 45 332 руб., что позволило уменьшить общую задолженность типографии [Там же. Л. 54–57].

Таким образом, несмотря на уменьшение финансирования от государства, которое стремилось устранить от поддержки своих же изданий в провинции, вплоть до полного отказа от неё, можно сказать, что материальное положение «Приамурских ведомостей» оставалось достаточно прочным до самого конца. Но официальная газета безнадежно отставала от частных изданий, таких как «Приамурье» и «Приамурская жизнь», по периодичности (3 раза в неделю против 6), формату (у «Ведомостей» он был меньше), количеству страниц, разнообразию контента. И по своему внешнему виду, и по содержанию «Приамурские ведомости» не очень отличались от «Ведомостей» XVIII в. Вместо статей и фельетонов страницы газеты заполнялись преимущественно постановлениями генерал-губернатора и губернаторов, сведениями о назначении, переводе и увольнении чиновников и казёнными объявлениями. Хроникальный отдел был посвящён преимущественно генерал-губернатору. Он даёт представление о практически всех служебных поездках главного начальника края, мероприятиях, которые он посетил, и речах, которые произнёс. Но вопреки тому, о чём писал генерал-губернатор Гондатти, большого внимания «авторитетному разъяснению целей и истинного значения различных мероприятий» в газете не уделялось.

Начало Первой мировой войны 19 июля (1 августа) 1914 г. вызвало повышенный интерес населения к чтению газет. Как писала 25 июля Никольск-Уссурийская газета «Уссурийский край», «война отодвигает на задний план все остальные интересы. Никогда ещё николецки не оказывали столь благосклонного внимания местной печати, как теперь. Самые популярные в городе лица – разносчики газет и телеграмм. Их ждут с нетерпением. <...> Редакционный телефон звонит безумолку...» [12. С. 3].

Газеты разъясняли своим читателям причины войны, её «великие цели и задачи», создавали образ врага. Постоянными темами публикаций стали патриотические манифестации, отправка на фронт доброволь-

цев и резервистов, их дальнейшая служба и ратные подвиги.

«Приамурские ведомости» также приняли участие в пропагандистской кампании. Официальный характер «ведомостей» позволяет предположить, что именно на их страницах можно найти отражение государственной внешней и внутренней политики в том виде, как это было желательнее правительству. Посмотрим, что же хотело сказать населению дальневосточной окраины правительство о войне...

В день начала войны, 19 июля, «Приамурские ведомости» напечатали репортаж «Патриотическая манифестация в Хабаровске». В нём сообщалось, что накануне, «18 июля, вечером, вскоре после того, как из вечерних экстренных выпусков телеграмм население узнало об объявлении мобилизации в России, в Хабаровске на главной улице состоялась многоядная патриотическая манифестация. Толпа направилась к Успенскому собору, затем к дому генерал-губернатора. Раздавались возгласы: “Да здравствует Государь Император”, “Да здравствует Сербия и славянство!” Шталмейстер Н.Л. Гондатти вышел к собравшимся и сказал краткую речь, отметив, что следует спокойно ожидать событий, что Его Императорское Величество Государь Император стоит на страже России и славянства. С пением “Боже, Царя храни” манифестанты отправились к дому командующего войсками, а затем мирно разошлись» [13. С. 5].

22 июля в репортаже «Молебствие в Соборе и выражение патриотических чувств» газета писала, что «главный начальник края выразил надежду, что Бог не оставит Россию и поможет ей выйти с честью из этого испытания...» [14. С. 4].

Впечатление о том, что вся Россия охвачена военным энтузиазмом, создавалось в «ведомостях» публикациями типа «Манифестации в России» [15. С. 4–5], «Патриотизм в России» [16. С. 2] и т.п.

Большое место в «Приамурских ведомостях» вследствие их официального характера занимали публикации официальных документов: Манифест об объявлении войны, Указы о созыве Государственного Совета и Государственной Думы, Положение о призрении нижних воинских чинов и их семейств [17. С. 1–3], Перечень сведений, оглашение которых в печати воспрещалось, Временное положение о военной цензуре [18. С. 1–2; 19. С. 1–2] и др. Позиция государства относительно освещения войны в печати выражена в опубликованном 22 июля 1914 г. заявлении от военного министерства: «Сим объявляется населению империи о необходимости общих усилий к сохранению в полной тайне всего, что касается выполняемых ныне военных мероприятий... Осведомление населения в пределах возможности о переживаемых и предстоящих военных событиях исторической важности возложено на Главное управление Генерального штаба. Общество должно смириться с краткостью и вероятной скудостью тех сведений, которые будут сообщаться, находя удовле-

творение в том, что приносимая таким отношением жертва вызывается военной необходимостью...» [20. С. 4]. Полтора года спустя, 4 февраля 1916 г., автор Дмитрий Позднеев статьи о пользе военной цензуры писал: «Последуем же примеру французов и будем неуклонно думать об охране душевного спокойствия нашей дорогой любимой армии. Мы должны помнить об уроке Русско-японской войны, когда несдержанная печать в России оказала вредное влияние на настроение наших войск... В спокойном уравновешенном тоне печати лежит один из важных залогов успеха дела войны, а потому все алармистские, тревожные статьи должны подлежать строгой цензуре» [21. С. 3].

Правительство стремилось скрыть от граждан то, что происходит на фронте. Популяризации войны власти поначалу стремились достигнуть с помощью рассказов о баснословных подвигах Козьмы Крючкова и других нижних чинов [22. С. 6; 23. С. 5]. Образ врага создавался рубрикой «Зверства немцев» [24. С. 5–6; 25. С. 3; 26. С. 4; 27. С. 4; 28. С. 5; 29. С. 3]. Позднее на страницах «Приамурских ведомостей» появились статьи, перепечатанные из официальных военных изданий типа «Русского инвалида». Примером является статья «Оборона Осовца», из № 2230 от 1 января 1915 г. Описывая отражение немецкой атаки на эту крепость, произошедшей ещё 14–16 сентября 1914 г., автор заключал: «Весть о героической обороне Осовца никогда не изгладится из благодарной памяти, как залог славы и полной победы над врагом нашей родины» [30. С. 3].

С сентября 1914 г. публиковала газета также некрологи, в том числе и на известных приморцев, погибших на войне [31. С. 4–5; 32. С. 7; 33. С. 3]. В 1915 г. в «Приамурских ведомостях» печатались бюллетени справочного отдела Сибирского общества для помощи раненым воинам со списками раненых и больных нижних чинов – жителей и уроженцев Приамурского края. Они имеют номера, некоторые печатались в нескольких номерах по частям, обычно по алфавиту. Всего до 17 декабря 1915 г. вышло 28 бюллетеней. Выявлены с 20 января по 17 декабря № 2, 4 (3 части), 5 (2 части), 6, 7 (2 части), 8, 9, 10, 11, 14 (2 части), 15, 16, 17, 18 (2 части), 19, 20, 22, 25, 26 (2 части), 27 (2 части), 28 (2 части). Вероятно, это составляет примерно $\frac{3}{4}$ от общего числа. Всего в них 952 фамилии. Кроме этого, с 9 мая 1915 г. нерегулярно печатались Именные списки Главного штаба убитых, раненых и без вести пропавших нижних чинов Амурской и Приморской областей. Интересно отметить, что в 1916 г. публикация списков убитых, раненых и пропавших без вести была прекращена.

Основной же формой публикаций на военную тематику в газете были официальные телеграммы от Штаба Верховного Главнокомандования, которые печатались почти в каждом номере «ведомостей» без каких-либо комментариев, причём были составлены так, чтобы из них нельзя было понять ничего, кроме того, что русская армия побеждает.

Телеграмма от 17 января 1915 г., опубликованная в номере от 20 января, сообщала: «В течение 15 и 16 января бои в Карпатах развивались для нас успешно; на многих участках нашего расположения особенно удачно было наше наступление в районе деревни нижней Полянки, что юго-западнее Дуклы, где атакой в штыки нами взято три ряда неприятельских окопов. Не менее успешно шло наше наступление на фронте к юго-западу от линии Яслиска – Балиград и юго-западнее Лудовиски, где на одном из участков наши войска подошли вплотную к проволочным заграждениям неприятельской укрепленной позиции. За эти два дня нами взято в плен свыше 35 офицеров и 2 500 нижних чинов и захвачено 2 пулемёта и 1 орудие; кроме того, некоторыми другими нашими частями взяты пленные, число коих ещё точно не установлено» [34. С. 5].

Телеграмма от 18 января, опубликованная в номере от 22 января, гласила, что «на фронте Нижняя Полянка – Лутовиска, мы успешно продвигаемся вперёд, причём наши войска ежедневно захватывают пленных...» [35. С. 4]. В выбранных нами для примера телеграммах рассказывается о боях, в которых, как потом оказалось, 16 (29) января 1915 г. погиб бывший вице-губернатор Приморской области (в 1912–1914 гг.) заместитель командира Чеченского конного полка Кавказской туземной конной дивизии подполковник Владимир Ильич Лодыженский.

29 июля 1914 г. в воззвании «К населению» «Приамурские ведомости» сообщали о создании в Хабаровске под председательством супруги генерал-губернатора Маргариты Гондатти Приамурского комитета по оказанию помощи раненым, увечным и больным воинам и их семьям и призывали всех патриотически настроенных граждан внести свою лепту [36. С. 1]. Работа этой благотворительной организации регулярно освещалась в отделе хроники. Из публикаций «ведомостей» можно узнать, что до 20 декабря 1914 г. в комитет «поступило пожертвований <...> 138 858 руб. 99 коп.» [37. С. 4], до 31 декабря – 148 223 руб. 75 коп. [38. С. 4], а до 31 мая 1915 г. – 262 847 руб. 75 коп.

В отчёте комитета, опубликованном 16 июня 1915 г., сообщалось: «Из этой суммы израсходовано: 1) на содержание Приамурского этапного лазарета 56 104 руб.; 2) на содержание Приамурского имени Наследника Цесаревича Алексея Николаевича передового отряда [красного креста] 110 006 руб.; 3) на шитьё белья и мелкие хозяйственные расходы 1 786 руб. 94 коп.; 4) переведено в пользу Бельгии, Сербии и Черногории 152 руб.; 5) переведено в пользу Польши и на устройство железнодорожной бани 45 руб. 50 коп.; 6) на содержание именных коек в Приамурском лазарете 13 802 руб. <...>; 9) выдано пособий раненым, кроме оказания трудовой и материальной помощи, 1 191 руб. <...>, а всего израсходовано комитетом 183 382 руб.» [39. С. 5–6]. К 10 октября 1915 г. комитет собрал уже 304 023 руб. 20 коп. [40. С. 6].

Ради чего же многострадальный русский народ должен был жертвовать жизни и деньги в развязанной правительствами стран Европы мировой войне? Первая попытка ответить на этот вопрос была предпринята «Приамурскими ведомостями» в статье «Великая война», опубликованной 11 ноября 1914 г., почти через 4 месяца после начала этой войны. Автор статьи писал, что во всём виновата Германия, которая «давно уже вооружалась с ног до головы», чтобы «уничтожить» Россию, и призывал «с верой в Бога» «дружно и смело пойти навстречу врагу», потому что «великое счастье – сразиться за свою родину и отстоять её». С победой в войне связывалась надежда на моральное оздоровление русской нации: «Да, многие герои погибли, но ещё гораздо большее их число вернётся с полей сражения домой сильными и бодрыми и перерождёнными духом» [41. С. 5]. 3 января 1915 г. «Приамурские ведомости» напечатали репортаж «Празднование нового года в Хабаровске». Его центральную часть занимала речь генерал-губернатора Гондатти, произнесённая 1 января в общественном собрании: «Как только дерзкий враг напал на нас с оружием в руках, сразу всколыхнулась вся Россия и, как один человек, мыслями, чувствами и делом объединилась вокруг Того, Кто Божиим Промыслом Державно Правит Империей Российскою...» Лейтмотивом речи была всеобщая любовь к Престолу и армии, «самоотверженно жертвующей своей жизнью для блага родины» [42. С. 3].

Кроме Германии, противником России была и Турция. В статье «Турки и мы» от 24 февраля 1915 г. рассказывалось о том, как русские легко поколотят турок и заберут Проливы и Константинополь [43. С. 4]. В статье «Что даст России победа», опубликованной 9 апреля 1915 г., говорилось, что «войну надо довести до конца», потому что, хотя «она потребует ещё не малых жертв и лишений», но «выгоды, которые получит Россия с победоносным окончанием войны, искупят всё». В качестве таких «выгод» автор называл: 1) сокращение расходов на вооружение, так как в них виновата только Германия; 2) денежная дань с немцев; 3) захват Россией Проливов и выхода из Чёрного моря; 4) новые земли – Россия, конечно, не ищет завоеваний, но Галицию у Австро-Венгрии заберёт, так как нечего оставлять в рабстве галицийских братьев-славян; 5) освобождение от немцев [44. С. 4–5]. Как видим, прикрываясь красивыми лозунгами об «освобождении братьев-славян», официальная пропаганда, в сущности, говорила о территориальных захватах и об ограблении побеждённых стран.

Тема необходимости и полезности освобождения от немецкого засилья эксплуатировалась и в других публикациях. В статье «Пробудившаяся Россия» от 25 июля 1915 г. говорилось, что никакие жертвы не напрасны ради этого «прекрасного, великого дела». «Мало-помалу, – рассказывала газета, – незаметно, внедрялось в русскую жизнь немецкое влияние», столетиями хитрые немцы беспощадно грабили Россию,

продавая ей задорого свои промышленные товары и вывозя дешёвые ресурсы. «И вот война всколыхнула это стоячее болото неправильно поставленных торговых отношений». Теперь русские будут «сами разрабатывать свои богатства», «раскидывать своим умом», произойдут импортозамещение и подъём национальной русской промышленности [45. С. 6]. Ликвидация немецких предприятий и капиталов в России рассматривалась как необходимое условие будущих успехов русской промышленности [46. С. 3–4]. Автор статьи «Русская наука и русские учёные» рисовал перспективы грядущего расцвета русской науки, освободившейся от немецкого влияния [47. С. 3–4]. В статье Д. Позднеева «Россия как центр и опора славянства» говорилось о великой роли и великом будущем России в деле объединения всех славян [48. С. 4].

Вот, собственно, и всё, что главная газета Приамурского генерал-губернаторства смогла поведать населению дальневосточной окраины России о самой войне, её причинах, характере и историческом значении для страны. Эта отмечаемая критиками ещё до войны бедность публицистики официального органа печати не являлась только следствием отсутствия хороших сотрудников, хотя, как мы видели выше, это было одной из причин.

В феврале 1916 г. в Петрограде под председательством редактора «Правительственного вестника» князя С.П. Урусова состоялся съезд редакторов губернских ведомостей. В работе этого съезда принимал участие и редактор «Приамурских ведомостей» К. Куртеев, который по возвращении в Хабаровск составил подробный отчёт о командировке с приложением протоколов заседаний съезда.

Дворянин Константин Константинович Куртеев (1882–1937) был личностью весьма примечательной. Он вырос в Сибири, где его отец – тоже Константин Константинович – отбывал ссылку. Работал экономистом, был кассиром городской управы Благовещенска. В начале 1900-х гг. являлся сотрудником «Амурской газеты», «Благовещенска», «Голоса окраины» и других благовещенских газет. В 1906 г. исполнял обязанности редактора газеты «Голос окраины». В 1907 г. переехал в Хабаровск, где в 1911–1913 гг. редактировал газету «Приамурье» [49. С. 218–220]. Это была наиболее распространённая и авторитетная из краевых газет, вокруг которой концентрировалась вся либеральная интеллигенция Хабаровска. Претендуя на оппозиционность, она время от времени вступала в конфликт с властями, так что редакторы «Приамурья» нередко получали административные штрафы и аресты. В этом вскоре убедился и сам Куртеев. Постановлением военного губернатора Приморской области от 2 ноября 1911 г. он был подвергнут аресту на 3 месяца и с 6 ноября отбывал заключение в тюрьме [50. Д. 4481. Л. 29]. 19 марта 1912 г. характеризовался хабаровским полицмейстером как человек, по убеждениям принадлежащий к партии левых [Там же. Л. 6].

В 1913 г. характеристика Куртеева (в приложении к докладу начальника Владивостокского охранного отделения) изменилась на чуть ли не на прямо противоположную: «К. Куртеев. Бывший народный учитель. Некогда примыкал к С.Р. Постепенно сделался оппортунистом. Человек весьма осторожный. Любит “пускать революцию” за чужой счёт, то есть провоцировать других резким выступлением в газете, будучи сам в тени. На последнем, происходившем в Москве, съезде деятелей повременной печати, присутствовал в качестве делегата от дальневосточных газет. Года два назад ему было брошено в печати (газ. “Приамурская жизнь”) обвинение в том, что он, состоя служащим Хабаровского музея, присвоил себе золотые монгольские монеты. В обвинении этом Куртеев не оправдался» [51. Д. 1368. Л. 19–20]. Судя по всему, обвинения в «оппортунизме» не были лишены оснований, потому что, согласно собственному прошению, с 7 января 1914 г. бывший «левый» К.К. Куртеев был определён на государственную службу по ведомству Министерства внутренних дел и зачислен в штат канцелярии Приамурского генерал-губернатора временным редактором «Приамурских ведомостей» [52. С. 1]. Эту должность он и занимал до закрытия газеты после Февральской революции 1917 г.

20 января 1916 г. Куртеев выехал в Петроград на съезд редакторов официальных газет. Прибыл 31 января и 1 февраля представился начальнику Главного управления по делам печати сенатору В.Т. Судейкину и председателю съезда главному редактору «Правительственного вестника» князю С.П. Урусову [11. Д. 540. Л. 1]. На состоявшейся в этот же день в редакции «Правительственного вестника» частной встрече редакторов «выяснилось, что большинство фактических руководителей провинциальной правительственной печати занимает неудовлетворительное служебное положение. Они преимущественно являются или мелкими чиновниками губернских правлений <...>, или вольнонаёмными редакторами одной лишь неофициальной части, подчинёнными столоначальнику газетного стола. Столоначальник подчинён советнику губернского правления, подчинённому вице-губернатору...». По мнению Куртеева, такая сложная система подчинения ставила редакторов в полную зависимость от произвола вице-губернаторов, следствием чего является то, что преуспевают только те газеты, где вице-губернаторы прогрессивно настроены, но имеющиеся случаи только подтверждают правило [Там же. Л. 2–3].

2 февраля 1916 г. состоялось первое общее заседание членов съезда. Куртеев сделал часовой доклад по основным вопросам положения провинциальной правительственной прессы. «1. Современное положение большинства губернских ведомостей весьма неудовлетворительно, они прозябают на задворках губернских правлений, которыми они подавлены, почти поработочны <...> большинство ведомостей не имеет материала для чтения и не читается. <...> 3. Несколько иначе по-

ставлены правительственные газеты на окраинах: в Финляндии, на Кавказе, в Туркестане и в Приамурском крае. 4. Для населения, безусловно, нужен спокойный, беспристрастный, осведомительный и культурно-просветительный печатный орган. Он должен быть общедоступен, интересен, жизнен и внепартиен <...>. особое внимание следует обратить на все те интересы, которыми живёт народ. 5. Существующая частная провинциальная пресса не удовлетворяет поставленным требованиям. Известия её не всегда достоверны и очень редко объективны. В погоне за читателем газеты культивируют: 1) лёгкость и занимательность чтения в ущерб его пользе; 2) пестроту содержания; 3) стремление угождать всяким, даже отрицательным, вкусам толпы; 4) погоню за сенсациями и шумом из-за пустяков, раздуваемых в большие события. А на многие подлинные нужды не обращается должного внимания; целые области народной жизни замалчиваются или освещаются тенденциозно. На газетном листе, отведённом замкнутому кругу интересов, сдобренным лёгкостью и бойкостью пера, не остаётся места для многих волнующих население запросов. Получается медленное ежедневное воздействие на психику читателя, который незаметно для себя сам привыкает к специфическому чтению и щекотанию себя. Здоровые вкусы портятся; портится даже русский язык, на смену которому приходит газетный жаргон, переполненный условностями и неправильностями. Постоянная же игра на таких словах, как “капитализм”, “буржуазия”, “пролетариат” и пр. стремится привить читателям несвойственные существу дела представления. Провинциальная пресса, партийная и кружковая, находится, кроме того, в зависимости от объявителей и некоторых влиятельных местных кружков и создаваемых ими течений, что нередко ведёт к коллизии между истиной и статьями газеты» [11. Л. 4–6].

3 февраля 1916 г. в большом зале Совета Министра внутренних дел состоялось открытие съезда. По мнению Куртева, он был подготовлен плохо. «Устроителями съезда не было произведено обычной и безусловно необходимой организационной работы», не было ни программы занятий, ни списка вопросов, ни докладов. Начальник Главного управления по делам печати сенатор Судейкин произнёс речь о том, что «правительственная печать должна быть беспартийна и строго объективна», пожал всем руки, «и больше мы его не видели» [Там же. Л. 6]. Поэтому настоящим вдохновителем всего дела был князь С.П. Урусов. Но и он выражался в том же духе: «Вообще ведомости должны меньше тяготеть к политике Петрограда и больше заниматься своими местными делами. Задача ведомостей – обслуживать культурно-просветительные, общегуманитарные нужды и запросы, освещать местные дела, разрабатывать экономические вопросы. <...> Официальная печать должна отражать лишь фактическую сторону жизни правительственных и общественных учреждений» [Там же. Л. 9].

Сами редакторы признали необходимыми качественную неофициальную часть в ведомостях, самостоятельность редактора, необходимость центрального осведомительного бюро, а также автономности бюджета ведомостей, чтобы доходы типографий расходовались на развитие самих типографий [Там же. Л. 12]. Однако «уже на второй день выяснилось, что правительство, хотя и заинтересовалось реформой губернских ведомостей, но не придало этому делу важного значения неотложности» [Там же. Л. 18 об].

Работа съезда широко освещалась в прессе. Причём газеты, например владивостокская «Далекая окраина», обратили внимание на ту же особенность отношения официальных лиц к политической тематике (вплоть до полного отказа от неё в СМИ), которую отметил и редактор «Приамурских ведомостей»: «Подчеркнув необходимость расширения неофициальной части “Губернских” и “Областных ведомостей”, князь С.П. Урусов при этом указал, что прежде всего редакторы этих изданий должны поставить себе задачей обслуживание чисто местных интересов и вообще целей воспитательно-нравственного характера. Поэтому в местных официальных изданиях в неофициальной части не может быть места чистой политике. <...> Князь Урусов рекомендовал, как прототип провинциальных изданий, “Правительственный вестник”, совершенно чуждый политике...» [53. С. 2].

О том, что представлял собой «Правительственный вестник» в смысле разъяснения основ государственной внешней и внутренней политики («отдавал приказы, а не пропагандировал»), мы уже писали выше. Поэтому остаётся только подвести итог.

Анализ содержания «Приамурских ведомостей» за 1914–1916 гг. и отчёта редактора К.К. Куртева о командировке в Петроград на съезд редакторов губернских ведомостей в 1916 г. показывает, что правительство Российской империи явно недооценивало необходимость широкого освещения и популяризации своей политики. В условиях войны с её миллиардными расходами и миллионами жертв, внешнеторговой блокадой, нарушением товарооборота между городом и деревней и, как следствие, дефицитом в городах продуктов питания, а в деревне – орудий труда, удобрений и сельскохозяйственных машин, в стране нарастал политический кризис (проявлением которого стало формирование в августе 1915 г. в Государственной Думе Прогрессивного блока, выступившего с идеей создания «ответственного министерства»). Но правительство, как и во «времена Очакова и покоренья Крыма», считало, что народ как-нибудь перетерпит, и продолжало приказывать, а не объяснять.

Частная пресса времён Первой мировой войны, как отмечал даже Куртев, становилась с каждым годом всё более и более оппозиционной, а официальным изданиям, как центральным («Правительственный вестник»), так и местным («Губернские ведомости»), было, по сути, запрещено вступать с ней в по-

лемику и приказано оставаться на уровне местных «культурно-просветительских общегуманитарных нужд и запросов». Государственный корабль самодержавия, получавший удары как с фронта (от германской армии, развернувшей мощное наступление в 1915 г.), так и с тыла (от либеральной думской оппозиции, дискредитировавшей власть выступлениями в Думе, на всяких съездах и через многочисленную частную прессу), раскачивался с борта на борт, крепился и вот-вот готов был пойти ко дну, а стоящие у руля лица продолжали говорить, что «в официальных изданиях не может быть места чистой политике». Все призывы к власти (в нашем случае от Приамурского

генерал-губернатора Гондатти и редакторов губернских ведомостей) начать хоть как-то отвечать на критику снизу остались гласом вопиющего в пустыне. Власть, как Сфинкс, продолжала хранить величественное молчание, одновременно пытаясь заткнуть частной прессе рот при помощи военной цензуры. Последнее получалось уже плохо, и в результате к концу 1916 г. почти вся российская пресса стала оппозиционной, практически полностью изолировав власть от народа. Это стало одной из причин того, что подготовленный этой прессой государственный переворот, произошедший в стране в феврале – марте 1917 г., прошёл так легко.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнов С.В. Легальная печать в годы первой русской революции. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1981. 190 с.
2. Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века : учеб.-метод. комплект. 2-е изд., испр. М. : Флинта : Наука, 2006. 368 с.
3. Бережной А.Ф. К истории отечественной журналистики (конец XIX – начало XX в.) : учеб.-метод. пособие. СПб. : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1998. 138 с.
4. Шевцов В.В. Сергей Спиридонович Татищев: историк и дипломат на страже интересов официальной печати, или Как царское правительство проиграло информационную войну // Человек – текст – эпоха : сб. науч. статей и материалов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. Вып. 2. С. 102–113.
5. Шевцов В.В. Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX – начало XX века). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. 622 с.
6. Шевцов В.В. Центральная и региональная печать в информационной политике самодержавия (1901–1916 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2011. № 3. С. 34–48.
7. Сквирская Л.М. Краткий очерк истории журналистики на Дальнем Востоке в XIX – начале XX вв. Владивосток : Дальневост. гос. ун-т, 1971. 48 с.
8. Стрюченко И.Г. Печать Дальнего Востока накануне и в годы первой русской революции (1895–1907). Владивосток : Дальневост. книж. изд-во, 1982. 238 с.
9. Прудкогляд Т.В. Листая пожелтевшие страницы...: К истории периодической печати Дальнего Востока России (1865–1917). Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. 240 с.
10. Shevtsov V. Legal Status of the Official Provincial Print Media in the Periodical Press System of the Russian Empire // Bylye Gody. 2014. № 34 (4). P. 572–581.
11. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее – РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 3.
12. Езоп. Война // Усурийский край (Никольск-Усурийский). 1914. 25 июля.
13. Патриотическая манифестация в Хабаровске // Приамурские ведомости (Хабаровск). 1914. 19 июля.
14. Молебствие в Соборе и выражение патриотических чувств // Приамурские ведомости. 1914. 22 июля.
15. Манифестации в России // Приамурские ведомости. 1914. 22 июля.
16. Патриотизм в России // Приамурские ведомости. 1914. 25 июля.
17. Положение о призерии нижних воинских чинов и их семейств // Приамурские ведомости. 1914. 19 авг.
18. Временное положение о военной цензуре // Приамурские ведомости. 1914. 21 авг.
19. Временное положение о военной цензуре // Приамурские ведомости. 1914. 26 авг.
20. От военного министерства // Приамурские ведомости. 1914. 22 июля.
21. Позднеев Дм. Французский взгляд на военную цензуру // Приамурские ведомости. 1916. 4 фев.
22. Геройский подвиг казака Приданникова // Приамурские ведомости. 1914. 18 сен.
23. Геройский подвиг Максима Кошеварова // Приамурские ведомости. 1914. 20 сен.
24. Варварства германцев // Приамурские ведомости. 1914. 11 нояб.
25. Зверства немцев // Приамурские ведомости. 1914. 23 нояб.
26. Немецкие зверства // Приамурские ведомости. 1914. 11 дек.
27. Австрийские зверства в Карпатской Руси // Приамурские ведомости. 1914. 11 дек.
28. Ещё немецкие зверства // Приамурские ведомости. 1914. 11 дек.
29. Немецкие зверства // Приамурские ведомости. 1915. 16 июля.
30. Оборона Осовца // Приамурские ведомости. 1915. 1 янв.
31. Генерал от инфантерии Н.Н. Мартос // Приамурские ведомости. 1914. 10 сен.
32. Д.Ф. Сукачев // Приамурские ведомости. 1914. 23 сен.
33. Его Высочество князь Олег Константинович // Приамурские ведомости. 1914. 4 нояб.
34. Военные телеграммы Петроградского телеграфного агентства. От Штаба Верховного главнокомандующего. 17 января // Приамурские ведомости. 1915. 20 янв.
35. Военные телеграммы Петроградского телеграфного агентства. От Штаба Верховного главнокомандующего. 18 января // Приамурские ведомости. 1915. 22 янв.
36. К населению // Приамурские ведомости. 1914. 29 июля.
37. Хроника // Приамурские ведомости. 1914. 23 дек.
38. Хроника // Приамурские ведомости. 1915. 3 янв.
39. Отчет Приамурского комитета по оказанию помощи раненым, увечным и больным воинам и их семьям // Приамурские ведомости. 1915. 16 июня.
40. Отчет Приамурского комитета по оказанию помощи раненым, увечным и больным воинам и их семьям // Приамурские ведомости. 1915. 17 окт.
41. Великая война // Приамурские ведомости. 1914. 11 нояб.
42. Празднование нового года в Хабаровске // Приамурские ведомости. 1915. 3 янв.
43. Турки и мы // Приамурские ведомости. 1915. 24 фев.

44. Что даст России победа // Приамурские ведомости. 1915. 9 апр.
45. Пробудившаяся Россия // Приамурские ведомости. 1915. 25 июля.
46. Бобров Д. Борьба с немецким засильем // Приамурские ведомости. 1916. 10 сен.
47. Русская наука и русские учёные // Приамурские ведомости. 1915. 24 окт.
48. Позднеев Дм. Россия как центр и опора славянства // Приамурские ведомости. 1916. 19 мая.
49. Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков: к 155-летию образования Амурской области / сост., ред., вступ. статья А.В. Урманова; И.С. Бединина и др. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. 483 с.
50. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1.
51. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 7.
52. Приказы Приамурского генерал-губернатора // Приамурские ведомости. 1914. 23 янв.
53. Съезд представителей официальных изданий // Далекая окраина (Владивосток). 1916. 19 фев.

Agapov Vadim L. Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia). E-mail: agapov_vl@mail.ru

THE OFFICIAL MEDIA IN RUSSIAN EMPIRE DURING WORLD WAR I 1914–1918 (BASED ON MATERIALS OF “PRIAMURSKIE VEDOMOSTI”).

Keywords: Russian Empire; periodicals; “Priamurskie vedomosti”; propaganda; World War I 1914–1918.

By the beginning of World War I Russian Empire had extensive media system. “Pravitel'stvennyi vestnik” was central government newspaper. In addition to it, there were published newspapers of the Senate, Synod and various ministries. In provinces the official press was presented by so called “gubernskie vedomosti”. The article on the example of the newspaper “Priamurskie vedomosti” shows the position of the official periodical press and its role in the government propaganda of the Russian Empire on the eve of Revolution of 1917. “Priamurskie vedomosti” did not have many differences from “Vedomosti” of the XVIIIth century. Their feature was weak journalistic. Instead of articles and feuilletons the newspaper pages were filled with the ordinances by the governor-general and governors, with the information about the appointments, transfers and dismissals of officials and with the official announcements. Chronicle department was devoted mainly to the governor-general. The content analysis of newspaper of World War I period shows that the government had intention to hide from the public what was going on at the front lines. According to “Priamurskie vedomosti” the people had been willingly donating money to the war and the soldiers have been bravely going to the battle with great patriotic enthusiasm since the first days of the war. Actually there was nothing in the paper about military operations, except for the official telegrams of Supreme Headquarters and implausible stories about the acts of bravery of soldiers and cossacks. The newspaper wrote that Germany wanted to “destroy” Russia and the victory over Germany would lead Russia to economic and cultural prosperity. The council of the provincial newspapers’ editors held in 1916 showed that such a weakness of journalism in the official press was not accidental. The documents of the Russian State Historical Archive of the Far East make it possible to come to the conclusion that the Government underestimated the need to publicize and promote their policy. Editors of official newspapers in the provinces were ordered to remain within the local cultural, educational, general humanitarian needs and demands, not touching policy. As a result, “Vedomosti” in the Far East, as in other areas, proved to be excluded from the discussion of questions of concern to provincial russian society. The ship of Russian Autocracy had been receiving blows from the front and rear and was just about ready to sink but the helmsmen continued to stand on what “there couldn’t be no place for policy in official publications”. All appeals to the government to begin to answer the public criticism left voices in the wilderness. Authority, like Sphinx, continued to keep the majestic silence, while trying to shut the mouth of private press by using censorship. But it did not work. As a result most part of Russian private media had become the opposition almost completely separating the Supreme power from the people. That is why the coup d’etat of February, 1917 happened in Russia with such success.

REFERENCES

1. Smirnov, S.V. (1981) *Legal'naya pechat' v gody pervoy russkoy revolyutsii* [The legal press during the First Russian Revolution]. Leningrad: Leningrad State University.
2. Makhonina, S.Ya. (2006) *Istoriya russkoy zhurnalistiki nachala XX veka* [The history of Russian journalism in the early 20th century]. 2nd ed. Moscow: Flinta; Nauka.
3. Berezhnoy, A.F. (1998) *K istorii otechestvennoy zhurnalistiki (konets XIX – nachalo XX v.)* [On the history of Russian journalism (the late 19th – early 20th centuries)]. St. Petersburg: ST. Petersburg State University.
4. Shevtsov, V.V. (2006) *Sergey Spiridonovich Tatishchev: istorik i diplomat na strazhe interesov ofitsial'noy pechati, ili kak tsarskoe pravitel'stvo proigralo informatsionnyuyu voynyu* [Sergei Tatishchev, a historian and diplomat on guard of the interests of the official press, or How the tsarist government lost the information war]. In: Zinoviev, V.P. & Dutchak, E.E. (eds) *Chelovek – tekst – epokha* [Human – Text – Epoch]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 102-113.
5. Shevtsov, V.V. (2016) *Pravitel'stvennaya periodicheskaya pechat' Sibiri (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [The government press in Siberia (the late 19th – early 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Shevtsov, V.V. (2011) Central and Regional Official Press in Information Policy of Russian Autocracy (1901–1916). *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii – Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Russian History*. 3. pp. 34-48. (In Russian).
7. Skvirskaya, L.M. (1971) *Kratkiy ocherk istorii zhurnalistiki na Dal'nem Vostoke v XIX – nachale XX vv.* [A Brief Sketch of the History of Journalism in the Far East in the 19th – early 20th centuries]. Vladivostok: Far Eastern State University.
8. Stryuchenko, I.G. (1982) *Pechat' Dal'nego Vostoka nakamune i v gody pervoy russkoy revolyutsii (1895–1907)* [The Far East press on the eve of and during the First Russian Revolution (1895–1907)]. Vladivostok: Far East Book Publ.
9. Prudkoglyad, T.V. (2000) *Listaya pozheltevshie stranitsy...: K istorii periodicheskoy pechati Dal'nego Vostoka Rossii (1865–1917)* [Leafing through the yellowed pages . . . On the history of the press in the Russian Far East (1865–1917)]. Vladivostok: Far Eastern State University.
10. Shevtsov, V. (2014) Legal Status of the Official Provincial Print Media in the Periodical Press System of the Russian Empire. *Bylye Gody*. 34(4). pp. 572-581.
11. Russian State Historical Archives of the Far East (RGIA DV). Fund 702. List 3.
12. Ezop. (1914) *Voyna* [The War]. *Ussuriyskiy kray (Nikol'sk-Ussuriyskiy)*. 25th July.
13. *Priamurskie vedomosti*. (1914a) Patrioticheskaya manifestatsiya v Khabarovske [The patriotic demonstration in Khabarovsk]. 19th July.
14. *Priamurskie vedomosti*. (1914b) Molebstvie v Sobore i vyrazhenie patrioticheskikh chuvstv [The public prayer in the Cathedral and the expression of patriotic feelings]. 22nd July.
15. *Priamurskie vedomosti*. (1914c) Manifestatsii v Rossii [Demonstrations in Russia]. 22nd July.
16. *Priamurskie vedomosti*. (1914d) Patriotizm v Rossii [Patriotism in Russia]. 25th July.

17. *Priamurskie vedomosti*. (1914e) Polozhenie o prizrenii nizhnikh voinskiikh chinov i ikh semeystv [Regulation on the charity of the lower military ranks and their families]. 19th August.
18. *Priamurskie vedomosti*. (1914f) Vremennoe polozhenie o voennoy tsenzure [Provisional Regulations on military censorship]. 21st August.
19. *Priamurskie vedomosti*. (1914g) Vremennoe polozhenie o voennoy tsenzure [Provisional Regulations on military censorship]. 26th August.
20. *Priamurskie vedomosti*. (1914h) Ot voennogo ministerstva [From the War Office]. 22nd July.
21. Pozdneev, Dm. (1916a) Frantsuzskiy vzglyad na voennuyu tsenzuru [The French view of the military censorship]. *Priamurskie vedomosti*. 4th February.
22. *Priamurskie vedomosti*. (1914i) Geroyskiy podvig kazaka Pridannikova [The heroic feat of Cossack Pridannikov]. 18th September.
23. *Priamurskie vedomosti*. (1914j) Geroyskiy podvig Maksima Koshevarova [The heroic feat of Maxim Koshevarov]. 20th September.
24. *Priamurskie vedomosti*. (1914k) Varvarstva germantsev [The German Barbarism]. 11th November.
25. *Priamurskie vedomosti*. (1914l) Zverstva nemtsev [The atrocities of the Germans]. 23rd November.
26. *Priamurskie vedomosti*. (1914m) Nemetskie zverstva [The German atrocities]. 11th December.
27. *Priamurskie vedomosti*. (1914n) Avstriyskie zverstva v Karpatskoy Rusi [The Austrian atrocities in Carpathian Rus]. 11th December.
28. *Priamurskie vedomosti*. (1914o) Eshche nemetskie zverstva [More on German atrocities]. 11th December.
29. *Priamurskie vedomosti*. (1915a) Nemetskie zverstva [The German atrocities]. 16th July.
30. *Priamurskie vedomosti*. (1915b) Oborona Osovtsa [The Defence of Osovets]. 1st January.
31. *Priamurskie vedomosti*. (1914p) General ot infanterii N.N. Martos [General of Infantry N.N. Martos]. 10th September.
32. *Priamurskie vedomosti*. (1914q) D.F. Sukachev. 23rd September.
33. *Priamurskie vedomosti*. (1914r) Ego Vysochestvo knyaz' Oleg Konstantinovich [His Highness Prince Oleg Konstantinovich]. 4th November.
34. *Priamurskie vedomosti*. (1915c) Voennye telegrammy Petrogradskogo telegrafnogo agentstva. Ot Shtaba Verkhovnogo glavnokomanduyushchego. 17 yanvarya [Military telegrams of Petrograd Telegraph Agency. From the Staff of the Supreme Commander. January 17]. 20th January.
35. *Priamurskie vedomosti*. (1915d) Voennye telegrammy Petrogradskogo telegrafnogo agentstva. Ot Shtaba Verkhovnogo glavnokomanduyushchego. 18 yanvarya [Military telegrams of Petrograd Telegraph Agency. From the Staff of the Supreme Commander. January 18]. 22nd January.
36. *Priamurskie vedomosti*. (1914s) K naseleniyu [To the peoples]. 29th July.
37. *Priamurskie vedomosti*. (1914t) Khronika [Chronicle]. 23rd December.
38. *Priamurskie vedomosti*. (1915e) Khronika [Chronicle]. 3rd January.
39. *Priamurskie vedomosti*. (1915f) Otchet Priamurskogo komiteta po okazaniyu pomoshchi ranenym, uvechnym i bol'nym voynam i ikh sem'yam [Report of the Amur Committee of the Assistance to the Wounded, Sick and Maimed Soldiers and Their Families]. 16th June.
40. *Priamurskie vedomosti*. (1915g) Otchet Priamurskogo komiteta po okazaniyu pomoshchi ranenym, uvechnym i bol'nym voynam i ikh sem'yam [Report of the Amur Committee of the Assistance to the Wounded, Sick and Maimed Soldiers and Their Families]. 17th October.
41. *Priamurskie vedomosti*. (1914u) Velikaya vojna [The Great War]. 11th November.
42. *Priamurskie vedomosti*. (1915h) Prazdnovanie novogo goda v Khabarovske [New Year in Khabarovsk]. 3rd January.
43. *Priamurskie vedomosti*. (1915i) Turki i my [The Turks and we]. 24th February.
44. *Priamurskie vedomosti*. (1915j) Chto dast Rossii pobeda [What does the victory mean for Russia]. 9th April.
45. *Priamurskie vedomosti*. (1915k) Probudivshayasya Rossiya [The Awakened Russia]. 25th July.
46. Bobrov, D. (1916) Bor'ba s nemetskim zasil'em [The fight against German dominance]. *Priamurskie vedomosti*. 10th September.
47. *Priamurskie vedomosti*. (1915l) Russkaya nauka i russkie uchenye [Russian science and Russian scientists]. 24th October.
48. Pozdneev, Dm. (1916b) Rossiya kak tsentr i opora slavyanstva [Russia as the center and support of Slavs]. *Priamurskie vedomosti*. 19th May.
49. Urmanov, A.V. et al. (eds) *Entsiklopediya literaturnoy zhizni Priamur'ya XIX–XXI vekov: k 155-letiyu obrazovaniya Amurskoy oblasti* [The Encyclopedia of the Literary Life of Amur Region in the 19th – 21st centuries: To the 155th anniversary of Amur region]. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University.
50. Russian State Historical Archives of the Far East (RGIA DV). Fund 1. List 1.
51. Russian State Historical Archives of the Far East (RGIA DV). Fund 1. List 7.
52. *Priamurskie vedomosti*. (1914v) Prikazy Priamurskogo general-gubernatora [Orders of the Amur Governor-General]. 23rd January.
53. *Dalekaya okraina*. (1916) S'ezd predstaviteley ofitsial'nykh izdaniy [The Congress of representatives of official press]. 19th February.

УДК 94(575.2)

DOI 10.17223/19988613/41/5

Д.С. Маджун

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ СИЛ НА ХОД ВОССТАНИЯ В СЕМИРЕЧЬЕ В 1916 г.

В начале XX в. усиливается борьба империалистических государств за передел мира и вытеснение России из Центральной Азии, для достижения этой цели используется народное недовольство, вызванное царским указом о реквизиции туземных рабочих для работы в тылу. Автор приходит к выводу о том, что наряду с другими социально-экономическими предпосылками восстания немаловажную роль в развязывании этого конфликта сыграл иностранный фактор. Все народы Туркестанского края стали инструментом борьбы в руках иностранных государств против российского влияния в этом регионе.

Ключевые слова: восстание; киргизы; дунгане.

Во время Первой мировой войны, несмотря на ряд территориальных потерь, русские войска в 1914–1916 гг. одержали несколько крупных побед в Европе и Турции, а Россия как никогда была близка к победе над Германией. В начале 1916 г. русские войска разгромили турецкую армию, овладев городами Эрзерум, Трапезунд, Эрзинджан и Муш. Пока русские сражались на Восточном фронте, немцы не могли перебросить все свои войска на Запад. Несмотря на существенные военные победы Германии к концу 1915 г., ее генеральная цель – полное поражение одного из противников и вывод его из войны – не была достигнута.

Усиление экономической и военной мощи Российской империи было крайне невыгодно европейским государствам, стремившимся распространить свое влияние на евроазиатском континенте. Турция и особенно Германия тратили огромные деньги на дестабилизацию внутривосточной обстановки в России и на ее окраинах, не жалея средств на пораженческую и социалистическую пропаганду, с целью разрушить царскую империю изнутри.

Турция, потерпевшая ряд крупных поражений от России, стремилась отвлечь русские силы от Кавказского фронта, лелея надежду в случае успеха повстанцев осуществить свой план по созданию в Средней Азии мусульманского государства под своим протекторатом. В донесениях в департамент полиции отмечалось, что пропаганда, инициированная Стамбулом, велась довольно-таки интенсивно: говорилось о бабьих бунтах с участием мусульманок, тайных сборах денег в пользу Турции, распространении слухов о её победах и возможном изгнании русских из Туркестана. Повсеместно распространялись слухи о поражениях русских войск, а самые малые успехи немцев, и особенно турок, безудержно восхвалялись. Китайские анархисты и контрабандисты хотели использовать эту ситуацию, чтобы вывезти опиум из Семиречья.

России эти нарастающие недовольства в Средней Азии были не только не выгодны, но и опасны вследствие возможной потери контроля над этой огромной стратегически важной территорией, на освоение которой были затрачены десятки лет и огромные средства.

К. Усенбаев указывает, что в начале XX в. участилось паломничество состоятельных лиц из Средней Азии в Мекку, число паломников составляло до нескольких тысяч человек в год. В это же время оживилась деятельность турецких агентов, призывавших к священной войне против «неверных». В период Первой мировой войны Турция, Германия и другие страны засылали в Среднюю Азию своих агентов. По инициативе германских империалистов в Берлине был созван съезд мусульман, на котором рассматривался вопрос об объединении народов, исповедующих ислам, и выступлении последних против «неверных», в частности русских. Император Вильгельм II «провозглашал себя покровителем ислама и даже более – божьим посланником» [1. Ф. 821. Оп. 133, 1913–1917 гг. Д. 471. Л. 21]. Германия издавала множество газет и журналов на восточных языках и в огромном количестве распространяла их в мусульманском мире [2. С. 78–79, 235].

Англичане создали в Индии особые школы по подготовке из мусульман военных разведчиков. Эти курсанты в большом количестве направлялись в Среднюю Азию, где под видом торговцев, ишанов и дервишей (религиозные проповедники) вели разведку. После Первой русской революции (1905–1907) британская разведка при сборе сведений о важных в стратегическом отношении районах стала обращать повышенное внимание не только на военные объекты и состояние экономики, но и на политическую жизнь и международные отношения в конкретных регионах [3].

Россия в это время переживала глубокий политический и социально-экономический кризис старого общественного строя, сопровождавшийся падением авторитета царя и его окружения, ростом инфляции, при том, что правительство было неэффективным и коррумпированным.

В ходе Первой мировой войны Россия понесла наибольшие потери и жертвы из-за своей технико-экономической отсталости и неподготовленности к войне, что только усилило глубокий системный кризис в стране. Об этом свидетельствовало обострение политической обстановки внутри страны, а неспособность монарха принимать самостоятельные взвешенные ре-

шения приводила к необратимому процессу разрушения государственной власти.

В ходе войны Россию наводнили немецкие агенты, проникнув в высшие эшелоны власти и ставку Главного командования. Практика назначения бездарных, но обладающих нужными связями людей, многие из которых были связаны с немецкой разведкой, была широко распространена во всей Российской империи. Ряд подобных деятелей за эти связи даже успели попасть на скамью подсудимых. Так, военный министр Сухомлинов создал свою тайную сеть шпионажа (контрразведки) во главе с полковником Мясоедовым, которая, как выяснилось позже, занималась шпионажем в пользу Германии, за что Мясоедов впоследствии и был казнен.

Лидер кадетской партии П.Н. Милуков отмечал, что на закрытом заседании по вопросам, связанным с военной программой, Сухомлинов проявил полную некомпетентность в военных делах. Он не имел ни малейшего представления о проводимых в армии мероприятиях и о «реформе», суть которой должен был изложить, «он знал не больше человека, только что прибывшего с Луны» [4. С. 87].

Прошедший в 1917 г. судебный процесс по делу военного министра Сухомлинова вскрыл главные причины, вызвавшие военную катастрофу России в 1915 г. Выяснилось, что ещё в 1907 г. был разработан план пополнения запасов армии и отпущены государственные кредиты на эти цели. В течение управления Сухомлинова ведомство получило особый кредит в 450 млн руб. и не израсходовало из них 300 млн руб. Это стало причиной того, что уже к октябрю 1914 г. иссякли все запасы для вооружения пополнений, также именно при нем проводились мероприятия, спровоцировавшие кровавый конфликт в Семиречье в 1916 г.

А.И. Деникин, характеризуя личность военного министра, писал, что «когда в августе 1917 г. на скамью подсудимых сел виновник военной катастрофы Сухомлинов, личность его произвела только жалкое впечатление. Гораздо серьезнее, болезненнее встал вопрос: “Как этот легкомысленный, невежественный в военном деле, быть может, сознательно преступный человек мог держаться у кормила власти 6 лет?”» [5. С. 81, 99].

Царские указы и мероприятия правительства в отношении многонациональных народов окраин накануне восстания носили необдуманый, подчас абсурдный характер, шедший вразрез с государственными интересами России, и объяснить это только непрофессионализмом министров царского правительства невозможно. Выполнение этих распоряжений на местах сопровождалось злоупотреблениями и открытыми провокациями местной администрации. Агенты вражеских держав проникли в высшие эшелоны власти, оказывая самое глетворное влияние на всю вертикаль власти. Бесконтрольность и коррупция подтачивали всю систему управления, начиная от столицы Туркестанской и Семиреченской администрации и заканчивая последней волостью.

25 июня 1916 г. был обнародован царский указ «О привлечении мужского инородческого населения по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе действующей армии, а равно для всех иных необходимых для государственной обороны работ» [6. С. 219]. В Туркестане началась реквизиция на тыловые работы 200 тыс. коренных жителей для рытья окопов на фронте. Этот указ, разработанный Б.В. Штюмером, и неправомерные действия местных властей по его осуществлению привели к кровавым столкновениям с российскими властями коренного населения Туркестана. В результате погибли тысячи мирных жителей Туркестана и Семиреченской области, были сорваны значительные поставки продовольствия для армии и тыла, что в немалой степени способствовало поражению России в войне и ускорило насильственную смену власти в стране.

Война еще больше ухудшила социально-экономическое положение народных масс: увеличилась налоговая нагрузка, появились новые повинности. Незаконные изъятия земли и водных источников, взяточничество, открытый грабёж, незаконные аресты, угнетающая политика более сильной и господствующей нации порождали глухое недовольство коренных народов края, поставленных на грань голода и нищеты. Именно это стало главной причиной народного восстания 1916 г., прокатившегося по всему Туркестанскому краю и Семиреченской области в частности. Наступление русских переселенцев на земельную собственность и права коренного населения края вынуждали его искать поддержки у мусульманских стран – той же Турции, – обещавших избавление из-под власти «неверных».

Подрывную деятельность в толще мусульманских народов Семиречья легче всего было вести с территории соседнего Китая. По донесениям русских консулов из Кульджи и Кашгара, в конце 1914 г. резко усилилась деятельность германо-турецкой агентуры в Восточном Туркестане.

Китайское правительство ограничило выезд мусульман в Россию, выпуская их на месячный срок небольшими группами и снабжая деньгами и одеждой. Все это делалось втайне от русского консула в Кульдже. В начале 1915 г. из Пекина вышло циркулярное распоряжение губернаторам всех провинций иметь в полной готовности в каждой провинции десятитысячное войско. А в апреле 1915 г. из Кульджи наблюдался массовый проезд торгующих китайцев через станцию Баши, которые затем растворялись на просторах Семиречья, никем не контролируемые. Тысячи китайских рабочих были привлечены к строительству железной дороги, рытью канала и выращиванию опиумного мака в Пржевальском уезде [7. Ф. 44. Оп. 1. Д. 17655. Л. 158, 165, 172].

Центральные власти Китая оказывали всемерную поддержку германо-турецким агентам, свободно чувствующим себя на территории Средней империи.

Так, проживающие в Яркенде германские офицеры заявили уездному начальнику, что если в их ставку будут допускать русских или английских подданных, они их будут убивать, а китайские подданные могут беспрепятственно посещать немцев. Немцы также потребовали доставки фуража и еды, заявив, что в случае неисполнения будут жаловаться императорскому посланнику в Пекине [7. Д. 38239. Л. 9–11, 17].

К июню 1915 г. численность военнопленных в Туркестанском крае превысила 148 тыс. человек [8. С. 525, 556], а к марту 1916 г. их общее число достигло 200 тыс. человек. Это превышало численность населения городов, в которых они размещались [9. С. 98–124]. Многие из них занимались провокациями и подстрекательством, распространяли ложные слухи, а власти были не в состоянии обеспечить за ними достаточный контроль и предотвратить побег в соседние государства.

Странно, что тысячи военнопленных вражеских армий не использовались для работы в тылу, а отправлялись в теплый Туркестан, где мужское русское население было призвано на войну, при этом планировалось забрать еще 200 тыс. молодых здоровых мусульман для тыловых работ. После проведения в жизнь указа от 25 июня в Туркестане остались бы старики, женщины, дети и многотысячная армия пленных – хорошо обученных военных – и китайско-подданные рабочие, среди которых орудовали анархисты. Подобные действия министров царского правительства шли вразрез с интересами страны, более того, ставили под удар ее территориальную целостность и население Туркестана.

Поражение России в войне с Японией и неудачи русского оружия в Первой мировой войне породили в правящих кругах Китая надежду ослабить позиции России в Синьцзяне. Китайские власти не только принимали бежавших из России военнопленных вражеских армий, но и оказывали им поддержку и покровительство. Так, Синьцзянский губернатор распорядился отправить в Урумчи бежавших из России в Кашгар военнопленного германца и австрийца и прибывших в Яркенд из Афганистана немецких офицеров со всеми сопровождавшими их лицами [7. Ф. 44. Оп. 1. Д. 38239. Л. 14].

В.А. Моисеев отмечает, что в организации восстания в Семиречье принимали участие известные в Синьцзяне участники Синьхайской революции Ли Сяофын и Юй Дэ-хай, которые состояли членами секретного общества «братьев» («Гэ-Лао-Хуэ») [10. С. 302].

В Кульджинском районе члены этого общества подвергались преследованию, и многие его члены были казнены. В 1915 г. трое его членов были командированы в Семиреченскую область для пропаганды идеи свержения монархического строя. В Пржевальск прибыл Ян-Фань-Ма, в Пишпек – Ли-Синь-Фин (который перед поездкой принял магометанство) и в Верный – Дзин-Дзин-Юан, который позднее выехал в г. Токмак и поселился в дунганском с. Николаевском. Все они за-

нялись вербовкой в свои ряды дунган – русско-подданных и китайско-подданных и часть киргизов, и только в Пржевальске им удалось образовать банду в 1 000 человек [11. С. 205].

Из дознания, произведенного начальником Верненского сысского отделения от 2 сентября 1916 г., видно, что члены тайного общества «Гэ-Лао-Хуэ» в числе четырех человек призывали среди дунган селения Каракунуз к восстанию против русских властей. Они планировали после изгнания русских властей из пределов Туркестанского края образовать здесь отдельные ханства под управлением мусульман [Там же. С. 215]. Подрывная деятельность китайских монархистов в с. Николаевском (Каракунуз) проводилась среди молодых дунган, подлежащих призыву, которых подбивали восстать против русских. Но идеи монархистов не нашли поддержки среди местных дунган, которые на собрании в мечети даже приняли присягу не изменять русскому правительству [10. С. 208–209].

Если в Китае за принадлежность к партии «Гэ-Лао-Хуэ» власти сразу приговаривали к казни, в Семиречье обходились с ними более гуманно, поэтому численность приверженцев этой партии накануне восстания возросла в сотни, если не в тысячи раз. Осенью 1916 г. китайско-подданные Ма-Сян-Ян Малифу, Ян-Зу-Ян, Ян-Фу-Чуй, Гу-Сю-Ву, Гу-Юн-Тай и Ли-Син-Фин за подстрекательство дунган Пишпекского уезда к беспорядкам были заключены в Пишпекскую тюрьму на три месяца каждый [12. С. 23].

Дунганское население Кашгара находилось в тесной связи с дунганами Пржевальского уезда, многих из них связывала преступная деятельность по контрабанде опиума в пределы Китая. Русский консул в Кашгаре допускал возможность возникновения между ними преступных и другого рода отношений. Во многих документах говорится о том, что все члены общества «Гэ-Лао-Хуэ» попадали в Семиречье под видом рабочих, на самом же деле занимались подготовкой населения к восстанию и образованию отдельного ханства [11. С. 217, 224–226].

Так, по свидетельству крестьянина с. Николаевского Гу-Ган-Фу Гушинтая, постоянно проживающего в г. Сандуне, в начале июня, после объявления указа о реквизиции, к нему пришел китайско-подданный дунганин Джин-Эр-Шанью и сообщил о письме из Пржевальска от одного из руководителей китайского общества «Гэ-Лао-Хуэ» Южи-Хая. Тот писал о том, что, проживая в Пржевальском уезде среди киргизов и дунган, он успел подготовить почву к восстанию мусульман против русских в Семиречье и просил его, Джин-Эр-Шанью, немедленно выехать в Токмак, чтобы подготовить местное население к восстанию. Южи-Хай также писал, что если восстание позволит сделаться ему ханом, то он назначит Джин-Эр-Шанью своим помощником.

В Мариинской волости именно подданные Китая стали зачинщиками и главными организаторами мяте-

жа в Пржевальском уезде. Об этом свидетельствуют многие архивные документы. Так, в одном из них говорится, что агитация шла из Кульджи и Кашгара, где масса немцев занималась темными делами. В горах над Пржевальском в начале августа происходят собрания киргизов, на которых ораторствуют агитаторы из Китая. В Семиречье и Кашгарии ходили упорные слухи, что в подготовке восстания участвовал даже бывший губернатор Кашгара Ю Нома, а из Синьцзяна в Семиречье, якобы, тайно поставлялось оружие [7. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2123. Л. 105–106].

Накануне восстания под предлогом покупки опиума из Китая в Семиречье прибыло значительное число (до нескольких тысяч) казахов и киргизов, дунган, уйгуров, китайцев, сартов и калмыков. Многие из них были вооружены и вели активную антирусскую пропаганду среди казахского и киргизского населения, убеждая его в том, что мусульман посылают на фронт с «целью перебить, а земли отдать русским поселенцам». Современник отмечал, что китайские анархисты могли проникнуть свободно только на Каркару, в Пржевальский и Пишпекские уезды в числе рабочих, привлеченных опиумным делом. Идея анархистов поднять восстание пришла по душе некоторой части дунган с Мариинского, промышлявших контрабандой опия.

Русские консулы из Китая сообщали о том, что анархисты имели сношения с немецкими агентами, шнырявшими в Кульдже и Кашгаре, а мятеж разгорелся в тех районах, где было большое скопление китайских сезонных рабочих, и охватил главным образом район Каркары, бассейн озера Иссык-Куля и верховья долины реки Чу [13. Л. 129]. Именно в этих районах Семиречья наблюдались признаки организованности повстанцев с использованием совершенно новых для того времени и той местности элементов техники и военных методов осуществления «народного недовольства».

Военные отмечали, что восставшие организовывали отряды на манер воинских подразделений, имели свои опознавательные знаки, работала разведка, при подготовке к наступлению повстанцы окапывались, между отрядами наладили оптическую сигнализацию. То есть восставшими руководили опытные военные, владевшие тактикой современного боя, с которой не служившие в армии скотоводы были не знакомы.

Многочисленные письменные сообщения и свидетельские показания очевидцев подтверждают факт организации иностранными агентами протестных выступлений мусульман Туркестана. Этот же факт находит свое подтверждение и в ряде общих черт, присущих восстанию киргизов и казахов в 1916 г. и современным «цветным революциям», которые являются продуктом деструктивной деятельности иностранных спецслужб, стоящих на защите финансовых интересов крупной буржуазии. Рассмотрим некоторые из распространенных сегодня приемов, применявшиеся и в событиях 1916 г. в Семиречье.

1. *Финансовая и моральная поддержка оппозиционных антиправительственных сил, а само руководство восстанием происходит из-за рубежа.*

О степени и глубине внедрения немецких агентов в Ставку Главного командования и правящие круги России говорит хотя бы тот факт, что сама императрица, немка по происхождению, настойчиво требовала сепаратного мира с Германией. Эта же идея активно продвигалась при помощи большевиков во главе с Лениным.

К тому времени «немцы уже позволили Владимиру Ильичу вернуться в запломбированном железнодорожном вагоне в Россию из Цюриха, где он находился с начала войны» [14. С. 134]. Прибыв в Петроград в апреле 1917 г., Ленин выступил со знаменитыми апрельскими тезисами, призывающими к борьбе с войной, миру с Германией без аннексий и контрибуций, и полной ликвидации в России государственного аппарата и армии.

Первым декретом большевистского правительства стал «Декрет о мире», признавший поражение России в войне с Германией. Так интересы Российского государства были принесены в жертву его врагам.

Генерал-губернатор Туркестанского края А.Н. Куропаткин в августе 1916 г. писал военному министру Шуваеву, что «во время великой войны киргизское население подготавливалось к восстанию германскими офицерами, проникшими в Афганистан и Кашгар. Были также найдены указания на причастность к беспорядкам в Семиречье китайских анархистов партии “Геляо”, имевших связь с немецкими агентами. Влияние фанатично настроенных мулл, живущих среди киргизов тоже несомненно» [15. Док. № 237. С. 346].

2. *Антиправительственная агитация и распространение ложных слухов.*

Уже в начале 1915 г. в Семиречье стали активно и массово проникать граждане иностранных государств, контроль над которыми, в силу разных причин, не мог осуществляться в полном объеме. В Семиречье были сосланы тысячи военнопленных, среди которых были агенты – подданные Турции, Германии и Австрии, которые уже в начале 1915 г. стали предпринимать безуспешные попытки бегства в китайские пределы. Во время Первой мировой войны некоторые из подданных воюющих с Россией держав, подлежавшие выселению во внутренние районы России, избирали для своего жительства г. Ташкент, откуда предпринимали попытки тайно перейти в Персию, а оттуда вернуться на родину. По г. Ташкенту были расклеены прокламации, призывавшие к прекращению войны, к восстанию под красным флагом, отказу стрелять в народ во время революции и к оказанию помощи революционерам [7. Ф. 46. Оп. 1. Д. 229. Л. 5].

В это же время среди мусульманского населения края стали распространяться присланные из Медины письма, призывающие их готовиться к газавату – свя-

ценной войне против «неверных» [7. Ф. 44. Оп. 1. Д. 17655. Л. 1, 5, 12, 28, 45, 62, 97].

На организационную роль иностранных агентов в мятеже мусульманских народов Семиречья указывали свидетели, бывшие в киргизском плену в Китае. Так, свидетельница Игнатьева видела и беседовала с муллой из Афганистана и каким-то турком. Они говорили, что около года разъезжали по Семиречью, главным образом по Пржевальскому уезду и югу Пишпекского – в Сарыбагишевской волости, и вели пропаганду восстания среди манапов и почетных киргизов. Среди русских крестьян также стали распространяться слухи, что туземцы готовятся к восстанию против русских. Современник писал, что непосредственным поводом к восстанию стали нелепые слухи о том, что на рытье окопов призвуют абсолютно все мужское население [15. Док. № 265. С. 396].

Мусульманскому населению прививалось чувство острого недовольства складывающейся в стране ситуацией и поддерживалось стремление группы активной молодежи взяться за оружие и выступить против русской власти.

Общее впечатление от всех поступивших в это время донесений из уездов было таково, что тревога и боязнь перед неизвестным будущим являлись основным настроением кыргызов и казахов, среди которых образовались два течения: одни были за реквизицию рабочих, другие – против.

Решимость руководителей восстания созрела и окрепла неожиданно быстро потому, что в их заблуждениях их поддержали чьи-то прокламации, гласившие о слабости России, о непобедимости Германии и о близком вторжении в Русский Туркестан китайцев. Ходили преувеличенные слухи о победах врагов России и слабости военной охраны в Семиречье, так как в 1915 г. все русское население Семиречья было обезоружено и 7 500 берданок было отправлено в армию [7. Ф. 77. Оп. 1. Д. 40. Л. 258].

Имелись достоверные указания в сообщениях русских консулов из Кашгара и Кульджи, что германские агенты и китайские анархисты, проникшие в Семиречье из Кульджи под видом сборщиков опиума, были причастны к беспорядкам в Семиречье.

Отставной губернский секретарь М. Поздняков в своих показаниях отмечал, что «руководителем настоящего восстания был кто-нибудь из влиятельных киргиз и при участии шпионов, так как среди киргиз все время какие-то неизвестные личности поднимали дух среди черни, говоря, что Токмак, Пишпек, Верный уже взяты, Пржевальск заняли китайцы, перебив все мужское население, оставив женщин и детей и не уничтожив дома. На железной дороге произошло крушение, где убито две тысячи солдат, взят обоз с ружьями <...> и каждое такое событие праздновалось заколом скота и молением киргиз» [16. С. 77].

В событиях 1916 г. последней каплей, заставившей киргизов подняться, стали письма от имени одного из

сыновей Шабдана и других манапов Сарыбагишевской волости, которые 9 августа были разосланы верховными. В них говорилось о якобы успешном уничтожении Пишпека и Токмака, отобрании казенного табуна и содержался призыв всем киргизам открыто примкнуть к восставшим и соединиться под священными знаменами Шабдана Ходжи [7. Ф. 44. Отд. 1. Ст. 2. Д. 16925. Л. 17]. На самом деле эта информация ничего общего с реальным положением дел не имела.

3. Наличие символа у протестующих как средства общения и идентификации единомышленников.

Современные «революционеры» используют в качестве символов цветы, флаги, зонтики и пр., которые затем ложатся в название очередной революции: «тюльпановая», «оранжевая», «революция роз» и т.д.

По поводу волнений среди кыргызов и казахов Верненского, Пишпекского, Пржевальского и Джаркентского уездов и.о. начальника штаба Туркестанского военного округа М.Н. Михайловский писал: «Обращает на себя внимание организованность мятежных киргизов: в некоторых бандах имеются значки-знамена, на шапках многих бунтовщиков надеты однообразные металлические бляхи, в горах устроены мастерские для выделки холодного оружия и пороха, скопища киргизов управляются, применяется оптическая сигнализация для передачи сведений о движении наших отрядов, при перестрелках киргизы окапываются. Сам мятеж именуется у киргизов войной. Часть вооружения доставлена мятежниками из пограничных местностей Китая, где, по-видимому, находятся германские и турецкие агенты и агитаторы, воспользовавшиеся набором рабочих как ближайшим поводом для возбуждения восстания, подготовлявшегося ими с самого начала войны» [15. Док. № 239. С. 347].

Один из предводителей мятежников Канат Абукин показывал, что у повстанцев было 24 флага для удобства командования, сам же он выступал под красным флагом [7. Ф. 77. Оп. 1. Д. 571. Л. 57].

4. Кампания неповиновения властям: митинги, собрания, отказ от выполнения правительственных указов.

В конце июля – начале августа в различных волостях Верненского, Пржевальского, Пишпекского уездов проходили съезды кыргызов и казахов, для чего был законный предлог – составление списков, на которых обычно принималось решение о противодействии царскому указу. На них присутствовали много почетных киргизов и муллы. На одном из таких съездов, происходивших на Аксуйском джайлау, было прочитано письмо якобы от волостного управителя Николаевской (Дунганской) волости Булара, в котором он просил на работы в армию людей не давать, а в случае настойчивого требования властей подготовить молодых людей к вооруженному сопротивлению. Холодное оружие должны были подготовить киргизские кузнецы. Булар обещал выдать оружие, которое у него якобы хранится в Каракунузе. Присутствовавшие согласились

с планом Булара и в знак согласия закололи двух белых кобыл и совершили бату (присягу) об отказе выполнить царский указ. О своем решении съезд отправил секретные письма во все волости [7. Ф. 44. Оп. 1. Ст. 2. Д. 16927. Л. 28–29].

Истинность этого донесения, как и настоящий автор письма, не были установлены. Но подобные присяги были приняты молодежью во многих волостях, несмотря на призывы представителей национальной интеллигенции дать рабочим по мобилизации, чтобы не обострять отношения с русской администрацией и избежать кровопролития.

5. Провокация на агрессию как повстанцев, так и правительственных сил.

Все современные «цветные революции» начинаются с мирных акций протеста населения, где ядром выступает пара-тройка сотен обученных боевиков, которые провоцируют на агрессию как население, так и власти. В настоящее время используются снайперы, стреляющие и по протестантам, и по представителям власти и полиции.

Начало массовому избиению русских крестьян, а затем всех туземцев, независимо, принимал ли он участие в мятеже или нет, было положено провокациями как со стороны русских, так и со стороны мусульман. Фольбаум признавался, что среди русских были злостные провокаторы, полагавшие, что бунт киргизов принесет выгоды русским как при подавлении мятежа, так и после возможной конфискации земель [Там же. Оп. 2. Ст. 2. Д. 16921. Л. 222]. Судя по всему, такая идея владела умами не только простого русского населения, но и людьми, облаченными властью и имеющими оружие.

Поводом к нападению киргизов на Токмак и Покровское стало письмо Мамбеталы Мурталинина Шамсинской волости, извещавшее, что крестьяне с Покровского убили шамсинского волостного управителя, а в Токмаке – киргиза Раимбека с семьей. Возмущенные убийством своих соплеменников киргизы 13 августа выступили на Токмак и Покровское с целью отомстить обидчикам [Там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 571. Л. 56].

Слухи, распускаемые в Пржевальске 11 августа, об убийствах русских крестьян китайскими агентами и дунганями Мариинска спровоцировали грабежи и массовую резню дунган, других мусульман и китайских подданных в Пржевальске. Эти события развязали руки китайским анархистам и дунганам, которые на Мариинской дороге начали избивать русских крестьян, бегущих в Пржевальск [17. С. 37, 55–56, 58].

6. Обучение боевиков и скрытое снабжение их оружием.

Во время восстания направляющая рука чувствовалась в повсеместном, первоочередном разрушении связи. Телеграфная связь не просто прерывалась, а полностью разрушалась: телеграфные аппараты уничтожались, а телеграфные столбы увозились. Причём телеграфные линии разрушались целенаправленно, плано-

мерно и неоднократно с поразительной настойчивостью. Куропаткин, описывая осаду Токмака, сообщал, что «телеграфная линия Пишпек – Токмак разрушена. Неоднократные попытки исправить её под охраной войск успеха не имели, так как всё сделанное по уходе ремонтников шайками киргиз вновь разрушается. Видно, что это не стихийный погром; чувствуется указание, как разрушать» [1. Ф. 1292. Оп. 1. Д. 1933-а. Л. 250].

Сотни столбов на протяжении многих километров были целенаправленно спилены пилами, которые в быту кочевников не использовались. Начальник жандармского управления строящейся Семиреченской железной дороги подполковник Косоротов 11 августа сообщил: «Нет сомнения, что всё организовано и руководится умелыми людьми и настолько предусмотрительно, что даже дорога на Сусамырском перевале исправлена самими киргизами для того, чтобы сусамырское скопище могло свободно и скоро двинуться на Пишпек и окрестные сёла» [15. С. 339].

В те времена казаки передавали сигналы при помощи костров, киргизы же передавали не сигналы, а конкретные сведения посредством специальных оптических устройств и фонарей, которых у кочевников не имелось. В донесении военному министру от 17 августа Куропаткин также сообщал: «В районе Токмак – Пишпек киргизы применяют оптическую сигнализацию для передачи сведений о движении наших отрядов». [Там же. С. 345]. Священник села Преображенского Пржевальского уезда сообщил, что ночью восставшие «в разных местах высоко приподнятыми фонарями, наклоняя их в ту или другую сторону, делали какие-то знаки» [1. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2767. Л. 85].

Заведующий Пржевальским оброчным подрайоном сообщил: «Мятеж готовился не только изнутри, но и извне. Пленные (например, крестьяне села Кольцовского Семён Меньших и другие, пробывшие в плену у киргиз по месяцу и больше) слышали от многих киргиз рассказы о том, как представители не только рода Шабдана, но и Тонской, Улахольской и других волостей были в Турции, где получили деньги, оружие и обещание устроить в Туркестане особое Киргизско-сартовское царство. Условием для этого ставилось уничтожение русских. Во всём Туркестане, несомненно, имела место турецко-немецкая пропаганда» [Там же. Ф. 396. Оп. 7. Д. 764. Л. 63].

В конце июля 1916 г. Токмакский участковый пристав Байгулов после получения агентурных сведений о наличии оружия у киргизов выехал в урочище Акпатектыр Шамсинской волости. При обыске в ауле № 114 у Бектурсуна Бегалиева было найдено два ружья. При допросе Бегалиев показал, что одно ружьё он купил весной у крестьянина Семёна Максимова, а второе ему дал киргиз его же аула Алчир Тугелов через два дня после объявления о призыве на тыловые работы. Дополнительно Бегалиев сообщил: «Ружьё это мне дали для того, что когда будет назначен призыв кирги-

зов, то нам дадут порох и пули, и мы должны воевать с русскими. Алчир раздал на 10 юрт три ружья. Так же и выдавались и шашки по 5 штук на 10 юрт, и приказывалось заготовить черенки для пик, которые обещали раздать после изготовления черенков. Также я видел, как киргиз Шалпыкбай Ешин раздал своим киргизам 25 лошадей для того, чтобы на них воевать с русскими. Такие приготовления делались во всех девяти волостях Токмакского участка, в Загорном и Атбашинском участках. Это я узнал из разговоров между старыми людьми. Ружья были привезены из Атбашинских волостей и раздавались Максым-Ходжой Тоголокходжаевым и другими влиятельными лицами» [18. Ф. И-75. Оп. 1. Д. 26. Л. 11 об, 12].

Т. Омурбеков [19. С. 143] приводит ряд важных сведений о начале вооруженной борьбы народных масс Пржевальского уезда в первых числах августа. Начальнику Пржевальского уезда полковнику Иванову от должностных лиц поступали заявления, что местные жители готовятся к восстанию. Киргизы и дунгане в громадном количестве закупили ножи и косы, а в кузницах ковали копья. Кроме этого, киргизы начали скупать лошадей, седла, уздечки, подковы, железо. Дунгане скупали муку, чай и сахар. А в одном из домов дунган в с. Мариинском (Ирдык) пржевальским инструктором полеводства Каракашем при розыске опиума был случайно найден склад разного оружия. По сведениям пржевальского уездного начальника киргизы посылали своих представителей к сарт-калмакам за свинцом и порохом [18. Ф.И-34. Оп. 2. Д. 5. Л. 15 об, 156].

7. Применение угроз и силы к нежелающим присоединиться к повстанцам.

Каждая киргизская волость, участвовавшая в боевых действиях, должна была дать бойцов по числу юрт [17. С. 68]. Обычно боевой отряд волости состоял из трех-четырёх сотен всадников, многие из которых были вовлечены туда силой и принуждением небольшой группой боевиков.

В одном из документов указывается, что 1 августа руководители повстанцев Сарыбагишевской волости Пишпекского уезда связались с повстанческими отрядами других районов. Они разослали послания и гонцов во все каракиргизские волости Пржевальского и Пишпекского уездов. Значительные группы их гонцов не только вели агитацию, но и принимали меры энергичного воздействия на колеблющихся и трусливых [7. Ф. 44. Оп. 1. Св. 2. Д. 16920. Л. 21].

Один из руководителей повстанцев, Канат Абукин, в своих показаниях отмечал: «Я с отрядом из киргизов своей волости в 300 человек напал на Токмак и Покровское лишь после известия о гибели Шамшинского волостного управителя и киргиза Раимбека. Против Токмака и Покровского выступили сообща 10 волостей, каждая – со своим начальником, которые были между собой равны. Всего было 4–5 тысяч бойцов, шли в бой верхом. Шли неохотно. Приходилось подгонять

сзади нагайками» [Там же. Ф. 76. Оп. 1. Д. 2140 б. Св. 92. Л. 245–248].

А. Боромбаев, служивший аксакалом на Арасане, в своих показаниях отмечал, что в августе бунтовщики прибыли на Кочкор к хану Абукину. Здесь стояло более 1 000 юрт. Участвовали киргизы Пржевальского и Пишпекского уездов. Среди них находились два человека, одетые в европейскую форму. Абукин и другие почетные киргизы объявили, что скоро придут к ним из Китая на помощь китайцы, турки, афганцы и др. По приказу Абукина было убито много киргизов, которые неохотно шли против русских [Там же. Д. 2140 б. Св. 92. Л.258].

У дунган Пржевальского уезда представителей партии «Большой Хазрет», не желавших принимать участие в мятеже, заставляли присоединиться к повстанцам представители партии «Малый Хазрет» и китайские подданные, избивая и угрожая оружием.

8. Вывоз ценностей за границу.

Целью китайских контрабандистов и скупщиков, активно участвовавших в беспорядках в Пржевальском уезде, был вывоз в Китай урожая собранного опиума, исчислявшегося сотнями тысяч и даже миллионами рублей. Преступная деятельность ряда представителей китайских властей принесла существенный ущерб русским интересам и громадные убытки русским подданным – кыргызам, казахам, дунганам и другим народам, которых обобрали на границе. Только возможные убытки киргизов от потери скота исчислялись 12–15 млн руб. [11. С. 180–184].

Удаленность центральной власти, близость внешних границ, многотысячная армия ссыльных военнопленных вражеских держав и китайско-подданных сезонных рабочих, коррумпированность местных органов власти, усиление налогового бремени – все это облегчило работу иностранным агентам по дестабилизации положения на восточной окраине Российской империи.

В то время, когда Россия с перенапряжением сил вела войну в Европе, провоцирование кровавого конфликта в Семиречье угрожало гибелью русского дела на этой восточной окраине. Для подавления восстания Россия вынуждена была снять часть войск с фронта, что не только ослабило, но и поставило под удар ее восточные рубежи. Пришлось снять несколько пограничных частей из без того малочисленных гарнизонов Кочкорки и Кушки, охраняющих государственную границу с Китаем. Русским властям, опасавшимся нападения китайцев со стороны Кульджи, оставалось надеяться на союзнические отношения с Японией, угроза нападения которой являлась сдерживающим фактором для агрессии Китая. Более тревожной оставалась слабость охраны границы с Афганистаном, который, как и Персия, в случае ослабления России мог встать в ряды ее врагов [20. Л. 19]. Германии и Турции было выгодно разжечь здесь огонь народного восстания, чтобы одержать победу на европейских фронтах.

Опираясь на ранее неопубликованные источники, С.К. Малабаев отметил несоответствие ряда положений советской историографии реальному положению вещей во время восстания 1916 г. Он справедливо замечает, что «восстание 1916 г. было в большей степени феодальным выступлением, направленным в антирусское русло, и было спланировано и спровоцировано агентами Германской и Османской империй, ведших войну с Россией и стремившихся оттянуть часть ее войск с восточного фронта» [21. С. 201].

Однако внутри страны, в высших эшелонах власти, были силы, предавшие интересы России в собственных корыстных целях. Российское государство, переживавшее социально-экономический кризис, к тому же ослабленное войной, не смогло противостоять сращиванию интересов ее внешних и внутренних врагов, которым удалось развязать кровавый конфликт 1916 г. в Семиречье, а через год уничтожить и всю государственную систему страны.

Мусульманскому населению прививалось чувство острого недовольства складывающейся в стране ситуацией, и поддерживалось стремление группы активной

молодежи взяться за оружие и выступить против русской власти.

Средняя Азия являлась стратегически важным районом для целого ряда государств, не только соседних – Китая, Афганистана, Персии, но и европейских – Англии, Германии и Турции. Абсолютно все народы Туркестанского края – кыргызы, казахи, узбеки, русские, уйгуры, дунгане и др. – стали инструментом борьбы в руках иностранных государств против Российского влияния в этом регионе. Все народы Семиречья стали жертвами иностранной подрывной деятельности вне зависимости от национальности и вероисповедания, потеряли своих близких и детей, лишились жилья и имущества, своими руками разрушили селения, телеграфное сообщение, оросительные каналы и пр. – все, что строили и создавали многолетним совместным трудом. Российское государство, затратившее огромные материальные и людские ресурсы на освоение этих территорий, хоть и смогло подавить восстание, но уже не в состоянии было остановить усиливающийся процесс разрушения монархических устоев государственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный исторический архив.
2. Усенбаев К. Восстание 1916 года в Киргизии. Фрунзе, 1967.
3. Мухлынин Б.Ф. История села Беловодское : в 3 т. СПб., 2015. URL: <http://belovodskoe-muh.ucoz.ru/index/0-2>
4. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993.
5. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии (февраль – сентябрь 1917 г.). М., 1991.
6. Возникновение и деятельность социал-демократических организаций в Туркестане: Летопись событий. Ташкент : Узбекистан, 1971. Ч. 1 (1903 г. – февраль 1917 г.).
7. Центральный государственный архив Республики Казахстан.
8. История Узбекской ССР. Ташкент, 1968. Т. 2.
9. Котюкова Т. Восстание 1916 г. в Туркестане – ошибка власти или историческая закономерность? // Обозреватель. 2011. № 2.
10. Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул, 2003.
11. Восстание 1916 года : док. и материалы. Бишкек, 2015.
12. Семиреченские областные ведомости. 1916. 14 окт. (№ 83).
13. Фонд рукописей и редких книг Нац. библиотеки Республики Казахстан. Инв. 66: Восстание казахов в Семиреченской области в 1916 г.
14. Джеймс Мортон. Шпионы Первой мировой войны / сокр. пер. с англ.: В. Крюков. Киев, 2010: (James Morton, Spies of the First World War. Under Cover for King and Kaiser. The National Archives Kew, Richmond, Surrey, United Kingdom. 2010).
15. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане : сб. док. М., 1960.
16. Скрипкина С.М. Изучение восстания 1916 года в Кыргызстане по материалам рукописного фонда Национальной академии наук Кыргызской Республики // Вопросы истории Кыргызстана. 2006. № 3.
17. Лесная Л.В. Восстание 1916 г. в Киргизии : док. и материалы. М., 1937.
18. Центральный государственный архив Кыргызской Республики.
19. Омурбеков Т.Н. Участие народностей Семиречья в национально-освободительном движении в начале XX в. (1900–1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1986.
20. Куропаткин, ген. Рапорт Николаю II от 22.02.1917 г. о восстании 1916 г. Ташкент, 1917. Фонд рукописей и редких книг Национальной библиотеки Республики Казахстан. Инв. № 69.
21. Малабаев С.К. Характер и специфика восстания 1916 года в Пишпекском и Пржевальском уездах // Комплексный подход в изучении природы, общества и человека : сб. докл. Междунар. науч. конф., посв. 110-летию со дня рождения С.М. Абрамзона. Бишкек, 2015.

Madzhun Djamilya S. Academy of Science of Kyrgyzstan, Center of Dungan and Chinese Studies (Bishkek, Kyrgyzstan). E-mail: djamad1966@mail.ru

THE INFLUENCE OF EXTERNAL FORCES IN THE COURSE OF THE UPRISING IN THE SEMYRECHYE IN 1916.

Keywords: the revolt; Kirgiz; Dungan.

Strengthening economic and military might of the Russian Empire was extremely unprofitable for European states sought to extend its influence in the Eurasian continent. Turkey and especially Germany have spent a lot of money to destabilize the internal political situation in Russia and on its outskirts, not sparing funds for defeatist and socialist propaganda to destroy the tsarist empire from within. The First World War strengthened the political and socio-economic crisis of the old social order in Russia, accompanied by a drop in the authority of the tsar and his entourage, rising inflation, despite the fact that the government was inefficient and corrupt. During the war, German agents flooded the Russian, penetrated the highest echelons of government and the High Command. Even more corrupt management system was in Turkestan edge and Semyrechensk area, control of which from the capital was difficult. The advent of Russian immigrants to own land and rights of the indigenous population of the region forced him to seek support from Muslim countries – the same Turkey – promise deliverance from the power of the "infidels." After implement the decree, developed by the head of government B.V. Sturmer, on 25 June 1916 on bringing indigenous population to work in the rear, in Turkestan were the elderly, women, children

and the army of many thousands of prisoners – a well-trained military and Sino-working citizens, among whom were active anarchists. Chinese anarchists could penetrate freely only Karkara, in Przewalsk and Pishpek counties in the number of workers involved opium business. It is in these areas uprising has become a mass and bloody character. The military noted, that insurgent groups have organized in the manner of military units, had their own insignia, worked intelligence in preparation for the offensive, the rebels dug, established between the optical signaling units. Contemporaries noted that the rebels led by experienced foreign military who owned the tactics of modern warfare, which the herdsmen do not serve in the army, were not familiar with. Absolutely all the peoples of Turkestan have become a tool of struggle in the hands of foreign states against the Russian influence in the region. The Russian state, the cost of huge material and human resources for the development of these areas, though failed to crush the rebellion, but was unable to stop the growing process of destruction of the monarchical foundations of statehood. As a result, thousands of civilians of Semyrechye and Turkestan region were killed, and were disrupted by significant food supplies for the army and the rear, which in no small measure contributed to the defeat of Russia in the war and hastened the violent change of power in the country.

REFERENCES

1. The Russian State Historical Archives.
2. Usenbaev, K. (1967) *Vosstanie 1916 goda v Kirgizii* [The rise of 1916 in Kyrgyzstan]. Frunze: Ilim.
3. Mukhlynin, B.F. (2015) *Istoriya sela Belovodskoe: v 3 t.* [The history of the village Belovodskoe. In 3 vols]. [Online] Available from: <http://belovodskoe-muh.ucoz.ru/index/0-2>.
4. Kerenskiy, A.F. (1993) *Rossiya na istoricheskom povorote. Memuary* [Russia in the historic turn. Memoirs]. Moscow: Respublika.
5. Denikin, A.I. (1991) *Ocherki russkoy smuty. Krushenie vlasti i armii (fevral' – sentyabr' 1917 g.)* [Essays on Russian turmoil. The collapse of the government and the army (February – September 1917)]. Moscow: Nauka.
6. Vakhobov, M.G. & Landa, L.M. (eds) *Voznikovenie i deyatelnost' sotsial-demokraticeskikh organizatsiy v Turkestane: Letopis' sobytiy* [The foundation and activity of Social-Democratic organizations in Turkestan: The chronicle of events]. Tashkent: Uzbekistan, 1971.
7. The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan.
8. Aminova, R.Kh. (ed.) (1968) *Istoriya Uzbekskoy SSR* [The History of the Uzbek SSR]. Vol. 2. Tashkent: Fan.
9. Kotyukova, T. (2011) *Vosstanie 1916 g. v Turkestane – oshibka vlasti ili istoricheskaya zakonomernost'?* [The rise of 1916 in Turkestan – an error of power or the law of history?]. *Obozrevatel' – Observer*. 2.
10. Moiseev, V.A. (2003) *Rossiya i Kitay v Tsentral'noy Azii (vtoraya polovina XIX v. – 1917 g.)* [Russia and China in Central Asia (the late 19th – 1917)]. Barnaul: Az Buka.
11. Kyrgyzstan. (2015) *Vosstanie 1916 goda* [The rise of 1916]. Bishkek.
12. *Semirechenskie oblastnye vedomosti*. (1916) 14th October.
13. *Fund of Manuscripts and Rare Books of the National Library of the Republic of Kazakhstan*. File 66: Rise of the Kazakhs in Semirechensk region in 1916.
14. Morton, J. (2010) *Shpiony Pervoy mirovoy voyny* [Spies of the First World War]. Translated from English by V. Kryukov. Kyiv: [s.n.].
15. Pyaskovsky, A.V. (ed.) (1960) *Vosstanie 1916 goda v Sredney Azii i Kazakhstane* [The Rise of 1916 in Central Asia and Kazakhstan]. Moscow: USSR Academy of Sciences.
16. Skripkina, S.M. (2006) *Izuchenie vosstaniya 1916 goda v Kyrgyzstane po materialam rukopisnogo fonda Natsional'noy akademii nauk Kyrgyzskoy Respubliki* [The study of the rise of 1916 in Kyrgyzstan based on the manuscripts of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic]. *Voprosy istorii Kyrgyzstana*. 3.
17. Lesnaya, L.V. & Riskulov, T.R. (1937) *Vosstanie 1916 g. v Kirgizii* [The rise of 1916 in Kyrgyzstan]. Moscow: State Socio-Economic Publ.
18. The Central State Archive of the Kyrgyz Republic.
19. Omurbekov, T.N. (1986) *Uchastie narodnostey Semirech'ya v natsional'no-osvoboditel'nom dvizhenii v nachale XX v. (1900–1917 gg.)* [Participation of peoples of Semirechye in the national liberation movement in the early twentieth century (1900–1917)]. Abstract of History Cand. Diss. Alma-Ata.
20. Kuropatkin. (1917) *Raport Nikolayu II ot 22.02.1917 g. o vosstanii 1916 g.* [The report to Nicholas II of February 22, 1917, about the rise of 1916]. Tashkent. Fund of Manuscripts and Rare Books of the National Library of the Republic of Kazakhstan. File 69.
21. Malabaev, S.K. (2015) [The nature and specifics of the rise in 1916 and Pishpek and Przhevalsky counties]. *Kompleksnyy podkhod v izuchenii prirody, obshchestva i cheloveka* [The integrated approach to the study of nature, society and human]. Proc. of the International Conference dedicated to the 110th anniversary of S.M. Abramzon. Bishkek.

УДК 94:281.99571.16"1920/1930"
DOI 10.17223/19988613/41/6

С.Р. Шигапов

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И СТАРОВЕРЫ: РАЗВИТИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В 1920–1930-е гг. (НА МАТЕРИАЛАХ ТОМСКОГО УЕЗДА)

Исследование выполнено при финансовой поддержке Научного фонда Д.И. Менделеева Томского государственного университета (проект № НУ 8.1.44.2015 С «Текстуальное наследие Сибири: задачи и перспективы научной атрибуции и дискурсивного анализа традиционных источников исторической информации»).

На основе партийно-государственной документации и устных воспоминаний реконструируется динамика взаимоотношений советской власти и крестьян-староверов Томского уезда в 1920–1930-е гг. Автор пытается объяснить причины перехода администрации от сотрудничества к конфронтации, уделив особое внимание восприятию старообрядцев местными партийными сотрудниками.

Ключевые слова: старообрядчество; советская власть; крестьянство; антирелигиозная политика.

Старообрядцы – уникальная социально-конфессиональная группа российского общества. Став оппозицией для главенствующей синодальной церкви, они спровоцировали целую волну правительственных репрессий, происходивших в масштабах всей страны на протяжении XVII–XIX вв. Однако если политика дискриминации старообрядчества в дореволюционный период достаточно подробно изучена в отечественной историографии, то отношения с советской властью не так давно стали сферой интересов исследователей. Советский период истории староверия получил отражение в работах Н.Д. Зольниковой [1], Е.Е. Дутчак [2], А.В. Кострова [3], И.В. Куприяновой [4] и других, но остается весьма перспективным для дальнейших изысканий.

Модель взаимоотношений новой власти и староверов была заложена в период социалистических преобразований 20–30-х гг. XX в. Первое время идейный союз между рабоче-крестьянским государством и «жертвами царского режима» из числа староверов казался вполне естественным. Например, практически до конца 1920-х гг. власть всерьез не беспокоила старообрядческие общины, но в следующее десятилетие курс на сотрудничество резко сменяется репрессивными мерами и попытками вмешательства в их жизнь.

Начавшиеся преследования во многом напоминали дореволюционную ситуацию с той лишь разницей, что на смену миссионерам в деревни с агитацией против «кержаков» пришли партийные пропагандисты – люди совершенно иного, революционного мышления. Поэтому для реконструкции взаимоотношений советской администрации и староверов необходимо решить следующие задачи: с одной стороны, выявить причины перехода от идеи союза с религиозной оппозицией к конфронтации и определить логику восприятия сельскими партийцами общества и пространства староверов; с другой – охарактеризовать реакцию самих крестьян-староверов на реформы советской власти в деревне и возможные механизмы адаптации.

Реализация государственного курса на местах могла различаться и зависела от конфессиональных особенностей региона. Например, для Томского уезда (с 1925 г. – округа, в который входили Томский, Асиновский, Первомайский и Кривошеинский районы современной Томской области) как территории, религиозный ландшафт которой сложился в ходе крестьянских переселений второй половины XIX – начала XX в., было характерно сосуществование «никонианского» и старообрядческого сообществ, причем в последнем случае – разделенного на согласия и толки и локализованного в деревнях и нелегальных скитских поселениях. Взаимодействие разных конфессиональных групп и их попытки «разграничить пространство» привели к усложнению социальной и культурной жизни региона [5] и нашли отражение в сакральной ойконимии [6].

В качестве источников для статьи нами выбран корпус делопроизводственных документов ВКП(б), находящихся в архивах г. Томска (Государственный архив, Центр хранения документации новейшей истории Томской области и архив Научной библиотеки ТГУ), и устные воспоминания жителей Томской области, собранные автором.

От веротерпимости к репрессиям. Для прихода к власти большевики старались использовать все группы, так или иначе оппозиционные царскому правительству. Поэтому религиозная жизнь старообрядцев, которых, по данным переписи населения Российской империи 1897 г., насчитывалось не менее 2 млн человек, в первое десятилетие советской власти не подверглась заметным ограничениям. В частности, в 1920-е гг. Антирелигиозная комиссия при ЦК ВКП(б) на официальном уровне разрешала проведение старообрядческих съездов «ввиду того, что старообрядцы во времена царизма были гонимы» и намеченные повестки не касались политических вопросов. Более того, по окончании съездов предписывалось «достойным образом характеризовать» их постановления в отдельной статье газеты «Безбожник» [7. С. 237–238]. Руководство синодальной церкви не только лишилось к этому времени подобной

привилегии, но было подвергнуто арестам, а по всей стране прошла кампания по изъятию церковных ценностей. Поэтому многие старообрядческие согласия восприняли события 1917 г. с надеждой на перемены.

Несмотря на существовавшие предпосылки к идейному сотрудничеству, в реальности сложилась иная ситуация. В исследовательской литературе превалирует мнение о том, что конфликт между советской властью и староверами был неизбежным по причине идейного несходства – конфессиональное сообщество и атеистическая власть вряд ли могли стать союзниками. Однако радикализации в отношении крестьян-староверов на региональном уровне, на наш взгляд, гораздо больше способствовали прецеденты местного характера. В частности, для Томского уезда таковым стало распространение антисоветских листовок, напечатанных неподалеку от мужского Ново-Архангельского монастыря, за что епископ-пустынник Амфилохий (Журавлев) в 1923 г. был приговорен к тюремному сроку [8. С. 203]. Его арест не стал началом репрессий в регионе, но способствовал росту недоверия ко всем представителям «старой веры».

Скиты стали расцениваться как возможные базы для «белых банд», а традиция крестьянского странноприимства – как укрывательство лиц, неугодных строю. Например, скиту староверов-странников на р. Иксе (сейчас – Бакчарский район Томской области) в 1939 г. сотрудниками НКВД инкриминировалось хранение в кельях винтовок и боеприпасов, похищенных «белобандитом» И.А. Синяевым с военного склада в Томске во время отступления колчаковских войск [9. Ед. хр. 4].

Разумеется, одной из главных причин изменения отношения власти к староверам явилось их устойчивое влияние на сельскую округу. В 1923 г. Чаинский райком обеспокоило, что в белокрыницкой церкви на Горбуновской заимке собираются верующие сразу четырех (!) окрестных волостей и молитвы производятся «кроме праздников во все будни» [10. Л. 18 об.]. Еще пример: в течение 1921–1924 гг. сотрудниками Томской Губернской Чрезвычайной комиссии (ГубЧК) фиксировался рост эсхатологических настроений в крестьянской среде [11. Л. 8]. Не последнюю роль в этом могли играть живущие рядом староверы.

Их окончательный разрыв с властью был обусловлен открытым выступлением против коллективизации, способствовавшим росту протестных настроений среди всего крестьянства. Характерный случай произошел в одной из деревень на р. Икса: когда старовер-странник Василий Белослудцев в 1932 г. «свою вошедшую в колхоз дочь сагитировал выйти из последнего, после этого среди всех колхозников были разговоры, что если святые таежники так говорят, то, следовательно, нужно выходить из колхоза» [12. С. 294–295]. Уже в апреле 1933 г., когда сошел снег, за этим последовали рейд ОГПУ в таежный монастырь, аресты, конфискация имущества и разгром поселения [9. Ед. хр. 2].

Староверческий уклад содержал в себе привычные для крестьян установки, такие как религиозное восприятие труда, бытовая взаимопомощь, сохранение частной собственности, а потому выступал реальной альтернативой колхозному строю. Поэтому закономерно, что сами районные власти объясняли неудачи колхозного строительства упорством «кержаков, которых сломить очень трудно» [13. Л. 279], и пик антистароверческих преследований пришелся именно на рубеж 20–30-х гг. XX в. – период ликвидации социально-экономических альтернатив колхозному советскому строю. Теперь уже все согласия сходились в оценке, что колхозы «через коммунистов создавал сам антихрист» [14. С. 213]. Документы и воспоминания староверов рисуют следующую картину: если в 1920-е гг. местные власти не притесняли даже отказывающиеся «писаться» (регистрироваться. – *С.Ш.*) староверческие семьи, то по мере создания колхозов давление на них усиливалось.

Реакция староверов на преобразования, охватившие все сферы жизни деревни, оказалась закономерной. Жители «смешанных» (конфессионально неоднородных) и «старообрядческих деревень» старались сохранять традиционный уклад, особенно в вопросах воспитания будущего поколения. Не оправдались надежды советской власти на индифферентность молодежи к религии. В итоге ни в с. Митрофановке, ни в с. Петропавловском, где часть населения составляли старообрядцы, к 1926 г. так и не удалось организовать комсомольские ячейки, уже действовавшие практически во всех соседних деревнях [15. Л. 22]. Причем учительница из с. Митрофановка уговаривала молодежь вступать в ряды комсомольцев, обещая подарить музыкальные инструменты и организовать поездки по СССР [16. Л. 26], однако от новой власти с оживлением было принято создание места для досуга в виде «нардома» [17. Л. 160 об.].

Похожим образом кандидатская группа в «старообрядческой» Минаевке отчитывалась о провале женской делегатской работы, объясняя его подчиненным положением женщин в семьях староверов [18. Л. 69]. Религиозные убеждения жительниц с. Петропавловского, вероятно, не позволили им одобрить закон об обязательной регистрации браков [19. Л. 2 об.]. Для сравнения: в соседних деревнях, где не было старообрядческого населения (Казанское, Больше-Дорохово, Ново-Кусково, Ксеньевка и т.д.), достаточно быстро был сформирован женский партактив.

В поселках, вблизи которых проживали староверы, крайне трудно было выстроить работу политико-просветительских и образовательных пунктов («в школу с поселка детей ходит не более 40%, а остальные обучаются исключительно церковно-славянскому языку» [12. С. 294]). Заведующий избы-читальни в с. Митрофановка в своем отчете (1926 г.) отметил, что во время религиозных праздников оказывается невозможным проведение каких бы то ни было мероприятий [17. Л. 160 об.].

В самой антирелигиозной пропаганде среди староверов местные агитаторы проявляли осторожность и использовали особые аргументы. В 1927 г. в с. Петропавловском один из сотрудников пытался убедить слушателей, что при царе крестьяне платили налог больше, так как, помимо прочего, были вынуждены содержать Святейший Синод – светский орган управления церковными делами, имевший негативные оценки в вероучении староверов [20. Л. 2]. Ни в антирелигиозной литературе, ни на практике ведения агитации с «никонианским» населением упоминания о Синоде более не встречается.

Староверы и сельские коммунисты. Ключевое значение для характеристики отношений крестьян-староверов и новой администрации имеет облик сельских партийцев, представлявших советскую власть. Если обратиться к фотографиям и характеристикам работников райкома в материалах «партийных чисток», то можно заметить, что подавляющее большинство из них были молодыми людьми. Например, «избачу» в Митрофановке Вл. Хайдукову было всего 19 лет при стаже работы 3 месяца [17. Л. 105], что типично для всех поселений Томского уезда: многие партийные работники были либо приезжими, либо получили образование в городе.

Отсюда неудивительно, что пространство тайги, где проживали староверы, было незнакомо молодым функционерам. Не последнюю роль в этом играли географические условия. Так, Зачулымский р-н оказался как бы разделен тайгой на две части: административный центр с крупными окрестными селами на р. Чулым и далекая северо-западная окраина, находившаяся под влиянием скитской общины часовенных на р. Чичкаюл. В результате обследования территории района в 1925–1926 гг. было установлено, что как раз здесь в неизвестных масштабах наблюдается укрывательство земли, но при этом документы окружной комиссии отразили сдержанное отношение к этому «преступному явлению» [16. Л. 30–36]. Очевидно, что в условиях дефицита посевных площадей и строгости землеустроительного учета подобная ситуация не могла сохраняться долго, и годы сплошной коллективизации полностью изменили землеустройство и хозяйственную жизнь региона.

Административные ресурсы партийцев в отдаленных поселениях района в 1920-е гг. оставались недостаточными для немедленного проведения реформ. К примеру, в 1927 г. в небольшой д. Альмяково Ново-Кусковского р-на жителям было неизвестно, что в их поселении уже несколько лет действует партиячка [21. Л. 21]. Дело в том, что в годы Гражданской войны власть Советов устанавливалась в губернии по нисходящей линии от губернского центра к райцентрам, затем – крупным селам. Находящиеся же на границе «большой земли» (неосвоенной тайги) заимки и поселения староверов были дистанцированы от основных политических событий и не затронуты переменами.

К примеру, в годы войны неподалеку от д. Марково Зачулымского р-на (ныне Первомайский) лишь однажды произошел бой между одинаково малоизвестными тогда местным жителям «красными» и «белыми», заставившими их на три дня укрываться в тайге [22. С. 116].

Между молодыми партийными сотрудниками и староверами существовал не только географический, но и психологический барьер. На фотографиях «белобородовской пустыни», сделанных партийцами в бакчарской тайге в 1933 г., были даны следующие пояснения: «*молитвенный дом “келья”, где молились “таежники”*» [9. Ед. хр. 76]. Подобным образом описать старообрядцев могли только люди совершенно нового мышления, не имевшие опыта длительного культурно-экономического взаимодействия с ними. В этой формулировке видно слияние конфессионального обозначения и места обитания («таежники» вместо «жержаки/староверы»), говорящие о том, что коммунисты искусственно выделяли тайгу как «чужое пространство», откуда распространяется «чуждое» же влияние. Подобное восприятие, нашедшее отражение в документах, парадоксально, потому что староверы не были новым явлением для сибирской деревни и скиты всегда нераздельно существовали с крестьянской округой [23. С. 40].

В документации первых лет советской власти староверы обычно «помещены» в одном ряду с национальными меньшинствами (чулымцы, тунгусы, эвенки), видимо, как равно чуждые ей культуры [13. Л. 279]. Примером подобного отношения является заявление в 1933 г. секретаря Батуриной верфи Ново-Кусковского района, в котором он за ошибку, допущенную при ведении документации, торжественно обещал исправиться перед партией работой в «старообрядческом колхозе», перевод в который представлял как добровольную ссылку в суровые условия [24. Л. 74]. В другом случае учитель, направленный в старообрядческий пос. Нижняя Курья, в своем обращении к райкому требовал повышения зарплаты за то, что работал «в глухом таежном уголке в *непривлекательной обстановке*» [17. Л. 167].

Сами хозяйства старообрядцев партийцы расценивали как зажиточные и по этой причине допускали в их отношении насильственные действия, часто напоминая совершенный втайне бандитский налет, чем политическую акцию. Так, в 1929–1930-х гг. партийная комиссия выдвинула обвинения председателю Минаевского сельсовета, который ранее с комсомольцем произвел обыск у «монашек, живущих в тайге, у которых изъяли *кулацкое* имущество», часть передав колхозу, а часть – «расхитив» [25. Л. 4]. Комиссия расценила действия председателя как правомерные, и причиной разбирательства стал только факт пропажи изъятого. Монахини считались крайне «чуждым элементом», поэтому их прошения в райком о возвращении им гражданских прав никогда не удовлетворялись, хотя в отноше-

нии бывших церковных старост, псаломщиков и даже священников официальной церкви подобная практика существовала [26. Л. 149].

Отсюда возникает вопрос, каким образом партиям, дистанцированным от томских староверов пространственно и географически, все же удалось вытеснить или разрушить большую часть их скитских поселений.

Скорее всего, сыграла роль неизбежность хозяйственного освоения тайги – необходимость лесозаготовок, развития промыслов и строительства дорог, начавшиеся в период бурного роста промышленности в советское время, привели к тому, что коммунисты стали буквально «наталкиваться» на таежные поселения.

К примеру, достаточно крупная сеть заимочных поселений в междуречье Чичкаюла и Улуюла была случайно обнаружена прорабом, изучающим территории, где в будущем предполагалась прокладка Обь-Енисейской железной дороги [27. С. 196]. Поселения в районе д. Килика обнаружил комсомолец-активист И. Зюзин, за приходом которого последовал рейд отряда НКВД. Вооруженные чекисты сожгли все хозяйственные постройки и кельи, доставив всех работоспособных крестьян в райцентр для поселения в колхозах. Эта акция вызвала самосожжения части скитских жителей и бегство в более удаленные районы [28. С. 410].

В Кривошеинском районе для поиска таежных скитов использовали местных крестьян, информированных об их местонахождении гораздо лучше, чем партийные органы. Один из них в 1933 г. в заявлении на имя уполномоченного ОГПУ информировал, что установил целую агентурную сеть из односельчан для наблюдения за «кержаками», у которых «должно быть много золота» [9. Ед. хр. 3].

Однако применение властями репрессивных мер не сразу позволило исключить влияние староверов. Часть из них сумела успешно приспособиться к изменявшейся ситуации, на что существовали вполне объективные социально-политические предпосылки, которые следует рассмотреть подробнее.

Староверы и сельская администрация. Революция и Гражданская война привели к низложению прежней элиты и формированию политического вакуума в системе местного управления, особенно остро ощущавшегося в таежной Сибири. В сельские органы власти, названные по-новому, выбирали, как правило, самых образованных, влиятельных и авторитетных представителей общины, поэтому в состав управленцев могли попадать бывшие старосты, попы, писари, а также староверы.

Похожая ситуация наблюдалась и на территории Томского уезда. В 1929 г. партийной комиссией Ново-Кусковского (Асиновского) района удалось вскрыть неожиданный факт: на протяжении нескольких лет председателем комитета в п. Нижняя Курья – негласного центра старообрядческого анклава, отдаленного на 80 верст от администрации района – являлась бывшая

старообрядческая монахиня М.И. Шарова. Более того, по совету «неизвестных» М.И. Шарова стала членом Сибкрайисполкома (!) и пользовалась неограниченными полномочиями в районе, в частности сменив шесть подряд секретарей сельсовета, исходя из личных предпочтений.

Риторика обвинения, данного в отчете под громким заголовком «Кто виноват?», сводилась к срыву монахиней колхозного строительства и раскулачивания, но затем акцент переместился на отношения председателя и райкома. Дело в том, что когда обвинительный материал был собран и на 25 листах предоставлен в Президиум райкома, часть его членов высказалась против продолжения расследования, опасаясь санкций высшего руководства («мы, мол, ее выдвинули... она член Сибкрайисполкома... вдруг что-нибудь с нашей стороны обнаружат и нам влетит» [29. Л. 166]). Подобное осознание властной взаимозависимости монахини-председателя и членов райкома следует считать показателем полной интегрированности формально «чуждого элемента» в систему сельской администрации [30].

Возможно, даже в крупных управленческих структурах могла действовать неформальная сеть влиятельных староверов, поддерживающая «своих» кандидатов. Факт выдвижения руководителя чуждого социального происхождения из небольшого отдаленного поселка (всего 52 хозяйства) в эшелоны региональной власти объяснить все же возможно, несмотря на то что к этому времени в районе уже прошло несколько масштабных партийных чисток. Во-первых, в 1925–1929 гг. наблюдался серьезный численный рост номенклатуры Сибкрайисполкома, а центральное партийное руководство требовало максимально способствовать привлечению в его состав женщин [31]. Во-вторых, представители образованной и влиятельной контрэлиты в обществе всегда обладают рядом статусных возможностей, равных элите, но ограниченных искусственно существующей властью. Во время революции этот барьер был ликвидирован.

Известно, что даже в годы самых интенсивных гонений на староверов, особенно при Николае I, их эффективность оставалась незначительной: староверам удавалось нейтрализовать репрессивные меры путем масштабного подкупа должностных лиц. На «прокормлении» старообрядцев находились многие представители местной царской администрации, полицмейстеры и даже синодальные священники [11. С. 208]. Описанный случай с М.И. Шаровой вполне укладывается в существовавшую традицию. Староверам в советское время удалось сохранить статус общественной контрэлиты, т.е., согласно В. Парето, особого психологического типа социально активных людей, обладающих всеми необходимыми параметрами, чтобы претендовать на власть, но лишенные этой возможности по тем или иным причинам [32. С. 188].

Советская администрация не могла долго мириться с подобной конкуренцией, что вызвало репрессии в

1930–1940-е гг., которые стали возможны только под руководством нового поколения партийцев, пришедшего к власти после глубоких партийных чисток. Непривычно практически во всех случаях разгрома старообрядческих поселений фигурируют либо комсомольцы, либо сотрудники НКВД, и гораздо реже – руководители из числа крестьян. Скорее всего, разбирательство по делу М.И. Шаровой было передано в ОГПУ и завершилось трагично для монахини-председателя. Начался новый этап взаимоотношений крестьян «старой веры» и советской власти.

Таким образом, местная администрация обратила серьезное внимание на их общины только тогда, когда все попытки партийных работников создать светские школы, организовать комсомольский и женский актив, провести сплошную коллективизацию – оказались безуспешными. Консервативный уклад, сформированный многовековыми православными традициями, не позволил крестьянам-староверам принять эти

нововведения. Местные коммунисты, приобщавшиеся к культуре города, считали их «религиозными фанатиками», чуждыми элементами модернизированной деревни. Для сельских партийных активистов мир староверов так и остался непонятным, замкнутым, отдаленным от прогресса. В их влиянии на крестьянские настроения партийцы увидели прямую угрозу новому строю, в результате чего перешли к активным действиям. Однако вместо рудимента старой дореволюционной деревни старообрядчество было воплощением ее духовной жизни.

Столкновение молодых представителей советской власти и староверов в полной мере олицетворяет борьбу двух разных укладов и даже цивилизаций. Часть староверов увидела единственный путь ко спасению в бегстве подальше «от царства антихриста» в тайгу, другие со временем поселились в колхозах и были вынуждены скрывать свои религиозные убеждения вплоть до распада Советского Союза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зольникова Н.Д. Сибирские староверы и власть после революции: судьбы и дороги // Социально-демографические проблемы истории Сибири XVII–XX вв.: Бахрушинские чтения 1995 г. : межвуз. сб. науч. тр. / Новосиб. гос. ун-т ; редкол. В.И. Шишкин (отв. ред.) и др. Новосибирск, 1996. С. 109–118.
2. Дутчак Е.Е. Из «Вавилона» в «Беловодье» : адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.) / Е.Е. Дутчак ; под ред. В.В. Керова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 410 с.
3. Костров А.В. Советская власть и старообрядцы Байкальской Сибири в 1920-е гг. // Новый исторический вестник. 2010. № 23. С. 35–42.
4. Куприянова И.В. Революция и Гражданская война – годы политического самоопределения старообрядчества Алтая // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 5. С. 369–373.
5. Дутчак Е.Е., Васильев А.В., Ким Е.А., Полежаева Т.В. Православный ландшафт таежной Сибири: концепция исследования // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1. С. 79–90.
6. Шигапов С.Р. Двойственность религиозного ландшафта томско-чулымской тайги (вторая половина XIX – начало XX в.) // Региональная идентичность в историческом и культурном пространстве России : материалы VIII Междунар. Съездинских чтений. Ульяновск, 2015. С. 59–66.
7. Протоколы Комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП(б) (Антирелигиозной комиссии). 1922–1929 гг. / сост. В.В. Лобанов. М. : Изд-во ПСТГУ, 2014. 381 с.
8. Приль Л.Н. К характеристике белокриницких обитателей Томской области в 1920–1930-х годах // Традиционная книга и культура позднего русского средневековья : труды Всерос. науч. конф. к 40-летию полевых археографических исследований МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, 27–28 октября) / [Отв. ред. И.В. Поздеева] : в 2 ч. Ярославль : Ремдер, 2008. С. 194–217.
9. Отдел книжных рукописей и памятников Научной библиотеки Томского государственного ун-та (далее – ОКРП НБ ТГУ). Ф. 24.
10. Центр документации новейшей истории Томской обл. (далее – ЦДНИ ТО). Ф. 30. Оп. 1. Д. 6.
11. ЦДНИ ТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 55.
12. Каленова Г.М. Репрессии против старообрядцев-странников на территории Томской области в 1933–1941 гг. (по материалам архивных дел ФСБ Томской области) // Проблемы истории, историографии и источниковедения России XIII–XX вв. : материалы конф., посв. памяти проф. А.А. Говоркова / под ред. А.Н. Жеравиной. Томск, 2003. С. 293–295.
13. ЦДНИ ТО. Ф. 77. Оп. 1. Д. 178.
14. Керов В.В. Русская история сквозь призму старообрядческого фактора // Российская история. 2014. № 4. С. 203–213.
15. ЦДНИ ТО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 42.
16. ЦДНИ ТО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 132.
17. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р. 214. Оп. 1. Д. 64.
18. ЦДНИ ТО. Ф. 4030. Оп. 1. Д. 1.
19. ЦДНИ ТО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 189.
20. ЦДНИ ТО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 129.
21. ЦДНИ ТО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 48.
22. Как мы жили: воспоминания и устные свидетельства томских крестьян / Нац. исслед. Том. гос. ун-т, Том. с.-х. ин-т ; [публикация Н.М. Дмитриенко, Г.В. Шипилиной ; науч. ред. Э.И. Черняк]. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 199 с.
23. Дутчак Е.Е. Конфессионально-экономическая природа старообрядческой «пустыни» (конец XIX – начало XX в.) // Былые годы. 2014. № 1 (31). С. 38–42.
24. ЦДНИ ТО. Ф. 27. Оп. 1. Д. 143.
25. ЦДНИ ТО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 39.
26. ГАТО. Ф. Р. 476. Ф. 109.
27. Приль Л.Н. Староверы: пространство, путь, дорога // Русские старожилы : материалы III Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11–13 дек. 2000 г., Тобольск) / отв. ред. А.В. Головнев. Тобольск ; Омск : Тобол. гос. ист.-архитект. музей-заповедник, 2000. С. 195–197.
28. Барсагаев П.А. Краткая история сел и деревень Первомайского (Пышкино-Троицкого) района // Земля Первомайская : сб. науч.-популяр. очерков / под ред. Я.А. Яковлева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 391–451.
29. ЦДНИ ТО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 5.
30. Рубцов А.В. Реноме и легитимность. Репутация как условие «права править» // Отечественные записки : электронный журнал. 2014. Вып. 6 (63). URL: <http://www.strana-oz.ru/2014/1/renome-i-legitimnost>, свободный (дата обращения: 22.10.2015).

31. Паско М.Ю. Номенклатура Сибирского краевого комитета РКП(б) – ВКП(б) во второй половине 1920-х годов : численность и состав // Сибирская заимка. URL: <http://zaimka.ru/pasko-nomenclature>, свободный (дата обращения: 12.09.2015).
32. Селезнев Ф.А. Старообрядчество как контрэлита // Российская история. 2014. № 4. С. 188–192.

Shigapov Saveliy R. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: shigapovs94@mail.ru

THE SOVIET AUTHORITY AND OLD-BELIEVERS: THE DEVELOPMENT OF RELATIONS IN 1920–1930S (ON MATERIALS OF TOMSK COUNTY).

Keywords: old-believers; soviet authority; peasantry; antireligious policy.

The process of relations between soviet authority and old-believers peasants of Tomsk county in 1920–1930s were reconstructed based on party and state documents and oral memories. Author try to explain all reasons for the conversion of regional administration from partnership to confrontation. He paid attention to perception old-believers by local party employees. Old-believers appeared after the Schism in XVII century and were very conservative group of Russian peasantry. So they didn't approve soviet reforms in different spheres of peasants traditional mode of life, in particular collectivization and atheism. They sought to live in a deep taiga in isolation from «profane» peasantry and had specific system of education, prayers and holy books. They were considered as a sacred among the peasants because of their traditions. But in Siberia part of them lived together with «profane» peasants and were involved in the class struggle inspired by bolsheviks. But soviet administration viewed them as a threat for the new order because old-believers influence was wide and their ideas very popular from peasants. This contradiction led to the open conflict and oppression against old-believers. In this policy communists were forced to find secret settlements of old-believers in the taiga, using information from local peasants and destroyed these hermitages. They considered hermitages the centers of counter-revolution, «white bands» and religious propaganda based on the teaching about the Apocalypses and Bolsheviks as a services of Antichrist. Moreover personalities of the communistic party members were very unusual too. A lot of them were young people who believed in ideals of Revolution and viewed old-believers as a alien phenomenon for usual peasants when old-believers were an integral part of traditional society and custodians of his religious customs for several centuries. They hadn't wide experience of social, cultural and economic relationships with old-believers than older people. Most of them educated in cities or arrived from city's committees generally. In this article we tried to describe their attitude toward old-believers in according to party documents, reports, characteristics and photos what made local communists. Author focused on the issue of old-believers as a counter elite group in the regional political relations system. Some of them became heads of regional committees and councils because of their wide influence and authority. Author tried to explain some social and psychological aspects of these processes in order to understand more in social history of the Soviet Union.

REFERENCES

- Zol'nikova, N.D. (1996) Sibirskie starovery i vlast' posle revolyutsii: sud'by i dorogi [Siberian Old Believers and the power after the revolution: Fates and roads]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Sotsial'no-demograficheskie problemy istorii Sibiri XVII–XX vv.* [Socio-demographic problems of Siberian history of the 17th – 20th centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 109-118.
- Dutchak, E.E. (2007) Iz "Vavilona" v "Belovod'e": adaptatsionnye vozmozhnosti taezhnykh obshchin staroverov-strannikov (vtoraya polovina XIX – nachalo XXI v.) [From "Babylon" in "Belovodie": The adaptive capacity of taiga communities of Old Believers-wanderers (the late 19th – early 21st centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.
- Kostrov, A.V. (2010) The Soviet government and Old Believers of Baikal Siberia in the 1920s. *Novyy istoricheskiy vestnik – The New Historical Bulletin*. 23. pp. 35-42. (In Russian).
- Kupriyanova, I.V. (2013) The Revolution and the Civil War – The years of political self-determination of the Altai Old Believers. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The World of Science, Culture and Education*. 5(42). pp. 369-373. (In Russian).
- Dutchak, E.E., Vasiliev, A.V., Kim, E.A. & Polezhaeva, T.V. (2013) Orthodox Landscape of the Siberian Taiga Region: The Concept of Research. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Journal of Siberian Historical Research*. 1. pp. 79-90. (In Russian).
- Shigapov, S.R. (2015) [The duality of the religious landscape of Tomsk-Chulym taiga (the late 19th – early 20th centuries)]. *Regional'naya identichnost' v istoricheskom i kul'turnom prostranstve Rossii* [Regional identity in the historical and cultural space of Russia]. Proc. of the 8th International Sytin Readings. Ulyanovsk. pp. 59-66. (In Russian).
- Lobanov, V.V. (ed.) (2014) *Protokoly Komissii po provedeniyu otdeleniya tserkvi ot gosudarstva pri TsK RKP(b) (Antireligioznoy komissii). 1922–1929 gg.* [Minutes of the Commission for the Separation of Church and State under the Central Committee of the RCP (b) (Anti-Religious Commission). 1922-1929]. Moscow: St.Tikhon's Orthodox University.
- Pril, L.N. (2008) K kharakteristike belokrinitskikh obiteley Tomskoy oblasti v 1920–1930-kh godakh [The description of Belokrinitsa cloisters in Tomsk region in the 1920–1930-ies]. In: Pozdeeva, I.V. (ed.) *Traditsionnaya kniga i kul'tura pozdnego russkogo srednevekov'ya* [The traditional book and the culture of the late Russian Middle Ages]. Yaroslavl: Remder. pp. 194-217.
- The Department of Rare Books and Manuscripts, The Research Library of Tomsk State University. Fund 24.
- The Documentation Centre of the Recent History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 30. List 1. File 6.
- The Documentation Centre of the Recent History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 1. List 1. File 55.
- Kalenova, G.M. (2003) Repressii protiv staroobryadsev-strannikov na territorii Tomskoy oblasti v 1933–1941 gg. (po materialam arkhivnykh del FSB Tomskoy oblasti) [Repressions against Old Believers-Wanderers in Tomsk Rregion in the 1933–1941-s gg. (based on the archives of the FSB of Tomsk Region)]. In: Zheravina, A.N. (ed.) *Problemy istorii, istoriografii i istochnikovedeniya Rossii XIII–XX vv.* [Problems of History, Historiography and Source Studies of Russia of the 13th – 20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 293-295.
- The Documentation Centre of the Recent History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 77. List 1. File 178.
- Kerov, V.V. (2014) Russkaya istoriya skvoz' prizmu staroobryadcheskogo faktora [Russian history in the light of Old Believers factor]. *Rossiyskaya istoriya*. 4. pp. 203-213.
- The Documentation Centre of the Recent History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 21. List 1. File 42.
- The Documentation Centre of the Recent History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 76. List 1. File 132.
- The State Archives Tomsk region (GATO). Fund R. 214. List 1. File. 64.
- The Documentation Centre of the Recent History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 4030. List 1. File 1.
- The Documentation Centre of the Recent History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 25. List 1. File 189.
- The Documentation Centre of the Recent History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 25. List 1. File 129.
- The Documentation Centre of the Recent History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 27. List 1. File 48.
- Dmitrienko, N.M. & Shipilina, G.V. (2014) *Kak my zhili: vospominaniya i ustnye svidetel'stva tomkskikh krest'yan* [How we lived: The memories and stories of Tomsk peasants]. Tomsk: Tomsk State University.
- Dutchak, E.E. (2014) Confessional and Economic Nature of the Old Believers' Heritage (the late 19th – early 20th centuries). *Bylye gody*. 1(31). pp. 38-42. (In Russian).

24. The Documentation Centre of the Recent History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 27. List 1. File 143.
25. The Documentation Centre of the Recent History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 93. List 1. File 39.
26. The State Archives Tomsk region (GATO). Fund R. 476. Fund 109.
27. Pril, L.N. (2000) Starovery: prostranstvo, put', doroga [Old Believers: Space, path, road]. In: Golovnev, A.V. (ed.) *Russkie starozhily* [Russian Old-Believers]. Tobolsk; Omsk: Tobolsk State Historical and Architecture Reserve. pp. 195-197.
28. Barsagaev, P.A. (2001) Kratkaya istoriya sel i dereven' Pervomayskogo (Pyshkino-Troitskogo) rayona [The Brief History of villages of Pervomaysky (Pyshkino-Troitsky) District]. In: Yakovlev, Ya.A. (ed.) *Zemlya pervomayskaya* [The Land of Pervomayskoe]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 391-451.
29. The Documentation Centre of the Recent History of Tomsk Region (TsDNI TO). Fund 93. List 1. File 5.
30. Rubtsov, A.V. (2014) Renome i legitimnost'. Reputatsiya kak uslovie "prava pravit'" [Reputation and legitimacy. Reputation as a condition for the "right to rule"]. *Otechestvennye zapiski*. 6(63). [Online] Available from: <http://www.strana-oz.ru/2014/1/renome-i-legitimnost>. (Accessed: 22nd October 2015).
31. Pasko, M.Yu. (2002) Nomenklatura Sibirskogo kraevogo komiteta RKP(b) – VKP(b) vo vtoroy polovine 1920-kh godov: chislennost' i sostav [The nomenclature of the Siberian regional committee of the RCP (b) – VKP (b) in the late 1920-s: The number and composition]. *Sibirskaya zaimka*. [Online] Available from: <http://zaimka.ru/pasko-nomenclature>. (Accessed: 12th September 2015).
32. Seleznev, F.A. (2014) Staroobryadchestvo kak kontrelita [Old-Believers as a counter-elite]. *Rossiyskaya istoriya*. 4. pp. 188-192.

УДК 94(47).084.8(470.61)
DOI 10.17223/19988613/41/7

Е.Ф. Кринко, А.А. Черкасов

«ЛЕДОВЫЕ РЕЙДЫ» СОВЕТСКИХ ДИВЕРСАНТОВ: ДЕЙСТВИЯ ОПЕРАТИВНОЙ ИНЖЕНЕРНОЙ ГРУППЫ И.Г. СТАРИНОВА В ПРИАЗОВЬЕ В НАЧАЛЕ 1942 г.

Работа выполнена в рамках реализации Государственного задания на 2016 г. № 007-01114-16 ПП, проект № 0256-2015-0084.

Статья посвящена действиям советских диверсантов в Приазовье в январе – марте 1942 г. Еще в декабре 1941 г. была создана оперативная инженерная группа Южного фронта под командованием полковника И.Г. Старинова. Ей был придан сводный саперный батальон. Первой задачей саперов Старинова стало минирование оборонительных рубежей вокруг Ростова-на-Дону. С начала февраля 1942 г. они перешли к выполнению новой боевой задачи – рейдам в тыл врага по льду Таганрогского залива. Специфика действий группы Старинова выражалась в самом характере поставленных боевых задач, использовании технических средств в их выполнении, продуманной организации и подготовке диверсий, а также в сравнительно небольших потерях. Статья написана на основе архивных документов и опубликованных воспоминаний.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Красная армия; Приазовье; Южный фронт; советские диверсанты; И.Г. Старинов.

История Великой Отечественной войны является одним из ведущих исследовательских направлений в современной историографии [1]. В то же время в ней сохраняется немало «белых пятен», к которым относятся и деятельность диверсионных отрядов и спецслужб. Эта деятельность осуществляется в режиме повышенной секретности, и необходимые документальные свидетельства нечасто доступны профессиональным историкам, что в немалой степени затрудняет ее изучение.

Все страны-участницы Второй мировой войны широко применяли диверсантов для действий в тылу противника. В последние годы вышло значительное количество работ о спецоперациях советских и германских спецслужб, истории военной разведки и контрразведки в 1941–1945 гг. [2–9 и др.]. Формированию новых представлений о диверсионно-разведывательной деятельности накануне и в годы Великой Отечественной войны способствуют публикации рассекреченных документов [10–14 и др.]. Тем не менее в ее описаниях не только сохраняются прежние мифы, но и рождаются новые. Во многом это происходит благодаря современным публикациям и кинофильмам, показывающим вымышленные персонажи или приписывающим реальным лицам действия, которых они не совершали, что ведет к их героизации или, напротив, демонизации.

Между тем, зимой 1942 г. Приазовье стало зоной активных действий советских диверсантов, совершавших свои рейды по льду Таганрогского залива в захваченные противником районы Ростовской и Сталинской (в настоящее время – Донецкой) областей. Однако эти реальные события лишь сравнительно недавно стали вызывать интерес историков. Впервые подробно о них рассказал в своих воспоминаниях советский «диверсант № 1» полковник Илья Григорьевич Старинов [15], хотя отдельные факты и ранее приводились в работах краеведов [16]. Но именно воспоминания И.Г. Старинова легли в основу ряда публикаций современных исследователей [17–19 и др.].

Изучение фондов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ) позволило выявить новые источники по рассматриваемой проблеме. В первую очередь, это доклады и донесения полковника И.Г. Старинова о действиях сводного батальона оперативной инженерной группы в тылу противника на северном побережье Таганрогского залива, адресованные начальнику инженерных войск Юго-Западного направления, генерал-майору инженерных войск Г.Г. Невскому, обнаруженные в фонде 56-й армии. Использовались также наградные документы на входивших в состав сводного батальона бойцов и командиров, выписки из опросных листов военнопленных и задержанных советских граждан, другие документы того же фонда [20–22 и др.].

В фонде Юго-Западного направления выявлены карта действий сводного батальона оперативной группы полковника Старинова и чертежи мин, изготовленных ею в Ростове-на-Дону. Подпись И.Г. Старинова в листах использования отдельных дел подтверждает, что они просматривались им в послевоенное время. В то же время сведения и оценки, содержащиеся в архивных документах, нередко отличаются от текста опубликованных воспоминаний. Отдельные документы по данной проблеме отложились и в фонде Центрального штаба партизанского движения в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Это, в частности, записка командующего Азовской военной флотилией контр-адмирала С.Г. Горшкова командующему 56-й армией генерал-майору В.В. Цыганову об опыте действий инженерного батальона на Азовском побережье и донесение самого И.Г. Старинова [23].

Оба документа опубликованы в сборнике, посвященном партизанскому движению в годы Великой Отечественной войны [11. С. 230–232]. Сопоставление различных исторических источников позволяет более полно и достоверно раскрыть рейды советских дивер-

сантов в тыл противника в Приазовье в феврале – марте 1942 г.

После освобождения Ростова-на-Дону от противника в самом конце осени 1941 г. ситуация на южном крыле советско-германского фронта продолжала оставаться крайне напряженной. Дальнейшее продвижение советских войск остановил хорошо укрепленный немецкий оборонительный рубеж, проходивший от села Самбека до города Красный Луч вдоль реки Миус. Он получил название Миус-фронт. Освободить Таганрог в ходе контрнаступления в декабре 1941 г. войскам Южного фронта не удалось, хотя уже были напечатаны листовки, призывавшие жителей города оказать содействие частям Красной армии и бить врага «всеми средствами» [24. Л. 2–4 и др.].

У командования РККА существовали опасения, что враг может попытаться повторить дерзкий захват Ростова или организовать десанты через Таганрогский залив на советскую сторону. Эти опасения не были беспочвенными: например, на Кривую косу уже были завезены сотни саней, на которых противник предполагал перебросить свои войска [25]. Вокруг донской столицы, считавшейся «воротами Кавказа», саперные части и местное население спешно возводили оборонительные рубежи – обводы [26–27 и др.]. Они представляли собой противотанковые рвы с батальонными районами обороны, дотами и дзотами на главных направлениях предполагаемого наступления противника. Строительство обводов происходило с большими трудностями, особенно зимой: «Продуваемые буйным степным ветром, обжигаемые морозом люди долбили и кайлили промерзшую, твердую, как бетон, землю. Ширина противотанкового рва вверху около семи метров, внизу – до трех метров, глубина – тоже до трех метров. Словом, чтобы отрыть один погонный метр противотанкового рва, приходится вынимать около пятнадцати кубических метров земли!» [15. С. 253–254]. В то же время противник мог обойти недостроенные фортификационные сооружения. В течение зимы 1941–1942 гг. 18 ростовских заводов произвели 584 комплекта дотов, а также бронеколпаков и других сооружений. Из Шахт, Сальска, Новочеркаска, Краснодара, Майкопа, Грозного, Златоуста поступили еще 700 комплектов огневых точек. К январю 1942 г. в основном было завершено строительство второй полосы рубежа «А» – внутреннего обвода города общей протяженностью свыше 90 км. Степень готовности остальных обводов не превышала 10% из-за нехватки строителей и низкого материально-технического обеспечения работ [26. С. 43].

14 декабря 1941 г. начальник инженерных войск Красной армии генерал-майор инженерных войск Л.З. Котляр приказал заместителю начальника штаба инженерных войск РККА полковнику И.Г. Старинову сформировать оперативно-инженерную группу для устройства минно-взрывных заграждений на подступах к Ростову-на-Дону и срочно отбыть на Южный фронт. В группу включили инструкторов и лаборантов из опе-

ративно-учебного центра Западного фронта, 10 лейтенантов, имевших боевой опыт и прошедших краткосрочные курсы при Военно-инженерной академии имени В.В. Куйбышева, а также бывших бойцов Испанской республиканской армии во главе с боевым товарищем Старинова Доминго Унгария. Своим заместителем И.Г. Старинов назначил майора В.В. Артемьева, начальником штаба – капитана А.И. Чехонина.

В Ростов-на-Дону Старинов со своими специалистами прибыл 19 декабря. Здесь ему предстояло набрать остальной личный состав. При содействии начальника инженерных войск 56-й армии майора Е.М. Журина был составлен план минно-взрывных заграждений на подступах к Ростову. 26 декабря план был утвержден Военным советом 56-й армии. Он предусматривал установку 70 тыс. мин (!). При этом Главное военно-инженерное управление РККА отпустило оперативной инженерной группе только 14 тыс. мин. Остальные 56 тыс. мин предстояло изготовить в самом Ростове-на-Дону. Обком партии и Военный совет 56-й армии поручили срочно организовать производство мин промышленным предприятиям Ростова, Новочеркаска и Аксая.

Однако прежде началась работа по усовершенствованию конструкций мин с учетом опыта прошедших боев и условий местности. В этом И.Г. Старинову помогали инженер-электрик С.В. Гриднев, боец Ростовского стрелкового полка народного ополчения, награжденный медалью «За отвагу» за участие в боях по освобождению донской столицы, а также преподаватели Ростовского государственного университета [15. С. 255]. Благодаря их содействию были освоены и пущены в производство мины-сюрпризы двух видов, противопоездная мина малого образца (противопоездная мина Старинова, сокращенно – ПМС), противотранспортная мина малого образца (автомобильная мина Старинова – АС), мины замедленного действия трех видов, противопехотная мина (противопехотная фугасная мина нажимного действия – ПМД-6); антиклиренсная мина, а также различные виды минных взрывателей. В канун 1942 г. образцы усовершенствованных мин были переданы промышленным предприятиям. Всего было освоено производство 25 видов мин и приспособлений.

В конструировании и производстве мин участвовали семь ростовских предприятий, в том числе экспериментальные мастерские Ростовского государственного университета (здесь были открыты новые монтажный цех и химическая лаборатория), завод «Стройдеталь» Ростовского областного строительного треста, деревообделочная фабрика «Севкавтяжстроя», мебельная фабрика имени Урицкого [20. Л. 38]. Детали для мин и взрывателей изготавливались также на «Ростсельмаше», металлические корпуса для осколочных фугасов – на заводе «Красный Аксай», корпуса деревянных противотанковых и противопехотных мин – на Ростовской

фабрике роялей [15. С. 254]. К 12 февраля было изготовлено 12 000 различных мин-сюрпризов; около 1 000 противопоездных и противотранспортных мин; 500 мин замедленного действия; 1 000 предохранителей и приспособлений; 50 000 ампул с серной кислотой. Дальнейшее производство тормозило отсутствие необходимого количества детонаторов, минных универсальных взрывателей (МУВ) с капсулями, инерционных замыкателей, лампочек от карманных фонарей, электропровода и саперного провода, резины для герметизации, асбесто-цементных оболочек [20. Л. 39]. Критически оценивая деятельность И.Г. Старинова, в отличие от большинства других авторов, Ю.Г. Веремеев полагает, что его мины нельзя считать удачными, во-первых, из-за чрезмерной сложности внутреннего устройства, во-вторых, из-за использования в них остродефицитных для военного времени изделий [28].

Одновременно с производством мин шла подготовка минеров. В течение января 1942 г. был подготовлен сводный инженерный батальон оперативной инженерной группы в составе 500 чел. Для его формирования была выделена рота 522-го отдельного саперного батальона 56-й армии, по одной роте из 1581-го и 1602-го саперных батальонов 8-й саперной армии. В саперные батальоны призывали приписной состав старших возрастов. И.Г. Старинов так отзывался о выделенном в его распоряжение личном составе: саперами командовали «командиры в годах, призванные из запаса, рядовой и сержантский состав в большинстве был из новобранцев. Обутые в грубые ботинки с обмотками, одетые в засаленные ватники саперы выглядели неважно, даже отдаленно не походили на тех, которыми довелось командовать в мирное время. Но среди них имелось много коммунистов и комсомольцев, большинство рядовых было со средним образованием, и этим они тоже отличались, но уже в лучшую сторону, от прежних бойцов» [15. С. 254].

Командиром сводного инженерного батальона стал старший лейтенант Николай Иванович Мокляков, до этого командовавший 522-м отдельным саперным батальоном. И.Г. Старинов вспоминает: «Этот рослый, крепкий тридцатипятилетний командир в возрасте восемнадцати лет вступил в комсомол, а двадцати четырех – в партию. Перед войной Мокляков работал инженером на Ново-Краматорском заводе, мог эвакуироваться с семьей в глубокий тыл, но написал на бланке выданной брони: “Я русский, коммунист, мое место на передовой!”, отнес броню в военкомат и добился отправления на фронт. Предложение принять командование спецбатальоном Мокляков принял, не скрывая радости». Комиссаром стал старший политрук Захар Вениаминович Вениаминов, в прошлом неоднократно избиравшийся секретарем партийной организации одного из больших предприятий и имевший немалый опыт работы с людьми: «Вениаминову было за сорок, но на здоровье комиссар не жаловался. Кроме того, он

обладал завидным спокойствием, скоропалительных решений не принимал, и одной из любимых фраз его была фраза “Це дило треба обмозговати!”». Поначалу добровольцев из рядового и сержантского состава намеревались отбирать на общем построении частей. Но «когда по команде “Добровольцы, два шага вперед!” шагнул вперед весь бывший батальон Моклякова, пришлось от первоначального намерения отказаться. В остальных батальонах, а также в 26-й бригаде 8-й саперной армии добровольцев отбирали без построения, беседа с каждым персонально» [Там же. С. 254–255].

В отличие от воспоминаний, в итоговом докладе И.Г. Старинова, подготовленном в апреле 1942 г., говорится о том, что в своей работе оперативно-инженерная группа «встретилась со многими трудностями, которые преодолевались вмешательством Военного совета 56-й армии. Саперные батальоны, приданные оперативно-инженерной группе, были раздеты, не обучены, засорены чуждым составом. Приведение этих саперных батальонов в состояние, допускающее их использование для минно-подрывных работ, заняло целый месяц». В документе указывается, что для обеспечения работ выделялись 9-й отдельный минно-инженерный батальон, 16-й отдельный инженерный батальон и 522-й отдельный саперный батальон. И.Г. Старинов отмечает, что «были приняты меры по экипировке и приведению приданных саперных батальонов в боеспособные части». В результате 1581-й и 1602-й саперные батальоны могли «соревноваться с лучшими армейскими инженерными частями» [20. Л. 81–82].

Работа по минированию ростовских обводов затянулась вследствие «задержки фортификационных работ», а также «отсутствия охраны для устанавливаемых минных полей, отсутствия устойчивой материальной части». В связи с этим оперативно-инженерная группа выполнила «ряд дополнительных заданий Военного совета армии, Инженерного управления Южного фронта и по собственной инициативе». Были подготовлены 400 человек «для минирования в тылу врага из состава приданных батальонов», 20 инструкторов по минированию и разминированию аэродромов, 70 инструкторов-минеров для железнодорожных войск Южного фронта, 50 человек для саперных батальонов стрелковых дивизий Южного фронта, 80 парашютистов для разведывательного отдела 56-й армии, столько же для представителя Генерального штаба РККА капитана Прокопенко, 40 человек для оперативной группы политотдела и группа партизан для 4-го отдела управления НКВД. Соответствующее обучение прошли также моряки Азовской военной флотилии. Кроме того, были проведены сборы дивизионных инженеров и командиров саперных батальонов 56-й армии по вопросам минирования. Подготовлены специальные взводы по минированию в тылу врага в дивизиях. В докладе сообщалось, что в 30, 31 и 339-й стрелковых дивизиях «до настоящего времени работают наши группы, которые

успешно выполняют задания командования» [20. Л. 82–83].

К началу февраля батальон «закончил минирование основных танкоопасных мест». В соответствии с решением командующего 56-й армией он был сосредоточен в трех населенных пунктах на Азовском побережье: в селах Порт-Катоне (в настоящее время – Азовского района Ростовской области) и Шабельском (в настоящее время – Щербиновского района Краснодарского края), городе Ейске уже с новой задачей организации диверсий в тылу врага. С этого времени каждый вечер на северное побережье Таганрогского залива, в полосу между Таганрогом и Мариуполем, направлялось от 4 до 8 групп численностью в 6–8 человек. Каждая из них несла по 8–12 мин, в том числе по 2–3 мины-сюрприза и 6–8 противотранспортных мин. Всем группам ставилась задача в течение ночи выйти в тыл врага, установить мины на дорогах с целью уничтожения его автотранспорта и живой силы. Многим группам также ставилась дополнительная задача захвата «языка». Методы работы групп менялись в зависимости от изменения боевой обстановки, климатических условий и поставленных заданий [Там же. Л. 34, 54].

На протяжении всего периода времени диверсантам И.Г. Старинова приходилось работать в исключительно трудных условиях. До 6 февраля боевую работу затрудняли сильные бураны, достигавшие от 5 до 8–9 баллов, и морозы, температура опускалась до –7...–12°C. Первые 6 групп были обнаружены противником еще на льду, не смогли достигнуть объектов до рассвета и задачи не выполнили. Еще 4 группы были застигнуты вьюгой силой до 8–9 баллов уже у вражеского берега. По окончании вьюги с 6 февраля результаты работы групп резко улучшились.

Все группы преодолевали расстояние как минимум в 30 км, а в отдельных случаях до 60–70 км. Поэтому Военный совет армии выделил для них санные упряжки, к полозьям которых приделали специальные железные «подрезы», рассекавшие лед. Коней перековали на острые шипы, а всех участников снабдили маскировочными халатами и базлуками – подковами с шипами, позволявшими ходить по льду. Выдвигались с советской стороны еще засветло, чтобы с наступлением темноты находиться в 10–12 км от врага и немного отдохнуть перед самой вылазкой. Повозки и лошадей, также покрытых белыми маскировочными чехлами и попонами-накидками, оставляли на расстоянии от 0,5 до 5 км от берега противника, в зависимости от видимости. В воспоминаниях И.Г. Старинова говорится, что ездовых, оставленных на ночь с упряжками, для связи с боевыми группами снабжали карманными фонариками с разноцветными стеклами и спичками [15. С. 255]. Но в донесении отмечается, что после выполнения задания, особенно в пургу или в темные ночи, группы часто, не находя лошадей, возвращались домой «пешим порядком» [20. Л. 56].

При помощи мин-сюрпризов минировались не большие мосты, телеграфные и телефонные столбы с установлением времени взрыва с задержкой на 1–2 часа. После взрыва противник начинал передвижение по дорогам и подрывался на установленных в 200–500 м от места взрыва противотранспортных и противопехотных минах. Подсчет нанесенных врагу потерь был затруднителен, в документах сообщалось: «Многие группы потерь противника непосредственно не наблюдали, но взрывы установленных мин слышали» [Там же. Л. 35]. Но некоторые результаты удалось зафиксировать. Так, группа Хорькова в селе Обрыв (в настоящее время – Новоазовского района Донецкой области) взорвала грузовую машину врага. Группа Франциско Гульона захватила в Самсоновке в установленной на льду будке румынский телефонный аппарат. Группа лейтенанта Яценко уничтожила 15 немцев и подорвала больше 10 телеграфных столбов. При выполнении заданий особенно отличились лейтенант Чепак, инструктор Гульон и Анхель, «которые в трудных условиях полностью выполнили задачу, проявив при этом отвагу и знание дела» [Там же. Л. 36].

При обнаружении групп или после взрыва мин противник открывал беспорядочный ружейно-пулеметный, а иногда и минометно-артиллерийский огонь на значительных участках, порой на расстоянии до 20 км, освещая местность прожекторами и ракетами. Однако обнаруженные группы не подвергались преследованиям. Уже после первых диверсий противник значительно усилил охрану побережья, взорвал лед около берега на значительных участках в районе Беглицкой косы. Опасаясь советского десанта, оккупанты выгоняли на берег моря стариков и молодежь с пешнями, заставляя рубить вдоль берега полыньи шириной до 10–15 м, к утру, впрочем, замерзавшие на морозе. Лед в это время достигал 1 м толщины [25]. В приазовских селах выросли вражеские гарнизоны. Противник также стал строить доты и минировать подходы к отдельным населенным пунктам (Самсоновке, Ореховке).

Однако все это не могло остановить советских диверсантов. Уже к середине февраля большая часть личного состава сводного батальона получила боевую закалку. В донесении сообщалось: «Настроение личного состава бодрое, и люди с большой охотой и желанием идут на выполнение задач по минированию». Потери батальона за первых 12 дней боевой работы составили 9 человек: был убит проводник, ранены 3 человека. Замерз инструктор оперативного учебного центра Западного фронта Мануэль Бельда, еще 3 человека получили обморожения разной степени тяжести, в том числе 1 – тяжелое [20. Л. 36].

Вскоре условия боевой работы вновь ухудшились, теперь уже из-за резкого потепления. С 10 по 15 февраля и с 24 февраля по 1 марта на поверхности льда вблизи берега появилась вода, местами доходившая до 30–35 см, трещины до 1 м. В донесении сообщалось о трудностях в организации боевой работы: «Сводный

батальон нуждается в дополнительных денежных ассигнованиях на оплату проводников, дополнительное питание в виде высококачественных концентратов для групп, действующих в тылу, так как время работы одной группы занимает до 3 суток. Необходимо хорошее вооружение и снаряжение. Батальон вооружен только винтовками». И самое главное, требовалась кожаная обувь, «так как 60% личного состава сводного батальона были одеты в валенки» [20. Л. 37].

Для «спровоцирования противника на минометно-артиллерийский огонь» в ночь с 12 на 13 февраля группы Романова и Науменко «применили достойный подражания пример ложной маскировки». В 1 км южнее Кривой косы были установлены повозки с чучелами, изготовленными из двух убитых лошадей, на которые посадили чучела седоков в маскировочных халатах. Макет и подходы к нему заминировали. После отхода группы был произведен взрыв заряда, а место освещено специальными сигнальными спичками, зажженными при помощи фитиля. Враг обнаружил прожекторами макет и открыл по нему усиленный минометно-артиллерийский огонь, продолжавшийся в течение 2 часов [19. Л. 10–10 об.; 20. Л. 56]. 21 февраля лейтенант Анхель, руководя группой, «пробрался на 2 км в тыл противника, поставил 8 мин на важной дороге, разминировал 20 мин и затем подорвал их». Будучи обнаружен противником, «вступил с ним в неравный бой и вывел группу без потерь» [22. Л. 95].

Сведения о результатах действий советских диверсантов сообщали перебежчики. По словам уроженца села Порт-Катон Д.С. Коноплева, перешедшего с территории, оккупированной противником и допрошенного 4 марта 1942 г., крестьянин села Христофоровки ему рассказал, «что где-то около месяца назад в районе Весело-Вознесенки [в настоящее время оба села относятся к Неклиновскому району Ростовской области. – Е.К.] шли 3 или 4 машины с немецкими солдатами, передняя наскочила на мину, взорвалась, погибли все солдаты. Еще порезали там же телефонный провод». Согласно тому же свидетелю, за это «немцы много мирных жителей расстреляли» [21. Л. 4]. Перешедший 28 февраля с занятой противником территории бывший красноармеец 129-го артиллерийского полка 31-й стрелковой дивизии С.Ф. Испарьян сообщил, что 10 февраля взорвался дом на южной окраине хутора Самсонов, погибли 3 румынских солдата. Оккупанты арестовали 200 жителей хутора и увели в неизвестном направлении [Там же. Л. 4 а].

Немецкий солдат Х. Койнике показал, что примерно 10 февраля на дороге между Обрывом и Веселым (в настоящее время – в составе Неклиновского района) взорвались «транспортные экипажи неизвестным числом». Другой взрыв прогремел в начале февраля на дороге, по которой двигались два румынских транспорта с фуражом. В результате четверо румынских солдат были ранены, при этом один – тяжело. На дороге между селами Федоровкой (в то время – районный

центр Ростовской области, в настоящее время – в составе Неклиновского района) и Веселым взорвалась немецкая машина с тягачом, 5 солдат получили ранения. По дороге Мариуполь – Веселый во время движения группы гражданских лиц произошел взрыв, несколько мужчин и женщин были убиты и ранены. Пленный также рассказал о «русских партизанах, которые принимают активное боевое участие в тылу немецких частей. Партизаны минируют часто дороги, прерывают связь – это наводит на немцев большой страх. При большой панике немецкие солдаты отступают на новые места» [Там же. Л. 5].

Взятый в плен 20 февраля 1942 г. румынский солдат 2-го артиллерийского полка 5-й кавалерийской дивизии К.И. Светко показал на допросе, что другой военнослужащий «примерно 15 февраля 1942 года на юго-восточной окраине деревни Кривая коса [в настоящее время – поселок городского типа Седово Новоазовского района Донецкой области. – Е.К.], проходя около сарая через дорогу, наскочил на мину, и солдату были оторваны обе ноги». 18 февраля по дороге из Буденовки (в настоящее время – город Новоазовск Донецкой области) в Обрыв проезжали два румынских кавалериста, наскочившие на мину. Обе лошади и один солдат погибли на месте, второму оторвало ноги. В тех же числах около Обрыва были убиты две румынские лошади.

Перешедший с оккупированной территории житель города Николаева С.Г. Славин на допросе показал, что 15 февраля он прибыл в деревню Щербак (в настоящее время – Новоазовского района) в 15 км к северо-западу от Обрыва. Утром местный житель Гончарук рассказал ему, «что среди населения идут упорные слухи, что якобы из советской стороны часто переходят люди (кто именно и откуда не установлено), минируют дороги на территории, оккупированной немцами и румынами». В результате немецкие транспорты часто взрывались на минах. Так, 12 или 13 февраля взорвалась немецкая грузовая машина, находившиеся в ней солдаты погибли. 14 или 15 февраля у самого берега напротив Обрыва, в 1 км к северо-западу от села, на mine подорвались два местных жителя и румынский солдат. Во второй половине февраля по дороге между Обрывом и Весело-Вознесенским немцы потеряли два танка, «один из которых был взорван на mine, когда стоял на месте, а второй взорвался при движении по этой дороге» [Там же. Л. 9].

П.С. Яновский, перешедший через Таганрогский залив, сообщил, что на хуторе Христофоровке 2 марта зашел к одному рыбаку. Тот рассказал ему, что «где-то в Весело-Вознесенке или каком-то другом селе на северном берегу кто-то подложил мины под здание, где находились 4 офицера германской армии». Они погибли, а в селе расстреляли 47 человек. 22 или 23 февраля 1942 г. на Беглицкую косу прорвались 5 красноармейцев, «которых немцы теперь разыскивают по всем селам, делая облавы» [Там же. Л. 6].

Бойцы и командиры сводного батальона принимали участие и в других операциях, осуществлявшихся в Приазовье военным командованием и органами НКВД. Самой крупной операцией стал рейд почти 400 морских пехотинцев, бойцов и командиров 56-й армии, приуроченный к 24-й годовщине РККА и состоявшийся в ночь с 22 на 23 февраля 1942 г. на северном побережье Таганрогского залива в районе Кривой косы – Сухой балки. Упоминания о нем, в частности, приводит в своих воспоминаниях С.Г. Горшков – в то время контр-адмирал и командующий Азовской военной флотилией. Потеряв только одного человека, десантники уничтожили свыше 160 солдат и офицеров противника, разгромили штаб немецкого батальона, уничтожили радиостанцию, несколько артиллерийских и минометных батарей, пулеметных точек, захватили пленных [29. С. 101–102]. В проведении операции участвовали 100 саперов сводного батальона, обеспечивая разведку и уничтожение материальной части врага. Одной из причин успеха стало то, что «враг был измотан повседневными перестрелками и активно перестал реагировать на действия наших групп» [20. Л. 57]. И.Г. Старинов в воспоминаниях сообщает и еще об одном важном результате операции: среди трофеев оказалась толстая тетрадь, испещренная графиками и расчетами – как позже выяснилось, лабораторный журнал немецкого военного инженера-атомщика Г. Вандервельде, искавшего месторождения урана на юге Украины и в Донбассе. Благодаря этой тетради в Москве узнали об атомном проекте Гитлера, что способствовало в итоге созданию научного центра по проблеме атомного оружия и в СССР [15. С. 182]. Всего зимой 1941/1942 гг. было осуществлено свыше 80 рейдов диверсионных и разведывательных отрядов [29. С. 102].

После этого налета диверсанты на следующую ночь столкнулись с патрулями врага, двигавшимися вдоль побережья на салазках, на расстоянии в 8–9 км от берега. В одном случае при встрече с превосходившим ее в численности патрулем советская группа отошла. Но группы Врево Мануэля, Браво Хозе и Чико Мариано, встретив численно превосходивший их патруль противника в 8–10 км южнее Самсоновки, сами атаковали его. Патруль отошел к Кривой косе, а группы, прекратив преследование, изменили направление, вышли на берег в тылу врага и выполнили задание [19. Л. 10; 20. Л. 57].

В ночь с 25 на 26 февраля группа старшего лейтенанта Моклякова взорвала 2 моторных судна у Весело-Вознесенского. Она была обстреляна, но отошла без потерь. Группа Гульона заминировала дорогу между селами Безыменным и Широкино (оба – Новоазовского района). Для привлечения внимания противника она взорвала столбы по обеим сторонам дороги и порезала провода связи. Несмотря на обстрел, благополучно проводила 2 минеров в глубокий тыл с заданием выйти на железную дорогу севернее Мариуполя. При выпол-

нении операции инструктор Анхель, «запутавшись одной ногой в проволоке мин натяжного действия, не растерялся и, решив пожертвовать своим валенком, вынул безопасно ногу и ушел без валенка, пройдя без обуви до подводы 10 км и благополучно, без обмороживания, вернулся назад» [21. Л. 10]. Группа младшего лейтенанта Козлова была обстреляна при подходе к берегу в районе Буденовки и отошла. На обратном пути между 12 и 13 часами была обнаружена и обстреляна 2 «мессершмитами», 1 красноармеец был убит и 1 ранен, погибли 6 лошадей. Еще 4 группы были обстреляны при подходе к берегу и отошли, 3 человека получили легкие ранения [Там же].

Всего за февраль сводный батальон направил в тыл врага 104 группы, из них 43 выполнили свои задания, «остальные группы задания не выполнили по причинам неопытности, нераспорядительности». 7 групп не смогли выполнить задания, так как встретили на пути длинную непроходимую трещину, другие группы были обнаружены противником перед берегом и обстреляны «с одновременным освещением прожекторами и ракетами». В тылу врага было установлено 216 различных мин, в том числе 1 – на железной дороге в 15–17 км севернее Мариуполя. Одновременно с установкой мин большинство групп перерезало телефонно-телеграфные провода, нарушая связь противника. Немало немецких и румынских солдат погибли на минах или понесли тяжелые увечья.

Минирование в тылу врага продолжалось и в первой половине марта, пока это позволяли погодные условия. Затем И.Г. Старинов доложил Г.Г. Невскому: «Сводный батальон, работавший по минированию в тылу противника на северном побережье Таганрогского залива, по согласованию с командующим, переводим на работы на обводах и для подготовки команд истребителей прорвавшихся танков противника». На южном побережье Старинов оставил на месяц 40 человек «для обучения моряков и партизан делу минирования в тылу врага», а также «для подготовки к операциям после очищения моря от льда». Еще 10 человек действовали в районе городов Лозовая и Барвенково [20. Л. 84]. За март сводный батальон установил в тылу врага около 100 различных мин. В ночь на 17 марта «на mine была взорвана автомашина врага с прожекторной установкой и уничтожены три солдата врага» [Там же. Л. 62].

Кроме того, саперы участвовали в очередной крупной вылазке моряков Азовской военной флотилии. В район Беглицкой косы, примерно в 25 км к западу от Таганрога, в ночь с 13 на 14 марта направились две группы по 100 человек в каждой. Но они были встречены ружейно-пулеметным огнем врага и после короткого боя отошли. Общие потери составили 58 человек, в том числе у саперов – 7 убитых и 8 раненых. Эти потери оказались самыми крупными для сводного батальона за весь период его действий. И.Г. Старинов в своем докладе подчеркнул: «За это время наши мелкие

группы многократно ходили в тыл врага, ставили мины и без потерь возвращались» [20. Л. 63].

Итоговый доклад о действиях сводного батальона был подготовлен И.Г. Стариновым уже в апреле 1942 г. В нем отмечалось, что батальон за время боевых действий выполнял различные задачи, но особое внимание «было уделено постановке дела минирования в тылу врага». Всего в тыл врага на северное побережье Таганрогского залива ходили 116 групп, установивших «274 различных мины, из которых большинство не извлекаемых». По далеко не полным данным сводный батальон оперативно-инженерной группы уничтожил 4 автомашины и еще 1 машину с прожекторной установкой, 2 танка, общежитие с румынскими солдатами, трактор, конюшню, 2 катера и более 100 солдат и офицеров врага, захватив «языка». Четыре раза были проведены совместные операции с морской пехотой и командованием кораблей, из которых, впрочем, только одна была удачной [Там же. Л. 83]. В воспоминаниях И.Г. Старинова приведены другие результаты деятельности батальона: диверсионные группы минеров ходили в тыл врага 110 раз; на вражеских дорогах, патрульных тропинках, вдоль линий связи, у занятых оккупантами зданий установлено 744 мины; взрывами мин и огнем стрелкового оружия уничтожено свыше 100 солдат и офицеров противника, выведено из строя 56 автомашин и 2 танка, подорвано 74 телефонных и телеграфных столбов, 2 моста, 2 баржи, 4 машины с прожекторами [15].

За весь период боевых действий батальон потерял 12 человек убитыми и умершими от ран, 1 – замерзшим, 24 человека пропали без вести, 16 получили ранения, 3 человека – обморожения. При этом 15 человек пропали без вести и 7 человек погибли в ходе совместной операции с моряками в ночь на 14 марта 1942 г. Потери мелких групп «относятся за счет взрыва на немецких минах и при выходе на берег и не превышают одного процента участников» [20. Л. 84].

По показаниям перебежчиков и пленных, взрывы мин «производили потрясающее влияние на солдат врага», вселяя в них неуверенность и страх. На ряде дорог прекращалось ночное движение, создавались «невыносимые условия» для вражеских гарнизонов на северном побережье Таганрогского залива. В донесениях отмечались случаи, «когда солдат врага, выйдя из дома, сразу же попадал на противопехотную мину, которая отрывала ему обе ноги». Взрывы телефонно-телеграфных столбов или отдельных мин вызывали «беспорядочную ружейно-пулеметную, а иногда минометно-артиллерийскую стрельбу, при одновременном освещении местности ракетами и прожекторами». Часто группы, выйдя на берег и подвергнувшись обстрелу, отходили, оставляя мины-сюрпризы, взрывы которых вызывали усиление огня противника [Там же. Л. 55–56].

На основании этого И.Г. Старинов делал вывод о том, что «для работы в тылу врага нужны специальные

части, которые особенно в летних условиях могут нанести врагу весьма чувствительный урон, при незначительных потерях с нашей стороны» [Там же. Л. 83]. Он утверждал: «Уже первые шаги сводного инженерного батальона по минированию в тылу врага говорят о жизненной необходимости иметь эти активные части в составе Красной армии и выдвигают во всю ширь вопрос о создании специальной бригады особого назначения» [Там же. Л. 37].

Действия батальона заслужили высокую оценку советского командования. Контр-адмирал Горшков 11 февраля писал командующему 56-й армией генерал-майору Цыганову: «Опыт действия инженерного батальона т. Старинова показал большую целесообразность таких частей на побережье Азовского моря». Поэтому он считал целесообразным, «оставив этот батальон на побережье, развернуть его в смешанную бригаду из сухопутных и морских частей для действия по тылам и коммуникациям противника» [23. Л. 1]. Многие бойцы и командиры батальона были удостоены государственных наград. Среди них Альверка Нева Анхель, Браво Фернандо Хозе, Руис Мануэль Аро, Мену Андрес Ферро и другие испанские коммунисты, награжденные весной 1942 г. медалями «За отвагу» [22. Л. 95, 100, 246, 253 и др.]. А командир сводного батальона старший лейтенант Н.И. Мокляков в мае 1942 г. был удостоен ордена Красной Звезды [30. Л. 161].

Таким образом, действия оперативно-инженерной группы и сводного батальона под общим командованием И.Г. Старинова стали одним из примеров успешных действий советских диверсантов в годы Великой Отечественной войны. На первый взгляд, может показаться, что они лишены героического ореола, а их эффективность не столь высока: ведь они не привели к уничтожению или захвату крупных военачальников, взрывам крупных военных объектов противника или к другим ярким результатам. Однако уже сам переход через Таганрогский залив в любых погодных условиях – сначала при сильном ветре и морозе, а затем еще более опасной оттепели – был, несомненно, подвигом, и таких подвигов саперы-диверсанты совершили более сотни. Оценка же результатов их деятельности в точных количественных показателях затруднительна из-за отсутствия необходимых источников. Приводимые в документах и воспоминаниях сведения неполны и противоречивы. К тому же на оккупированном противником северном побережье Таганрогского залива действовали не только саперы сводного батальона, но и другие советские диверсанты, а также партизаны. В любом случае очевидно, что противнику был нанесен значительный материальный и моральный ущерб, вследствие чего он был вынужден отказаться от десантов на советскую территорию, сконцентрировавшись на обороне собственных позиций.

Особенностями действий группы Старинова, отличавшими ее от всех других диверсионных отрядов и групп, являлись сам характер выполнявшихся боевых

задач, упор на использование технических средств, тщательно продуманная организация и качественная подготовка диверсий, а также сравнительно небольшие потери. Все это в совокупности – важные и необходимые признаки профессионализма в диверсионной работе, стремления воевать «не числом, а умением», не так часто встречавшегося в действиях командования РККА, особенно в начальный период войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кринко Е.Ф. Современная российская историография Великой Отечественной войны: итоги двух десятилетий // Былые годы. 2009. № 4 (14). С. 6–19.
2. Мадер Ю. Абвер: щит и меч Третьего рейха. Ростов-на-Дону : Феникс, 1999. 320 с.
3. Попов А.Ю., Цветков А.И. Русский диверсант Илья Старинов. СПб. : Нева, 2003. 188 с.
4. Чуев С.Г. Спецслужбы Третьего Рейха. СПб. : Нева; М. : ОЛМА-Пресс Образование, 2003. Кн. 1. 383 с.; Кн. 2. 448 с.
5. Попов А.Ю. Диверсанты Сталина. Деятельность органов Госбезопасности СССР на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны. М. : Яуза ; Эксмо, 2004. 512 с.
6. Судоплатов П.А. Победа в тайной войне. 1941–1945 годы. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 544 с.
7. Диверсанты Второй мировой. Военно-исторический сборник. М. : Яуза, 2008. 353 с.
8. Дегтярев К., Колпакиди А. Смерш. М. : Яуза; Эксмо, 2009. 736 с.
9. Колпакиди А.И., Север А.М. Разведка в Великой Отечественной войне. М. : Эксмо, Яуза, 2010. 736 с.
10. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. I: Накануне. Кн. 1 (ноябрь 1938 г. – декабрь 1940 г.). М. : АО «Книга и бизнес», 1995. 470 с.; Кн. 2 (ноябрь 1938 г. – декабрь 1940 г.). М. : АО «Книга и бизнес», 1995. 406 с.; Т. 2: Начало. Кн. 1 (22 июня – 31 августа 1941 года). М. : Русь, 2000. 724 с.; Кн. 2 (1 сентября – 31 декабря 1941 года). М. : Русь, 2000. 724 с.; Т. 3. Кн. 1: Крушение блицкрига (1 января – 30 июня 1942 г.). М. : Русь, 2003. 706 с.; Кн. 2: От обороны к наступлению (1 июля – 31 декабря 1942 г.). М. : Русь, 2003. 700 с.; Т. 4. Кн. 1: Секреты операции «Цитадель» (1 января – 30 июня 1943). М. : Русь, 2003. 796 с. Кн. 2: Великий перелом (01 июля 1943 – 31 декабря 1943 г.). М. : Русь, 2008. 816 с.; Т. V. Кн. 1. Вперед на запад (1 января – 30 июня 1944 г.). М. : Кучково поле, 2007. 728 с.; Кн. 2: Границы СССР восстановлены (1 июля – 31 декабря 1944 г.). М. : Кучково поле, 2007. 896 с.
11. Русский архив: Великая Отечественная. М. : ТЕРРА, 1998. Т. 20 (9). Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 668 с.
12. Лубянка в дни битвы за Москву. Материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. М. : Звонница, 2002. 486 с.
13. Cherkasov A.A. The creation and use of obstacle-construction detachments in the Red Army // Voprosy Istorii. 2003. № 2. P. 174–175.
14. Markwick R.D., Fieseler B. Evacuees and social stress on the Soviet home front: the Jaroslavl' experience, 1941 // Bylye Gody. 2015. № 4 (38). P. 1115–1118.
15. Старинов И.Г. Записки диверсанта. М. : Альманах «Вымпел», 1997. 448 с.
16. Тепляков Г.В., Филиппенко И.Ф. Три студенческих месяца. М. : Молодая гвардия, 1982. 96 с.
17. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг. 1943 г. Ростов-на-Дону : Издательство ЮНЦ РАН, 2010. 216 с.
18. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг. 1943 г. 2-е изд., испр. и доп. Р н/Д : Издательство ЮНЦ РАН, 2011. 228 с.
19. Афанасенко В.И. «Ледовые походы» на Таганрог. К 70-летию Таганрогской операции 1942 года // Донской временник. 2012. № 5. С. 138–144.
20. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 412. Оп. 646. Д. 884.
21. ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10 303. Д. 1.
22. ЦАМО РФ. Ф. 412. Оп. 10 308. Д. 58.
23. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 692.
24. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 18.
25. Лях В. Поселок Седово в годы Великой Отечественной войны. URL: <http://sedovo.org/sedovo/istoriya/item/306-posjolok-sedovo-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny.html>, свободный (дата обращения: 19.02.2016).
26. Krinko E.F. Spring Flooding and Its Consequences for the Soviet Defences against the Wehrmacht at the Lower Don in 1942 // Военный сборник. 2014. Т. 3, № 1. С. 41–50.
27. Khlynina T.P. «In Order to Strengthen the Protection of Rostov Mobilized Population»: the Construction of Fortifications Autumn 1941 – Summer 1942 // Bylye Gody. 2015. № 2 (36). P. 434–441.
28. Веремеев Ю.Г. Противотранспортная мина ПМС. Заметки на полях. URL: <http://www.saper.etel.ru/mines-3/pms.html>, свободный (дата обращения: 20.02.2016).
29. Горшков С.Г. На южном приморском фланге. Осень 1941 г. – весна 1944 г. Военно-исторический очерк. М. : Военное изд-во, 1989. 286 с.
30. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682 524. Д. 531.

Krinko Evgeny F. Institute for Social and Economic Research and Humanities of the South Science Center of the Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russia). E-mail: krinko@mail.ru; *Cherkasov Aleksandr A.* International Network Center for Fundamental and Applied Research (Sochi, Russia). E-mail: sochi003@rambler.ru

THE «ICE RAIDS» OF THE SOVIET DIVERSIONISTS: THE ACTIVITY OF THE I.G. STARINOV' TASK ENGINEERING FORCE IN THE AZOV SEA REGION IN EARLY 1942.

Keywords: Great Patriotic War; Red Army; Azov Sea region; the Southern Front; Soviet diversionists; I.G. Starinov.

In December 1941, it was created a task engineering force of the Southern Front under the command of the Soviet “diversionist number 1”, the Red Army Colonel I.G. Starinov. A subordinate sapper battalion was attached to his group. The mining of the defensive lines around Rostov-on-Don became the first task for Starinov’s sappers. Rostov University and local enterprise participated in the designing and manufacturing of mines. From early February 1942, they passed on the raids in the enemy’s rear, crossing the Taganrog Bay by ice. Every evening on the northern coast of the Bay of Taganrog, between Taganrog and Mariupol, have been directed from 4 to 8 groups numbering 6–8 people. Every group carried 8–12 mines, including 2–3 mines-surprises and 6–8 anti-vehicle mines. All the groups gave tasks to mine the roads with the purpose to destroy the enemy’s vehicles and manpower. All the time Starinov’s diversionists had to work under difficult circumstances. Initially, the group’s activity was hampered by heavy blizzards and frost. Since mid-February, a warm spell has set in, and the ice covered with cracks and water. The groups got over at least 30 km, and in some cases up to 70 km. Small bridges and telegraph poles were mined by the mines-surprises. After the explosion, the enemy began to move on the roads and

was blown up by another mine installed at 200–500 m from the explosion of anti-vehicle and anti-personnel mines. Totally, on the northern coast of the Taganrog Bay operated 116 groups, which have installed 274 different mines. By the explosions of mines and small arms fire over 100 enemy soldiers and officers has been destroyed. The exact calculation of the losses is not possible due to the lack of the relevant evidence. Over the entire period of fightings, the battalion lost 13 men killed, died of wounds and frostbite, 24 missing in action and 19 wounded and frostbitten. The specificity of Starinov group's actions is evinced in the very nature of their combat tasks, the use of technical equipment, considered organization and preparation of the diversions, as well as in relatively small losses. All of these are important and necessary indicators of the diversionist. Therefore, the actions of the task engineering force and the composite battalion under the command of I.G. Starinov could be considered one of the examples of successful actions of the Soviet diversionists during the Great Patriotic War.

REFERENCES

1. Krinko, E.F. (2009) Modern Russian historiography of World War II: Two decades outcome. *Bylye gody*. 4(14). pp. 6-19. (In Russian).
2. Mader, Yu. (1999) *Abwehr: shchit i mech Tre't'ego reykhha* [Abwehr: The shield and sword of the Third Reich]. Rostov-on-Don: Feniks.
3. Popov, A.Yu. & Tsvetkov, A.I. (2003) *Russkiy diversant Ilya Starinov* [A Russian spy Ilya Starinov]. St. Petersburg: Neva.
4. Chuev, S.G. (2003) *Spetssluzhby Tre't'ego Reykha* [Special Services of the Third Reich]. St. Petersburg: Neva; Moscow: OLMA-Press.
5. Popov, A.Yu. (2004) *Diversanty Stalina. Deyatel'nost' organov Gosbezopasnosti SSSR na okkupirovannoy sovetskoj territorii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Stalin's Saboteurs. The activities of the USSR State Security in the occupied Soviet territory during World War II]. Moscow: Yauza, Eksmo.
6. Sudoplatov, P.A. (2005) *Pobeda v taynoy voynе. 1941–1945 gody* [The victory in the secret war. 1941–1945]. Moscow: OLMA-PRESS.
7. Tokarev, M. et al. (2008) *Diversanty Vtoroy mirovoy* [Saboteurs of the Second World War]. Moscow: Yauza.
8. Degtyarev, K. & Kolpakidi, A. (2009) *Smersh* [SMERSH]. Moscow: Yauza; Eksmo.
9. Kolpakidi, A.I. & Sever, A.M. (2010) *Razvedka v Velikoy Otechestvennoy voynе* [Intelligence Service in WWII]. Moscow: Eksmo, Yauza.
10. Stepashin, S.V. et al. (eds) (1995–2007) *Organy gosudarstvennoy bezopasnosti SSSR v Velikoy Otechestvennoy voynе* [The State Security Services in WWII]. Moscow: Kniga i biznes; Rus'; Kuchkovo pole.
11. The Russian Archive: The Great Patriotic War. Vol. 20(9). Moscow: TERRA.
12. Zhadobin, A.T. (2002) *Lubyanka v dni bitvy za Moskvu. Materialy organov gosbezopasnosti SSSR iz Tsentral'nogo arkhiva FSB Rossii* [The Lubyanka during the Battle of Moscow. Materials of the USSR State Security Service of the FSB Central Archives, Russia]. Moscow: Zvonitsa.
13. Cherkasov, A.A. (2003) The creation and use of obstacle-construction detachments in the Red Army. *Voprosy Istorii – Issues of History*. 2. pp. 174-175. (In Russian).
14. Markwick, R.D. & Fieseler, B. (2015) Evacuees and social stress on the Soviet home front: the Iaroslavl' experience, 1941. *Bylye Gody*. 4(38). P. 1115-1118.
15. Starinov, I.G. (1997) *Zapiski diversanta* [Notes of a saboteur]. Moscow: Al'manakh "Vympel".
16. Teplyakov, G.V. & Filippenko, I.F. (1982) *Tri studenykh mesyatsa* [Three icy months]. Moscow: Molodaya gvardiya.
17. Matishov, G.G., Afanasenko, V.I. & Krinko, E.F. (2010) *Mius-front v Velikoy Otechestvennoy voynе. 1941/1942 gg. 1943 g.* [Mius-Front in World War II. 1941/1942. 1943]. Rostov-on-Donu: RAS.
18. Matishov, G.G., Afanasenko, V.I. & Krinko, E.F. (2011) *Mius-front v Velikoy Otechestvennoy voynе. 1941/1942 gg. 1943 g.* [Mius-Front in World War II. 1941/1942. 1943]. 2nd ed. Rostov-on-Donu: RAS.
19. Afanasenko, V.I. (2012) "Ledovye pokhody" na Taganrog. K 70-letiyu Taganrogskoy operatsii 1942 goda [The "Ice Campaigns" on Taganrog. On the 70th anniversary of Taganrog Operation in 1942]. *Donskoy vremennik*. 5. pp. 138-144.
20. The Central Archives of the Russian Ministry of Defence (TsAMO RF). Fund 412. List 646. File 884.
21. The Central Archives of the Russian Ministry of Defence (TsAMO RF). Fund 412. List 10 303. File 1.
22. The Central Archives of the Russian Ministry of Defence (TsAMO RF). Fund 412. List 10 308. File 58.
23. The Russian State Archives of Socio-Political History (RGASPI). Fund 69. List 1. File 692.
24. The Documentation Centre of the Recent History of Rostov Region. Fund R-3. List 2. File 18.
25. Lyakh, V. (2013) *Poselok Sedovo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The village Sedovo during the Great Patriotic War]. [Online] Available from: <http://sedovo.org/sedovo/istoriya/item/306-posjolok-sedovo-v-gody-velikoj-otechestvennoj-voyny.html>. (Accessed: 19th February 2016).
26. Krinko, E.F. (2014) Spring Flooding and Its Consequences for the Soviet Defences against the Wehrmacht at the Lower Don in 1942. *Voennyi sbornik*. 3(1). pp. 41-50. (In Russian).
27. Khlynina, T.P. (2015) "In Order to Strengthen the Protection of Rostov Mobilized Population": The Construction of Fortifications Autumn 1941 – Summer 1942. *Bylye Gody*. 2(36). pp. 434-441. (In Russian).
28. Veremeev, Yu.G. (n.d.) *Protivotransportnaya mina PMS. Zametki na polyakh* [Antivehicle mine PMS. Field Notes]. [Online] Available from: <http://www.saper.etel.ru/mines-3/pms.html>. (Accessed: 20th February 2016).
29. Gorshkov, S.G. (1989) *Na yuzhnom primorskom flange. Osen' 1941 g. – vesna 1944 g. Voенно-istoricheskiy ocherk* [On the southern seaside flank. The autumn of 1941 – spring of 1944. A military historical sketch]. Moscow: Voennoe izdatel'stvo.
30. The Central Archives of the Russian Ministry of Defence (TsAMO RF). Fund 33. List 682 524. File 531.

УДК 94= (470.23)
DOI 10.17223/19988613/41/8

В.А. Орав

НАЛОГОВЫЕ ЛЬГОТЫ И МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КОЛХОЗНИКОВ КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА В 1940-х гг.

Рассматриваются доходы колхозников-переселенцев на Карельском перешейке в условиях предоставления государством налоговых льгот переселенческим колхозам. Проанализированы статистические сведения о распределении продукции в колхозах и о хозяйственном устройстве колхозников. Автор приходит к выводу о том, что оплата труда колхозников в переселенческих колхозах производилась в тех же размерах и по тем же принципам, как и во всех прочих колхозах и наличие налоговых льгот фактически не сказывалось на материальном положении членов артелей.

Ключевые слова: переселения; налоговые льготы; колхозы; трудодни.

Неотъемлемой составной частью социально-экономической политики Советского государства была организация плановых переселений сельского населения с целью более полного экономического освоения малообжитых и слаборазвитых районов СССР. В период после Великой Отечественной войны осуществлялось планомерное развитие Карельского перешейка Ленинградской области – территории, окончательно перешедшей от Финляндии к СССР в 1944 г. Важнейшую роль в данном процессе играли организованные переселения колхозников на перешеек из других областей РСФСР. Эффективность переселений напрямую зависела от уровня жизни мигрантов на новом месте [1. С. 108]. Для обеспечения наилучшей закрепляемости переселенцев последним предоставлялся ряд льгот. Особой разновидностью льгот являлось освобождение на определенный период колхозов и колхозников от налогов, страховых платежей и обязательных поставок государству, закрепленное постановлением ЦИК и СНК СССР 17 ноября 1937 г. «О льготах по сельскохозяйственному переселению» [2. Ст. 352]. На Карельском перешейке колхозы и колхозники освобождались от натурального и денежного обложения сроком на три года [3. С. 116].

Доходы крестьянского хозяйства складывались (если не считать неземледельческих заработков и отходничества) из двух основных составляющих: натуральной и денежной оплаты за участие в колхозных работах по трудодням и поступлений от личного подсобного хозяйства. Последние, как правило, являлись основным источником доходов крестьян, поскольку зачастую оплата труда в общественном хозяйстве не производилась [4. Р. 113–114]. Теоретически, налоговые льготы должны были улучшить материальное положение сельских тружеников, выдачи на трудодни должны были быть больше, чем в колхозах, не имевших преимуществ в натуральном и денежном обложении. Таким образом, поступления от общественного хозяйства в этих условиях должны были стать если не основным, то важным источником средств к существованию для крестьянских семей. В пользу этого, на первый взгляд, говорят воспоминания ряда первых переселенцев: на

Карельском перешейке «легче прожить было», колхозы налогами не облагались, на трудодни давали достаточное количество хлеба, молока, а иногда даже порсят [5. С. 158].

В настоящей статье автор на основе документов партийных и советских органов рассматривает взаимосвязь между предоставлявшимися государством льготами и доходами колхозников от общественного хозяйства. Относительно подобной взаимосвязи между налоговыми льготами и доходами от личного хозяйства надо сказать, что этот вопрос заслуживает дальнейшего, более углубленного изучения в силу особенностей источниковой базы: в архивных документах содержится относительно мало информации о личных подсобных хозяйствах колхозников.

Следует отметить, что практике организованных переселений в СССР посвящено довольно значительное количество публикаций, в том числе и переселениям на Карельский перешеек, однако проблема зависимости доходов от труда в общественном хозяйстве и наличия налоговых льгот специально еще не рассматривалась [6–8]. Чтобы оценить влияние льгот на материальное положение колхозников, необходимо определить, каким образом продукция распределялась в колхозах и какая ее часть оставалась непосредственным производителям. В нашем распоряжении имеются сведения, позволяющие судить о принципах распределения, представленные статистическими разработками годовых отчетов правлений колхозов, справками о хозяйственном устройстве переселенцев и докладными записками о положении в колхозах.

В качестве хронологических рамок избран период с 1945 по 1948 г., трехлетний период, в течение которого колхозы не облагались натуральными и денежными повинностями. Каждая сельскохозяйственная артель привлекалась к уплате налогов и выполнению поставок по мере истечения трехлетнего срока с момента ее образования. Поскольку на Карельском перешейке не было колхозов, организованных ранее января 1945 г., то в течение рассматриваемого промежутка времени все колхозы существовали на льготных условиях [9. Л. 75–77].

Благосостояние колхозников перешейка имело большое политическое значение для партийных и советских руководителей области. Секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) П.С. Попков говорил на заседании бюро обкома 1 августа 1947 г.: «Мы заселяем по решению ЦК партии Карельский перешеек коренными русскими колхозниками, имеем установку от ЦК партии сделать этих колхозников зажиточными, имеющими в изобилии все. Колхозник на Карельском перешейке должен жить лучше, чем в каком-либо другом участке Ленинградской области, да и не только Ленинградской области. Почему? Да потому, что они живут на границе» [10. Л. 10]. Тем не менее обеспечить зажиточную жизнь не удавалось. В 1945 г. урожайность была ниже, чем в остальных районах области: по зерновым 9,3 ц с га, по картофелю – 93 ц против 10 и 107 ц соответственно, а оплата трудодней была почти в 4 раза ниже, чем в среднем по области, и составляла на одного принимавшего участие в колхозных работах человека в год 3 пуда хлеба, 6,5 пудов картофеля и овощей и 80 руб. деньгами. Такие невысокие показатели в немалой степени наряду с низкой трудовой мотивацией обуславливались специфическими почвенно-климатическими условиями перешейка, неизвестными большинству переселенцев. Требовалось некоторое время, чтобы освоиться в новых условиях [11. Л. 18].

Наряду с этими абсолютными цифрами первостепенное значение имеют сведения, позволяющие судить о принципах распределения продукции общественного хозяйства в колхозах. Это сводные таблицы за 1945 г. о производстве продукции полеводства и ее расходовании в среднем на один колхоз, составленные в аппарате Леноблисполкома на основе годовых отчетов правлений колхозов [12. Л. 333].

Анализ данных таблиц позволяет утверждать, что колхозники Карельского перешейка получили зерновых, картофеля и овощей вместе взятых даже меньше, чем в остальных районах области, приблизительно 14% против 21%, а с учетом сверхваловой продукции еще меньше. Отсюда также видны причины такого положения. В большинстве районов области распределение продукции производилось в следующей пропорции: 32% изымалось по государственным поставкам, 3% уходило на натуроплату МТС, 2% на возврат семенных ссуд, еще 29% и 16% закладывались в семенной и фуражный фонд соответственно и около 0,8% было продано. В то же время колхозы перешейка, хотя и были освобождены от обязательных поставок, а доля натуроплаты МТС была незначительной, эти льготы с лихвой компенсировались возвратом семенных ссуд, на который уходило без малого 46% урожая. Значительная доля также уходила на семена. Столь большой расход продукции на пополнение семенного фонда и погашение семенных ссуд был связан с тем, что перед колхозами была поставлена задача довести сельское хозяйство перешейка по основным показателям до довоенного уровня уже к 1948 г., а по освоению посевных

площадей – к 1947 г. [13. Л. 22]. Вполне очевидно, что решение данной задачи производилось в ущерб обеспечению устойчивого материального положения членов колхозов.

Приведенные выше данные являются средними значениями для районов перешейка и в целом по области. Более конкретно о распределении можно судить по данным, полученным из годовых отчетов правлений четырех колхозов за тот же 1945 г.: «Идеи» и «Вперед» Волосовского района, «Искры» Яскинского района, «Памяти Ильича» Райволовского района. Два последних были расположены на Карельском перешейке. В колхозе «Идея» из 836 ц урожая выдано на трудодни 289 ц, или 34,5%; 301 ц, или 36%, были заложены в семенной фонд, 140 ц было определено на фураж (около 17%). Остальное было сдано государству или израсходовано на натуроплату МТС. В колхозе «Вперед» из 395 ц было выдано колхозникам всего 32 ц (8%), 203 ц заложено на семена (51%) и 72 ц – на фураж (18%), и только 107 ц (27%) сдано государству и оплачено за работу МТС. Тем временем в колхозе «Искра» был получен урожай 225 ц. Хотя здесь не производились ни сдача зерна государству, ни оплата услуг МТС, в «Искре» на трудодни было выдано 28,5 ц (13%), 88,5 ц (39%) ушло на возврат семсуд, 86,3 ц заложено на семена (38%). В колхозе «Память Ильича» было получено 92,4 ц урожая, из которого выдачи на трудодни не производились. 72,2 ц (78%) было заложено на семена, и оставшийся хлеб ушел на возврат семсуд и корм скоту. Распределение картофеля выглядит следующим образом: в «Идее» 19% было сдано государству, 33% заложено на семена, 43% выдано на трудодни; в колхозе «Вперед» 52% было сдано государству и 48% заложено на семена. В «Искре» 44% ушло на возврат семсуд, 35% – на семена и корм скоту и лишь 12% выданы на трудодни, в «Памяти Ильича» 82% на семена и 18% на фураж, а трудодни не оплачивались [12. Л. 328].

Отдельного рассмотрения также заслуживает распределение продукции животноводства на перешейке в сравнении с другими районами области. Она расходовалась на сдачу по обязательным поставкам, продажу по контрактации и на колхозном рынке, общественное питание, производственные нужды и, наконец, выдавалась на трудодни. Эти цифры надежны в меньшей степени, нежели в случае с полеводством, поскольку не совсем ясен характер расходов молока на производственные нужды. Скорее всего, какая-то его часть, выражаясь языком того времени, была разбазарена под видом кормления телят, поэтому люди могли реально получать больше продукции, чем им формально полагалось. Общественное питание считалось разбазариванием в чистом виде. Как указывал в августе 1949 г. представитель Совета по делам колхозов при Правительстве СССР по Ленинградской области В. Васильев, «в колхозах Ленинградской области в период сенокоса и уборки большое распространение имеет расхищение общественного добра под видом так называемого бес-

платного общественного питания. Для этого общественного питания убиваются сотни голов скота, расходуются переходные и страховые фонды, идет самая ценная продукция, могущая принести большой денежный доход колхозу при реализации ее на рынке» [14. Л. 100]. Что же касается сумм, вырученных от продажи продукции на рынке, то они, как правило, оседали в карманах колхозных руководителей и их приближенных: «Проверка показала, что у большинства колхозов значительные суммы денег не проходят через банк, а хранятся у казначея, председателя, счетовода или у др. членов колхоза. <...> У председателя колхоза тов. Мухина оказалось на руках 5 243 руб., а в кассе колхоза 1 017 руб. Такие факты не единичны» [Там же. Л. 96–97]. Колхознику Фаринову поручили продать на колхозном рынке 110 кг мяса. Вырученные 1 100 руб. он присвоил себе, точно так же поступил колхозник Ложкин и т.д. [15. Л. 165]. Поэтому трудно однозначно судить о том, какая часть произведенной продукции фактически была получена непосредственными производителями, в данном случае можно объединить выдачи на трудодни, общественное питание и расходы на производственные нужды. Если взять эти расходы молока в совокупности, то на перешейке они составляли не более 48%, а в остальных районах – 47%. Исходя из этих соображений, также можно думать, что колхозниками употреблялось не более 22% произведенного ими мяса в среднем по области и не более 20% на перешейке. Такой высокий вероятный уровень потребления был достигнут за счет нарушения существовавших ограничений. Законные выдачи на трудодни были совершенно незначительны: молока – 8% в большинстве районов и 1% в районах перешейка, а мяса – по 12% в целом по области и на перешейке [12. Л. 327].

Таким образом, несмотря на то что колхозы перешейка формально были освобождены от налогов и обязательных поставок, в руках государства имелось достаточно дополнительных средств изъятия сельскохозяйственных продуктов из деревни. Одним из таких средств была контрактация, как правило носившая принудительный характер¹. Так, два колхоза в Воловском районе отдали государству по обязательным поставкам от 75 до 90% урожая. На Карельском перешейке овощи, как и другая продукция, по государственным поставкам не взимались, однако в «Искре» Яскинского района из 35 ц урожая овощей было продано 13 ц (37%), а в «Памяти Ильича» – 94,5 ц из 100, т.е. почти все [Там же. Л. 328]. Не освобождались колхозы перешейка от уплаты гарнцевого сбора и натуроплаты МТС [16. Л. 178].

Помимо этого, государство было склонно изменять заранее установленные «правила игры». Первоначально переселенцы и организованные из них колхозы, как это и официально провозглашалось, освобождались от всех без исключения денежных налогов, страховых платежей и натуральных поставок, им списывались все недоимки, однако уже с 1946 г., по постановлению Со-

вета министров СССР, на них были возложены обязательные молокопоставки [11. Л. 24]. Следует отметить, что аналогичным образом осенью 1945 г. были отменены льготы для хозяйств погибших красноармейцев: «Для большинства людей это было как снег на голову. О повышении сельхозналога и госпоставок узнавали от налоговых агентов» [17. С. 45]. Последующие партии переселенцев также освобождались на три года с момента вселения от натуральных повинностей за исключением молокопоставок [18. Л. 119]. В марте 1947 г. в районной газете Раутовского района появилось предупреждение для владельцев скота, не выполнивших обязательных поставок. Речь шла об осуждении народным судом колхозниц Е.А. Бурковой и Д.М. Ивановой, не рассчитавшихся молоком за 1946 г. Суд приговорил к уплате штрафа: Буркову – в размере 1 176 руб., а Иванову – 672 руб. [19].

Следствием всех этих мер стало то, что средние выдачи продуктов на человека оставались крайне низкими и спустя несколько лет после организации колхозов. В апреле 1948 г. органами Министерства государственного контроля РСФСР была проведена проверка хозяйственного устройства колхозников-переселенцев в пяти сельскохозяйственных артелях Райволовского района. По данным контролеров, в среднем из урожая 1947 г. трудоспособные колхозники получили 840 г зерновых, 900 г картофеля, 450 г овощей и 76 копеек деньгами. В некоторых колхозах, таких как «Верный путь», колхозники получили только 298 гр. зерновых, 53 г овощей, 16 копеек деньгами; в колхозе «1 мая» было выдано только 500 г зерновых. Материальное положение колхозников характеризовалось контролерами как тяжелое во всех колхозах. В колхозе «Красное знамя» за I квартал 1948 г. было 35 случаев отказа и невыхода на работу. Председатель этого колхоза Ф.Д. Ракидин писал: «Причиной нарушения трудовой дисциплины является отсутствие продовольствия у колхозников». В колхозе «Победа» 17 апреля 1948 г. колхозницы Е.И. Базарова, Н.И. Понаморева и А.Л. Ключникова отказались выйти на работу и уехали в Ленинград за хлебом. Бригадир Д.А. Куликов писал об этом случае: «Проживая в колхозе с 1945 г., я, как бригадир, направляю колхозников на работу, колхозники допускают отказ вследствие плохого питания. Хлеба нет, картофель кончается. Колхозники самовольно уезжают в город за отрубями для питания». О том же сообщал председатель колхоза «1 мая» М.Н. Доровских: «Имело место [много] невыходов на работу колхозников по причине недостатка продуктов питания» [20. Л. 7–8].

Таким образом, на основе всего изложенного выше можно сделать вывод о том, что, несмотря на налоговые льготы, положение переселенцев на Карельском перешейке мало отличалось от положения остальных колхозников. Оплата по трудодням в колхозах перешейка производилась по остаточному принципу так же, как и в не имевших льгот сельскохозяйственных артелях других

районов. Приемлемые размеры выданных на трудодни могли достигаться только за счет хищений. У государства имелось достаточно способов обойти установленные «правила игры». Вместе с тем политика по отношению к

крестьянству носила односторонний характер: возлагая обязательства на население, государство, изменяя размер предоставляемых льгот, не считало нужным следовать со своей стороны каким-либо договоренностям.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ О принудительности контрактации 20 июля 1945 г. говорил заместитель председателя Леноблисполкома М.А. Таиров: «Мы увеличим поголовье тогда, когда крестьянин будет заинтересован вырастить теленка, а сейчас он не успеет вырастить, как у него забирают по контрактации чуть не даром» [16. Л. 6].

ЛИТЕРАТУРА

1. Чернов А.С. Переселенчество как миграционная политика государства // Вестник Московского государственного университета. Сер. 6. 2005. № 4.
2. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза ССР. 1937. № 73.
3. В «новых районах». Из истории освоения Карельского перешейка 1940–1941, 1944–1950 гг. / авт.-сост. Е.А. Балашов и В.Н. Степаков. СПб. : Нордмедиздат, 2001.
4. Kenez P. A History of the Soviet Union from the Beginning to the End / Sec. edit. Cambridge : Univ. press, 2006.
5. Граница и люди: воспоминания советских переселенцев Приладожской Карелии и Карельского перешейка / сост. В.Ю. Макарова и др. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2005.
6. Большакова Г.И. Заложники новой границы: проблемы заселения и освоения Карельского перешейка в 1940–1960-х гг. СПб. : Астрион, 2009.
7. Кривошеев Ю.В. Советские переселенцы на Карельском перешейке и начало Великой Отечественной войны // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 133–137.
8. Герашенко Л.В. Переселенческая политика Советского государства на Карельском перешейке в 1940–1950-х гг. в документах Ленинградского областного государственного архива в г. Выборге // Новейшая история России. 2011. № 2. С. 141–148.
9. Центральный государственный архив историко-политических документов С.-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 2. Д. 6708.
10. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2. Д. 6355.
11. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 7. Д. 1020.
12. Центральный государственный архив С.-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. 7179. Оп. 47. Д. 2.
13. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2. Д. 5517.
14. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 49. Д. 318.
15. ЦГА СПб. Ф. 8823. Оп. 1. Д. 50.
16. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 2. Д. 5626.
17. Зима В.Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М. : Ин-т рос. истории РАН, 1996.
18. ЦГА СПб. Ф. 7179. Оп. 45. Д. 27.
19. Михайлов, народный судья. За невыполнение государственных поставок под суд // Сталинское слово. 1947. 26 марта.
20. ЦГА СПб. Ф. 8824. Оп. 1. Д. 136.

Orav Vladimir A. S.-Petersburg State University (S-Petersburg, Russia). E-mail: v.orav@yandex.ru

TAX PRIVILEGES AND WELFARE POSITION OF COLLECTIVE FARMER IN THE KARELIAN ISTHMUS IN 1940s.

Keywords: resettlement; tax privileges; collective farms; work-day.

In the post-war period the systematic developing of the Karelian isthmus in Leningrad region was realized. The Karelian isthmus is territory, which was ceded by Finland to the USSR in 1944. Organized migrations of collective farmers from another RSFSR regions play a important part in this process. For the purpose of maximal effectiveness of the migrations a number of benefits was rendered to migrants. Temporary release of collective farmers and farms from taxes, insurance payments and obligatory deliveries to the state was a special kind of benefits. Theoretically, the fiscal benefits had to improve welfare position of peasants. In this article the author considers a correlation between the rendering by the state benefits and collective farmer's incomes from socialist economy. For assessment of benefit's influence on collective farmers' welfare position the author scrutinized the production distribution and the amount of wage in collective farms. The article based on analyzing of annual collective farms' administration accounts statistical dates, reports about migrants' economic provision and memorandas about juncture in country. The analyze enables to assert that the collective farmers of the Karelian isthmus got less grains, potatoes and vegetables than collective farmers in another districts. The benefits were leveled by returning of seed loans and replenishment of planting resources. Tommies for units of work on collective farms were also absolutely insignificant. Moreover, the state had few additional tools for withdrawal of products from country. One of these tools was a contracting, which was, as a rule, coercive. The state had an inclination to change primary established "game rules". Initially, the migrant's collective farms were released from all (without exclusion) taxes, insurance payments and natural deliveries. There were written off debts for them. However, the collective farms were obliged to carry out imperative milk delivering already in 1946 according to governmental statement. As a consequence, wages were small. Able bodied collective farmers got 840 grams of grains, 900 grams of potatoes, 450 grams of vegetables and 76 kopeks according to verification made by the RSFSR Ministry of state control organs in five collective farms of Raivola district in April 1948. Thus, a conclusion can be made on hereinbefore explained assertions that welfare position of peasants on the Karelian isthmus varied little from others collective farmer's position despite of the benefits. Payment executed according to a residual principle.

REFERENCES

1. Chernov, A.S. (2005) Pereselenchestvo kak migratsionnaya politika gosudarstva [Migration as the policy of the state]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 6. 4.*
2. The Collection of Laws and Regulations of the Workers 'and Peasants' Government of the USSR. 1937. № 73.

3. Balashov, E.A. & Stepanov, V.N. (eds) *V "novykh rayonakh". Iz istorii osvoeniya Karel'skogo peresheyka 1940–1941, 1944–1950 gg.* [In the "new areas". From the history of development of the Karelian Isthmus, 1940–1941, 1944–1950]. St. Petersburg: Nordmedizdat.
4. Kenez, P. (2006) *A History of the Soviet Union from the Beginning to the End*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Makarov, V.Yu. et al. (eds) (2005) *Granitsa i lyudi: vospominaniya sovetskikh pereselentsev Priladozhskoy Karelii i Karel'skogo peresheyka* [The frontier and people: Memoirs of Soviet immigrants in Karelia near Ladoga and the Karelian Isthmus]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
6. Bolshakova, G.I. (2009) *Zalozhniki novoy granitsy: problemy zaseleniya i osvoeniya Karel'skogo peresheyka v 1940–1960-kh gg.* [Hostages of the new frontier: The problem of settlement and development of the Karelian Isthmus in the 1940–1960-s]. St. Petersburg: Asterion.
7. Krivosheev, Yu.V. (2011) "For the reason of evacuation from the region . . .": Soviet migrants on the Karelian Isthmus and the beginning of the Great Patriotic War. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 1. pp. 133-137. (In Russian).
8. Gerashchenko, L.V. (2011) The Soviet State Policy of Resettlement on the Karelian Isthmus in 1940s–1950s (research based on the Vyborg archive documents). *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 2. pp. 141-148. (In Russian).
9. The Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg (TsGAIPD SPb). Fund 24. List 2. File 6708.
10. The Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg (TsGAIPD SPb). Fund 24. List 2. File 6355.
11. The Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg (TsGAIPD SPb). Fund 24. List 7. File 1020.
12. The Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg (TsGAIPD SPb). Fund 7179. List 47. File 2.
13. The Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg (TsGAIPD SPb). Fund 24. List 2. File 5517.
14. The Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg (TsGAIPD SPb). Fund 24. List 49. File 318.
15. The Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg (TsGAIPD SPb). Fund 8823. List 1. File 50.
16. The Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg (TsGAIPD SPb). Fund 24. List 2. File 5626.
17. Zima, V.F. (1996) *Golod v SSSR 1946–1947 godov: proiskhozhdienie i posledstviya* [The famine in the USSR in 1946–1947: The cause and consequences]. Moscow: Institute of Russian History, RAS.
18. The Central State Archive of St. Petersburg. Fund 7179. List 45. File 27.
19. Mikhaylov. (1947) Za nevypolnenie gosudarstvennykh postavok pod sud [On the dock for failure to fulfill state deliveries]. *Stalinskoe slovo*. 26th March.
20. The Central State Archive of St. Petersburg. Fund 8824. List 1. File 136.

А.Н. Федоров

И.М. ЗАЛЬЦМАН И ЧЕЛЯБИНСКИЙ ОБКОМ ВКП(б): ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕСТНЫХ ПАРТИЙНЫХ И ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОРГАНОВ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

На примере взаимоотношений секретарей Челябинского обкома ВКП(б) и директора Кировского завода И.М. Зальцмана выясняются характер и основные направления сотрудничества партийных и хозяйственных органов в послевоенное время. Особое внимание уделено неформальной группе, в которую ещё во время войны вошли многие руководители Челябинской области и которая до конца 1940-х гг. имела покровителей в высших органах власти. Автор приходит к выводу, что тесное взаимодействие обкома партии, дирекции крупного завода и других властных структур позволяло решать экономические вопросы завода и области, а также прикрывать собственные ошибки и злоупотребления. Однако безусловная и открытая поддержка, которую Челябинский обком ВКП(б) оказывал Зальцману, породила недовольство населения и конфликты среди руководителей области и завода. Информация об этом достигла центра и послужила поводом для снятия Зальцмана и замены партийного руководства области.

Ключевые слова: И.М. Зальцман; Кировский завод; партийные органы; послевоенные годы; Челябинский обком ВКП(б).

Взаимодействие управленческих структур по праву считается одним из важнейших аспектов функционирования системы органов власти. Его анализ позволяет не только выяснить реальный вес различных ведомств, но и выявить линии их сотрудничества и противостояния. Именно поэтому по данной теме появилось немало исторических исследований, в том числе по советской эпохе. В последних работах наибольшее внимание уделяется деятельности партийных органов, являвшихся ядром советской системы власти, и их взаимодействию с Советами, судами, прокуратурой и органами НКВД–МВД [1–4]. А вот отношения партийных руководителей и хозяйственников рассматриваются редко, хотя именно этот тандем разрешал экономические и иные важные вопросы.

Исследователи отмечают, что местные партийные комитеты являлись контролирующей инстанцией по отношению к хозяйственным органам, часто представляли их интересы в центральных структурах [5], а в военное время даже выполняли роли снабженцев и «толкачей» [6]. Но их взаимодействие часто выходило за положенные рамки и приводило к складыванию неформальных групп. Последствия этого могли быть самыми разными – от длительного и благополучного существования до банкротства всего местного руководства. И ярким примером последнего варианта являются взаимоотношения во второй половине 1940-х гг. секретарей Челябинского обкома ВКП(б) и директора Кировского завода в Челябинске Исаака Моисеевича Зальцмана.

И.М. Зальцман в годы войны и после её окончания был видной фигурой не только в области, но и стране. Именно он организовал эвакуацию Кировского завода из Ленинграда в Челябинск, быстро наладил на новом месте поточное производство танков КВ-1, выправил дела на заводе № 183, где заваливался выпуск Т-34, а с июля 1942 г. по июнь 1943 г. возглавлял наркомат танковой промышленности. После он вернулся на Кировский завод, который в последние военные годы выпус-

кал танки ИС, а с 1946 г. переключился на производство тракторов. Будучи руководителем крупнейшего предприятия, орденосцем, Героем Социалистического Труда и лауреатом Сталинской премии, он всегда получал поддержку Челябинского обкома ВКП(б). Причём не только в решении производственных вопросов, но и при урегулировании конфликтов, которые регулярно возникали между директором, местными парторганизациями и работниками завода.

Например, возглавлявший с марта 1940 г. по январь 1942 г. обком партии Г.Д. Сапрыкин предоставил Зальцману полную свободу действий, помогал ему людьми и материалами, необходимыми для строительства танковых цехов. А когда между директором и секретарём Тракторозаводского райкома партии Ф.И. Савиным возникли трения, то принял сторону первого, а второго отправил на фронт [7. Л. 132–132 об.]. Следующий глава Челябинского обкома, Н.С. Патоличев, тоже помогал танкостроителю, поддерживал его инициативы и защищал от критики «снизу» [8. С. 253–254, 258–261; 9. Л. 94, 103]. А в начале 1946 г., несмотря на возражения коллег и недовольство простых горожан, выдвинул кандидатуру Зальцмана в депутаты Верховного Совета СССР и сделал всё необходимое для его избрания [10. С. 101–105]. Весной 1946 г. Н.С. Патоличев перебрался в ЦК ВКП(б), но своему преемнику и протезе А.А. Белобородову наверняка порекомендовал поддерживать директора. И хотя новый первый секретарь испытывал к своему ровному хозяйственнику антипатию и пытался первое время приструнить его [9. Л. 49, 66, 190], он всё же внял совету. Ведь осенью 1946 г., когда недовольные своим положением заводчане пытались привлечь дирекцию к ответственности и ситуация могла выйти из-под контроля и дойти до самого верха, Белобородов отбросил все предубеждения и помог Зальцману [11].

Вопрос о том, почему первый секретарь обкома внезапно поступился принципами и стал абсолютно во всём поддерживать И.М. Зальцмана, является ключе-

вым для понимания дальнейших событий. В феврале 1949 г., когда решался вопрос об освобождении Белобородова от должности, он дал такое объяснение: «Как секретарь обкома и партийный работник я в то время был молодой, опыта в таких вопросах не было, и я долго колебался. С одной стороны, вина Зальцмана перед партийной организацией за своё поведение была совершенно очевидна, и поэтому его надо было по крайней мере наказать. С другой стороны, все его действия и поступки известны были обкому уже на протяжении по крайней мере 4–5 лет. И почему-то таких выводов не делалось, тем более что и руководство было несравненно опытнее меня. Отсюда я делал вывод: значит, я чего-то недоучитываю. Чего же недоучитываю? Видимо и раньше учитывалось, и сейчас надо учесть то положение, что Зальцман – директор крупного завода, Герой, депутат, лауреат, а поэтому нельзя ли попытаться исправить его?» [9. Л. 190]. Понятно, что «молодость» была здесь ни при чём, ведь Белобородов до того, как в ноябре 1941 г. стал председателем облисполкома, успел побывать и первым секретарем райкома, и третьим секретарём обкома партии. Впрочем, рассуждения о некоем неучтённом факторе и статусе Зальцмана тоже не очень убедительны. Скорее всего, осенью 1946 г. информация о ситуации на заводе дошла до Патоличева, возглавлявшего тогда Управление ЦК ВКП(б) по проверке партийных органов, и тот разъяснил своему выдвиженцу, почему нужно поддерживать директора. И, подчиняясь главе неформальной группы, которая сложилась ещё в годы войны и в которую он был вхож, Белобородов быстро «исправился» и впредь оказывал Зальцману всю необходимую помощь.

В 1947 г. положение на заводе несколько выправилось и обком стал содействовать ему в других делах: проводил массово-политическую работу, укреплял трудовую дисциплину, выделял вне очереди металл, детали и вагоны [12. Л. 62–78; 13. Л. 26–35; 14. Л. 7–11]. В свою очередь дирекция тоже отвечала «взаимностью», выделяя сверх плана запчасти, шефствуя над сельскими районами, участвуя в благоустройстве Челябинска и т.д. И неудивительно, что взаимовыгодное сотрудничество руководители скрепляли застольями, которые обычно проходили на даче у Зальцмана [9. Л. 54, 102, 159–160]. Первый секретарь в них не участвовал, но с директором его всё-таки связывал личный «интерес»: на Кировском заводе начальником отдела труда и зарплаты работал его младший брат Фёдор.

Описанное выше сотрудничество было обычным для тех лет, но, видимо, настолько бросалось в глаза, что инспектор ЦК ВКП(б), проверявший в конце 1947 г. работу с кадрами в Челябинской области, в своём отчёте указал: «Тов. Белобородов либерально относится к недостаткам в работе директоров крупных заводов и руководителей строек, особенно к недостаткам в работе т. Носова – директора ММК и т. Зальцмана – директора Кировского завода. Последние из работников обкома партии ни с кем не считаются и имеют дело

только с т. Белобородовым» [15. Л. 134–135]. Впрочем, секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецов ничего страшного здесь не увидел и вместо вызова секретаря обкома партии на заседание ЦК ограничился приватной беседой с ним [Там же. Л. 131, 135]. И вполне возможно, что такой исход дела обеспечили не только московские покровители Белобородова, но и Зальцман, состоявший с Кузнецовым в хороших отношениях.

Вскоре содружество руководителей подверглось серьёзной проверке на прочность. Ведь в 1948 г. Кировский завод, заваливший программу прошлого года (из 6 500 тракторов изготовили 5 751, т.е. 88,5%) [16. Л. 9–10], получил план в 16 500 машин. Зальцман и министерство сделали всё возможное и даже обратились к Сталину, чтобы уменьшить сей план. Но их усилия не увенчались успехом и пришлось изыскивать возможности для его выполнения. Ощутимую помощь в этом с подачи Сталина оказал Совет министров СССР, который 5 апреля и 28 июля 1948 г. принял постановления об увеличении финансирования, поставке сверх плана оборудования, выделении рабочей силы и разрешении изготавливать 50% машин без кабин [17. Л. 82–90; 18. Л. 49–59]. Только всё это завод получил не сразу и не в полном объёме, поэтому покрыть дефицит следовало за счёт других источников. И вот здесь весьма пригодился обком, который 14 апреля 1948 г. предписал полусотне предприятий области в течение года снабжать завод необходимыми материалами, деталями и комплектующими [19. Л. 20–24]. А весной 1948 г. пришлось помогать директору и по партийной линии.

Тогда впервые за восемь лет состоялось важнейшее мероприятие – областная партийная конференция. И многие руководители, отвыкшие за время войны отчитываться перед коммунистами, понимали, что эта конференция может обернуться для них не только критикой, но и другими неприятностями. Такие опасения имелись и у Исаака Моисеевича, хотя на первый взгляд оснований для них не было. Ведь прошедшая в январе заводская партконференция обошлась без эксцессов: вся критика свелась к призывам усилить механизацию, лучше использовать кадры и отказаться от сверхурочных, а в партком Зальцмана избрали с минимальным количеством голосов «против» [20. Л. 122–124, 127–131, 197–198]. Но ещё памяты были волнения заводчан в 1945–1946 гг. и слишком очевиден провал 1947 г., а слухи о стиле Зальцмана, в котором требовательность сочеталась с хамством, доходили даже до столицы. Ведь за два дня до конференции он получил предупреждение от ЦК ВКП(б) как раз за неправильное отношение к начальнику цеха [21. Л. 117–121]. И во избежание неожиданностей директор и первый секретарь разыграли на конференции необычный спектакль.

Сначала Белобородов в своём отчётном докладе акцентировал внимание делегатов на том, что знаменитый завод второй год не справляется с заданиями Правительства. А затем Зальцман, выступивший 19-м по

счёту, согласился с этими упреками и признал вину «руководителей завода». Но вслед за этим разразился критикой в адрес обкома, заявив, что его секретари, «излишне надеясь на силу руководства завода, во многих случаях занимали выжидающую позицию, нерешительно и с опозданием оказывали помощь заводу» и не поставили вопрос о нём перед ЦК ВКП(б). При этом Зальцман «напомнил» Белобородову и всем собравшимся, что в годы войны обком всегда заслушивал завод на бюро и принимал необходимые меры и что «без активной поддержки всей области не может работать наш завод». Далее он принялся рассказывать о доводке нового трактора, контроле над исполнением собственных приказов, увеличении объёмов жилищного строительства и о том, что выпуск тракторов после недавней модернизации пойдёт резко вверх. Одним словом, постарался создать впечатление, что дела вовсе не плохи и план 1948 г. будет выполнен [22. Л. 176–182].

«Смелое» выступление Зальцмана осталось без внимания секретарей, и это значит, что критика в их адрес была частью заранее расписанного сценария. Не последовало отклика и от других делегатов за исключением директора ММК Г.И. Носова, который на самовосхваления коллеги заметил, что «вы подготовку сделали несвоевременно», и третьего секретаря обкома партии Г.А. Бездомова, резонно заявившего: «Вчера выступал т. Зальцман, завод которого два года не выполняет план и этим подводит всю страну. Но он делал ударение не на это, а нарисовал кривую роста выпуска тракторов. Невыполнение задания правительства он отодвигает на второй план» [Там же. Л. 200, 238]. Рядовые участники понимали, что для них критика Зальцмана непременно обернётся неприятностями, поэтому переключились на менее статусные фигуры: председателя облисполкома И.В. Заикина, второго секретаря обкома Ф.Н. Дадонова и секретаря обкома по пропаганде А.Г. Лашина.

Отсутствие открытой критики вовсе не гарантировало, что всё пройдёт без «сюрпризов». При обсуждении кандидатов в новый состав обкома Зальцману из зала задали неудобный вопрос: «Почему из наркомов директором завода?» И на него последовал уклончивый ответ: «Это дело ЦК, куда посылают, там я и работаю. За это время претензий никаких не было. Я работал наркомом танковой промышленности. За этот период танковая промышленность себя оправдала. Тов. Молотов шефствовал над нами. Меня послали работать на тяжёлые танки» [Там же. Л. 324]. А по итогам тайного голосования бывший нарком получил 498 голосов «за» и 65 «против» (11,5%). И это был не самый худший результат: упоминавшийся выше Заикин «против» получил 131 голос (23,3%), Лашин – 93 (16,5%), а Дадонов – 85 голосов (15,1%) [23. 121–124]. Но если учесть, что все остальные шли с большим отрывом от рекорсменов, а о «фокусах» Зальцмана наслышаны были не все делегаты, то его 4-е место было тревожным звонком.

Вряд ли директор задумывался над этим – его захватили более насущные дела. Требовалось заполучить такого главного инженера, который бы наладил и поддерживал на нужном уровне производство на заводе. Следовало провести реконструкцию, без которой нереально было выполнить повышенный план. А ещё понадобилось придумать объяснения по фактам злоупотреблений, которые в апреле и июне 1948 г. обнаружили контролёры Министерства госконтроля. Но эти проблемы Зальцман решил без участия местной партноменклатуры. Её содействие понадобилось лишь в сентябре, когда, вернувшись из отпуска, он в очередной раз оказался в затруднительном положении.

Несмотря на оказанную правительством помощь и проведённую летом реконструкцию, завод так и не увеличил выпуск тракторов и заметно выбился из графика. Проблему попытались решить проверенным способом и обратились к Сталину. Но в этот раз СМ СССР явно не спешил и принял соответствующее постановление лишь 15 ноября 1948 г., когда исправить положение было уже невозможно [24. Л. 53–56, 96–101, 141–145]. А до этого В.А. Малышев, курировавший машиностроение в СМ СССР, и министр транспортного машиностроения И.И. Носенко давили на Зальцмана, требуя немедленно исправить положение. То же самое проделало и бюро обкома, когда разобрало вопрос «О работе Кировского завода» и вместо оказания помощи обязало директора «устранить крупнейшие недостатки в руководстве заводом» [25. Л. 17–22]. Вышестоящему начальству Зальцман перечить не стал, зато в адрес обкомовских работников, среди которых оказались второй секретарь Дадонов и заведующий отделом Руссак, «сделал ряд недопустимых и оскорбительных выпадов». В этой ситуации Белобородов вынужден был хотя бы для виду встать на сторону подчинённых. Поэтому для рассмотрения «хулиганской выходки» создали комиссию, а через неделю, 1 октября 1948 г., утвердили постановление «О непартийном поведении т. Зальцмана И.М.». Правда, это решение стараниями Белобородова оказалось довольно безобидным: дебошира предупредили, что «если он в дальнейшем позволит себе подобное непартийное отношение», его привлекут к ответственности и поставят вопрос о его освобождении перед ЦК ВКП(б) [26. Л. 37].

На этом история не закончилась. Дадонов, недовольный мягкостью шефа, стал конфликтовать с ним, что сказалося на работе аппарата и могло обернуться другими неприятностями. Поэтому Белобородов в конце декабря 1948 г. выехал в Москву и, не посоветовавшись с другими членами бюро обкома, добился того, что своенравного Дадонова заменил надёжный Лесков [9. Л. 81–82, 88–89, 147–149]. Лашин, узнав об этом, в феврале 1949 г. тоже отправился в столицу просить перевода в другое место. Переезжать в бесперспективную для него Кировскую область он отказался, но внешне выручил «родной» обком, отпустивший его на учёбу в Академию общественных наук. И все остались

довольны: Лашин получил возможность написать диссертацию по юриспруденции, о чём мечтал ещё до войны, а Белобородов избавился от проблемного подчинённого. Ведь тот своими разъездами и заявлениями мог ненароком усугубить положение Зальцмана, которое весной 1949 г. стало весьма шатким.

Дело в том, что с конца 1948 г. вокруг Кировского завода разыгрались невиданные прежде страсти, причём как в Москве, так и в Челябинске. Выше упоминалось постановление Совета министров СССР от 15 ноября 1948 г., по которому завод в который раз получил помощь. Но, по имеющимся данным, сначала планировалось не столько помочь промышленному гиганту, сколько наказать его руководство. А инициатором такого шага оказался Л.М. Каганович, который тогда возглавлял Госснаб. Именно он поднял вопрос о том, что завод не поставляет положенного количества машин. В.А. Малышев сумел перевести разговор с критики на оказание помощи [24. Л. 96–97], но сам факт наступления на Зальцмана свидетельствовал о том, что его положение вдруг оказалось не таким уж прочным. И оно пошатнулось ещё больше, когда подвели итоги 1948 г.: из 16 500 тракторов завод изготовил только 13 230, т.е. выполнил план на 80,2% [27. Л. 6, 22].

На первый взгляд, ничего страшного не произошло: правительство никак не наказало директора и даже пошло навстречу министерству и заводу, снизив план на 1949 г. с 18 500 машин до 17 500. В свою очередь, Зальцман на всех официальных мероприятиях стал заявлять, что в 1948 г. удалось провести модернизацию и новый план будет перевыполнен. Заодно в феврале 1949 г. через Белобородова и Малышева он направил в Комитет по Сталинским премиям заявку на присуждение группе руководителей завода, которую он возглавлял, премии за скоростное освоение трактора «Сталинец-80» в условиях коренной реконструкции [28. Л. 17–18, 32]. Но вскоре выяснилось, что все эти манёвры оказались бесполезны. Ведь 18 февраля 1949 г. СМ СССР объявил выговор Зальцману за «невыполнение заданий правительства по производству танка ИС-4 и за выпуск этого танка со значительными конструктивными и производственными дефектами» [29. Л. 4–11]. В марте прозвучал ещё один тревожный звонок: Сталинскую премию присудили не директору и прочим начальникам, а технологу завода А.М. Иванову, разработавшему и внедрившему новые методы производства гусениц. Наконец, 10 апреля из ЦК ВКП(б) пришла копия письма на имя И.В. Сталина, где излагались примечательные факты нарушения законности и дисциплины на Кировском заводе.

Следует заметить, что в послевоенные годы здесь действительно хватало злоупотреблений и преступных деяний, которые творили как рабочие, так и руководители. Но уголовному преследованию обычно подвергались только первые, поскольку директор завода, пользуясь своим положением и связями, избавлял вторых от наказания. В этом ему содействовали А.А. Белоборо-

дов и прокурор Челябинской области Н.В. Шляев, также входивший в состав той неформальной группы, что сложилась вокруг Н.С. Патоличева в годы войны. Однако осенью 1948 г. прежде «послушная» прокуратура без согласования с обкомом осмелилась завести дело на заводчан, которые выполняли фиктивные заказы на сторону. Среди них оказался десяток начальников цехов и их заместителей, а ущерб, нанесённый ими государству, составил более миллиона рублей. Конечно, «колющенское дело», названное так потому, что заказы выполнялись для завода им. Колющенко, могло привлечь ненужное внимание к Кировскому заводу и ударить по имиджу Зальцмана. Поэтому Белобородов попытался вразумить Шляева, а когда это не удалось, собрал на него компромат и в январе 1949 г., накануне рассмотрения дела в областном суде, направил его в Административный отдел ЦК ВКП(б) [30. С. 21–22].

В этой ситуации Шляев наверняка заручился поддержкой Прокурора СССР, но этого было недостаточно. Требовался «сильный» ход, который выбил бы почву из-под ног Зальцмана и его защитников из числа местного и высшего руководства. И сделал его некто А.М. Зверев. С 1939 г. он работал помощником директора по быту на Челябинском тракторном заводе, в годы войны несколько месяцев проработал заместителем прокурора области, а потом вернулся на уже Кировский завод. В 1947 г. вспыльчивый директор наказал своего помощника за плохое состояние заводских общежитий, понизив до главного истопника и вдвое урезав зарплату. Звереву пришлось уйти с руководящей должности и стать секретарём парторганизации заводоуправления. Но, видимо, обидевшись на такое обхождение, он стал собирать сведения о нарушениях законности на заводе, несколько раз огласил их на заводских мероприятиях и даже пытался от имени рабочих написать об этом Сталину [31. Л. 201]. И хотя в 1948 г. его усилия не возымели успеха, на фоне резонансного «колющенского дела» он предпринял новую попытку скомпрометировать своё начальство.

Нет явных доказательств того, что Н.В. Шляев обратился к бывшему подчинённому за помощью в противодействии могущественному директору. Но известно, что А.М. Зверев, в отличие от многих заводчан, был хорошо осведомлён о том, как протекало рассмотрение «колющенского дела» в областном суде. А заявление на имя И.В. Сталина он отправил 21 февраля 1949 г., т.е. через три дня после того, как СМ СССР объявил выговор И.М. Зальцману за танки. И вряд ли это было простым совпадением. Наконец, до вождя его письмо дошло неожиданно быстро – ровно за 7 дней, – хотя в среднем подобные заявления добивались до такого адресата 2–4 недели. И всё это позволяет предположить, что кто-то заинтересованный действительно помогал низовому партработнику.

Как уже говорилось, дирекция завода узнала о письме только в апреле. Но проблемы из-за него у неё возникли ещё в конце февраля, когда состоялась объ-

единённая заводская и районная партконференция, на которой заводчане не упустили возможности покритиковать начальство. Это видно хотя бы из того, что в прения записались 54 человека (выступили 25) и прошли они оживлённо. Уже первый оратор, агитатор заводской автобазы Перцев, рассказал о том, как руководители завода «пытаются осуществить устройство своих личных дел за государственный счёт». Он поведал о том, что Зальцман пользуется служебным автомобилем для охоты, доставки молока и развоза семьи, а шофёр заместителя директора Шевелева превратился в прислугу его жены. Со слов Перцева, до 70% автопарка в 1948 г. использовалось для личных целей, и это обошлось заводу в 700 тыс. руб., а ещё 500 тыс. было затрачено на содержание семей начальников [32. Л. 37–38]. После него три делегата от цехов упомянули о недостаточной механизации, работе по выходным дням и «растаскивании» ценных кадров, но их замечания до острой критики явно не дотягивали. И только представитель коммерческого управления Баталин огорошил всех заявлением, что завод вряд ли выполнит программу 1949 г. А в качестве аргумента он привёл данные о значительных потерях и перерасходе материалов и деталей [Там же. Л. 48–49]. Далее выступили секретарь райкома, делегаты от других предприятий и отделения милиции, директор школы. Только все они говорили о «своём», и возникло ощущение, что эта конференция, как и предыдущие, пройдёт в режиме отталчивания.

На следующий день обстановка поменялась. Сначала делегат корпусного цеха Мирохин заявил, что с последней конференции стиль управления почти не изменился: как и прежде Зальцман не занимается важнейшим цехом, главный инженер Демьянович говорит правильные вещи, но ничего не делает, зато за три года в цехе сменились 7 начальников [Там же. Л. 62–64]. А вслед за Мирохиным на трибуну поднялся Зверев, который сначала отчитался в работе парторганизации, а потом зачитал две трети своего заявления на имя Сталина, не уведомив, что отправил его в ЦК ВКП(б). Благодаря этому многие из присутствовавших узнали детали «колюшенского дела» и прочих афёр и хищений, происходивших на заводе, и о том, как «все дела при вмешательстве дирекции “благополучно” сведены на нет, а виновные тотчас же или вскоре устраивались с повышением» [Там же. 64–71]. Делегаты настолько заинтересовались всем этим, что дважды продлили Звереву время на выступление и слушали его 45 минут. И такой поворот ободрил некоторых ораторов. Например, представитель цеха № 100 Чернов поведал о том, что ОТК выполняет несвойственные ему функции, что рабочей силы на заводе хватает, но распределяют её неправильно, а из-за плохого ремонта простаивают многие станки. Начальник участка Дятлов пожаловался на то, что в 1948 г. литейщики снизили себестоимость литья и сэкономили 4 млн руб., но от директора получили за это лишь грамоту. А секретарь парторганизации агрегатного цеха Переведенцев затронул проблему

сверхурочных работ, которыми «закрывают наши безобразия организационного и агитационного характера» [Там же. Л. 72–75, 77–78, 83–84].

Последними выступили Зальцман и Белобородов, перед которыми встала дилемма. При представителе ЦК ВКП(б) они не могли дать отповедь критикам, и в первую очередь Звереву. Но и проигнорировать услышанное тоже не могли: это означало бы забвение такого принципа партийной жизни, как самокритика, и грозило обернуться для директора неизбранием в новый состав парткома и райкома. Поэтому Зальцман в своём, по сути, докладе сделал упор на то, что хотя план 1948 г. и не выполнили, но «завод проделал огромную работу». Он подчеркнул, что с 1940 г. предприятие выросло вдвое, а в послевоенные годы по темпам и уровню роста обогнало СТЗ, ХТЗ и ГАЗ. А потом перевёл разговор на «малые» проблемы: слабую работу конструкторов, косность рабочих, не поддерживающих передовой почин, недостаточную вентиляцию в цехах и прочие технические моменты [Там же. Л. 92–106]. В свою очередь, Белобородов начал с того, что указал на главные недостатки в работе завода – невыполнение плана и низкую культуру производства. Заметив, что первый вопрос уже разобран, он взялся за второй и рассказал об огромных потерях деталей (1 797 т) и готовой продукции (646 т), о её низком качестве. Далее разговор пошёл о том, о чём знали и без секретаря: о текучке кадров, трёхсменной работе, малых объёмах жилищного строительства. Но вину за это оратор возложил на обком и горком партии, пояснив, что «мы примирились с этим, мы рассуждали так: завод переживает большие трудности, но вот пройдёт 1948 год, он выйдет на широкую дорогу и мы возьмёмся за культуру, за благоустройство». Впрочем, он оговорился, что и директор не без греха: «...мало занимается отделами, мало занимается экономикой, проявляет поспешность в решениях, касающихся некоторых живых людей». Но поскольку Зальцман уже исправил прежние недостатки, то «исправит и эти недостатки, на которые ему указали на этой конференции» [Там же. Л. 109–113]. И таким образом, Зальцман и Белобородов убили нескольких зайцев: признали свою вину, затронули, правда в смягчённом варианте, те же темы, что и Зверев, и заверили всех, что всё будет исправлено в самое ближайшее время.

Трудно сказать, какое впечатление на делегатов произвели выступления больших начальников, но Зальцмана практически единодушно избрали членом парткома (488 «за» и только 29 «против») и райкома (649 «за» и 12 «против») [Там же. Л. 148]. Правда, Белобородов, проводивший процедуру выборов, всё же подстраховал Зальцмана и с помощью ряда ухищрений не допустил включения в списки голосования дополнительных кандидатур, из-за которых мог выбыть «нужный» кандидат [33. Л. 6, 19–20].

Зальцман вновь вспомнил эту конференцию, когда 10 апреля 1949 г. из Москвы от него затребовали объём

яснений по поводу письма Зверева. Впрочем, проблему он решил сам и очень оперативно: при помощи доверенных лиц в тот же день составил обширную записку, в которой убедительно опровергались все обвинения, и самолётом доставил в Москву. Его письменные и устные ответы были приняты благосклонно, но на завод всё-таки отправилась министерская комиссия, чтобы проверить факты. Она быстро, довольно формально провела проверку, пришла к «неутешительным» выводам и доложила их в ЦК ВКП(б). Но так как дальнейших распоряжений не последовало, казалось, что опасность для директора миновала [34. С. 110]. Зато Зверев неожиданно узнал, что оказывается летом 1948 г. тракторозаводской райком партии наложил на него серьёзное взыскание – выговор с занесением в учётную карточку, – и поэтому в начале мая отказался выдвигать свою кандидатуру на выборах партбюро заводоуправления. И для него вновь, как два года назад, стал актуален вопрос о трудоустройстве.

Точно не известно, что в это время происходило в обкоме партии. Со слов тех, кто знал подробности дела, там тоже получили копию злосчастного письма (скорее всего, в начале мая) с поручением «разобрать его и принять меру». И, похоже, Белобородов с Лесковым скрыли сей факт от остальных членов бюро обкома, опасаясь, что после столь памятного скандала с участием Зальцмана те решительно выступят против него [9. Л. 69, 122]. Зато 9 мая первый секретарь отправил в ЦК ВКП(б) просьбу «поддержать ходатайство коллектива тракторостроителей» о возвращении заводу довоенного названия – Челябинский тракторный имени Сталина [35. Л. 62–63]. И если бы её удовлетворили, то дальнейшая судьба директора могла сложиться иначе.

Однако скоро выяснилось, что дело набирает обороты. То ли ЦК ВКП(б) не устроил меры, принятые, а точнее не принятые обкомом, то ли обнаружили новые подробности, но в начале июня 1949 г. на завод прибыла вторая, уже цеховская комиссия. В течение двух недель она проверяла документы и опрашивала заводчан. И в этих условиях помощь обкома пришлась как нельзя кстати. Во-первых, члены его бюро не стали обсуждать вопрос о Зальцмане, сославшись на то, что «раз бригада ЦК приехала, то нам поздно выступать со своими предложениями» [9. Л. 37–38]. Хотя одновременно с этим они сняли тоже «неприкасаемого» прежде директора Челябинского металлургического завода Я.И. Сокола. Во-вторых, А.А. Белобородов наверняка повлиял на двух из пяти членов комиссии: парторга ЦК ВКП(б) на Кировском заводе А.Г. Ульяновко и заведующего отделом машиностроения Челябинского обкома Б.В. Руссака. Впрочем, ещё два члена, заведующий сектором Отдела машиностроения ЦК ВКП(б) А.П. Панин и заместитель министра А.И. Мосин, тоже были «своими»: первый хорошо знал директора с военной поры, а второй проводил линию ведомства. Благодаря этому комиссия в своей записке на имя Г.М. Маленкова смягчила факты, добавила всего пару

новых и переложила часть вины с директора на бывшего парторга завода Е.В. Мамонтова, видимо, с его согласия [31. 164–174]. Наконец, обком помог директору избавиться от Зверева и в начале июня перевёл того на Челябинский металлургический завод, причём сделал это вопреки совету руководителя комиссии А.П. Панина [33. Л. 78–79].

Однако все усилия пошли прахом. В Москве и так весьма критично относились к Зальцману, а когда выяснилось, что местное руководство потакало директору и пошло на удаление Зверева, там окончательно убедились в необходимости самых решительных мер. 24 июня Секретариат ЦК ВКП(б) постановил рассмотреть результаты проверки с участием второго секретаря Челябинского обкома Лескова (Белобородов в это время находился в отпуске), Зальцмана и секретаря Челябинского горкома Мамонтова. При обсуждении вопроса в ЦК директор завода с выводами комиссии не согласился, поэтому новая комиссия вновь изучила имеющиеся материалы. И только после этого Зальцман признал вину [9. Л. 161–162]. Но, несмотря на это, Лесков продолжал защищать его и просил оставить на работе директором завода, «заверяя при этом, что он исправится». А вот Мамонтов переменял свою позицию и заявил: «Зальцман работать директором завода не может, потому что сейчас он перестроился в другую сторону, придет на завод, будет всех похлопывать по спине, будет играть хорошего директора и провалит задание» [Там же. Л. 69, 162].

По итогам разбирательств Зальцман лишился поста, Лескова резко раскритиковали, Белобородова вызвали для дачи объяснений о неправильном отношении к уже бывшему директору, а раскаявшегося Мамонтова лишь освободили от должности, хотя сначала планировали «наградить» его ещё и выговором. Заодно на родной завод вернулся правдоруб Зверев [31. Л. 125–126, 130]. И вслед за этим 19–20 июля 1949 г. на заводе прошёл партактив по вопросу «Об антипартийном поведении Зальцмана». В присутствии министра Носенко и представителя ЦК ВКП(б) заводчане столь увлеклись разоблачением Зальцмана, что попытались самостоятельно исключить его из партии, но после вмешательства столичных гостей ограничились тем, что попросили КПК непременно сделать это [33. Л. 1–92]. Но и на этом история не закончилась. Партийному руководству в соответствии с правилами внутрипартийной жизни ещё требовалось публично признать свои ошибки по «делу Зальцмана». Но с этим у секретарей как-то не заладилось.

Белобородов и Лесков о своём протезе вспоминали нехотя и не спешили «принимать меру». Так, на пленуме Челябинского горкома, состоявшемся 28 июля, Лесков очень кратко сообщил о решении Центрального Комитета, сделав акцент на освобождении Мамонтова, а не снятии Зальцмана. При этом он даже не предложил вывести опального директора из состава горкома, и это пришлось сделать по настоя-

нию низовых работников [9. Л. 69–70, 90]. А ещё через полторы недели на областном партактиве Лесков поведал о судьбе Зальцмана только по настоянию рядовых коммунистов. Не проявил расторопности в освещении громкого дела и вернувшийся из отпуска Белобородов. Он не стал устраивать обсуждение по горячим следам и даже не позаботился о том, чтобы поскорее вывести Зальцмана из состава руководящих органов. Только в октябре прошёл пленум, на котором опального хозяйственника наконец-то вывели из членов обкома, замаяв при этом попытки разобрать промашки секретарей [Там же. Л. 86]. Впрочем, самую грубую ошибку Белобородов совершил на партконференции Кировского завода в конце октября 1949 г. Здесь он выслушал все замечания в свой адрес, удержался от нападок на критиков, но ничем не помешал провалу Зверева на выборах парткома, за которого проголосовало лишь 217 человек, а против – 311 [36. Л. 39–41, 53, 101–103, 116–117, 131–132]. Конечно, делегаты сами «прокатали» Зверева, но в Москве это происшествие расценили как очередной зажим критики именно со стороны обкома.

Трудно сказать, что помешало Белобородову изменить своё отношение к Зальцману: психологическая инерция, нежелание разоблачать себя перед лицом парторганизации или надежда, что при помощи высоких покровителей всё закончится благополучно. Но бесспорно то, что отсутствие самокритики стало отягчающим обстоятельством, когда в январе 1950 г. в ЦК ВКП(б), а затем в феврале того же года на пленуме Челябинского обкома партии публично разбирали вопрос о его руководителях. Ведь в перечне «прегрешений» Белобородова и Лескова на первом месте оказалось то, что они «беспринципно относились к безобразиям, которые творил быв. директор завода Зальцман» и «после постановления ЦК ВКП(б) о Зальцмане не сделали необходимых для себя выводов» [37. С. 241]. За это и прочие стандартные провинности их освободили от должностей и направили на менее ответственную работу в другие регионы.

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. В военные годы вокруг первого секретаря Челябинского обкома партии Н.С. Патоличева сложилась неформальная группа из партийных работников и хо-

зяйственников, среди которых наиболее видной фигурой являлся директор Кировского завода И.М. Зальцман. Перевод Патоличева в Москву и давние связи И.М. Зальцмана с секретарём ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецовым упрочили позиции «челябинской группы» и, несмотря на множество ошибок и упущений, позволили ей продержаться до конца 1940-х гг.

2. Неформальные отношения обусловили то взаимодействие парторганов и дирекции завода, которое позволяло оперативно привлекать местные ресурсы и добиваться помощи центра. К тому же Челябинский обком, используя свой авторитет и административные методы, помогал И.М. Зальцману справиться с возросшей после окончания войны активностью населения, которая могла нанести ущерб имиджу директора.

3. Линия обкома на безоговорочную поддержку И.М. Зальцмана, который славился не только наградами, но и кумовством, злоупотреблениями и грубым поведением, порождала серьёзные конфликты внутри руководства области. Эти конфликты негативно сказались на работе обкома партии и нарушили прежде отлаженное взаимодействие различных структур местной власти, в частности партийных органов и прокуратуры. А попытки решить данные проблемы путём нейтрализации неугодных лиц привели к тому, что информация о проблемах в самом невыгодном для местных властей свете дошла до центра и послужила поводом для серьёзных проверок и жёстких мер.

4. Явное пренебрежение общественным мнением и подавление обкомом любой критики в адрес директора обернулось тем, что низовые структуры, коммунисты и рабочие принялись апеллировать к высшим органам власти. А это только ослабило позиции местного руководства и без того подорванные происходившими в 1948–1949 гг. перестановками в верхах.

5. Следуя групповой дисциплине, руководство области слишком открыто и жёстко защищало Зальцмана даже тогда, когда его дело разбирали в ЦК ВКП(б). По этой же причине они отказались от разоблачений своего соратника и не организовали положенной в таких случаях кампании по развитию критики и самокритики, т.е. нарушили правила тогдашней политической игры. В результате «дело» И.М. Зальцмана вскоре превратилось в «дело» Челябинского обкома, а его руководители лишились своих постов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдовский К.А. Партийные и государственные органы в системе власти послевоенного СССР // Российская государственность : власть и общество в XX веке. СПб., 2013. С. 104–106.
2. Гаврилов С.О. Территориальные комитеты ВКП(б) и Советы депутатов трудящихся в 1930-е гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 3–2. С. 45–48.
3. Козинцев А.Я. Партийно-советское руководство органами юстиции СССР в 30-е годы XX века // История государства и права. 2011. № 5. С. 19–23.
4. Протасов Е.Т. Верховный Совет Бурятии и укрепление государственной власти в республике в 1938–1994 годах // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 17. С. 12–18.
5. Калинина О.Н. Характер взаимодействия управленческих групп в интересах развития регионов Сибири (вторая половина 1940-х – начало 1960-х годов) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : история, филология. 2013. Т. 12, № 8. С. 161–167.
6. Панькин И.Д. Организация управления промышленностью Урала накануне и в годы Великой Отечественной войны в современной историографии // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 1. С. 103–112.
7. Объединённый государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). Ф. П-122. Оп. 1. Д. 76.

8. Патолічев Н.С. Испытание на зрелость. М., 1977. 270 с.
9. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 14. Д. 2.
10. Сушков А.В., Михалев Н.А. «Я считаю для себя позором состоять членом такого райкома!» И.М. Зальцман и челябинская партноменклатура в середине 1940-х годов // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 14. С. 94–108.
11. Сушков А.В. «И бояться... как бы Зальцман не стёр в порошок!» И.М. Зальцман и челябинская партноменклатура в середине 1940-х годов // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 24. С. 91–109.
12. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 11. Д. 15.
13. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 11. Д. 48.
14. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 11. Д. 95.
15. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 127. Д. 1700.
16. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 8734. Оп. 6. Д. 233.
17. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 340.
18. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 50а. Д. 2108.
19. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 12. Д. 50.
20. ОГАЧО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 815.
21. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 5.
22. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 12. Д. 2.
23. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 12. Д. 1.
24. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 50а. Д. 2134.
25. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 12. Д. 101.
26. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 12. Д. 108.
27. РГАЭ. Ф. 8734. Оп. 6. Д. 383.
28. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 13. Д. 169.
29. ОГАЧО. Ф. Р-792. Оп. 16. Д. 2.
30. Федоров А.Н. Взаимодействие партийных органов и прокуратуры Челябинской области в 1945–1953 годах // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 17. С. 19–24.
31. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 448.
32. ОГАЧО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 896.
33. ОГАЧО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 904.
34. Путь советского офицера: Владимир Дмитриевич Тарасов (1923–1978) / сост., науч. ред. М.С. Салмина, Н.А. Антипин. Челябинск, 2013. 240 с.
35. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 13. Д. 167.
36. ОГАЧО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 897.
37. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, 1945–1953 / сост.: В.В. Денисов, А.В. Квашонкин и др. М., 2004. 496 с.

Fedorov Alexey N. Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia). E-mail: alex_boss@list.ru

I.M. ZALTSMAN AND CHELYABINSK REGIONAL COMMITTEE OF VKP(B): RELATIONSHIP OF LOCAL PARTY AND ECONOMIC BODIES IN THE EARLY POSTWAR YEARS.

Keywords: I.M. Zaltsman; Kirov plant; party bodies; postwar years; Chelyabinsk regional committee of VKP(b).

The character and directions of cooperation of local party and economic bodies in post-war years are shown by the example of relationship of the leadership of Chelyabinsk regional committee of VKP(b) and the director of Kirov Plant I.M. Zaltsman. It is revealed that during the 1940s party bodies and the Director were bound not only official, but also informal relations, which manifested itself in personal service, joint rest etc. A key figure of this informal group was N. S. Patolichev who protected I.M. Zaltsman from criticism and had given him all necessary assistance. In 1946, after N.S. Patolichev's transfer to Moscow, relation between the new head of Chelyabinsk regional committee A.A. Beloborodov and I.M. Zaltsman some time was strained. But thanks to Patolichev's intervention these relations managed relations were normalized and the informal group saved. After that A.A. Beloborodov began actively to help the Director to resolve production issues and those problems that he had with his subordinates and ordinary Communists. This help was the most considerable in 1948 when the Plant received an increased plan with which could not cope on its own. In turn, the plant management has provided substantial assistance to agriculture of the region and the improvement of Chelyabinsk. However unconditional support that the regional committee of VKP(b) provided Zaltsman has generated serious conflicts in leadership of the region (between secretaries of the regional committee and between party bodies and prosecutor's office) and the plant. Information about errors and abuses of Director through various channels began to come to the Central Committee of VKP(b) and personally J.V. Stalin was the cause for serious inspection. During this inspection numerous problems on Kirov Plant were confirmed and it turned out that the regional committee of VKP(b) to justifies the Director. In summer of 1949 Zaltsman was removed from office because he lost his powerful patrons such as A.A. Kuznetsov and N.S. Patolichev and confidence of J.V. Stalin, and protection the local leadership was no longer able effectively to cover his mistakes and abuses. However, following the group solidarity and hope for a favorable outcome of "Zaltsman's affair," the party leadership of the region has not organized a campaign of criticism of former director and have not repented that supports him. As a result, in early 1950 took place "Chelyabinsk case" in which three of five secretaries of the Chelyabinsk Regional Committee of the CPSU (b) lost their jobs.

REFERENCES

1. Boldovskiy, K.A. (2013) [Party and government organs in the power system of the postwar USSR]. *Rossiyskaya gosudarstvennost': vlast' i obshchestvo v XX veke* [Russian statehood: The power and society in the 20th century]. Proc. of the International Conference. May 30–31, 2013. St. Petersburg. pp. 104–106. (In Russian).
2. Gavrilov, S.O. (2012) Territorial committees of All-Union Communist Party of Bolsheviks and Workers' Deputy Councils in the 1930s. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 3-2. pp. 45–48. (In Russian).
3. Kodintsev, A.Ya. (2011) Party-soviet leadership of the agencies of justice of the USSR in 1930-s. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*. 5. pp. 19–23. (In Russian).
4. Protasov, E.T. (2015) The Supreme Council of the Republic of Buryatia and strengthening state power in the republic in 1938–1994. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 17. pp. 12–18. (In Russian).

5. Kalinina, O.N. (2013) Kharakter vzaimodeystviya upravlencheskikh grupp v interesakh razvitiya regionov Sibiri (vtoraya polovina 1940-kh – nachalo 1960-kh godov) [The character of interaction of management groups for development of Siberia (the late 1940th – early 1960th)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya – Vestnik of Novosibirsk State University. History and Philology*. 12(8). pp. 161-167.
6. Pankin, I.D. (2011) Organizatsiya upravleniya promyshlennost'yu Urala nakanune i v gody Velikoy Otechestvennoy voyny v sovremennoy istoriografii [Organization of management of the Urals industry before and during the Great Patriotic War in modern historiography]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 1. pp. 103-112.
7. The Joint State Archives of the Chelyabinsk region (OGACHO). Fund P-122. List 1. File 76.
8. Patolichev, N.S. (1977) *Ispytanie na zrelost'* [The maturity test]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
9. The Joint State Archives of the Chelyabinsk region (OGACHO). Fund P-288. List 14. File 2.
10. Sushkov, A.V. & Mikhalev, N.A. (2015) "I am ashamed to be a member of such a district committee!" I.M. Zal'tsman and Chelyabinsk party nomenclature in the mid-1940s. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 14. pp. 94-108. (In Russian).
11. Sushkov, A.V. "And they fear... Zaltsman would carve them into mincemeat!" I. M. Zaltsman and Chelyabinsk party nomenclature in the mid-1940s. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 24. pp. 91-109. (In Russian).
12. The Joint State Archives of the Chelyabinsk region (OGACHO). Fund P-288. List 11. File 15.
13. The Joint State Archives of the Chelyabinsk region (OGACHO). Fund P-288. List 11. File 48.
14. The Joint State Archives of the Chelyabinsk region (OGACHO). Fund P-288. List 11. File 95.
15. The Russian State Archives of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 127. File 1700.
16. The Russian State Archives of Socio-Political History (RGAE). Fund 8734. List 6. File 233.
17. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 1. File 340.
18. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 50a. File 2108.
19. The Joint State Archives of the Chelyabinsk region (OGACHO). Fund P-288. List 12. File 50.
20. The Joint State Archives of the Chelyabinsk region (OGACHO). Fund P-124. List 1. File 815.
21. The Russian State Archives of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 118. File 5.
22. The Joint State Archives of the Chelyabinsk region (OGACHO). Fund P-288. List 12. File 2.
23. The Joint State Archives of the Chelyabinsk region (OGACHO). Fund P-288. List 12. File 1.
24. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5446. List 50a. File 2134.
25. The Joint State Archives of the Chelyabinsk region (OGACHO). Fund P-288. List 12. File 101.
26. The Joint State Archives of the Chelyabinsk region (OGACHO). Fund P-288. List 12. File 108.
27. The Russian State Economic Archives (RGAE). Fund 8734. List 6. File 383.
28. The Joint State Archives of the Chelyabinsk region (OGACHO). Fund P-288. List 13. File 169.
29. The Joint State Archives of the Chelyabinsk region (OGACHO). Fund R-792. List 16. File 2.
30. Fedorov, A.N. (2015) The interaction of party bodies and Prosecutor's Office of Chelyabinsk Region in 1945–1953. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 17. pp. 19-24. (In Russian).
31. The Russian State Archives of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 118. File 448.
32. The Joint State Archives of the Chelyabinsk region (OGACHO). Fund P-124. List 1. File 896.
33. The Joint State Archives of the Chelyabinsk region (OGACHO). Fund P-124. List 1. File 904.
34. Salmina, M.S. & Antipin, N.A. (eds) (2013) *Put' sovetskogo ofitsera: Vladimir Dmitrievich Tarasov (1923–1978)* [The way of a Soviet officer: Vladimir Tarasov (1923–1978)]. Chelyabinsk: Krai Ra.
35. The Joint State Archives of the Chelyabinsk region (OGACHO). Fund P-288. List 13. File 167.
36. The Joint State Archives of the Chelyabinsk region (OGACHO). Fund P-124. List 1. File 897.
37. Denisov, V.V. et al. (eds.) (2004) *TsK VKP(b) i regional'nye partiyne komitety, 1945–1953* [The Central Committee of the CPSU (b) and regional party committees, 1945–1953]. Moscow: ROSSPEN.

УДК 378(091)

DOI 10.17223/19988613/41/10

Н.М. Глушко, Л.В. Массель, А.Л. Дейнеженко

НАЧАЛО ПОДГОТОВКИ ИНЖЕНЕРОВ-МАТЕМАТИКОВ В ТОМСКОМ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ

Рассмотрена история освоения первых ЭВМ в Томском политехническом институте в начале 1960-х гг. Анализируются условия и необходимость создания новой кафедры инженерно-вычислительной математики для обучения студентов основам применения ЭВМ. Показаны этапы реорганизации кафедры из общетехнической в кафедру, выпускающую студентов с квалификацией «инженер-математик» – новой для технических вузов. Отмечена роль ректора ТПИ А.А. Воробьева в успешном развертывании компьютерного обучения студентов.

Ключевые слова: Томский политехнический университет; прикладная математика; история науки.

На кафедре прикладной математики Томского политехнического университета (до 1991 г. Томский политехнический институт – ТПИ) подготовлены сотни инженеров-математиков, работающих в различных областях промышленности и научных учреждениях. Преподаватели и научные сотрудники кафедры внесли большой вклад в решение важных задач [1]. Хотя кафедра прикладной математики была основана в 1972 г., однако подготовка специалистов с квалификацией «инженер-математик» была начата раньше – в 1965 г. на кафедре инженерно-вычислительной математики (ИВМ) факультета автоматики и вычислительной техники [2, 3]. В 2015 г. исполнилось 50 лет с начала этого нового этапа инженерного образования в ТПИ, но период до 1972 г. недостаточно отражен в исследовательской литературе [4]. Авторы настоящей статьи – представители трех первых выпусков специальности – постарались восполнить этот пробел. В первой части статьи рассмотрен период с 1957 до 1965 г. – появление первых ЭВМ, развитие компьютерного образования в Томске и в ТПИ, образование кафедры ИВМ. Во второй части – период с 1965 до 1972 г. – начало подготовки инженеров-математиков на кафедре ИВМ до образования кафедры Прикладной математики. На начальном этапе подготовки инженеров-математиков большую помощь оказало развертывание исследований по прикладной математике и информатике, проводимых в 1950–1960-х гг. на механико-математическом и радиофизическом факультетах Томского университета (ММФ, РФФ) [5, 6]. Кроме того, выпускники ММФ составили основную часть преподавателей кафедры ИВМ политехнического института.

В 1952 г. в СССР была запущена первая цифровая электронная вычислительная машина (ЭВМ) – БЭСМ, а кроме неё к 1957 г. было выпущено ещё всего 7 ЭВМ «Стрела» с быстродействием 2 тыс. операций в секунду. Развитию вычислительной техники в первую очередь способствовало успешное её применение для задач, возникающих при создании атомного оружия и ракетной техники. Примечательно, что генеральный конструктор БЭСМ С.А. Лебедев и физик А.Д. Сахаров были избраны действительными члена-

ми АН СССР на одном заседании 23 октября 1953 г. после успешного испытания водородной бомбы [7]. Первые результаты открыли широкие горизонты применения вычислительной техники, а также поставили задачу создания новых численных методов, например метод сеток для решения систем уравнений в частных производных, которые до появления ЭВМ были просто нереализуемы.

Для решения подобных сложных научных задач нужно было готовить специалистов, владеющих применением численных методов и программированием. В Томском политехническом институте в начале 1960-х гг. основой инженерной математики был курс высшей математики, на котором строилось преподавание предметов выпускающих кафедр. О применении ЭВМ только мечтали. В это время на механико-математическом и радиофизическом факультетах Томского государственного университета (ТГУ) накапливался опыт в этом новом деле.

В ТГУ открылась первая за Уралом кафедра прикладной и вычислительной математики (ПиВМ) для подготовки специалистов по вычислительной математике [8]. Первый выпуск состоялся в 1959 г. (эта группа набиралась из студентов мехмата после окончания 3-го курса). Даже у преподавателей кафедры не было опыта программирования, и в 1957–1958 гг. они обучались программированию в вычислительном центре МГУ на ЭВМ «Стрела». Там же проходили практику студенты первых выпусков кафедры.

ЭВМ «Урал-1» с быстродействием 100 операций в секунду была установлена в ТГУ в 1958 г. и использовалась для расчетов в основном сотрудниками Сибирского физико-технического института и РФФ ТГУ. Видимо, специальная тематика работ, выполнявшихся в этих подразделениях, позволила получить для ТГУ эту одну из первых выпущенных в стране машин. Большая заслуга в этом П.П. Бирюлина – доцента кафедры радиофизики – одного из основателей работ в области кибернетики в Томске. Студенты кафедры ПиВМ начали обучение на ней в 1960 г. К началу 1960-х гг. в Ульяновске, Пензе, Казани и Минске уже начался серийный выпуск ЭВМ различных марок: «БЭСМ-2», «Урал-1»,

«М-20», «Минск-1», и выпускники кафедры были востребованы не только как научные сотрудники, владеющие программированием, но и как преподаватели вузов. Выпускники 1961 г. Галина Ивановна Станевко, Людмила Васильевна Бакланова одними из первых стали преподавать программирование в ТПИ, позднее на кафедру ИВМ из этого выпуска пришла Лидия Константиновна Трегубова. Кафедра пополнялась также выпускниками ММФ ТГУ.

В политехническом институте в начале 1960-х гг. цифровых ЭВМ ещё не было, поэтому при выполнении НИР обходились аналоговыми машинами (АВМ) либо проводили расчеты вне института, чаще всего на ВЦ СОАН СССР. Для обучения студентов АВТФ по специальности 0608 – «математические счетно-решающие приборы и устройства» (МСРПУ) на кафедре с тем же длинным названием была создана лаборатория АВМ [2], а для закрепления знаний по ЦВМ организовывалась практика студентов на Минском заводе счетных машин. Отсутствие в институте ЦВМ сильно тормозило прогресс в развитии моделирования, но было обусловлено трудностью получения вычислительной техники. К 1962 г. ЭВМ «Стрела» и «Урал-1» уже не выпускались, а «М-20», имеющая рекордное для того времени быстродействие 20 тысяч операций в секунду, распределялась главным образом по крупным ВЦ и оборонным предприятиям. В 1960 г. начали выпускать ЦВМ «Минск-1», она имела быстродействие 3 тыс. операций в секунду, за все время до 1964 г. было выпущено 220 таких машин.

По воспоминаниям Игоря Георгиевича Винтизенко (в то время аспиранта кафедры 24 физико-технического факультета – ФТФ), ректор ТПИ А.А. Воробьев нашел возможность получить ЭВМ «Минск-1» на одном из оборонных предприятий под Москвой, где её считали уже устаревшей [9]. Машина была получена институтом в 1962 г. и размещена на первом этаже 7-го учебного корпуса на площадях, освободившихся после закрытия в ТПИ горного факультета и перевода его в Кемерово. Монтаж и настройка машины выполнялись во второй половине 1962 г. под руководством старшего преподавателя кафедры МСРПУ А.В. Триханова (выпускника РФФ ТГУ). ЭВМ «Минск-1» входила в состав вычислительной лаборатории кафедры, заведующим лабораторией был назначен Г.Г. Константинов.

Таким образом, эта кафедра в 1963 г. имела прекрасную базу: лабораторию АВМ и самую мощную в Томске ЦВМ. Это позволило кафедре занять ведущие позиции по обучению студентов вычислительной технике не только в Томске, но и в Сибири. Организационные вопросы в ТПИ умели решать оперативно, и полгода на установку и запуск «Минск-1» – это небольшой срок. В СФТИ в том же 1962 г. была получена «М-20», но запущена она была только в 1965 г. Для эксплуатации машины требовались просторные помещения, квалифицированное обслуживание, поэтому

был создан совместный с заводом математических машин вычислительный центр.

В 1962 г. только очень небольшая часть преподавателей и научных сотрудников ТПИ имела опыт решения задач на ЦВМ. Поскольку уже планировался запуск собственной машины, то по приказу ректора было организовано чтение лекций для преподавательского состава кафедр по темам: вычислительная математика – 36 часов (лектор В.М. Матвеев, ТПИ) и электронные счетно-решающие машины – 36 часов (лектор М.А. Тынкевич, ТГУ).

Конечно, главной была задача обучения студентов института применению средств вычислительной техники, что было необходимо для повышения квалификации сотен выпускников, ежегодно распределяемых на работу в различные отрасли народного хозяйства. Это прекрасно понимал ректор института Александр Акимович Воробьев. Кафедра высшей математики не могла решить эту задачу. При обсуждении отчета АВТФ по итогам 1961 г. на заседании ректората отмечена слабая научная работа кафедры (3 опубликованные работы за год, нет хоздоговоров), тогда как А.А. Воробьев считал, что «кафедра высшей математики должна занять ведущее место в институте». В ответ на эту критику заведующий кафедрой С.П. Кузнецов предложил для улучшения работы разделить кафедру на две: общей математики и прикладной математики, поскольку слишком большая учебная нагрузка не позволяет преподавателям кафедры вести научную работу [10]. Видимо, это предложение было поддержано, и в Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР (МВиССО РСФСР) было отправлено ходатайство об открытии в ТПИ общеобразовательной кафедры инженерно-вычислительной математики (ИВМ).

Тем временем по приказу ректора кафедре ИВМ уже были выделены две аудитории 8-го корпуса. Для комплектования педагогического состава было решено перевести часть сотрудников с кафедры высшей математики. В 1960-х гг. открывались новые специальности и вузы, новые направления в науке и отрасли промышленности – одним словом это было время созидателей и романтиков. Но кадров для этих новых специальностей ещё было очень мало, они должны были родиться в процессе развития. Не было отработанных учебных программ, преподавателям, перешедшим с кафедры высшей математики, самим необходимо было осваивать новый материал.

Проблемы возникли и с назначением заведующего кафедрой. В ТПИ в то время не было специалиста высокой квалификации с опытом по инженерно-вычислительной математике и использованию ЭВМ. Ректором ТПИ кафедре ИВМ было предложено возглавить Борису Филипповичу Крутому, который занялся организационными вопросами. До этого он заведовал кафедрой геодезии и маркшейдерского дела ТПИ, но летом 1962 г. решил уйти с кафедры. Вначале он был

избран по конкурсу на должность доцента кафедры астрономии и геодезии ТГУ, но после предложения ректора вернулся в ТПИ. Кандидатура Бориса Филипповича привлекала большим опытом преподавательской, практической и научной работы, упорством в достижении цели на протяжении всей его очень непростой жизни [11]. В 1936 г. он заочно с отличием окончил физико-математический факультет ТГУ по астрономо-геодезической специальности. Перед Великой Отечественной войной защитил кандидатскую диссертацию. Участвовал в войне с Японией. Демобилизовавшись в звании инженера-капитана и с 1947 г. работал на кафедре геодезии ТПИ. Геодезисты тогда считались хорошими «вычислителями», владели дифференциальной геометрией, численными методами, теорией вероятностей и математической статистики. Интересно, что когда в 1948 г. была создана группа для численных расчетов по оценке мощности первой советской атомной бомбы, выполненных под руководством А.Н. Тихонова, то основную часть расчетной группы составили выпускники Московского института инженеров геодезии, аэросъемки и картографии, которых фактически готовили как вычислителей [12].

Вышедший в сентябре приказ МВидСО РСФСР № 653 от 19.09.1962 г. гласил: организовать с 1.09.1962 г. в ТПИ кафедру ИВМ «в целях улучшения учебного процесса и научно-исследовательской работы». На основании этого приказа вышел приказ ректора ТПИ об организации кафедры ИВМ и позже приказ ректора ТПИ о разделении кафедры высшей математики на две кафедры. Первоначально кафедра ИВМ имела следующий состав. Заведующий кафедрой – доцент Б.Ф. Крутой. Старшие преподаватели: М.В. Самойлова, Т.А. Луковская, Г.Г. Пестов, Г.Л. Калининченко. Ассистенты: З.М. Алейникова, Г.И. Баркова (Станевко), Л.В. Бакланова, Т.Л. Базилевич, Р.Г. Еловская, Л.М. Киселева, Г.А. Никоненко, Н.Ф. Пестова, С.И. Сидонская, Г.П. Сергеева, М.И. Монарх. Заместителями заведующего кафедрой были назначены: Герман Гаврилович Пестов – по научной работе, Маремьяна Васильевна Самойлова – по учебной работе.

Перед кафедрой была поставлена главная задача – преподавание нового курса «Методы вычислений в инженерно-экономических расчетах» для студентов всех специальностей. А это было непросто, учитывая масштабы ТПИ. Кроме того, на части факультетов преподаватели кафедры вели занятия по курсу «Дополнительные главы высшей математики» с учетом специальности, а также курс высшей математики для студентов вечернего и заочного факультетов и для студентов АВТФ. Для того чтобы получить помощь по организации и методике проведения занятий, преподаватель кафедры Галина Ивановна Станевко в начале 1963 г. была командирована в МВидСО РСФСР. В результате было решено организовать обучение применению вычислительной техники в ТПИ следующим образом: материал лекций закреплялся на практических заняти-

ях, которые в каждой группе вели два преподавателя, кроме того, студенты выполняли индивидуальные задания по применению численных методов в вычислительной лаборатории кафедры.

В первое время расчеты велись на арифмометрах ВК-1. Но нужно было начинать обучать студентов применению ЭВМ. Этот вопрос был одним из основных в докладе на ректорате в феврале 1964 г. декана АВТФ В.М. Новицкого. Было решено организовать новое подразделение – ВЦ института с отделами цифровых и аналоговых машин, передать туда ЭВМ «Минск-1», входящую в лабораторию кафедры МСРПУ, и приобрести АВМ МН-11 и МН-14. Заведующие кафедрами ТПИ, на которых были свои моделирующие устройства, были обязаны «использовать их для обучения студентов, добиться такого положения, чтобы во всех курсовых и дипломных проектах <...> использовались моделирующие устройства» [13]. Решением конкретных организационных задач должен был заняться методический Совет по использованию средств вычислительной техники. Главными задачами Совета были: разработка предложений по обучению студентов всех факультетов института основам вычислительной техники и работе с моделирующими устройствами, разработка мероприятий и предложений по широкому использованию средств вычислительной техники в научно-исследовательской работе кафедр. Совет состоял из 9 человек, в числе членов совета были заведующий кафедрой ИВМ Б.Ф. Крутой и будущие заведующие этой кафедрой И.Г. Винтизенко и В.А. Кочегуров. В то время Игорь Георгиевич занимался на ФТФ разработкой пространственно-временной модели ядерного реактора, а Владимир Александрович был заместителем руководителя лаборатории электроники и автоматики НИИ ядерной физики при ТПИ (НИИ ЯФ).

В начале 1960-х гг. ЭВМ в ТПИ ещё не получили широкого применения в научных исследованиях. Ростки нового всегда пробиваются с трудом. Александр Акимович Воробьев прекрасно понимал необходимость масштабных преобразований в этом направлении. В 1963 г. он подготовил замечательный доклад, в котором были рассмотрены направления исследований в ТПИ с применением АВМ и ЦВМ, отмечалась необходимость усиления подготовки в этом направлении сотрудников института и т.д. [14]. Пророческой оказалась фраза из этого доклада: «Наступит такое время, когда ни одна докторская или кандидатская диссертация технических наук не должна обходиться без использования средств вычислительной техники для решения задач на высоком научном уровне».

Применение ЦВМ, в том числе для обучения студентов, осложнялась в первые годы их низкой надежностью. Так, средний коэффициент использования «Минск-1», по результатам накопленной статистики за 1963–1965 гг., составлял 66%. Остальное время уходило на выявление и устранение неисправностей, вызван-

ных в основном ненадежностью электронных ламп [15]. Поэтому в начале в 1966 г. была открыта лаборатория аналоговых машин МН-7, и учебные задания студенты выполняли в ней. Аналоговые машины предназначались для решения систем нелинейных дифференциальных уравнений. К их преимуществам относились невысокая стоимость, надежность, высокая скорость расчетов, удобная визуализация полученных решений. Учебная нагрузка на лабораторию была высокой – с первой пары занятий до позднего вечера.

Здесь необходимо отметить, что в конце 1950-х и начале 1960-х гг. моделирование на АВМ широко использовалось в ТПИ. На ФТФ разрабатывались методы решения уравнений в частных производных на базе АВМ с применением к расчету ядерных реакторов, были выполнены важные хозяйственные темы. В НИИ ЯФ под руководством Владимира Александровича Кочегурова выполнялось моделирование систем питания и динамики пучка заряженных частиц в циклических ускорителях [16]. Результаты работ, полученные с использованием АВМ, легли в основу нескольких кандидатских диссертаций.

Дальнейшее развитие автоматизации и широкое применение вычислительной техники в стране сдерживалось отсутствием инженеров с углубленной математической подготовкой, владеющих программированием. По приказу МВиССО РСФСР № 318 от 6.10.1964 г. в технических вузах на специальности 0608 – «МСРПУ» для решения этой задачи требовалось организовать подготовку по новой специализации «Применение средств вычислительной техники» с присвоением квалификации **инженер-математик**. Как правило, в других вузах подготовка по новой специализации осуществлялась на кафедрах вычислительной техники. При этом требовалась серьезная реорганизация технических кафедр. Приказ МинВУЗа в ТПИ первоначально был отправлен для обсуждения на кафедру МСРПУ АВТФ, но ранее уже была организована кафедра ИВМ, на которой работали специалисты по программированию и специальным математическим дисциплинам. Этой кафедре приказом ректора № 895 от 25.05.1965 г. было поручено вести подготовку инженеров с квалификацией инженер-математик. Первая группа должна была приступить к занятиям 1 сентября 1965 г.

За этими сжатыми сроками не успевали даже традиционные рекламные выпуски газеты «За кадры» для абитуриентов. Дополнительная информация о новой специальности была дана в газете накануне вступительных экзаменов 23.06.1965 г. Абитуриентам было сложно разобраться в этой обстановке. Поэтому первая группа инженеров-математиков набиралась после собеседования с абитуриентами, наиболее успешно сдавшими экзамены на АВТФ. В первые годы набиралась одна группа студентов, и в ней из 30 человек было 23 медалиста.

Перед кафедрой стояли очень сложные задачи. В первую очередь требовалось разработать учебный план

новой специализации, организовать практическую работу студентов на ЭВМ, усилить научную работу на кафедре, обеспечить повышение квалификации преподавателей на основе опыта центральных вузов.

За простыми словами – разработка учебного плана – стояла огромная работа. Ведь подготовка инженеров-математиков была начата только в небольшом числе ведущих технических вузов страны (ТПИ был единственным за Уралом), и опыт нужно было приобретать самостоятельно. Основная работа в 1965 г. легла на преподавателей кафедры ИВМ Б.Ф. Крутого и Г.Г. Пестова. Учебный план включал общеобразовательные, общетехнические, фундаментальные математические дисциплины и математические спецкурсы. Учебные планы первых трех выпусков отличались незначительно.

Из общетехнических дисциплин основу составляли: начертательная геометрия и инженерная графика, теоретическая механика, теория электрических цепей, сигналов и систем, электрорадиоизмерения, радиоэлектроника, импульсная техника, автоматическое управление, аналоговые вычислительные машины и их применение, цифровые вычислительные машины, вычислительные сети и системы. Включение в программу этих дисциплин позволило выпускникам достаточно уверенно чувствовать себя при построении математических моделей в различных прикладных областях.

Фундаментальную математическую подготовку обеспечивали: математический анализ, аналитическая геометрия, линейная алгебра, математическая логика, тензорный анализ и дифференциальная геометрия, теория аналитических функций, обыкновенные дифференциальные уравнения, уравнения математической физики и специальные функции, спецкурс математического анализа, теория вероятностей, математическая статистика, методы вычислений.

Преподавались математические спецкурсы: математические методы оптимизации, математические методы в экономике и планировании, теория ошибок и способ наименьших квадратов, исследование операций, общий курс программирования для ЦВМ и алгоритмические языки, линейное и выпуклое программирование, теория графов, динамическое программирование.

Вторая важнейшая задача, стоящая перед новой кафедрой, – обеспечить преподавателей и студентов кафедры возможностью решения задач на ЭВМ. По Приказу ректора № 1053 от 17.06.1965 г. была организована вычислительная лаборатория института, научным руководителем был назначен И.Г. Винтизенко. Позже она стала называться учебно-вычислительной лабораторией (УВЛ). УВЛ постепенно пополнялась вычислительной техникой, и кроме «Минск-1» были получены ЦВМ «Урал-11Б», «Мир-1», «Мир-2», «Проминь», а также аналоговые машины, в том числе большая АВМ «МН-14».

Лаборатория была задумана как передовое подразделение по применению ЭВМ в ТПИ для решения

сложных задач с применением вычислительной техники и передачи опыта сотрудникам института и студентам. Сотрудники УВЛ добились определенных успехов [9]. Решались задачи для сторонних организаций: ТИРиЭТа, Томгипротранса, СКБ завода математических машин и др. Кратко перечислим темы основных работ. Это разработка задач сетевого планирования при создании АСУ, составление оптимального расписания учебных занятий, расчет оптимального варианта железнодорожного полотна, расчет равновесных выходов продуктов химических реакций, моделирование плотной упаковки материалов с зернистой структурой для задач радиационной дефектоскопии, задачи химии нефти, механики. В группе аналогового моделирования решались задачи теории поля и интегральных уравнений для расчета режимов ядерных реакторов. Работы УВЛ показали эффективность применения ЭВМ и моделирования. В газетах «За кадры» и «Красное знамя» в 1966 г. были помещены большие очерки об УВЛ института.

Из сотрудников кафедры ИВМ в работе лаборатории непосредственное участие принимали Г.И. Станевко и С.И. Сидонская, но проводимые в лаборатории исследования и опыт применения ЭВМ оказывали влияние на всех преподавателей кафедры. Из преподавателей кафедры, постоянно занимавшихся научной работой, следует отметить Г.Л. Калиниченко, который в течение многих лет выполнял статистическую обработку данных по тематике других кафедр ТПИ, а Б.Ф. Крутой и Г.Г. Пестов работали по госбюджетным темам. Но большая часть преподавателей не принимала участия в выполнении хоздоговорных работ. Слишком много времени и сил уходило на подготовку новых учебных курсов кафедры. Базовые и специальные математические курсы на кафедре вели Б.Ф. Крутой, Г.Г. Пестов, М.В. Самойлова, Н.Ф. Пестова, М.И. Монарх, Г.Л. Калиниченко. Большой объем учебной нагрузки составляло преподавание курса «Вычислительная техника в инженерно-экономических расчетах» для студентов всех специальностей института. Этот курс вели Л.В. Бакланова, Л.К. Трегубова, В.Н. Лавренюк, Л.И. Константинова, Н.Б. Моисеенко, Ф.А. Вадутова и другие сотрудники кафедры. Большинство преподавателей окончили механико-математический факультет Томского государственного университета.

Опыт программирования студенты института и кафедры начали получать с 1966 г. на ЦВМ «Минск-1», а с 1967 г. некоторые студенты и на «Урал-11Б» при прохождении практики. В течение долгих лет занятия по программированию вела Галина Ивановна Станевко: читались лекции и проводились практические занятия. Основное внимание на втором курсе уделялось навыкам программирования в кодах с использованием интерпретирующей системы, упрощающей программирование, подготовке простой программы на ленточном перфораторе и отладке программы на машине. Результаты выдавались на узкую печать. Полу-

ченные навыки программирования на «Минск-1» затем использовались на третьем курсе при выполнении лабораторной работы по методам вычислений – нужно было, используя численные методы, решить нелинейное обыкновенное дифференциальное уравнение. В конце 1969 г. в НИИ ЯФ при ТПИ была введена ЭВМ БЭСМ-4, и студенты института получили возможность проходить обучение программированию на современной для того времени машине и писать программы на алгоритмическом языке АЛГОЛ. Основным опытом решения задач с применением ЭВМ студенты кафедры получали во время учебных практик и дипломирования в различных научных и проектных организациях страны, а также в процессе научно-исследовательской работы, которой в ТПИ уделялось большое внимание.

В ноябре 1966 г. Б.Ф. Крутой был освобожден от обязанностей заведующего кафедрой ИВМ на один год «для завершения подготовки к печати двух монографий, составляющих его докторскую диссертацию». Тем же приказом доцент Г.Г. Пестов был назначен временно исполняющим обязанности заведующего кафедрой. Защита диссертации Б.Ф. Крутым не состоялась, и Г.Г. Пестов возглавлял кафедру до 1.02.1968 г., пока не перешел на работу в ТГУ, где затем в течение нескольких лет заведовал кафедрой математического анализа. С 1 февраля 1968 г. на должность и.о. заведующего кафедрой был назначен кандидат технических наук, доцент И.Г. Винтизенко, который работал на должности доцента кафедры с 1.09.1966 г. Предыдущие годы он вел активную научную работу на ФТФ и в УВЛ ТПИ.

Основной работой заведующего кафедрой было решение постоянно возникающих вопросов при подготовке инженеров-математиков, организация выполнения кафедрой преподавания курса «Применение ЭВМ» для всех факультетов института, спецглав высшей математики, участие в работе приемной комиссии института и др. При такой разнородности задач и большом объеме учебной нагрузки неудивительна частая смена заведующих кафедрой. Покинул кафедру и И.Г. Винтизенко. Отметим здесь, что и Герман Гаврилович, и Игорь Георгиевич впоследствии защитили докторские диссертации, стали профессорами и имеют многие почетные звания. Временно исполняющей обязанности заведующего кафедрой с 28.12.1968 г. была назначена Маремьяна Васильевна Самойлова – старший преподаватель этой кафедры. То есть за три с половиной года, пока кафедра ИВМ готовила инженеров-математиков, заведующие кафедрой сменились в третий раз. Этот период подготовки инженеров-математиков с 1965 г. был слишком мал, по сравнению с кафедрами традиционных специальностей ТПИ, которые выпустили уже тысячи инженеров – геологов, механиков, энергетиков, химиков, физиков – и работали десятки лет. Достиженные кафедрой ИВМ успехи были при этом не хуже, чем в других вузах страны, что показало организованное в ТПИ в 1969 г. совещание по использованию ЭВМ для обучения студентов [17].

К 1969 г. в Томске специалистов по применению ЭВМ готовили в ТГУ на кафедре прикладной и вычислительной математики ММФ, радиофизическом факультете, физико-техническом факультете [15]. В других университетах страны подготовка таких специалистов также складывалась в соответствии со сложившимися традициями подразделений. Только в небольшом числе технических вузов, включая ТПИ, подготовка инженеров-математиков была начата в 1964–1965 гг. Ведущие специалисты страны по прикладной и вычислительной математике, такие как А.Н. Тихонов, М.В. Келдыш, А.П. Ершов, понимали, что необходима выработка общего подхода при обучении прикладной математике в вузах страны, и под их руководством была проведена большая работа в этом направлении [18, 19]. Можно сказать, что за предыдущие годы к 1969–1970 гг. была подготовлена почва больших организационных изменений, вылившаяся в подготовку новой учебной программы по специальности 0647 – «прикладная математика». В 1970 г. были открыты новые факультеты прикладной математики в ряде университетов, в том числе и в ТГУ.

В соответствии с Приказом МВиССО РСФСР № 560 от 2.11.1970 г. специальность 0647 – «прикладная математика» была открыта и в ТПИ, что было объявлено Приказом ректора № 3286 от 12.11.1970 г. Теперь кафедра ИВМ должна была готовить инженеров-математиков по этой специальности вместо специализации «применение средств вычислительной техники» специальности 0608 – «МСРПУ». В этом же году произошли другие важные изменения на кафедре ИВМ.

С 1.04.1970 г. на должность заведующего кафедрой был избран Владимир Александрович Кочегуров, до этого он занимал должность заместителя директора по научной работе НИИЯФ при ТПИ. В то время проректором по учебной работе ТПИ был Иван Иванович Каляцкий, он понимал, что нужны серьезные изменения в работе кафедры ИВМ. Вначале он предложил Владимиру Александровичу привлечь сотрудников лаборатории электроники и автоматизации НИИЯФ к обучению студентов инженеров-математиков, а затем и возглавить кафедру ИВМ [20]. К тому времени В.А. Кочегуров был одним из ведущих специалистов – создателей синхротрона «Сириус», возглавлял научную школу в НИИ ядерной физики по автоматизации и вычислительной технике, под его руководством было подготовлено и защищено несколько кандидатских диссертаций [21]. С его приходом на кафедру была усилена научная работа не только среди сотрудников, но и среди студентов, которые приобщались к научной работе в НИИ при ТПИ и других томских вузах. Вырос уровень докладов на студенческих конференциях, результаты имели научное и практическое значение, что

позволяло студентам почувствовать уверенность в своих силах и полюбить прикладную математику. В те годы в ТПИ для повышения уровня подготовки выпускников широко применялась методика обучения студентов по индивидуальному плану. Так, в 1969 г. число таких студентов составило по институту 395 человек, в их числе были и несколько студентов кафедры ИВМ.

С приходом Владимира Александровича началась постепенная реорганизация кафедры, которая продолжалась до 1972 г., когда Приказом по ТПИ № 2771 от 10.10.1972 г. на основании Приказа МинВУЗа РСФСР № 186 от 21.04.1972 г. из кафедры ИВМ была выделена новая кафедра прикладной математики. В приказе необходимость образования новой кафедры была сформулирована так: «...в целях повышения уровня математической подготовки студентов ТПИ и упорядочивания планирования учебных поручений по математическим дисциплинам, а также в целях улучшения научно-исследовательской и методической работы на кафедрах математического цикла». На новой кафедре совершенствовалась подготовка специалистов по прикладной математике, продолжалось обучение студентов института по курсу «Вычислительная техника в инженерно-экономических расчетах», а преподаватели кафедры ИВМ в течение ещё нескольких лет вели специальные математические курсы для студентов кафедры прикладной математики и других инженерных специальностей института. Программа обучения студентов на новой кафедре, конечно, была скорректирована, но основа курсов, заложенная на кафедре ИВМ, долго оставалась неизменной.

Выпускники кафедры распределялись по всей территории СССР и успешно работали как на вычислительных центрах крупных производственных объединений, так и в научных институтах. Подготовка по инженерным дисциплинам, полученная в ТПИ, позволяла уверенно браться за построение математических моделей и решение различных задач. В области научных разработок большого успеха добились выпускники кафедры ИВМ набора 1968 г. Они защитили 8 кандидатских диссертаций, а Л.В. Массель и В.Т. Пресслер стали докторами наук.

В 1970–1980-е гг. быстро развивалась вычислительная техника, произошел бурный рост прикладной математики в стране. Кафедра прикладной математики ТПИ не осталась в стороне, показывая замечательные результаты. На кафедре возросло число преподавателей со степенями и званиями, повысился уровень подготовки студентов [1–3]. Большая заслуга в этом принадлежит профессору, доктору технических наук Владимиру Александровичу Кочегурову, долгие годы возглавлявшему кафедру. Но этот этап – уже другая история.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кочегуров В.А., Берестнева О.Г., Шевелев Г.Е. Кафедре прикладной математики – 40 лет // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 321, № 5. С. 238–242.

2. Пятидесятилетие факультета автоматики и вычислительной техники Томского политехнического университета / под ред. проф. А.М. Малышенко. Томск : ТПУ, 2011. 314 с.
3. Кочегуров В.А., Офицеров В.В. Кафедра Прикладная математика 25 лет // Газета Томского политехнического университета «За кадры». 1997. № 15.
4. Становление и развитие научных школ Томского политехнического университета: исторический очерк / под ред. Ю.П. Похолкова, В.Я. Ушакова. Томск : ТПУ, 1996. 249 с.
5. Берцун В.Н. Из истории развития вычислительной математики в Томском университете // Четвертая Сибирская школа-семинар по параллельным и высокопроизводительным вычислениям (Томск 9–11 октября 2007 г. / под ред. проф. А.В. Старченко. Томск : Дельтаплан, 2008. С. 3–19.
6. Гладких Б.А. История, современное состояние и проблемы подготовки специалистов по информатике в Томском государственном университете // Вестник Томского государственного университета. 2002. № 275. С. 8–16.
7. Малиновский Б.М. История вычислительной техники в лицах. Киев : КИТ, 1995. 384 с.
8. Тынкевич М.А. Пятьдесят лет спустя (вычислительная математика и техника в Сибири: первые шаги) // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2003. № 1. С. 112–123.
9. Винтизенко И.Г. Мемуары [рукопись]. Из личного архива И.Г. Винтизенко.
10. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р.-816. Оп. 1. Д. 2711.
11. ГАТО. Ф. Р.- 815. Оп. 29. Д. 188.
12. Тихонов А.А., Тихонов Н.А. Андрей Николаевич Тихонов. М. : Собрание, 2006. 240 с.
13. ГАТО. Ф. Р.-816. Оп. 1. Д. 2971.
14. Воробьев А.А. О повышении производительности труда научных работников. Доклад 25 апреля 1963 г // Статьи и разная переписка ректора института в 1964, 1963, 1962, 1958, 1954 гг. [рукопись]. НТБ ТПУ, 1966.
15. Кизев В.И., Строганов М.Н. Надежность ЭЦВМ «Минск-1» // Известия Томского политехнического университета. 1969. Т. 168. С. 3–8.
16. Кочегуров В.А., Разин В.М., Триханова Н.В. Применение аналоговых вычислительных машин для исследования движения заряженных частиц. М. : Атомиздат, 1970. 136 с.
17. Тезисы докладов Межвузовского совещания по использованию электронных вычислительных машин для обучения. 11–13 февраля 1969 г. Томск : Изд-во ТГУ, 1969. 65 с.
18. Медведев Г.А. Об истории открытия факультета прикладной математики в Томском государственном университете // Вестник Томского государственного университета. 2000. № 271. С. 12–13.
19. Архив академika А.П. Ершова. URL: <http://www.ershov.iis.nsk.su>
20. Коллегов Ю.Я. Преемственность. Весенняя ретроспектива // Газета Томского политехнического университета «За кадры». 2009. № 4.
21. Сорокин А.Н. Становление и развитие исследований в области кибернетики в Томском научно-образовательном комплексе в 50–60-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 373. С. 127–130.

Glushko Nikolay M. Tomsk Politechnic University (Tomsk, Russia). E-mail: hlv@tpu.ru; *Massel Ludmila V.* Energy Systems Institute of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Irkutsk, Russia). E-mail: massel@isem.sei.irk.ru; *Deynezhenko Alexander L.* (Tomsk, Russia). E-mail: deinezh@mail.ru

THE BEGINNING OF ENGINEERING-MATHEMATICS EDUCATION IN TOMSK POLYTECHNIC INSTITUTE.

Keywords: Tomsk Politechnic University; applied mathematics; history of higher education.

The technological revolution that began in the 1950s was largely due to the development of computer technology, cybernetics and informatics. Tomsk universities – Tomsk State University and Tomsk Polytechnic Institute – were the only educational institutions from the Urals to the Far East, training specialists in those fields. At that time initiated by the rector A.A. Vorobyev the departments were reorganized, research institutes were established, and the development of electronics and computer technology was not left aside. In 1962 the Department of Engineering and Computing Mathematics was formed to teach students the basics of computing, and since 1965 it graduated specialists of new profile engineering-mathematics being one of the first departments among technical universities of the country. Against the background of major changes and achievements, the origins are often forgotten. This article considers the initial period of specialist training in TPI up to 1972. The conditions for the formation of the Department staff, the development of new curricula, the development of the first computers and their use in the educational process are examined. Along with the general and special courses in mathematics and programming, students of the of the ECM department gained knowledge in technical subjects. It was a feature in engineers and mathematicians training, compared to university graduates. In 1970, at the order of the Minister of Higher Education of the RSFSR the major of applied Mathematics was approved, and at the Department of Engineering and Computing Mathematics continued training of engineering-mathematics in this new field. The department was headed by V.A. Kochegurov who had a strong research background in the Institute of Nuclear Physics in TPI. A gradual reorganization of the department began and primarily it concerned scientific work among the staff and students. After graduation, many students defended candidate and doctoral thesis. The initial stage of engineering-mathematics education in TPI ended in 1972 after the formation of the Department of Applied Mathematics, based on the Department of Engineering and Computing Mathematics.

REFERENCES

1. Kochegurov, V.A., Berestneva, O.G. & Shevelev, G.E. (2012) The Department of Applied Mathematics is 40. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk Polytechnic University*. 321(5). pp. 238-242. (In Russian).
2. Malyschenko, A.M. (ed.) (2011) *Pyatidesyatiletie fakul'teta avtomatiki i vychislitel'noy tekhniki Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [The fiftieth anniversary of the Faculty of Automation and Computer Engineering of Tomsk Polytechnic University]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
3. Kochegurov, V.A. & Ofitserov, V.V. (1997) Kafedra Prikladnaya matematika 25 let [The Department of Applied Mathematics is 25]. *Za kadry*. 15.
4. Pokholkov, Yu.P. & Ushakov, V.Ya. (eds) (1996) *Stanovlenie i razvitie nauchnykh shkol Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [The formation and development of scientific schools of Tomsk Polytechnic University]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
5. Bertsun, V.N. (2008) [From the history of the development of computational mathematics at the University of Tomsk]. *Chevertaya Sibirskaya shkola-seminar po parallel'nym i vysokoproduktivnym vychisleniyam* [The Fourth Siberian Workshop on Parallel and High Performance Computing]. Tomsk. October 9–11, 2007. Tomsk: Del'taplan. pp. 3-19. (In Russian).
6. Gladkikh, B.A. (2002) Istoriya, sovremennoe sostoyanie i problemy podgotovki spetsialistov po informatike v Tomskom gosudarstvennom universitete [The history, present and problems of training specialists in computer science at Tomsk State University]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 275. pp. 8-16.
7. Malinovskiy, B.M. (1995) *Istoriya vychislitel'noy tekhniki v litsakh* [The history of computer technology in faces]. Kiev: KIT.

8. Tynkevich, M.A. (2003) Pyat'desyat let spustya (vychislitel'naya matematika i tekhnika v Sibiri: pervye shagi) [Fifty years later. Computational mathematics and technology in Siberia: The first steps]. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Vestnik of Kuzbass State Technical University*. 1. pp. 112-123.
9. Vintizenko, I.G. (n.d.) Memuary [rukopis'] [Memoirs [Manuscript]]. From I.G. Vintizenko's personal archive.
10. The State Archives Tomsk region (GATO). Fund R.-816. List 1. File 2711.
11. The State Archives Tomsk region (GATO). Fund R.-816. List 29. File 188.
12. Tikhonov, A.A. & Tikhonov, N.A. (2006) *Andrey Nikolaevich Tikhonov* [Andrei Nikolaevich Tikhonov]. Moscow: Sobranie.
13. The State Archives Tomsk region (GATO). Fund R.-816. List 1. File 2971.
14. Vorobiev, A.A. (1966) O povyshenii proizvoditel'nosti truda nauchnykh rabotnikov. Doklad 25 aprelya 1963 g [On improving the performance of scientific workers. Report of April 25, 1963]. In: *Stat'i i raznaya perepiska rektora instituta v 1964, 1963, 1962, 1958, 1954 g. [rukopis']* [Articles and different correspondence of the Rector in 1964, 1963, 1962, 1958, 1954 [manuscript]]. Tomsk: NTB TPU.
15. Kizev, V.I. & Stroganov, M.N. (1969) Nadezhnost' ETsVM "Minsk-1" [The reliability of the electronic digital computer "Minsk-1"]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. 168. pp. 3-8.
16. Kohegurov, V.A., Razin, V.M. & Trikhanova, N.V. (1970) *Primenenie analogovykh vychislitel'nykh mashin dlya issledovaniya dvizheniya zaryazhennykh chastits* [The use of analog computers to study the motion of charged particles]. Moscow: Atomizdat.
17. Tomsk State University. (1969) *Abstracts of the Inter-University Meeting on the use of computers for teaching*. Tomsk. February 11-13, 1969. Tomsk: Tomsk State University. (In Russian).
18. Medvedev, G.A. (2000) Ob istorii otkrytiya fakul'teta prikladnoy matematiki v Tomskom gosudarstvennom universitete [On the history of the opening of the Faculty of Applied Mathematics at Tomsk State University]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 271. pp. 12-13.
19. Ershov, A.P. (n.d.) *Archives*. [Online] Available from: <http://www.ershov.iis.nsk.su>.
20. Kollegov, Yu.Ya. (2009) *Preemstvennost'. Vesenniyaya retrospektiva* [Succession. The spring retrospective]. *Za kadry*. 4.
21. Sorokin, A.N. (2013) Formation and development of research in computer science in Tomsk scientific-educational complex in 1950s-1960s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 373. pp. 127-130. (In Russian).

ПРОБЛЕМЫ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

УДК 368.9.06

DOI 10.17223/19988613/41/11

Л.Н. Смолякова

П.З. ПИЛЗЕР ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ В МЕДИЦИНСКОМ СТРАХОВАНИИ США

Статья посвящена возможностям, описанным американским экономистом П. Пилзером, которые создали принятый в 2003 г. закон «The Medicare Prescription Drug, Improvement, and Modernization Act» как для потребителей, так и для работодателей. Автор показывает преимущества сберегательных медицинских счетов в отличие от широко распространенных депозитных и отстаивает идею, что частный сектор должен обеспечить медицинское страхование на конкурентной основе.

Ключевые слова: США; П. Пилзер; медицинское страхование; wellness; сберегательные медицинские счета; позиция республиканской партии по реформированию здравоохранения.

Американский экономист Пол Зейн Пилзер является одним из ведущих мировых экспертов по вопросам предпринимательства¹. В вышедшей в 2002 г. книге «Веллнесс революция» П. Пилзер подробно описал бурно развивающуюся индустрию велнес, предлагающую товары и услуги для профилактики болезней, а также для замедления процессов старения американцев [1]. Газета «Нью-Йорк таймс» назвала П. Пилзера «экономистом, превратившимся в гуру велнес» [2]. Материалы его книги были использованы в конгрессе США в процессе работы над законом, который ввел в практику медицинские сберегательные счета (Health Savings Accounts, HSA).

П. Пилзер первым, еще в 1985 г., представил конгрессу обоснования необходимости создания нового типа страхования здоровья – сберегательных медицинских счетов (HSA), и в дальнейшем лоббировал продвижение этого проекта среди сенаторов до принятия в 2003 г. «Закона по усовершенствованию и модернизации программы “Медикэр” в части отпуска лекарств по рецепту» [3]. Закон предусматривал введение трех новых типов сберегательных медицинских счетов – HSA, FSA (Flexible Spending Account) и HRA (Health Reimbursement Arrangement). Новые типы сберегательных медицинских счетов стали дополнениями к существующей системе страховой защиты и, по замыслу П. Пилзера, были предназначены для того, чтобы помочь работодателю сместить бремя расходов на здравоохранение на самих работников, а также предоставить застрахованным возможность выбора услуг (медицинских или велнес) в использовании средств.

Как известно, в США не существует бесплатного медицинского обслуживания. Ведущее место занимает система добровольного медицинского страхования (ДМС) или частного страхования. Наиболее распространенной ее формой являются планы группового страхования по месту работы – предприниматели оплачивают медицинские пособия своим работникам. Данный тип страхования имеет ряд ограничений: носит

добровольный характер со стороны предпринимателя, а также жестко привязывает застрахованного к рабочему месту – в ситуациях потери или смены рабочего места работники лишаются страховой защиты. Существует также другой тип ДМС – индивидуальные страховые полисы, однако они в разы дороже страховых планов, предлагаемых крупными работодателями (от 400 до 1 200 дол в месяц).

Система ДМС в США подразумевает, что наличие страхового полиса дает возможность обращаться к любому врачу, а затем получать возмещение расходов на лечение и лекарства. Обычно страховая компания покрывает 80% расходов на лечение, за остальное должен платить сам застрахованный. Платежи населения из собственного кармана называют соплатежами. Система ДМС вместе с доплатами покрывает 55% всех расходов на здравоохранение. Остальные 45% этих расходов приходятся на государственные программы «Медикэр» (Medicare) и «Медикэйд» (Medicaid).

«Медикэр» – часть системы социального страхования, за которую граждане страны платят соответствующий налог. Социальный налог вносят равными долями предприниматели и работники в размере 7,65% от фонда заработной платы, из которых 1,45% изымается на эту программу. Не работающие по найму лица, а также представители малого бизнеса платят социальный налог в размере 15,3% от своих доходов, из которых 2,9% также идет на данную программу. Первоначально «Медикэр» охватывала американцев в возрасте 65 лет и старше, а с 1972 г. программа была расширена на больных и немощных граждан определенных категорий.

«Медикэйд» служит основным источником медицинского обеспечения для малоимущего и беднейшего населения США. Она была создана одновременно с программой «Медикэр» в 1965 г. и введена в действие в виде раздела XIX закона о социальном страховании. Программа «Медикэйд» носит государственный благо-

творительный характер и финансируется совместно федеральным правительством и властями штатов. Практическое решение проблем обеспечения медицинской помощью малоимущих реально находится в руках властных структур на уровне штатов.

Медицинское страхование в США делится на следующие отношения:

1) клиент – страховая компания: заключение договора страхования, в рамках которого гарантируется оплата расходов на помощь со стороны медиков;

2) клиент – врач: создание ситуации страхового случая – обычно это несчастный случай, острое заболевание или его последствия, а также обострение хронического заболевания;

3) страховая компания – врач: оплата предоставленной помощи после предварительного контроля и согласования соответствия с медиками-экспертами компании.

Все звенья системы проверены временем и работают слаженно. Если врач действует согласно прописанной в страховом договоре схеме, оплата его работы компанией будет своевременной и достойной. Страховая компания стремится к тому, чтобы результат лечения был максимально эффективным, диагноз установлен правильно, выздоровление было полным. Поэтому, например, в перечне лекарственных препаратов, указанном в страховке, нет иммуномодуляторов – назначение и применение этих препаратов может не привести к быстрому эффекту от лечения, как от антибиотиков. Но может привести к разбирательству в суде по требованию клиента. Никакая страховая компания не оплатит проведенное иглоукалывание, гомеопатию, фитотерапию и т.д. С точки зрения официальной медицины такие методы лечения дают спорный эффект.

При отсутствии медицинской страховки все лечение оплачивается непосредственно пациентом. Так, посещение врача по поводу обычной простуды обходится в среднем в 200–300 дол., вызов скорой помощи с доставкой в клинику – не менее 1 500 дол.

Таким образом, мы видим, что сложившаяся система медицинского страхования США имеет ряд серьезных ограничений. П. Пилзер описывает, как в 1999 г. его семья на собственном опыте ощутила наличие такого рода ограничений в групповых планах страхования по месту работы, когда переехала из Нью-Йорка в г. Солт-Лейк Сити штата Юта, а супруге потребовалась помощь докторов во время беременности [4]. Если бы ребенок, отмечал П. Пилзер, родился преждевременно, его содержание могло стоить его семье до 60 тыс. дол. в день в течение четырех месяцев без учета оказания медицинской помощи матери.

Личный опыт послужил дополнительным обоснованием для П. Пилзера в ходе продвижения проекта о создании нового типа страхования здоровья – сберегательных медицинских счетов (HSA). На основании принятого в 2003 г. федерального закона был разрабо-

тан новый тип сберегательного медицинского счета, нацеленный на то, чтобы сделать доступней медицинское страхование за счет уменьшения взносов и сокращения налогов.

В отличие от медицинских депозитных счетов, сберегательные медицинские счета позволяют сохранять свои сбережения и являются способом экономии денег. Сумма страхового вычета взимается до выплаты налогов. В результате держатель сберегательного счета получает следующие преимущества: экономию нескольких сотен долларов в виде налогов, возможности накопления страховых отчислений из года в год и получения на них процентов, сохранение накопленных средств при переходе от одного работодателя к другому или переезде с места на место, а также использование этого счета для любых потенциальных расходов на здравоохранение. Налоговые начисления на эти деньги производят только после их использования на медицинские расходы. Более того, накопленные средства могут быть потрачены также на велнес-услуги, а не только на традиционные методы лечения. Данный тип счета особенно выгоден тем американцам, которые тратят небольшие суммы на здравоохранение, он позволяет им сохранить свои средства и использовать их позже, когда будет необходимо. Оформление такого сберегательного счета не доставляет особых трудностей, его предлагают некоторые работодатели, а также страховые компании, банки, кредитные союзы и другие финансовые учреждения.

Другой вид сберегательного счета – счет гибких расходов (FSA). Он позволяет определить сумму денег, которая будет находиться на хранении в течение года, и начать использовать эти деньги уже в начале года, даже если эти взносы не были еще внесены (потому что речь идет о вычетах из заработной платы). Деньги помещаются на FSA, прежде чем они облагаются налогом. В отличие от HSA средства, размещенные на FSA, можно потерять, если они не использованы в текущем году, а также после смены места работы, потому что такой счет может предложить только работодатель.

Право на HRA – соглашение о компенсации медицинских расходов, также предоставляет только работодатель, который предлагает его для своих сотрудников, чтобы помочь им оплатить расходы, связанные со здоровьем, из собственного кармана. Размещенные на нем средства не подлежат налогообложению. Этот план предназначен для того, чтобы помочь работодателю переместить бремя расходов на здравоохранение на самих работников. Правила использования счета определяются работодателем. В отличие от сберегательного счета HSA в этом плане нет ограничений на количество денег, которое работодатель может использовать для возмещения расходов работника для поддержания здоровья. Перечень возмещаемых расходов работодатель может ограничить. Остатки средств могут накапливаться из года в год. Работодатель может позволить сотруднику иметь доступ к

этим счетам после выхода на пенсию. Он также имеет право не оплачивать расходы любому сотруднику, может изменить план или отменить его в любое время, установить максимальный баланс. Планы компенсации медицинских расходов (HRA) востребованы сегодня в США, число их сторонников увеличивается быстрее, чем у HSA.

П. Пилзер – активный сторонник корпоративных программ здравоохранения [5]. Он считает, что каждый работодатель в США, в том числе каждый клуб здоровья, должен иметь свою программу здоровья, а также предлагать выгодные условия для вербовки и удержания сотрудников в соответствии со своими бизнес-целями. Например, за большее количество отработанных часов предлагать преимущества для здоровья в рамках HRA. Эти доллары стоят вдвое больше, чем зарплата, поскольку они не облагаются налогом, если используются для программы здоровья.

П. Пилзер считает, что частный сектор должен обеспечить медицинское страхование на конкурсной основе, так же как это делает в случаях страхования жизни и автомобиля, а правительство должно быть страховщиком последней инстанции. «Следующая большая вещь» в индустрии велнес – это создание новых возможностей для бизнеса. П. Пилзер использует в качестве примера автомобиля: можно купить дополнительные подушки безопасности или использовать гибриды, если человек заботится о состоянии окружающей среды. Такого же рода сценарии разворачиваются с ресторанами: люди теперь могут выбирать, где они хотят поесть, учитывая то, как они будут чувствовать себя после еды, как хорошо будут спать в эту ночь, и как будут чувствовать себя на следующее утро. Возможность покупать хорошее самочувствие – это территория велнес-индустрии. В первую очередь этой тенденцией могут воспользоваться оздоровительные клубы – расширить свой рынок клиентов, развивать отношения со своими местными врачами, центрами снижения веса, крупными работодателями и другими организациями, чтобы помочь им привлечь людей, которые еще не принадлежат к фитнес-клубам, создавать оздоровительные союзы. Ведь проблема оздоровления – это целостная проблема, никакое количество упражнений или диеты не дадут результата без ее комплексного решения. Клубы должны сделать себя частью, если не центрами, решения этих проблем для своих общин.

По мнению П. Пилзера, идея о сберегательных медицинских счетах выросла из желания позволить людям потратить собственные деньги на медицинское страхование, но в результате решение в виде принятого в 2003 г. закона оказалось неадекватным. Вместо создания универсальных счетов для медицинских расходов для физических лиц эта идея оказалась выхолащена бюджетными ограничениями, считает П. Пилзер. В действительности эти счета превратились в долгосрочные сбережения средств для высокодоходных налого-

плательщиков. Сберегательные медицинские счета (HSA) можно присоединить к списку других депозитных счетов. Однако их преимущества в том, что они не облагаются налогом до тех пор, пока не используются для компенсации медицинских расходов, на них можно не только накапливать средства, но и получать проценты. Тем не менее П. Пилзер связывает перспективы развития здравоохранения с распространением индивидуальных медицинских страховых планов.

В 2005 г. он выпустил книгу «Новое решение страхования здоровья» («The New Health Insurance Solution: How to Get Cheaper, Better Coverage Without a Traditional Employer Plan»), в которой очень подробно описал, как американцы могут стать независимыми от своего работодателя, удешевить свою медицинскую страховку и сохранить ее при потере или смене места работы.

П. Пилзер показал, что существующая система медицинского страхования остается гигантской проблемой не только для потребителей – застрахованных лиц, но также для работодателей. Из-за нее, например, к стоимости каждого автомобиля «Дженерэл Моторс» добавляется 1 550 дол., отметил автор в своей книге. Многие малые предприятия разоряются каждый год, потому что не могут позволить себе платить страховые взносы по групповым планам медицинского страхования. Самозанятые лица, работающие на подряде, а также в наем у работодателей, не предлагающих медицинской страховой защиты, составляют многомиллионную армию, которая остается за пределами системы страхования здоровья в США. В свою очередь все эти обстоятельства, заключает автор, наносят вред конкурентоспособности американской экономики на мировом рынке [6]. Фактически П. Пилзер своей книгой доказал, что в сложившихся условиях индивидуальное страхование здоровья, предполагающее выведение затраченных на страховку средств из-под налогообложения, – начало коренных изменений в системе медицинского страхования в США, заложенных законом 2003 г.

В своей книге «Новое решение страхования здоровья» П. Пилзер показал также выгодные возможности использования индивидуальных планов как для работников, так и для работодателей. В отличие от групповых планов страхования, индивидуальные медицинские страховки могут быть более безопасными, дешевыми и гибкими – с возможностью выбрать как типы сберегательных счетов, так и типы помощи со стороны докторов и специалистов велнес-индустрии. Кроме того, их ежегодные взносы не повышаются в связи с ростом расходов в прошлые годы из-за болезней. До принятия закона 2003 г. работодатели отдавали 2 дол. на медицинское страхование сотрудника, после уплаты налогов оставался 1 долл. Индивидуальные полисы не были доступны для всех, потому что страховые компании принимали 80–90% претендентов, которые были здоровы. По новому закону американские граждане, получавшие ранее отказ от страховых кампаний по медицинским показателям, находятся под защитой гос-

ударства, все штаты США должны обеспечить гарантии предоставления страхования здоровья. Однако гарантированное государством страховое покрытие стоит в два-три раза дороже обычных планов, но для семьи из четырех человек – больше только на 25–30% [7, 8]. В своей книге П. Пилзер показал, как можно накопить 500 тыс. дол. на HSA и использовать эти деньги, которые не облагаются налогом, для выхода на пенсию. Он считает, что вложения в HSA выгоднее, чем размещение денег в индивидуальные пенсионные счета (IRA) или 401к².

Медицинское страхование все еще в основном связано с рабочим местом, поэтому, считает П. Пилзер, сохраняется ряд угроз: ранний выход на пенсию; смерть застрахованного супруга или развод; достижение ребенком возраста 19 лет или окончание им университета [9]. Большинство американцев все еще страхуют свое здоровье за счет своих работодателей. Работники с полным рабочим днем находятся в более выгодном положении, так как получают страховку полностью за счет нанимателя. При этом страховка обычно распространяется не только на работника, но и на членов его семьи. Условия такой страховки обычно весьма выгодные.

В ситуации потери права использования медицинской страховки за счет работодателя можно рассчитывать на следующее:

1. Продление выплат на 18 месяцев по групповому плану работодателя на основании закона 1986 г. COBRA (Consolidated Omnibus Budget Reconciliation Act); однако прежде необходимо оплатить страховой взнос самостоятельно, в среднем он составляет 600–700 дол. в месяц на человека или 1 400 дол. на семью, но это часто бывает не по карману потерявшему работу человеку.

2. Сохранение возможности получать страховые выплаты по групповому плану прежнего работодателя в течение 63 дней после смены места работы в соответствии с законом 1996 г. (HIPAA) [10].

3. Гарантированное государством страхование здоровья – возможность получать медицинскую помощь по программе «Медикэр» после выхода на пенсию, если имели место отчисления в соответствующий фонд; в случае болезни и отсутствия индивидуальной страховки есть возможность обратиться в государственный департамент страхования для получения помощи.

4. Участие в программе «Медикэйд» – в ситуации, когда уровень доходов не превышает официальный федеральный уровень бедности, после обращения в государственный департамент социальных услуг с просьбой оказания помощи.

Для обеспечения собственной безопасности П. Пилзер рекомендует покупать свою медицинскую страховку, даже если уже есть защита по групповому плану работодателя – это гарантия защиты для ситуации, когда потеряна работа. В своем исследовании «Новое решение страхования здоровья» он показывает,

что в среднем ежемесячный взнос по плану индивидуального страхования в 2005 г. составлял 173 дол. на одного здорового мужчину в возрасте 35 лет и 541 дол. – на семью из четырех человек (35-летних родителей, двух детей в возрасте от 5 до 8), а также сопоставляет эти затраты с эквивалентным планом работодателя – 375 и 1 166 дол. соответственно. Речь, конечно, идет о здоровой семье, тем же, у кого уже есть заболевания (рак, болезни сердца, диабет), страховая компания может отказать в получении индивидуального плана либо предложить более высокую ставку. Как правило, страховые компании стараются уменьшить свои риски за счет исключения из страховки уже имеющихся заболеваний. В результате человек будет застрахован от возможных проблем со здоровьем в будущем, но вынужден оплачивать лечение ранее выявленных болезней.

Важно отметить, что в рамках индивидуального страхования страховые компании не могут увеличивать взносы, если у застрахованного лица обнаружится какое-то новое заболевание, все риски они должны взять на себя. Только на этапе подписания индивидуального страхового полиса компания может отказаться от сотрудничества.

Для введения в действие системы индивидуальных сберегательных счетов штаты осуществили либерализацию своих законов по индивидуальному страхованию: предоставили ощутимые скидки для здоровых американцев и страховую защиту для тех, кто уже имеет какие-либо заболевания. Для поддержки тех, кто ранее не подлежал страхованию по медицинским причинам, в сорока штатах был создан крупный поставщик страховых услуг (the Blue Cross/Blue Shield), который предназначен для оплаты расходов на лечение, превышающих выплаты по их страховке [11].

В результате изменения законодательства стоимость полиса индивидуального страхования стала в два раза меньше по сравнению с групповыми планами работодателя. Двадцать лет назад стоимость индивидуальной страховки была в два раза больше по сравнению с групповыми планами работодателя, а сейчас наоборот. Полис индивидуального страхования имеет еще ряд выгодных отличий от групповых планов. В прошлом страховая компания платила полную стоимость за медицинское обслуживание супруги или детей, сейчас большинство компаний платят за них 50% или менее. В индивидуальном страховании этого нет даже при условии потери работы. По существу, групповые планы медицинского страхования, предоставляемые работодателем, не являются страховыми, потому что в случае болезни или потери работы утрачивается право пользоваться полисом.

П. Пилзер отметил наметившуюся тенденцию сокращения объемов группового страхования: в 2005 г. только 61% рабочих мест в США обеспечивались медицинскими страховками по сравнению с 69% три года назад. «Мы работаем с крупными компаниями из спис-

ка Fortune 500, чтобы показать им, как они могут помочь каждому своему сотруднику купить собственный индивидуальный страховой полис, освобождающий от налогообложения», – отметил П. Пилзер в интервью «СиЭнЭн» [12].

В 2006 г. типичный групповой план на семью стоил 14 тыс. дол., цена индивидуальной страховки в 46 штатах составляла 7 тыс. дол. и менее. Таким образом, для 90% здоровых американских граждан медицинское страхование может быть сегодня в два раза дешевле [11]. Начиная с 2005 г. самозанятые американцы получили 100%-ный налоговый вычет для индивидуального медицинского страхования.

Тем не менее в 2005 г. 45 млн американцев не имели медицинской страховки. В своей книге П. Пилзер отмечал, что 29 млн из них находятся в возрасте до 30 лет. Люди от 18 до 30 практически не пользуются услугами здравоохранения. «На самом деле, – считает автор, – экономически глупо было приобретать медицинскую страховку, 70% суммы которой представляют собой

предоплаченные медицинские расходы, которые они не будут использовать в следующем году. С 2005 г. появилась возможность использовать сберегательные счета (HSA) для молодых людей до 30 лет с ежемесячными взносами по цене 50–60 дол. и возможностью накапливать средства, если они не обращаются к врачу» [Ibid.].

П. Пилзер считает, что единственной серьезной проблемой системы здравоохранения США остается ее очень высокая стоимость [13]. США тратят гораздо больше на человека по сравнению с другими развитыми странами, а население является нездоровым. Автор уверен, что в долгосрочной перспективе самой большой возможностью для снижения стоимости медицинской помощи является внедрение программ велнес, которые нацелены на профилактику и предупреждение болезней. В этом смысле снижение расходов на здравоохранение, с его точки зрения, является большой краткосрочной возможностью для предпринимателей, готовых предложить свои продукты и услуги на рынке велнес [14].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Социальный предприниматель (social entrepreneur), основавший шесть компаний (последнюю из которых продал в 2012 г. за 435 млн дол.); автор самых продаваемых книг, изданных на 25 языках; самый молодой выпускник MBA Wharton Business School в возрасте 22 лет; адъюнкт профессора Нью-Йоркского университета с 24 лет (1979–2000 гг.), возглавлял кафедру «Финансовые операции с недвижимостью»; бывший вице-президент Citibank в возрасте 25 лет; бывший экономический советник в администрациях Р. Рейгана и Дж. Буша-ст.; свой первый миллион долларов заработал в 26 лет, а первые 10 млн долл. – до 30 лет.

² IRA, Individual Retirement Arrangements – индивидуальные пенсионные счета, которые освобождаются от налогов и могут размещаться как традиционные инвестиции; с момента появления такого рода планов в 1974 г. до 2015 г. размеры ежегодных отчислений выросли с 1 500 до 5 500 дол. 401к – другой вид пенсионного плана с установленными взносами, действующий в США с 1978 г. В обоих случаях риски за размещенные на этих счетах средства ложатся на владельца данного счета. Кроме того, отозвать деньги с этих счетов невозможно до достижения определенного возраста [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Pilzer P.Z. The Wellness Revolution: How to Make a Fortune in the Next Trillion Dollar Industry. URL: <http://www.paulzanepilzer.com/twr.htm>.
2. Preface of The New Wellness Revolution. URL: thewellnessrevolution.paulzanepilzer.com/revolution.php.
3. The Medicare Prescription Drug, Improvement, and Modernization Act. URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/108/hr1>.
4. Margaret Price, New York Daily News Writer. Seek Insurance Sales Across States. URL: <http://www.paulzanepilzer.com/nydailyarticle-htm>.
5. Prophet of New Profits. URL: <http://www.paulzanepilzer.com/cbi0508-htm>.
6. Soundview executive book summaries. December. 2005. URL: <http://www.paulzanepilzer.com/soundview-htm>.
7. The Paul Zane Pilzer Newsletter. URL: <http://www.paulzanepilzer.com/tnhisnl100105-htm>.
8. The New Health Insurance Solution Newsletter. How Americans can now get quality affordable lifetime health insurance for themselves and their employees. URL: <http://www.paulzanepilzer.com/tnhisnl100105-htm>.
9. Pilzer P.Z. What If You Lose Health Your Health Insurance? URL: <http://www.paulzanepilzer.com/consreports-htm>.
10. The Health Insurance Portability and Accountability Act. URL: <http://www.dol.gov/ebsa/newsroom/fshipaaDec04.html>.
11. Pat Robertson, founder of the 700 Club, interviews Paul Zane Pilzer. URL: <http://www.paulzanepilzer.com/health-insurance-better-cheaper-safer>.
12. Interview About The New Health Insurance Solution with CNN Anchor Gerri Willis. October 8, 2005. URL: http://www.paulzanepilzer.com/gerriwillis_cnn.
13. Pilzer P.Z. The Real Reason We Need U.S. Health Care Reform – Cost. URL: <http://www.paulzanepilzer.com/u-s-healthcare-reform-will-create-major-opportunities-for-entrepreneurs>.
14. Pilzer P.Z. U.S. Health Care Reform Update: The Coming Opportunity for Entrepreneurs. URL: <http://www.paulzanepilzer.com/u-s-health-care-reform-update-the-coming-opportunity-for-entrepreneurs>.

Smolyakova Lyudmila N. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: smol_ln@mail.ru

P.Z. PILZER ON CHANGES IN THE US HEALTH INSURANCE.

Keywords: USA; P. Pilzer; health insurance; Wellness; health savings accounts; the Republican Party's position on health care reform. American economist Paul Zane Pilzer is one of the world's leading experts on entrepreneurship. The materials of his book "Wellness Revolution" have been used in the US Congress in the course of work on the Medicare Prescription Drug, Improvement, and Modernization Act of 2003, which provided for the creation of a new type of health insurance – savings accounts, three types of medical (HSA – Health Savings Account, FSA – Flexible Spending Account and HRA – Health Reimbursement Arrangement). New health savings accounts overcome prevailing in the US health insurance system of severe restrictions – insurance losses in the event of dismissal or moving to another state. The advantages of HSAs are savings in the form of tax deductions, the possibility of accumulation of insurance payments from year to year and getting them interest, the preservation of the accumulated funds in the transition from one employer to another or moving from place to place, and use this account for any potential spending on health care, including wellness services. FSA and the HRA can only offer an employer. These accounts have its attractions – the ability to use the finances at the beginning of the year

in the first case, there are no restrictions on the amount of money spent by the employer to reimburse the employee the cost of maintaining health – in the second. P. Pilzer is an active supporter of the development of corporate health programs and provides medical insurance on a competitive basis, the preservation of corporate social responsibility for its employees' health. At the same time, in conditions of development of modern technologies in the wellness market P. Pilzer connects health prospects with the spread of individual health insurance plans. In published in 2005 his book "The New Health Insurance Solution: How to Get Cheaper, Better Coverage Without a Traditional Employer Plan", the author of a very detailed account of how Americans can become independent of their employer, reduce the cost of their health insurance and keep it at a loss or change of place of work. P. Pilzer also showed that the current system of health insurance is a huge problem not only for consumers but also for employers, especially small businesses. Unlike group insurance plans, individual health insurance can be safer, cheaper and more flexible. P. Pilzer believes that only serious problem the United States health care system is its very high cost. The author believes that in the long term, the greatest opportunity for reducing the cost of medical care is to implement wellness programs that focus on prevention and disease prevention.

REFERENCES

1. Pilzer, P.Z. (n.d.) *The Wellness Revolution: How to Make a Fortune in the Next Trillion Dollar Industry*. [Online] Available from: <http://www.paulzanepilzer.com/twr.htm>.
2. Pilzer, P.Z. (n.d.) *Preface of The New Wellness Revolution*. [Online] Available from: thewellnessrevolution.paulzanepilzer.com/revolution.php.
3. The USA. (n.d.) *The Medicare Prescription Drug, Improvement, and Modernization Act*. [Online] Available from: <https://www.govtrack.us/congress/bills/108/hr1>.
4. Price, M. (n.d.) *Seek Insurance Sales Across States*. [Online] Available from: <http://www.paulzanepilzer.com/nydailyarticle-htm>.
5. Pilzer, P.Z. (n.d.) *Prophet of New Profits*. [Online] Available from: <http://www.paulzanepilzer.com/cbi0508-htm>.
6. Pilzer, P.Z. (n.d.) *Soundview executive book summaries. December. 2005*. [Online] Available from: <http://www.paulzanepilzer.com/soundview-htm>.
7. Pilzer, P.Z. (n.d.) *The Paul Zane Pilzer Newsletter*. [Online] Available from: <http://www.paulzanepilzer.com/tnhisn1100105-htm>.
8. Pilzer, P.Z. (n.d.) *The New Health Insurance Solution Newsletter. How Americans can now get quality affordable lifetime health insurance for themselves and their employees*. [Online] Available from: <http://www.paulzanepilzer.com/tnhisn1100105-htm>.
9. Pilzer, P.Z. (n.d.) *What If You Lose Health Your Health Insurance?* [Online] Available from: <http://www.paulzanepilzer.com/consreports-htm>.
10. US Department of Labour. (n.d.) *The Health Insurance Portability and Accountability Act*. [Online] Available from: <http://www.dol.gov/ebsa/newsroom/fshipaaDec04.html>.
11. Pilzer, P.Z. (n.d.) *Interview with Paul Pilzer*. [Online] Available from: <http://www.paulzanepilzer.com/health-insurance-better-cheaper-safer>.
12. Pilzer, P.Z. (n.d.) *Interview About The New Health Insurance Solution with CNN Anchor Gerri Willis. October 8, 2005*. [Online] Available from: http://www.paulzanepilzer.com/gerriwillis_cnn.
13. Pilzer, P.Z. (n.d.) *The Real Reason We Need U.S. Health Care Reform – Cost*. [Online] Available from: <http://www.paulzanepilzer.com/u-s-healthcare-reform-will-create-major-opportunities-for-entrepreneurs>.
14. Pilzer, P.Z. (n.d.) *U.S. Health Care Reform Update: The Coming Opportunity for Entrepreneurs*. [Online] Available from: <http://www.paulzanepilzer.com/u-s-health-care-reform-update-the-coming-opportunity-for-entrepreneurs>.

О.Э. Терехов

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ, КУЛЬТУРПЕССИМИЗМ, МОДЕРН: К ИДЕЙНЫМ ИСТОКАМ НЕМЕЦКОЙ «КОНСЕРВАТИВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Рассматриваются идейные предпосылки идеологии немецкой «консервативной революции». Автор выделяет три основные составляющие идеологии «революционного консерватизма»: традиционализм, культурпессимизм и модернизм. Несмотря на то что идейные истоки «консервативной революции» находились в русле главного тренда немецкой философской и общественно-политической мысли конца XIX – первой половины XX в., «консервативные революционеры» внесли значительный вклад в ее трансформацию, синтезировав обновленное понимание традиции, культурпессимизм и дух модерна. На примере культурно-исторических и политических концепций Шпенглера, Фрайера и Юнгера автор показывает последовательный процесс поиска возможности синтеза культуры и цивилизации через технику как наиболее характерное выражение цивилизации в эпоху модерна.

Ключевые слова: культура; цивилизация; «консервативная революция»; культурпессимизм; модерн.

Феномен немецкой «консервативной революции» в период Веймарской республики в Германии в последнее время достаточно подробно раскрыт в отечественной гуманитарной мысли [1–3]. В данной статье рассматривается проблема соотношения трех интеллектуально базовых компонентов «консервативной революции»: традиционализма, культурпессимизма и духа модерна.

Идеология немецкой «консервативной революции», с одной стороны, вобрала в себя идеологические клише германского консерватизма: национализм, антилиберализм, противопоставление немецкого народного духа и немецкой культуры ценностям западной цивилизации, поиск особого пути исторического развития Германии в русле «немецкого (прусского) социализма», идею корпоративного государства, бескомпромиссную борьбу против Веймарской республики, радикально усилил их. С другой – была попыткой создания нового немецкого консерватизма и национализма радикального характера. Ее деятели стремились придать германскому консерватизму современный характер. К этому следует добавить существование распространенного в 1920–1930-х гг. среди интеллектуалов убеждения в том, что технический прогресс, эффективное планирование, постепенное возрастание уровня жизни должны способствовать сглаживанию социальных противоречий в обществе [4. С. 55]. Правда, в этом случае необходимо помнить о том, что правые и левые интеллектуалы по-разному понимали способы решения подобных противоречий. Будучи в мировоззренческом и теоретико-методологическом отношении тесно связанной с философией жизни, идеология «консервативной революции» дистанцировалась от консервативной критики культуры и техники, популярной среди представителей немецкой философии жизни конца XIX – начала XX в.

Эта проблема, как и проблема соотношения культуры и цивилизации, является ключевой для германской гуманитарной и общественно-политической мысли конца XIX – первой трети XX в. В ее контексте возникали и развивались основные мифы германской исто-

рии: тезис об «особом пути» Германии (Sonderweg), «идеи 1914 года», концепция «Срединной Европы» (Mitteleuropa).

Данные различия германской культуры и западной цивилизации были исторически обусловленным выражением, по мнению большинства германских интеллектуалов, истинно немецкого национального самосознания. Известный историк Э. Трельч писал в 1916 г.: «Немцы по своей природе метафизики и мыслители, стремящиеся изнутри, из духовной глубины универсума понять сущность мира и вещей, людей и судеб» [5. С. 542]. Противопоставление немецкой «Kultur» французской и английской «civilisation» к концу XIX – началу XX в. приобрело в Германии открыто антизападные черты и впоследствии объясняло Первую мировую войну как борьбу духа и разума, культуры и цивилизации, единства немецкого народного сообщества против западного буржуазного индивидуализма. Эти интеллектуальные и политические установки составили основу «идей 1914 года».

«Идеи 1914 года» переживались немецкими интеллектуалами как возможность духовного и политического очищения от влияния западной цивилизации. Другим проявлением «идей 1914 года» стало формирование органического понимания функционирования государства и общества, становление знаменитой концепции «народного сообщества» (Volksgemeinschaft). По мнению Х. Герстенбергер, «революционные консерваторы» оценивали духовную и политическую атмосферу 1914 года в Германии как точку отчета для формирования собственно идеологии «консервативной революции» [6. S. 17–18]. Содержание «идей 1914 года» представляет кульминационную точку в развитии культурпессимистической мысли в кайзеровском рейхе, в центре которой находилась дихотомия культуры и цивилизации.

Апофеозом подобных умонастроений стал знаменитый «шедевр германского славянофильства» [7] «Размышления аполитичного» (1918) Томаса Манна [8]. Книга в буквальном смысле этого слова изобилует

блистательными афоризмами, определениями, догадками, размышлениями о Германии и Западе, культуре и цивилизации, государстве и политике, консерватизме, либерализме и демократии и т.д. «Размышления аполитичного» стали квинтэссенцией германского консерватизма, через которые «можно кратко сформулировать идеальный образ нации в глазах немецких консерваторов, а также уточнить их представления о ее извечном враге – римском Западе» [9. С. 19].

Обратной стороной такого «культурного подвижничества» германских интеллектуалов были «побочные» продукты германской политической и культурной традиции и германской модернизации последней трети XIX – начала XX в.: национализм, милитаризм, империализм, аполитичность и т.д., т.е. все то, что давало благоприятную почву консерватизму – главному интеллектуальному достижению немецкого духа. Характерно, что современники понимали трагизм и противоречивость состояния немецкого духа. В 1914 г. известный русский философ В.Ф. Эрн произнес речь «От Канта к Крупну», в которой напрямую связал вершины немецкой культуры с милитаризмом германского общества, феноменализм Канта и пушки Крупна [10. С. 19].

Интеллектуальная и общественно-политическая атмосфера Германии того времени была окутана ожиданием некоего рубежного мировоззренческого и идейно-политического учения, которое должно поставить окончательную точку в противостоянии немецкой культуры с цивилизацией Запада.

Позволим себе привести обширную цитату из И. Феста, в которой он очень точно описал социокультурную составляющую этого процесса: «Над этой занятой своими делами и, казалось бы, так уверенной в своём завтрашнем дне страной, над её растущими крупными городами и промышленными районами довлел некий своеобразный романтический небосвод, тёмный купол которого населяли мистические образы, древние герои и боги, – отсталость Германии имела идеологическую природу. Конечно, в немалой степени к этому приложили свою руку академический обскурантизм, фольклор германистов, а также потребности в украшательстве со стороны того слоя буржуазии, которому так хотелось поверх материальных целей; кои он преследовал с такой неутомимостью и динамизмом, увидеть более высокие ориентиры. Но в то же время за всеми этими пристрастиями постоянно ощущалась бюргерская строптивость в культурной сфере по отношению как раз к тому современному миру, возведению которого помогали столь энергично и успешно, – это была своего рода оборонительная жестикоуляция в адрес новой, лишённой поэзии реальности, имевшая своим истоком не дух скептицизма, а дух пессимистического романтизма, и позволявшая распознавать в себе латентную готовность к контрреволюционному протесту» [11. С. 161].

«Консервативная революция» собственно и была попыткой того контрреволюционного протеста, о кото-

ром тайно грезило немецкое общество, особенно молодое поколение, увлеченное мистикой германской истории. «Консервативная революция» возникла на пике общественно-политического кризиса 1918–1919 гг. Поражение кайзеровского рейха в Первой мировой войне, Ноябрьская революция, учреждение демократической Веймарской республики, Версальский мирный договор нарушили привычный жизненный уклад немецкого общества и перевернули общественные представления немцев. В условиях краха идеологии традиционного германского консерватизма представители молодого поколения немецких консерваторов выступили против возвращения к традиционной форме консервативной идеологии и политики, что привело к появлению идеологии «консервативной революции», предпосылки которой формировались еще до войны.

Таким образом, традиционалистская составляющая «консервативной революции» определилась сразу. «Консервативные революционеры» не были традиционалистами в духе германского консерватизма кайзеровской эпохи, они были традиционалистами по сути, по существу германской исторической и политической мифологии. Духовный вождь «консервативной революции» А. Мёллер ванн ден Брук писал: «Консерватизм в Германии совершенно забыл, что для того, чтобы что-то сохранить, надо сначала этого добиться <...>. От консервативного нападения он постепенно уходил в консервативную защиту» [12. С. 316]. Для «консервативных революционеров» довоенный германский консерватизм являлся проявлением одной из разновидностей буржуазной идеологии. «Идеи 1914 года», по их убеждению, должны были не просто одновременно опрокинуть цивилизацию Запада, а стать оппозицией «идеям 1789 года».

Идеологи «консервативной революции» вышли за рамки сословного консерватизма Второго рейха и провозгласили возвращение к истинным ценностям германской истории и немецкого общества: культу вождя, корпоративному государству, авторитаризму, ответственности государства перед гражданином и, наоборот, единству нации и т.д. Проблема «реакционного (консервативного, правого) модерна» в «консервативной революции» неоднократно рассматривалась в гуманитарной мысли [13].

Необходимо отметить, что в идеологии «консервативной революции» ситуационно соединились национальные мифы германской истории, отрефлексированные в духе витализма и иррационализма, культурпессимизма и политического романтизма. В то же время «консервативные революционеры» обладали ясным пониманием невозможности удержать традицию в рамках добуржуазных общественных и экономических структур, и в этом отношении они выступили апологетами различных версий «реакционного модерна». Поэтому, несмотря на апелляцию к традиционным ценностям, желанию позиционировать себя «истинными защитниками» немецкого духа, «консервативные революционеры»

ры» далеко вышли за рамки традиции. Это привело к трансформации как самого понимания традиции, так и трактовок ее сущностных признаков.

В интеллектуальном и общественно-политическом контексте такого подхода проблема соотношения традиции, культурпессимизма и модерна в идеологии «консервативной революции» становится проблемой синтеза культуры и цивилизации ради претворения в жизнь проекта консервативного модерна. «Консервативные революционеры» не были едины в создании будущего желаемого общества «реакционного модерна». Было бы странным требовать этого от представителей движения, не обладавшего программным и политическим единством. Слишком разные были пути ее ведущих идеологов к тому феномену, который в конечном итоге получил название консервативной революции. Кто-то шел к этому через традицию, кто-то – через восприятие современности.

Феноменальный успех «Заката Европы» Освальда Шпенглера у широкой читающей публики был обусловлен тем, что автор, очевидно сам на то не рассчитывая, обнажил кризисные точки развития западной цивилизации. Культурно-историческая концепция Шпенглера базировалась на идее противоположности культуры и цивилизации. Среди «консервативных революционеров» в трактовке культуры Шпенглер придерживался более или менее классической интерпретации, какой она сложилась в германской гуманитарной мысли. По мнению Д. Херфа, мировоззрение Шпенглера, его идеи находятся «на границе между прусскими консерваторами, опиравшимися на промышленность, юнкеров, армию и бюрократию, и послевоенными консервативными революционерами» [14. Р. 11]. А. Михайловский полагает, что «воззрения Шпенглера характеризует диссонанс между ориентацией на традиционные ценности и пониманием невозможности их реального осуществления. Он ввел в критику эпохи новую позицию, не сводимую ни к чисто революционному, ни к чисто реакционному, ни к чисто прагматистскому умонастроению сохранения либерального статус-кво» [15. С. 64].

В условиях кризиса фаустовской культуры Шпенглер стремится выработать позицию интеллектуала-одиночки, сохраняющего культурное наследие веков, перед стремительно наступающей цивилизацией. Шпенглер не верил в возрождение культуры, но он и не желал культурой лечить болезни декадентской цивилизации. Поэтому «Закат Европы» неизбежен. Такая ситуация не оставляет выбора современному западноевропейскому (фаустовскому) человеку, который родился в эпоху цивилизации, и ему ничего не остается делать, как смириться с ней.

Однако «фаустовский человек» культуры вправе выбрать для себя этическую позицию своего существования в цивилизации. Такая позиция позднее была обозначена как «героический реализм» в мировоззренческом и философском смысле, а в политическом – как

«пруссский социализм», разработка принципов которого стала выдающимся вкладом Шпенглера в идеологию не только «консервативной революции», но и германского консерватизма в целом.

Термин «героический реализм» в его различном звучании и значении не был новым для немецкой гуманитарной и общественно-политической мысли, но в контексте идеологии «консервативной революции» впервые был использован в кругу единомышленников Э. Юнгера и включен в число главных мировоззренческих и идеологических категорий «революционного консерватизма» его первым исследователем А. Молером [16. S. 157–161]. Сами «консервативные революционеры» вкладывали различный смысл в понятие «героический реализм». Общим было лишь то, что все они, без исключения, понимали «героический реализм» как способность человека в условиях неизбежности наступления технической цивилизации и, с другой стороны, кризиса модерна сохранить собственное «Я». «Героический реализм» был идейным и мировоззренческим ответом интеллектуалов «консервативной революции» на кризис культуры и национального самосознания в эпоху модерна [17. S. 271].

Если «героический реализм» Шпенглера в действительности можно назвать «героическим пессимизмом» (хотя он не считал себя пессимистом), так как Шпенглер во многом оставался в идейном русле традиционного довоенного культурпессимизма и, частично, в интеллектуальном поле немецкого консерватизма кайзеровского рейха, то технократические концепции Х. Фрайера и Э. Юнгера были результатом всеобъемлющего и решительного духовного и идейного разрыва консервативной мысли с традиционализмом и принятия изменчивого и динамичного мира модерна.

Для Фрайера изучение проблем науки и техники было центральной темой его социологических исследований и одновременно политической задачей. Как участник довоенного националистического молодежного движения и ученик крупнейшего германского социолога и представителя философии жизни Г. Зиммеля Фрайер считал напряжение между хаотичными принципами жизни и изначально структурированной культурой подлинным проявлением жизни. Жизнь, по мнению Фрайера, порождалась некими культурными формами, которые затем необходимо творчески перерабатывать и преобразовывать в новые формы. Этот процесс должен быть постоянным, иначе культура и человек могут остановиться в своем развитии. Идет борьба между постоянно изменяющейся жизнью и процессом универсализации, в котором наука и техника играют ключевую роль. Фрайер, подобно Шпенглеру, сталкивается с фундаментальной проблемой: возможно ли сохранение самобытной культуры конкретного народа перед лицом процесса реальной универсализации и какие общественные силы должны возглавить этот процесс [15. С. 65].

Техника в социологической и социально-философской концепции Фрайера становится важнейшим инструментом сохранения и одновременно преобразования культуры. «Таким образом, с чисто культур-философской точки зрения, техника оказывается чистой системой средств, культурной системой, имеющей производную ценность», – пишет он [18. С. 74]. Фрайер признает значение техники для развития европейской культуры и цивилизации. «Так или иначе: вступление в техническую эпоху приобретает всемирно-исторический вес. Оно становится критической точкой, в которой решается судьба западноевропейской культуры и, возможно, судьба человечества как такового» [Там же. С. 75].

Фрайер, как и Шпенглер, прибегает к слову «судьба», говоря о процессах всемирно-исторического характера и процессах культуры. Диалектика мысли обоих мыслителей развивается в русле попыток синтеза органического, почвеннического понимания культуры и технической цивилизации в духе «героического реализма». Для этого было необходимо встроить категории техники в категории традиционалистски понимаемой культуры. Фрайер это успешно делает, утверждая, что «исторический смысл современной техники на самом деле можно было бы выразить просто: она есть “базис” всей культуры» [Там же. С. 78].

Для Фрайера как представителя «консервативной революции» не стоял вопрос о поиске общественной силы, которая могла бы, по его мнению, совершить объединение техники и культуры. Таким субъектом истории становится народ, образующий некую политическую общность в структуре индустриального общества. «Индустриальное общество не пробуждается к народу, – оно этого не может. Но в нем пробуждается народ: как субъект революции, для которой оно созрело завершаясь» [19. С. 67]. Революция справа, в понимании Фрайера, – это процесс политизации народа, в котором растворяются классы и сословия и который как единое целое осуществляет синтез культуры и цивилизации, почвы и индустриального общества, органического и механического.

Третьим крупным проектом «реакционного модерна» в идеологии «консервативной революции» стала концепция Э. Юнгера. Он, так же, как и Фрайер, принадлежал к поколению фронтовиков, но в отличие от него не был духовно и интеллектуально связан с проблемами довоенного консерватизма и культурпессимизма. Это предопределило мощную динамику творчества Юнгера. Его по праву считают глашатаем нового понимания мира и человека. Юнгер дал всеобъемлющую оценку последствиям наступления эпохи модерна с точки зрения ее философско-исторических, социально-философских и идейно-политических перспектив.

Юнгер задавался вопросом, что следует сделать для того, чтобы вывести Германию из состояния тяжелей-

шего морально-психологического шока, связанного с военным поражением. Его как патриота и националиста не устраивал ни либеральный, ни левый политический проект модерна, ценности традиционного германского консерватизма также казались ему безнадежно устаревшими. Юнгер выступал как один из видных основателей и апологетов идеологии «нового национализма», ставшего одним из главных идейных течений «консервативной революции».

Т. Рокрэммер, исходя из своей концепции о «консервативной революции» как исключительно модернистском идейном движении, характеризует мировоззрение Юнгера и его современников как продукт распада традиционных ценностей в эпоху модерна [20. С. 854]. Значение творчества Юнгера периода Веймарской республики заключается в том, что он, как никто другой из его современников, выразил страх перед современной техникой, но в то же время и осознал, что технократия и плановое хозяйство могут привести к другому, лучшему модерну, в котором человек и техника встретятся в новом гармоничном синтезе. Цель Юнгера заключалась в соединении человека и техники в единую органическую конструкцию. Однако в критике цивилизации и антиинтеллектуализме Юнгер вышел за пределы немецкой правой традиции и вступил в область «анархического радикализма своих революционных притязаний» [21. С. 850].

В то же время Юнгер, подобно Шпенглеру, занял позицию поэтического и метафизического толкователя модерна в духе «героического реализма». В своем завершенном виде эти тенденции в творчестве Юнгера проявились в двух его классических эссе «консервативно-революционного» периода: «Тотальная мобилизация» и «Рабочий», в которых он от написанной на злобу дня публицистики перешел к философско-историческому и социально-философскому анализу современности. Юнгеру удалось соединить то, к чему стремились многие «революционные консерваторы»: культуру и цивилизацию, традиционные прусские ценности и технологический футуризм.

Дихотомия традиции и современности была осмыслена «консервативными революционерами» на новом теоретическом и практическом (политическом) уровне: как проблема сохранения культуры и традиции в условиях функционирования индустриальной цивилизации. Проблема эта решалась идеологами «консервативной революции» исключительно в «консервативно революционном» радикальном ключе. Для них не стоял вопрос о том, что предпочтительней – традиция или современность; они понимали и принимали неизбежность наступления современной индустриальной цивилизации. Свою основную задачу «консервативные революционеры» видели в разработке философских, политических и социальных проектов синтеза традиции с индустриальной цивилизацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамошин С.В. Понятия и позиции консервативной революции: интеллектуальное течение «консервативной революции» в политической жизни Веймарской республики. Брянск, 2011.
2. Михайловский А.В. Консервативная революция: апология господства // Концепт «Революция» в современном политическом дискурсе / под ред. Л.Е. Бляхера, Б.В. Межуева, А.В. Павлова. СПб. : Алетейя, 2008. С. 264–283.
3. Терехов О.Э. Феномен «консервативной революции» в Веймарской республике в историографии ФРГ: основные концепции и проблемы интерпретации. Кемерово : Кемеров. гос. ун-т, 2011.
4. Бурдые П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера / пер. с фр. М. : Праксис, 2003.
5. Трельч Э. Метафизический и религиозный дух немецкой культуры / Культурология. XX в. Антология. М. : Юрист, 1995. С. 540–556.
6. Gerstenberger H. Der revolutionäre Konservatismus: ein Beitrag zur Analyse des Liberalismus. Berlin : Duncker & Humblot, 1969.
7. Парамонов Б. Шедевр германского «славянофильства». О «Размышлениях аполитичного» Томаса Манна // Звезда. 1990. № 12. С. 152–158.
8. Манн Т. Размышления аполитичного / пер. с нем. М. : АСТ, 2015.
9. Хряков А. Психология «особого пути» и немецкие историки (1920–1940-е годы) // Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия. М. : Три квадрата, 2010. С. 17–48.
10. Эрн В. Ф. От Канта к Крупну // Сочинения. М. : Правда, 1991. С. 308–318.
11. Фест И. Гитлер. Биография / пер. с нем. Пермь : Культурный центр «Алетейя», 1993. Т. 1.
12. Мёллер ван ден Брук А. Третья империя // А. Мёллер ван ден Брук, А. Васильченко. Миф о вечной империи и Третий рейх. М. : Вече, 2009.
13. Терехов О.Э. «Консервативная революция» как феномен правого модерна в Веймарской республике в германской историографии // Вестник Кемеровского университета. 2013. № 2 (54), Т. 3. С. 146–150.
14. Herf J. Reactionary Modernism. Technology, culture and politics in Weimar and the Third Reich. Cambridge : University Press, 2003.
15. Михайловский А.В. Философия техники Ханса Фрайера // Вопросы философии. 2011. № 3. С. 62–72.
16. Möhler A. Die Konservative Revolution in Deutschland 1918–1932: Grundriss ihrer Weltanschauungen. Stuttgart : Vorwerk, 1950.
17. Merlio G. Der sogenannte «heroische Realismus» als Grundhaltung des Weimarer Neokonservatismus // Intellektuellendiskurse in der Weimarer Republik: zur politischen Kultur einer Gemengelage / Hrsg. von M. Gangl, G. Raulet. Frankfurt a. M. : Campus Verlag, 1994. S. 271–285.
18. Фрайер Х. К философии техники // Вопросы философии. 2011. № 3. С. 73–79.
19. Фрайер Х. Революция справа / пер. с нем. М. : Праксис, 2008.
20. Rohkrämer Th. Die Verzauberung der Schlange: Krieg, Technik und Zivilisationskritik beim frühen Ernst Jünger // Der Erste Weltkrieg, Wahrnehmung, Analyse / Hrsg. W. Michalka. München : Piper, 1994. S. 854–865.
21. Berggötz S.O. Nachwort: Ernst Jünger und die Politik / Jünger E. Politische Publizistik 1919–1932. Stuttgart : Klett-Gotta Verlag, 2001. S. 834–869.

Terekhov Oleg E. Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). E-mail: terekhov1968@mail.ru

TRADITIONALISM, KULTURPESSIMISMUS, MODERN: TO IDEOLOGICAL SOURCES GERMAN «CONSERVATIVE REVOLUTION».

Keywords: culture; civilization; «conservative revolution»; kulturpessimismus; modern.

The phenomenon German «conservative revolution» in the Weimar republic is the difficult ideological phenomenon of the German history of the mezhoenny period. Being on limit of traditional conservatism and right radicalism, in the ideological relation «conservative revolution» in the world outlook and ideological plan developed in line with the main conceptual approaches of the German conservatism of the first half of the XX century: traditionalism, kulturpessimism and acceptance of spirit of a modernist style. These trends defined ideological and political evolution of various directions of the German conservatism during the specified period: from moderated to its farright forms. Representatives of «conservative revolution» in the teoretiko-methodological concepts in the field of philosophy, culturologists, political science, law carried out quite successful synthesis of various tendencies of the German conservatism 1920 – the 1930th. In ideology of "conservative revolution" national myths of the German history, otrefleksirovanny in the spirit of vitalism and an irrationalism, cultures pessimism and political romanticism situationally connected. Representatives of «conservative revolution» in the teoretiko-methodological concepts in the field of philosophy, culturologists, political science, law carried out quite successful synthesis of various tendencies of the German conservatism 1920 – the 1930th. In ideology of «conservative revolution» national myths of the German history, otrefleksirovanny in the spirit of vitalism and an irrationalism, cultures pessimism and political romanticism situationally connected. But, in too time «conservative revolutionaries» had clear understanding not of opportunity to keep tradition within the doburzhuaznykh of public and economic structures and in this regard they acted as apologists of various versions of «a reactionary modernist style». Therefore, despite the appeal to traditional values, desire to position itself true defenders of the German spirit, «conservative revolutionaries far were beyond tradition. It led to transformation of both the understanding of tradition, and interpretations of its intrinsic signs. On the example of Shpengler, Freier and Yungers cultural and historical and political concepts the author shows consecutive process of search of possibility of synthesis of traditionalism, kulturpessimizm, modernist style, culture and a civilization through equipment, as the most characteristic expression of a civilization during a modernist style era. The author draws a conclusion that the dichotomy of tradition and the present was comprehended by «conservative revolutionaries» at the new theoretical and practical (political) level: as a problem of preservation of culture and tradition in operating conditions of an industrial civilization. This problem was solved ideologists of «conservative revolution» only in «conservatively revolutionary» a radical key. For them there was no question that the tradition or the present is more preferable, they understood and accepted inevitability of approach of a modern industrial civilization. «conservative revolutionaries» saw the main objective in development of philosophical, political and social projects of synthesis of tradition with an industrial civilization.

REFERENCES

1. Artamoshin, S.V. (2011) *Ponyatiya i pozitsii konservativnoy revolyutsii: intellektual'noe techenie "konservativnoy revolyutsii" v politicheskoy zhizni Veymarskoy respubliky* [The concepts and the position of the conservative revolution: The intelligence movement of "Conservative Revolution" in the political life of the Weimar Republic]. Bryansk: Belarusian State University.
2. Mikhaylovskiy, A.V. (2008) *Konservativnaya revolyutsiya: apologiya gospodstva* [Conservative Revolution: The apology for domination]. In: Blyakher, L.E., Mezhujev, B.V. & Pavlov, A.V. (eds) *Kontsept "Revoljutsiya" v sovremennom politicheskom diskurse* [The concept "revolution" in modern political discourse]. St. Petersburg: Aleteya. pp. 264-283.
3. Terekhov, O.E. (2011) *Fenomen "konservativnoy revolyutsii" v Veymarskoy respublikе v istoriografii FRG: osnovnye kontseptsii i problemy interpretatsii* [The phenomenon of "conservative revolution" in the Weimar Republic in Germany historiography: Basic concepts and problems of interpretation]. Kemerovo: Kemerovo State University.

4. Bourdieu, P. (2003) *Politicheskaya ontologiya Martina Khaydeggera* [The Political Ontology of Martin Heidegger]. Translated from French by A. Bibikov, T. Anisimova. Moscow: Praksis.
5. Troeltsch, E. (1995) *Metafizicheskiy i religioznyy dukh nemetskooy kul'tury* [Metaphysical and religious spirit of German culture]. In: Levit, S.Ya. (ed.) *Kul'turologi. XX v.* [Researchers in Cultural Studies. The twentieth century]. Moscow: Yurist. pp. 540-556.
6. Gerstenberger, H. (1969) *Der revolutionäre Konservatismus: ein Beitrag zur Analyse des Liberalismus* [The revolutionary conservatism: A contribution to the analysis of liberalism]. Berlin: Duncker & Humblot.
7. Paramonov, B. (1990) *Shedevr germanskogo "slavyanofil'stva". O "Razmyshleniyakh apolitichnogo" Tomasa Manna* [A masterpiece of German "Slavophilism". On "Reflections of a Nonpolitical Man" by Thomas Mann]. *Zvezda*. 12. pp. 152-158.
8. Mann, T. (2015) *Razmyshleniya apolitichnogo* [Reflections of a Nonpolitical Man]. Translated from German by E.V. Shukshina. Moscow: AST.
9. Khryakov, A. (2010) *Psikhologiya "osobogo puti" i nemetskie istoriki (1920–1940-e gody)* [The psychology of "a special path" and German historians (1920–1940)]. In: Pain, E.A. (ed.) *Ideologiya "osobogo puti" v Rossii i Germanii: istoki, sodержanie, posledstviya* [The ideology of "a special path" in Russia and Germany: The origin, content, implications]. Moscow: Tri kvadrata. pp. 17-48.
10. Ern, V.F. (1991) *Sochineniya* [Works]. Moscow: Pravda. pp. 308-318.
11. Fest, I. (1993) *Gitler. Biografiya* [Hitler. The Biography]. Vol. 1. Translated from German by A.A. Fedorov, N.S. Letneva, A.M. Andronov. Perm: Aleteya.
12. Moeller van den Bruck, A. (2009) *Tret'ya imperiya* [The Third Empire]. In: Moeller van den Bruck, A. & Vasilchenko, A. *Mif o vechnoy imperii i Tretiy reykh* [The Myth of the Eternal Empire and the Third Reich]. Moscow: Veche.
13. Terekhov, O.E. (2013) "Conservative revolution" as a phenomenon of right wing modernism in Weimar Republic in German historiography. *Vestnik Kemerovskogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 2(3). pp. 146-150. (In Russian).
14. Herf, J. (2003) *Reactionary Modernism. Technology, culture and politics in Weimar and the Third Reich*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Mikhaylovskiy, A.V. (2011) *Filosofiya tekhniki Khansa Frayera* [Hans Freier's Philosophy of Technology]. *Voprosy filosofii*. 3. pp. 62-72.
16. Mohler, A. (1950) *Die Konservative Revolution in Deutschland 1918–1932: Grundriss ihrer Weltanschauungen* [The Conservative Revolution in Germany 1918–1932]. Stuttgart: Vorwerk.
17. Merlio, G. (1994) *Der sogenannte "heroische Realismus" als Grundhaltung des Weimarer Neokonservatismus* [The so-called "heroic realism" as a basic attitude of Weimar neoconservatism]. In: Gangl, M. & Raulet, G. (eds) *Intellektuellendiskurse in der Weimarer Republik: zur politischen Kultur einer Gemengelage* [Intellectual discourse in the Weimar Republic: The political culture of a complex situation]. Frankfurt a. M.: Campus Verlag. pp. 271-285.
18. Frayer, H. (2011) *K filosofii tekhniki* [Philosophy of technology]. *Voprosy filosofii*. 3. pp. 73-79.
19. Frayer, H. (2008) *Revolyuetsiya sprava* [Revolution from the right]. Translated from German by Yu.Yu. Korinets. Moscow: Praksis.
20. Rohkrämer, Th. (1994) *Die Verzauberung der Schlange: Krieg, Technik und Zivilisationskritik beim frühen Ernst Jünger* [The enchantment of the snake: War, art and civilization criticism by the early Ernst Jünger]. In: Michalka, W. (ed.) *Der Erste Weltkrieg, Wahrnehmung, Analyse* [The First World War, Perception, Analysis]. München: Piper. pp. 854-865.
21. Berggötz, S.O. (2001) *Nachwort: Ernst Jünger und die Politik* [An epilogue: Ernst Jünger and the Politics]. In: Jünger, E. *Politische Publizistik 1919–1932* [Political journalism 1919–1932]. Stuttgart: Klett-Gotta Verlag. pp. 834-869.

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

УДК 904/908

DOI 10.17223/19988613/41/13

О.В. Зайцева, Е.В. Водясов

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ЗИМНЕЙ СТАВКИ КНЯЗЯ ТОЯНА

Исследование выполнено в рамках научного проекта при поддержке Программы «Научный фонд Томского государственного университета им. Д.И. Менделеева» в 2015–2016 гг., а также при поддержке гранта РГНФ № 15-11-70601 е/р «Комплексные полевые исследования городища «Тоянов городок» – ключевого археологического памятника для изучения истории основания г. Томска».

Рассмотрены все известные сведения о местонахождении зимней ставки эуштинского князя Тояна. На основе археологических, исторических и картографических источников установлено единственное место напротив г. Томска, где мог находиться Тоянов городок. Рассмотрен вопрос о зимних и летних юртах эуштинских татар. Впервые публикуется фрагмент археологической карты окрестностей Томска, сделанной А.В. Адриановым в конце XIX в. Сегодня эта карта является единственной, на которой изображена линия обороны, защищавшая городище в Средневековье.

Ключевые слова: Тоянов городок; князь Тоян; эуштинские татары.

Укрепленная ставка эуштинского князя Тояна, известная в письменных источниках как «Тоянов городок», является знаковым археологическим памятником для истории возникновения Томска. Своим появлением город во многом обязан именно политике князя Тояна, отправившегося в Москву в 1603 г. просить царя Бориса Годунова построить новый русский форпост на берегу Томи. Важнейшие события в истории Тоянова городка рассмотрены нами в отдельной публикации [1].

Однако, как это ни странно, вопрос о точном местонахождении укрепленной ставки эуштинского князя до сих пор остается открытым [2]. Во многом эта ситуация объясняется тем печальным фактом, что то место, где по историческим преданиям находился городок Тояна, в настоящее время застроено, и современная сильно изменившаяся топографическая ситуация посёлка Тимирязевского не всегда однозначно накладывает на эти предания и исторические карты. Ещё одна проблема связана со степенью достоверности самих этих исторических преданий и устной традиции, передававшейся из поколения в поколение. Понятно, что со временем могли произойти серьезные искажения первоначальных смыслов. Более того, известно, что и сами значимые для той или иной группы «места памяти» могут быть сконструированы без какой-либо реальной исторической основы. Например, могил хана Кучума («Кучумовых курганов») в Западной Сибири насчитывается несколько десятков, и местное население всегда с энтузиазмом будет убеждать вас, что хан Кучум похоронен именно около их населенного пункта.

В данной статье мы постараемся собрать и проанализировать все известные исторические, археологиче-

ские и картографические источники, касающиеся проблемы локализации Тоянова городка.

По историческим преданиям, городок князя Тояна находился на левом берегу р. Томи прямо напротив г. Томска. В настоящее время там расположен пос. Тимирязевский. Согласно устной традиции, Тоян жил в своем «городке» зимой, переезжая на летовку в низину, где теперь находится деревня Эушта [3. С. 2]. Эта устная традиция и стала причиной того, что первые открытые здесь памятники археологии получили такие звучные названия, как «городище Тоянов городок» и «курганый могильник Тоянов городок». В конце XIX – начале XX в. название «Городок» закрепилось в целом за районом левобережья напротив г. Томска. После начала активной дачной застройки появился и используемый до сих пор по отношению к поселку Тимирязево неофициальный топоним «Дачный городок». Столь яркое историческое место считал нужным упомянуть практически каждый исследователь истории Сибири XVIII–XIX вв. в той части своего труда, где речь заходила о Томске и его окрестностях [3–7].

Историческая память была жива и в начале XX в. и тогда уже связывала Тоянов городок с совершенно определенным и к тому времени полностью археологизированным объектом. Так, в 1901 г. С.М. Чугунов пишет следующее: «Тояновым городком называется местность на левом берегу р. Томи, возвышающаяся над заливной долиной Томи. Эта местность, ограниченная с юга речкой Кисловкой, покрыта сосновым лесом, за исключением небольшого участка, вдающегося наподобие мыса в заливную долину Томи. Последний представляет поверхность, изрытую ямами, ограниченными на юго-западной стороне валом и

рвом» [8. С. 2]. Дорога к городку проходила через нижний перевоз на р. Томи, недалеко от паровой мельницы купца Пастухова [9. С. 139].

Одно из самых ранних упоминаний городка Тояна в исторических исследованиях принадлежит перу немецкого исследователя Г.Ф. Миллера. Однако приводимые им сведения, имеющие отношение к локализации городища, не лишены противоречий. К примеру, он сообщает: «Еуштинский городок, прежде Князь-Тоянов городок, по-татарски *Vi-Tojan-Tuga*, на западном берегу р. Томи, напротив города Томска. Состоит из 20 зимних жилищ еуштинских татар... Сейчас лишь едва видны следы этого прежнего укрепления. Возле городка есть маленькое озеро, через которое в Томь течет речка Томиюм, которая при впадении в озеро и при вытекании из него приводит в движение две мельницы» [5. С. 172]. В качестве местонахождения летних юрт эуштинцев он указывает два острова, расположенных на р. Томи чуть ниже г. Томска, – Енеков остров и Большой луг [Там же]. В другом исследовании этого же автора приводятся и иные сведения о локализации городка: «Неподалеку от города Томска, на острове на р. Томи, лежал Тоянов городок. Ниже по той же реке, не известно, однако, на каком расстоянии от города, лежал Евагин городок. В устье реки Томи был Ишкенеев городок, и еще один не имевший наименования находился на реке Оби, в так называемой Кривой луке» [4. С. 106].

Таким образом, у Г.Ф. Миллера мы находим две версии о локализации Тоянова городка – на левом берегу Томи, напротив г. Томска, и на острове на р. Томи, неподалеку от г. Томска. На наш взгляд, противоречия здесь нет, а есть некоторая неточность в употреблении терминологии. Сезонность, заложенная в основе ведения хозяйства татар, приводила к тому, что одно и то же население обитало в разных местах, в зависимости от времени года – в зимних или летних юртах. Летние юрты располагались в пойме или на островах, были удобны для выпаса скота и не имели укреплений. Зимние юрты располагались на высоких берегах и часто имели оборонительные сооружения, здесь же население укрывалось и летом в случае военной опасности. По какой-то причине в одной из своих работ Г.Ф. Миллер назвал городком летние юрты эуштинцев, расположенные на острове, а в другой работе указал, что городок находится на левом берегу Томи напротив Томска.

В 1846 г. М.А. Кастрен рассказал в письме статскому советнику Шёгрёну, что посетил деревню Эушту, и татары сообщили ему, что прежде владения князя Тояна простирались на 10 верст в длину и на 5 в ширину, причем зимой князь обитал на укрепленном мысу, а летом спускался с остальными татарами в пойму на место современной Эушты [6. С. 103]. Ф.Р. Мартин в конце XIX в. также указывал на нахождение зимних эуштинских юрт на террасе Томи, а летние татарские юрты ученый локализовал в пойме рядом с современной деревней Эушта [3. С. 36].

Если мы посмотрим на созданную С.У. Ремезовым в 1699–1701 гг. карту окрестностей г. Томска [10], то также найдем подтверждение такому сезонному характеру проживания томских татар (рис. 1). С.У. Ремезов изобразил эуштинские юрты в двух местах: на протоке р. Кисловка, напротив Томска, и ниже по течению Томи, на месте расположения современной Эушты.

Совершенно очевидно, что главная «зимняя» укрепленная ставка Тояна находилась на мысу левого берега Томи напротив Томска, а заливные острова и пойма использовались как сезонные летние поселения, чрезвычайно удобные для выпаса скота. Такая модель хозяйства и сезонного проживания была характерна как для сибирских татар в целом [11, 12], так и для татар Нижнего Притомья в частности.

На карте С.У. Ремезова показано также, что и на многих других крупных островах, образованных протоками р. Томи, расположены одни юрты, тогда как другие юрты находятся на противоположных берегах (рис. 2).

Исторические и археологические источники подтверждают широкое освоение томскими татарами близлежащих островов и пойменных лугов и нахождение там их летних юрт. Например, когда киргизы собирались идти ответной войной на томские земли, летом 1622 г. томские воеводы велели всем татарам-эуштинцам вернуться в свои городки из летних поселений и не покидать их вплоть до осени из-за нависшей опасности [4. С. 334–335].

Таким образом, заложенное в трудах Г.Ф. Миллера противоречие разрешается наличием нескольких мест проживания татар-эуштинцев: зимой – на укрепленном валом и рвом мысу на левом берегу Томи напротив Томска, летом – на острове или в пойменных лугах ниже по течению р. Томи.

В фондах музея г. Северска хранится интереснейшая археологическая коллекция, которая была получена при раскопках поселения Энеков остров, расположенного на одноименном острове напротив современной деревни Эушта. К сожалению, эти материалы никогда не публиковались, также нам не удалось обнаружить и отчета об этих работах, что связано с трагической гибелью автора раскопок. Месторасположение поселения полностью совпадает с описанием летних эуштинских юрт, сделанным Г.Ф. Миллером в XVIII в. [5. С. 172]. Керамический комплекс и другие находки с поселения Энеков остров предварительно могут быть датированы XVII–XVIII вв. Обследование Энекова острова показало наличие здесь позднесредневекового неукрепленного поселения, которое, без сомнений, являлось летними юртами эуштинцев. Это летнее поселение, в отличие зимних юрт – Тоянова городка, достаточно хорошо сохранилось, выражено в современном рельефе и, несомненно, представляет огромный исследовательский интерес. Понятно, что летние юрты в разные периоды могли располагаться в разных местах. И на островах, и в левобережной пойме Томи могут быть найдены и другие сезонные поселения эу-

пштинцев. Летние поселения не имели укреплений и были достаточно «подвижны» в пространстве, так как приурочивались к наиболее обильным на тот исторический момент пастбищам.

Таким образом, всё говорит в пользу расположения зимней укрепленной ставки Тоюна на левобережной террасе Томи. Но здесь возникает другая проблема – а где именно на левом берегу Томи находился городок эуштинского князя, ведь периодически

встречающаяся в источниках XVIII–XIX вв. географическая привязка «напротив Томска» – понятие достаточно размытое. Несмотря на то что в окрестностях Тимирязево находилось несколько городищ, «народной молвой» с именем Тоюна, как мы уже писали выше, отождествлялся вполне определенный археологический памятник. Это не вызывало возражений как у ученых, так и у краеведов, в разное время посещавших это место.

Рис. 1. Фрагмент карты С.У. Ремезова с указанием эуштинских юрт

Сама геоморфология места, связываемого не только легендарными, но и историческими источниками с Тоюновым городком, также указывает на локализацию городка именно на этой территории, представляющей собой сильно выдающийся в пойму Томи мыс, ровно напротив Воскресенской горы, на которой и был основан Томский город. Более того, никакого другого столь удобного для основания городка мыса на левом берегу напротив Томска просто не существует.

В музеях Томска хранятся разрозненные сборы материалов с этого городища, которые пока ещё никто не обобщил и не издал. Научно задокументированных

раскопок на территории городища, судя по всему, никогда не производилось. Единственным исследователем, высказавшим сомнение в правомерности сопоставления этого археологического объекта с именем князя Тоюна, был А.П. Дульзон. Он указывал на то, что это отождествление основывается только на местных татарско-эуштинских преданиях и не подтверждено раскопками. «Создание различных легенд вокруг памятников глубокой древности – обычное явление и представляет собой своего рода интерпретацию, наподобие ложной или народной этимологии в области языка» [13. С. 117]. Он также отмечал, что обнаружен-

ная на поверхности керамика указывает на существование городища еще в тагарскую эпоху [Там же].

Действительно, в разновременных сборах на городище и в наших разведочных шурфах 2015 г., о которых подробнее речь пойдет ниже, присутствует керамика раннего железного века и всей эпохи Средневековья. Столь «выдающийся» мыс (в прямом и перенос-

ном смысле) был заселен и до появления здесь эштинцев. А.П. Дульзон прав в том, что для столь серьезных исторических выводов о нахождении ставки князя Тояна именно на этом месте мало одних лишь устных преданий и желательно бы было подтвердить их материалами раскопок и другими исследованиями, что мы и пытаемся сделать.

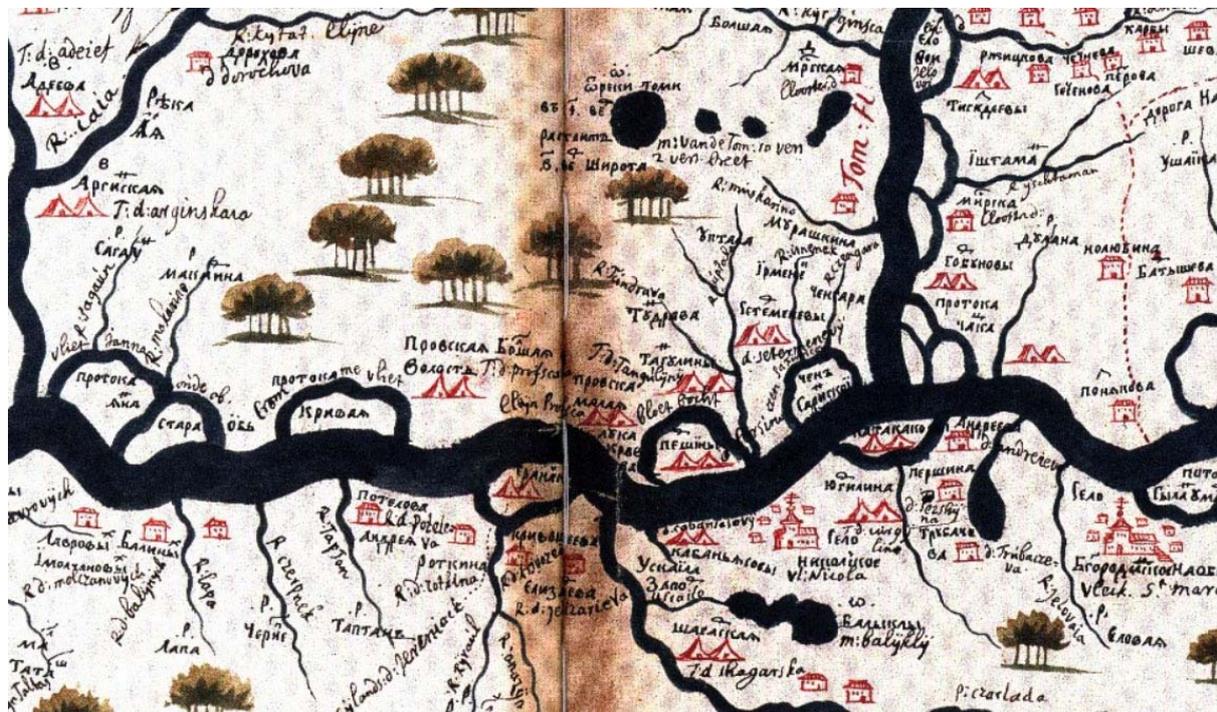

Рис. 2. Фрагмент карты С.У. Ремезова (Нижнее Притомье)

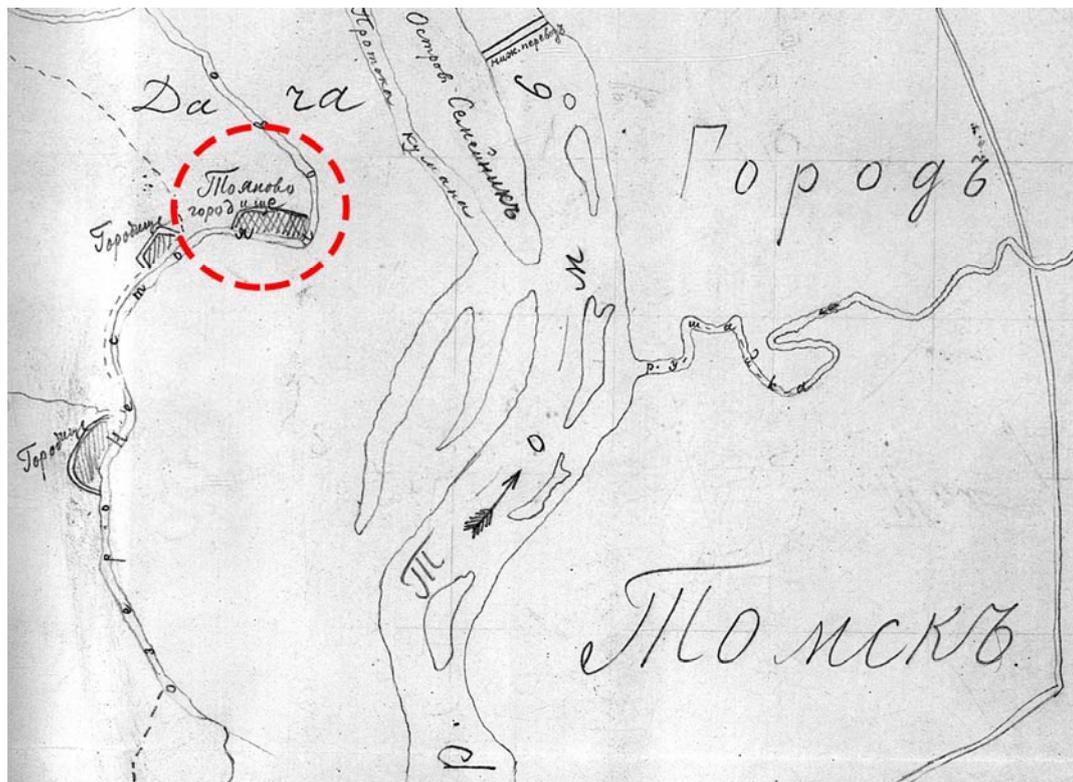

Рис. 3. Фрагмент плана окрестностей Томска с указанием Тоянова городка. Чертеж А.В. Адрианова. 1887 г.

Следующая проблема, касающаяся уже современной ситуации исследования, связана с тем, что в настоящее время никаких визуально фиксируемых признаков городища, которое устной традицией связывалось с именем Тояна, уже невозможно проследить. Мыс застраивался сначала дачами, а затем корпусами туберкулезной больницы. В современном рельефе ни оборонительные сооружения, ни жилищные западины не читаются. Всё это осложняется ещё и тем, что никто из многочисленных исследователей, посещавших городище, так и не сделал его топографического плана.

В ходе наших изысканий в архиве Института истории материальной культуры г. Санкт-Петербурга удалось обнаружить археологическую карту окрестностей Томска, составленную А.В. Адриановым в 1887 г. [14; см. рис. 3].

На сегодняшний день эта карта является единственным чертежом, на котором показана конфигурация оборонительных сооружений, защищавших городище.

Таким образом, все имеющиеся источники – фольклорные, исторические и картографические – локализуют укрепленную зимнюю ставку Тояна на вполне определенном мысу левобережной террасы Томи. Археологические сборы разных лет также подтверждают нахождение здесь поселения XVI–XVIII вв.

В настоящее время на этом мысу располагаются корпуса Томской областной клинической туберкулезной больницы. Долгое время среди археологов существовало мнение о полном разрушении Тоянова город-

ка. Однако после проведения нами в 2015 г. полевых исследований можно утверждать, что культурный слой Тоянова городка уничтожен не полностью. В разведочных шурфах под слоем строительного мусора удалось найти сохранившиеся нетронутые культурные напластования. Были найдены сотни разнообразных находок, относящихся к XVI–XVIII вв. Мощность сохранившегося культурного слоя в шурфах достигает около 1 м. Помимо прочего, в шурфе 2015 г. обнаружены серебряная монета Михаила Федоровича 1631–1639 гг. чеканки и железное пушечное ядро конца XVI – начала XVII в. Всё это также подтверждает версию о нахождении ставки князя Тояна именно на этом мысу.

Таким образом, комплексное исследование, включающее анализ топонимов, исторических, археологических и картографических источников, позволяет локализовать Тоянов городок на мысу в левобережье Томи, напротив города Томска, рядом с протокой, известной как «Тояново озеро». В этом месте располагалось зимнее укрепленное поселение эуштинцев. Летом население перемещалось на пойменные пастбища. Одни из летних юрт эуштинцев соотносятся с археологическим поселением Энеков остров.

Остается надеяться, что когда-нибудь будут проведены стационарные археологические исследования сохранившихся участков культурного слоя и можно будет поставить точку в истории разрушения Тоянова городка и начать историю его научного изучения и сохранения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Водясов Е.В., Зайцева О.В. Хронограф «Тоянова городка»: к истории эуштинских татар в XVII–XVIII вв. // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 2 (40). С. 93–100.
2. Барсуков Е.В. Археологические разыскания в окрестностях Томска в дореволюционный период: Тоянов городок. URL: <http://memorials.tomsk.ru/articles/2013/04/06/gorodok.html>, свободный (дата обращения: 27.12.2015).
3. Адрианов А.В. Томская старина. Томск: Типо-лит. Сибирского Т-ва Печатного дела, 1912. 83 с.
4. Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М.: Восточная литература, РАН, 2000. Т. 2. 796 с.
5. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера // История Сибири. Первоисточники. Новосибирск, 1996. Вып. 6. 310 с.
6. Кастрен М.А. Сочинения: в 2 т. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрыки, 1999. Т. 2. Путешествие в Сибирь (1845–1849). 352 с.
7. Мартин Ф.Р. Сибирика. Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов / науч. пер. с нем. Ж.Н. Труфановой; под ред. А.Я. Труфанова; коммент. А.С. Сопочинной и А.Я. Труфанова. Екатеринбург; Сургут: Уральский рабочий, 2004. 144 с.
8. Чугунов С.М. Древнее кладбище близ города Томска «Тоянов городок» // Материалы для антропологии Сибири. Томск: Тип. Макушина, 1901. Вып. 13. 34 с.
9. Кузнецов С.К. Отчет об археологических разысканиях в окрестностях Томска, произведенных летом 1889 г. // Известия Томского университета. Томск, 1890. Кн. 2. С. 123–200.
10. Чертежная книга Сибири 1701 г., составленная 1699–1700 гг. С.У. Ремезовым и его сыновьями. Собр. Н.П. Румянцева. Ф. 256. №. 346.
11. Гаркуша М.А. Культура коренного населения бассейна р. Тары в XVI–XVIII вв. в памятниках археологии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2010. 24 с.
12. Тихомиров К.Н. Размещение поселений в южнотаежном Прииртышье в первой половине XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 2 (22). С. 108–111.
13. Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 1956. Т. 5. С. 89–316.
14. Архив Института истории материальной культуры РАН. Ф. 1 1887. Д. 26. Л. 119.

Zaitceva Olga V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: snori76@mail.ru; Vodyasov Eugenie V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: vodiasov_ev@mail.ru

LOCATING THE WINTER STAVKA OF KNYAZ TOYAN.

Keywords: Toyan's Town; knyaz Toyan; Eushta Tatars.

The article revolves around the problem of locating the principal stavka of Eushta knyaz Toyan. Despite the great role played by this archaeological monument in Tomsk history, there is no precise topography data. Scientists of 18th – 19th centuries provided contradictory information on Toyan's Town location. For example, Gerhard Friedrich Müller located the stavka on the left bank of the river Tom in one of his works and on an island in another. Besides, no researcher made a topographical plan or at least a sketch of Toyan's Town in the 19th – 20th centuries, which complicates the problem of locating the monument. Although several hill forts existed around to-

day's Timiryazev village, people associated the name of Toyan with a particular object. Actually, this hill fort was named Toyan's Town, just as the nearby burial site. Some researchers have found it inappropriate to associate the object with the name of the Eushta knyaz. Andrei Dulson argued that this erroneous association was only inspired by local Eushta Tatar legends. The situation is complicated by the fact that the alleged location of Toyan's Town is almost completely developed with buildings today, so no fortifications can be traced in the land relief. To solve this problem, we use archaeological, historical, ethnographical, mapping and toponymic data. A fragment of Tomsk suburbs archaeological map made by Alexander Adrianov in late 19th century is published for the first time in this article. This is the only map today that shows the defense line shielding the hill fort in the Middle Ages. The integrated research we conducted allows for locating Toyan's Town on the only cape in the left-bank area of the river Tom, opposite Tomsk, close to the anabranch known as Toyan's Lake. This place was the winter settlement of Eushta Tatars. In summer, the population moved to a floodplain a few kilometers north of Toyan's Town and used floodplain meadows and the island on the river Tom for farming. The archaeological surveys carried out on the abovementioned cape in summer 2015 confirmed our hypothesis. In the excavations found many artifacts dated XVI–XVII centuries, relating to Eushta Tatars culture. The artifacts are presented mostly ceramic dishes and bones of horses. Also a silver coin dated 1631 and a cannonball of early XVII century were found. Certainly, Toyan's Town located in such a convenient location, opposite the city of Tomsk, played an important role in the politics and economy of the region in the early XVII century. We can only hope that one day the stationary archaeological research of preserved cultural layer will be held and we can put an end to the history of the destruction of the Town and start new history of its scientific study and conservation.

REFERENCES

1. Vodyasov, E.V., Zaitceva, O.V. (2016) Chronicles of Toyan's Town: On the History of Eushta Tatars in the 17th–18th Centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2(40). pp. 93-100. (In Russian).
2. Barsukov, E.V. (2013) *Arkheologicheskie razyskaniya v okrestnostyakh Tomsk v dorevolyutsionnyy period: Toyanov gorodok* [Archaeological Research in the vicinity of Tomsk in the pre-revolutionary period: The Toyan town]. [Online] Available from: <http://memorials.tomsk.ru/articles/2013/04/06/gorodok.html>. (Accessed: 27th December 2015).
3. Adrianov, A.V. (1912) *Tomskaya starina* [The Old Tomsk]. Tomsk: Siberian Partnership Typography.
4. Miller, G.F. (2000) *Istoriya Sibiri* [The History of Siberia]. 2nd ed. Vol. 2. Moscow: Vostochnaya literatura.
5. Pokrovskiy, N.N. (ed.) *Sibir' XVIII veka v putevykh opisaniyakh G.F. Millera* [Siberia in the 18th century in the travel descriptions by G.F. Miller]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
6. Castrén, M.A. (1999) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: In 2 vols]. Vol. 2. Tyumen: Yu. Mandrika.
7. Martin, F.R. (2004) *Sibirika. Nekotorye svedeniya o pervobytnoy istorii i kul'ture sibirskikh narodov* [Sibirica. Some information about the primitive history and culture of Siberian peoples]. Translated from German by Zh.N. Trufanova. Yekaterinburg; Surgut: Ural'skiy rabochiy.
8. Chugunov, S.M. (1901) *Drevnee kladbishche bliz' goroda Tomsk "Toyanov gorodok"* ["The Toyan town" – an ancient cemetery near the city of Tomsk]. Tomsk: P.I. Makushin.
9. Kuznetsov, S.K. (1890) Otchet ob arkheologicheskikh razyskaniyakh v okrestnostyakh Tomsk, proizvedennykh letom 1889 g. [The report on archaeological researches in the vicinity of Tomsk, made in the summer of 1889]. *Izvestiya Tomskogo universiteta*. 2. pp. 123-200.
10. Remezov, S.U. et al. (1701) *Chertezhnaya kniga Sibiri 1701 g., sostavlennaya 1699–1700 gg. i ego synovyami* [The Drawing Book of Siberia in 1701, compiled in 1699–1700 by S.U. Remezov and his sons]. N.P. Rummyantsev's Collection. Fund 256. 346.
11. Garkusha, M.A. (2010) *Kul'tura korennoy naseleniya basseyna r. Tary v XVI–XVIII vv. v pamyatnikakh arkheologii* [The culture of the indigenous population in the Tara basin in the 16th–18th centuries in the archeological monuments]. Abstract of History Cand. Diss. Barnaul.
12. Tikhomirov, K.N. (2013) The settlements in South taiga area near the Irtysh in the early 18th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2(22). pp. 108-111. (In Russian).
13. Dulzon, A.P. (1956) Arkheologicheskie pamyatniki Tomskoy oblasti [Archaeological sites of Tomsk Region]. *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*. 5. pp. 89-316.
14. The Archives of the Institute of History of Material Culture, RAS. Fund 1 1887. File 26.

Н.Н. Головченко

«В ИХ РУКАХ СОЕДИНИЛИСЬ ПРЯСЛИЦЕ И НОЖ», ИЛИ НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КУЛЬТОВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРЯСЛИЦ НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

*Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (14–50–00036)
«Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии».*

Целью работы является аналитическое осмысление пряслиц населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа. Данная категория находок, будучи одной из самых многочисленных, неоднократно привлекала к себе внимание исследователей, однако в их изучении до сих пор имеется ряд неразрешенных вопросов. Анализ материалов позволил пролить свет на некоторые особенности ритуалов погребального обряда древнего населения Верхнего Приобья. Автор приходит к выводу о том, что пряслица в рамках погребальных ритуалов верхнеобского населения эпохи железа играли роль культового орудия, семантически связанного с одеждой погребенного, солярной символикой. Также на основе широкой источниковой базы в работе рассматриваются вопросы, связанные с интерпретацией пряслиц и технологий их использования. Отдельное внимание уделяется семантике шерстяной одежды и пряслица в среде населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа.

Ключевые слова: Верхнее Приобье; эпоха раннего железа; пряслица; семантика; погребальный обряд.

Изучение археологических памятников Алтая является одной из актуальнейших задач современной археологической науки не только потому, что данный регион ориентирован на рекреационное экономическое развитие, но и в силу чисто научного интереса, определяемого его древним прошлым. К числу наиболее ярких древних культур Алтая и Верхнего Приобья относится большереченская культурно-историческая общность, оставившая для нас богатое культурное наследие. Большереченские памятники (поселения, грунтовые и курганные могильники) сохранили замечательные шедевры скифо-сакского искусства, поделки из золота, оружие и украшения. Однако, как это иногда бывает в археологии, больший интерес, чем изделия из золота, подчас представляют совершенно обыденные бытовые орудия. К числу таких находок, несомненно, относятся пряслица.

Пряслица – одна из самых распространенных категорий находок в погребальных памятниках эпохи раннего железа Верхнеобского бассейна. В археологической литературе подробно освещены типологические и культурно-хронологические характеристики пряслиц. Однако вопросы, связанные с их культурно-исторической интерпретацией, по-прежнему остаются дискуссионными [1].

К примеру, В.Д. Викторова и О.В. Непомнящая связывают солярный орнамент пряслиц с ритуалами, сопутствующими металлургическому производству, подсечно-огневному земледелию и военным действиям, а в технико-технологическом отношении считают пряслица маховичками, служащими для добывания огня [2].

Схожих выводов в своих работах придерживаются Г.В. Бельтикова и Ю.Б. Сериков [3–6]. Определенную календарную символику в орнаменте пряслиц видят Л.И. Ашихмина и В.Д. Викторова [7, 8]. В.В. Отрощенко считает, что пряслица могли служить миниатюрными моделями священного мирового дерева [9].

А.В. Епимахов и Н.А. Берсенева допускают возможность использования пряслиц в качестве деталей детской игрушки – юлы [10]. А о пряслицах как орудиях ткацкого производства и элементе сопутствующих ему ритуалов говорят Б.А. Рыбаков, Т.Н. Троицкая, А.П. Бородавский, А.Н. Телегин, Я.В. Фролов, И.Ю. Чикунова, О.А. Печурина и др. [11–22].

Последней трактовки придерживаемся и мы. В нашем случае пряслица рассматриваются как приспособления для утяжеления ручного веретена при изготовлении нитей, играющие роль своеобразного грузика. Очевидно, что в таком случае сопутствующим пряслицу орудием должно быть веретено, однако среди археологических находок на памятниках Верхнего Приобья эпохи раннего железа нам неизвестно ни одной такой находки. Конечно, примитивное веретено могло быть изготовлено из дерева, и в климатических условиях Верхнего Приобья, даже в случае попадания в погребальные комплексы, оно бы не сохранилось. Кроме того, технологическая интерпретация пряслиц не разрешает проблему функциональности данных орудий в контексте погребальной обрядности населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа. Между тем разрешение данного вопроса способно, на наш взгляд, пролить свет на некоторые особенности погребального обряда и культовой многофункциональности орудий ткацкого ремесла.

Несмотря на наличие ряда статей, посвященных пряслицам Верхнего Приобья, многие вопросы их изучения по-прежнему остаются не рассмотренными. Так, в работе А.Н. Телегина пряслица рассмотрены в качестве культурно-диагностического признака памятников большереченской культурно-исторической общности (каменская, староалейская, большереченская) [14]. Я.В. Фролов полемизирует с А.Н. Телегиным о культурной принадлежности отдельных находок с памятника Ближние Елбаны, относя их к старо-

алейской культуре на основании сегментного орнамента пряслиц [15, 17].

Примечательно, что Я.В. Фролов указывает на необходимость создания классификационно-типологической схемы пряслиц Верхнего Приобья, но не предлагает ее на обсуждение в готовом виде. Между тем в качестве основного типологического признака пряслиц Я.В. Фролов предлагает использовать их орнамент. Нам представляется, что такой подход нефункционален в силу неизбежного разрастания таксономических рядов типологии, основанной на таком критерии, как орнамент.

Кроме того, все виды орнамента пряслиц (секторальный, радиальный, точечный и другие) лежат в рамках одного общего индоевропейского концепта солярной символики [4–6, 11, 23].

Более работоспособной мы, вслед за А.П. Бородовским и И.Ю. Чичуновой, считаем типологию пряслиц, основанную на технологических особенностях их использования (способ насада на веретено)¹ [19, 22, 24].

Примечательно, что аналогичной концепции придерживаются этнографы. Так, к примеру, Н.И. Лебедева, говоря о сучении нити восточными славянами в XIX – XX вв., осуществляет типологическое разделение пряслиц на *верховые* и *низовые* [25. С. 462]. Таким образом, всю совокупность пряслиц на высшем таксономическом уровне можно разделить на пряслица, насаживающиеся на верхнюю и нижнюю части веретена. И лишь уровень вида пряслиц может определяться орнаментом на изделии. Такой подход, по нашему мнению, позволит использовать пряслица не просто как культурно-диагностический признак на основе орнамента (который, как мы уже отметили, архитипичен), но как технологически диагностирующий маркер. Применение предложенной теоретической выкладки показывает, что население Верхнего Приобья эпохи раннего железа использовало оба типа изделий различных сечений повсеместно, т.е. с одинаковым успехом применялись обе технологии, так же как варьирующийся орнамент.

Рассмотренные выше вопросы типологии и классификации исконно важны в археологической науке, однако относительно пряслиц населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа они могут быть отнесены уже к вопросам дискуссионной казуистики. Наиболее важной проблемой в изучении пряслиц нам представляется их историко-культурная интерпретация, и в частности ответ на вопрос: «Почему пряслица являются культурно-историческим маркером погребальных памятников Верхнего Приобья скифского времени?». В работах, посвященных погребальному обряду населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа, пряслица рассматриваются статистически, описывается контекст их находок, но нет реконструкций обрядовых погребальных практик, в соответствии с которыми пряслица попадают в погребения [14–17].

Нам представляется, что о роли пряслиц в погребальном ритуале можно говорить с трех позиций. Во-

первых, пряслице как профессиональный маркер погребенного. Во-вторых, пряслице как объект заупокойного культа. И, в-третьих, пряслице как объект погребального ритуала. Рассмотрим все варианты по порядку.

Пряслица встречаются в эпохи неолита, бронзы и железа на широкой территории в среде различных археологических и этнографических культур [25. С. 462]. Сырьевая основа пряслиц весьма обширна и представлена керамикой, металлами, камнем, костью, рогом, розовым шифером, тальком и др.² Однако орнаментальные традиции их оформления не слишком отличаются друг от друга, при глубоком их рассмотрении семантика пряслиц прочно связывается с солярной символикой и циклом кругового движения. На последнее весьма красноречиво указывает Б.А. Рыбаков: «Чем старше этнографические прялки, тем полнее в их орнаменте господствует солярная тема, являясь порой единственным сюжетом узора» [11. С. 154]. Принципиально отметить, что подобное господство солнечной тематики характерно не только для русских прялок и пряслиц, но и для пряслиц вообще. К примеру, сербские пряслица иной раз совершенно не отличимы от северорусских и имеют общие черты с уральскими и верхнеобскими эпохи палеометала как в общем контуре, так и в композиции солярных знаков, хотя между ними лежат гигантские пространства и временной разрыв, и ни о каком взаимовлиянии, разумеется, не может быть и речи.

Причина этого явления, видимо, кроется в том, что человечество издавна научилось пряхать волокнистые растения и шерсть. Древние рыболовы ловили рыбу сетями, сделанными из нитей; охотники тенетами ловили птиц. Вероятно, пряслице и веретено уже тогда стали незаменимыми орудиями труда; женщины-пряхи не только изготавливали одежду, но и участвовали в важнейшем деле добывания пропитания. Возможно, тогда длинные нити стали иносказательным обозначением человеческой жизни – «нить жизни»³, и в силу этой семантической связи орудия, служащие для их создания, оказались связанными с погребальными обрядами, в том числе и населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа.

Интерпретация пряслиц как профессионального маркера погребенных объективно затруднена в силу массовости их находок, не позволяющей отнести большую часть ингумированных в некрополях Верхнего Приобья скифского времени женщин к категории прях или ткачих. Косвенным подтверждением несостоятельности данной гипотезы является обнаружение пряслиц в погребениях умерших разного пола и возраста⁴.

Пряслице как объект заупокойного культа может быть интерпретировано как орудие, необходимое погребенному в загробном мире, например для кручения нитей и, возможно, изготовления новой одежды или использования в качестве оберега. В этом же контексте пряслица могут трактоваться и как раковины каури [29], в роли своеобразного эквивалента товарообмена

(денег). Однако описанная гипотеза нуждается в дополнительном обосновании, которого в нашем распоряжении нет.

Известно, что погребальный ритуал состоит из комплекса автономных ритуалов, отличающихся семантическим единством и преследующий единую цель – обеспечить умершему «правильный» переход из области жизни в пространство посмертного существования [28]. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что пряслица в контексте погребального обряда населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа участвовали в отправлении отдельных неизвестных нам обрядов перехода [31]. К примеру, они могли переворачиваться орнаментом книзу или участвовать в обряде символического разрезания нити. В пользу существования обряда символического разрезания нити (или схожего с ним) в рамках погребального ритуала скифского населения Верхнего Приобья косвенным образом свидетельствует совместное обнаружение пряслиц и ножей. Пряслица и нож – устойчивое сочетание в предметном комплексе погребений умерших обоих полов верхнеобского региона эпохи железа. Вполне возможно, что с этими орудиями совершались некие действия, необычные для их повседневной функциональной нагрузки, связанные с изменением их состояния, с переходом в игровое пространство ритуала [32].

Исходя из изложенного, мы можем прийти к заключению о существовании определенного мифоэпического и обрядового индоевропейского концепта (архети-

па), тесно связанного с прядением и погребальными ритуалами [33]. Этот концепт фиксируется в ряде культур, но наиболее четко обозначен в среде индоевропейцев, даже на уровне мифических персонажей, одновременно связанных с плетением и смертью. К примеру, в Ригведах упоминается о Марутах – сыновьях Рудры, в руках которых по тексту источника «соединились пряслица и нож» [34. С. 211; 35]. Маруты – молодые юноши в золотых одеждах, воины, сражающиеся на стороне Индры или против него, соотносятся с силами бури и ветра, сеющими смерть. Вероятно, в более позднее время среди индоевропейских народов мотив прядения, связанный с мужскими персонажами, отошел на второй план, а женский мотив получил самое широкое распространение. Возможно, и в среде населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа существовали схожие мифоэпические образы, которые вплетались в канву их повседневной и культовой жизни и остались запечатленными для исследователей лишь в вещественных источниках – пряслицах, ножах и текстиле. Одежда, в которой хоронило своих умерших население Верхнеобского бассейна эпохи железа, изготавливалась из шерстяных нитей [36, 37]. Таким образом, создавался определенный мифоэпический контекст между образами овцы (козла), шерсти, веретена и пряслица, сучения нити, кройки и шитья одежды, ее ношения и помещения в погребальный комплекс, основанный на солярной символике, представлениях о фарне погребенных [38].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Специальных исследований по трасологии верхнеобских пряслиц нам неизвестно, однако, скорее всего, результаты подобных работ окажутся тождественными выводам Н.А. Берсеновой и А.Г. Берсенева [26].

² На памятниках Верхнего Приобья обнаруживаются пряслица, изготовленные из керамики, металла, камня, кости и рога.

³ К примеру, нить и полотно по словарю Н.И. Толстого трактуются как конечный продукт тканья, символизирующий дорогу, путь, в том числе жизненный путь человека [27. С. 150]. А прядение – один из наиболее регламентированных видов домашней хозяйственной деятельности, преимущественно женской; в символическом смысле универсальная модель создания жизни, в том числе человеческой [28. С. 321]. Прядением занимаются многие мифические женские существа (кикиморы, шутихи, русалки, богиньки, Лорелея и др.).

⁴ Пряслица наиболее характерны для женских погребальных комплексов Верхнего Приобья эпохи раннего железа, они встречаются в каждом третьем-четвертом захоронении [15, 17]. Однако вместе с тем они встречаются в мужских и детских погребениях [13. С. 118]. Отдельное исследование, посвященное гендерной специфике пряслиц Среднего Прииртышья, было осуществлено Н.А. Берсеновой; аналогичные работы по Верхнему Приобью нам неизвестны [30].

ЛИТЕРАТУРА

1. Берсенева Н.А., Берсенов А.Г. К проблеме функционального определения артефактов: керамические пряслица саргатской культуры // VI Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск : Омский гос. ун-т, 2004. С. 202–204.
2. Викторова В.Д., Непомнящая О.В. «Пряслица» с памятника иткульского металлургического очага // Пятое Берсовские чтения. Екатеринбург : Изд-во КВАДРАТ, 2006. С. 130–143.
3. Бельтикова Г.В. Памятник металлургии на острове Малый Вишневый // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск : УрГУ, 1988. С. 103–117.
4. Сериков Ю.Б. К вопросу о сакральном и функциональном назначении так называемых пряслиц // XIII Уральское археологическое совещание : тез. докл. Уфа : Вост. ун-т, 1996. Ч. 2. С. 34–36.
5. Сериков Ю.Б. К вопросу о сакральном и функциональном назначении так называемых пряслиц // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург : УрГУ, 2005. С. 93–101.
6. Сериков Ю.Б. К вопросу о сакральных свойствах талька // Челябинский гуманитарий. История. 2011. № 4 (17). С. 117–130.
7. Ашихмина Л.И. Реконструкция представлений о мировом дереве у населения Северного Приуралья в эпоху бронзы и раннего железа // Серия препринтов «Научные доклады». Сыктывкар : Коми научный центр УрО РАН, 1992. Вып. 298. 32 с.
8. Викторова В.Д. Пряслица в мифо-ритуальной практике народов Урала в раннем железном веке // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание : материалы междунар. науч. конф. Пермь : ПГУ, 2003. С. 194–197.
9. Отрошенко В.В. О функции колесовидных дисков эпохи поздней бронзы // Проблемы первобытной археологии Евразии (к 75-летию А.А. Формозова). М. : ИА РАН, 2004. С. 224–227.
10. Епимахов А.В., Берсенева Н.А. Homo ludens бронзового века Южного Урала (игры и игрушки) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 6, № 2 (62). С. 24–28.
11. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М. : Наука, 1980. 196 с.

12. Поньрко В. Прядение в первом тысячелетии до н.э. по материалам лесостепного Приобья // Проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1985. С. 34–35.
13. Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большеереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск : Наука, 1994. 184 с.
14. Телегин А.Н. Опыт использования пряслиц в качестве культурно-диагностирующего источника (по материалам эпохи раннего железа) // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999. С. 140–148.
15. Фролов Я.В. О пряслицах раннего железного века Верхнего Приобья как культурно-диагностирующем признаке // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2000. С. 75–82.
16. Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул : АЗБУКА, 2008. 479 с.
17. Фролов Я.В. Пряслица из погребальных комплексов раннего железного века Барнаульского Приобья // Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири и Алтая. Барнаул : АЗБУКА, 2014. Вып. 1. С. 109–110.
18. Чемякина М.А., Мыльникова Л.Н. К вопросу о прядении у саргатцев (по материалам поселенческого комплекса Омь-1) // Археология вчера, сегодня, завтра. Новосибирск, 1995. С. 52–63.
19. Чикунова И.Ю. Пряслица Рафайловского селища как источник по изучению прядения саргатцев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2004. № 4. Тюмень : ИПОС СО РАН. С. 119–127.
20. Печурина О.А. У истоков прядения и ткачества: нить, веретено и пряслице // Дизайн. Материалы. Технология. 2013. № 3 (28). С. 87–92.
21. Печурина О.А. Нить, катушка, веретено и пряслице (происхождение) // Дизайн. Материалы. Технология. Серия 3: Экономические, гуманитарные и общественные науки. 2013. № 1. С. 51–60.
22. Бородовский А.П., Бородовская А.П. Археологические памятники долины Нижней Катунь в эпоху палеометалла. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. 220 с.
23. Котов В.Г. Семантика пряслиц ананьинской культуры // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание : материалы междунар. конф. Пермь : ПГУ, 2003. С. 201–202.
24. Бородовский А.П. Предметы примитивного прядения как индикатор этнотерриториальных границ горного Алтая в эпоху раннего железа // Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезнувших языков и культур. Новосибирск : ИАЭТ СО РАН, 1995. Т. II. С. 9–12.
25. Лебедева Н.И. Прядение и ткачество восточных славян в XIX–XX вв. // Восточнославянский этнографический сборник. М. : Труды Института этнографии РАН. Новая серия, 1956. Т. 31. С. 461–540.
26. Берсенева Н.А., Берсенов А.Г. Трасологические аспекты изучения керамических пряслиц // Северный Археологический Конгресс : тез. докл. Екатеринбург : Академкнига, 2002. С. 221–222.
27. Толстой Н.И. Славянские древности: этнолингвистический словарь : в 5 т. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2004. Т. 3. 704 с.
28. Толстой Н.И. Славянские древности: этнолингвистический словарь : в 5 т. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2009. Т. 4. 656 с.
29. Головченко Н.Н. Раковины каури как элемент поясной фурнитуры населения верхнеобского бассейна эпохи раннего железа // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. Барнаул : АлтГПУ, 2015. С. 33–37.
30. Берсенева Н.А. Пряслица и проблема гендера в саргатских погребениях (по материалам Среднего Прииртышья) // VI Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск : Омский гос. ун-т, 2004. С. 198–201.
31. Геннеп А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М. : Восточ. лит., 1999. 2002 с.
32. Хейзинга Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры / пер., сост. и вступ. ст. Д.В. Сильвестрова ; коммент. Д.Э. Харитоновича. М. : Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.
33. Юнг К.Г. Архетип и символ. М. : Ренессанс, 1991. 85 с.
34. Ригведа. Мандалы V–VIII / отв. ред. П.А. Гринцер. М. : Наука, 1989. 754 с.
35. Головченко Н.Н. Поиск параллелей предметному комплексу одежды населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа в гимнах Ригvedы // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 1 (33). С. 111–115.
36. Головченко Н.Н. Результаты предварительного технико-технологического анализа образцов ткани из некрополя Новотроицкое-1 (Верхнее Приобье) // Вестник Новосибирского государственного университета. Новосибирск, 2015. Т. 14, № 7. С. 30–38.
37. Головченко Н.Н. Реконструкция одного из вариантов погребального костюма населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа (по материалам коллекции памятника Новотроицкое-1) // Вестник Алтайского государственного педагогического университета: музееведение и сохранение историко-культурного наследия. Барнаул : АлтГПУ, 2015. С. 64–68.
38. Бородовский А.П. Фарн скифского времени в Сибири и особенности изображения рога // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4. С. 135–140.

Golowchenko Nikolai N. Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia). E-mail: nikolai.golowchenko@yandex.ru

"IN THEIR HANDS JOINED SPINDLES AND A KNIFE" OR SOME OF THE QUESTIONS OF INTERPRETATION OF THE CULT SPINDLES POPULATION UPPER OB EARLY IRON AGE.

Keywords: Upper Ob; the Early Iron Age; spindles; semantics; funeral rites.

Spindles – one of the most common categories of finds in the burial monuments of the Early Iron Age in Verhneobskogo pool. In the archaeological literature discussed in detail typological, cultural and chronological characteristics of the spindles. However, issues related to their cultural and historical interpretation, remain controversial. So consider one of their devices to ignite the fire, other toys and cult objects or instruments of weaving. Despite the presence of a number of articles devoted to the spindles of the Upper Ob questions of typology and semantics are not considered. The most important problem in the study of spindles seems to us their historical and cultural interpretation, and in particular the response to the question: "Why spindles are cultural and historical marker funeral monuments of the Upper Ob Scythian time?". The works devoted to the funeral rites of the population of the Upper Ob in the Early Iron Age spindles considered statistically, describes the context of their findings, but there is no reconstruction of ritual burial practices, according to which the spindles fall into the burial. We believe that the role of the spindles in the funeral ritual, you can talk to three positions. The first spindles as a professional marker buried. Secondly, spindles as an object of the funeral cult. And thirdly, spindles as an object of the funeral ritual. It is known that the funeral ritual consisting of a set of autonomous ritual differing semantic unity and pursue a common goal – to ensure the deceased a «correct» the transition from the field of life in the space of existence after death. Based on the foregoing, it can be assumed that the spindles in the context of the funeral rites of the population of the Upper Ob Early Iron Age and to participate in certain rites of passage unknown to us. For example, they can turn down an ornament or to participate in the ritual of the symbolic cutting of the thread. Based on the above, we can come to a conclusion about the existence of a certain ritual mythoepic and Indo-European concept (archetype) is closely associated with the spinning and funerary rituals.

REFERENCES

1. Berseneva, N.A. & Bersenev, A.G. (2004) [On determining the function of artifacts: Ceramic whorls of Sargatka Culture]. *VI Istoricheskie chteniya pamyati M.P. Gryaznova* [The Sixth Historical Readings in the memory of M.P. Gryaznov]. Omsk: Omsk State University. pp. 202-204. (In Russian).
2. Viktorova, V.D. & Nepomnyashchaya, O.V. (2006) [“Whorls” from the site of the Itkul metallurgical hearth]. *Pyatye Bersovskie chteniya* [The Fifth Bersov Readings]. Yekaterinburg: KVADRAT. pp. 130-143. (In Russian).
3. Beltikova, G.V. (1988) Pamyatnik metallurgii na ostrove Malyy Vishnevyy [The metallurgy monument on Maly Vishnevyy]. In: Kovaleva, V.T. (ed.) *Material'naya kul'tura drevnego naseleniya Urala i Zapadnoy Sibiri* [The material culture of the ancient population in the Urals and West Siberia]. Sverdlovsk: Urals State University. pp. 103-117.
4. Serikov, Yu.B. (1996) [On the sacred and functional purposes of the so-called whorls]. *XIII Ural'skoe arkhologicheskoe soveshchanie* [The Thirteenth Ural Archaeological Meeting]. Ufa: Vostochnyy universitet. pp. 34-36. (In Russian).
5. Serikov, Yu.B. (2005) K voprosu o sakral'nom i funktsional'nom naznachении tak nazyvaemykh pryaslits [On the sacred and functional purposes of the so-called whorls]. In: Borzunov, V.A. (ed.) *Arkheologiya Urala i Zapadnoy Sibiri* [Archeology of the Urals and Western Siberia]. Yekaterinburg: Urals State University. pp. 93-101.
6. Serikov, Yu.B. (2011) K voprosu o sakral'nykh svoystvakh tal'ka [On the sacred properties of talc]. *Chelyabinskiy gumanitariy. Istoriya*. 4(17). pp. 117-130.
7. Ashikhmina, L.I. (1992) *Rekonstruktsiya predstavleniy o mirovom dereve u naseleniya Severnogo Priural'ya v epokhu bronzy i rannego zheleza* [Reconstruction of the conceptions of the world tree and the population of the Northern Urals in the Bronze Age and Early Iron]. Syktyvkar: UrO RAN.
8. Viktorova, V.D. (2003) [Whorls in myth and ritual practices of the peoples of the Urals in the early Iron Age]. *Mezhdunarodnoe (XVI Ural'skoe) arkhologicheskoe soveshchanie* [International (16th Ural) Archaeological Workshop]. Proc. of the International Research Conference. Perm: Perm State University. pp. 194-197. (In Russian).
9. Otroshchenko, V.V. (2004) O funktsii kolesovidnykh diskov epokhi pozdney bronzy [About the wheel-type discs in the Late Bronze Age]. In: Gulyaev, V.I. & Kuz'minykh, S.V. (eds) *Problemy pervobytnoy arkheologii Evrazii (k 75-letiyu A.A. Formozova)* [Problems of prehistoric archeology of Eurasia (the 75th anniversary of A.A. Formozov)]. Moscow: RAS. pp. 224-227.
10. Epimakhov, A.V. & Berseneva, N.A. (2015) Homo ludens in the South Ural Bronze Age (games and toys). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 2(6). pp. 24-28. (In Russian).
11. Rybakov, B.A. (1980) *Yazychestvo drevnykh slavyan* [Paganism of Ancient Slavs]. Moscow: Nauka.
12. Ponyrko, V. (1985) Pryadenie v pervom tysyacheletii do n.e. po materialam lesostepnogo Priob'ya [Spinning in the first millennium BC based on the forest-steppe Ob]. In: *Problemy arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Problems of archeology of Siberia and the Far East]. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 34-35.
13. Troitskaya, T.N. & Borodovskiy, A.P. (1994) *Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya* [The Bolsherechye culture of the steppe Ob]. Novosibirsk: Nauka.
14. Telegin, A.N. (1999) Opyt ispol'zovaniya pryaslits v kachestve kul'turno-diaagnostiruyushchego istochnika (po materialam epokhi rannego zheleza) [The use of whorls as a cultural and diagnosing source (based on the Early Iron Age)]. In: *Voprosy arkheologii i istorii Yuzhnoy Sibiri* [Archaeology and History of Southern Siberia]. Barnaul: [s.n.]. pp. 140-148.
15. Frolov, Ya.V. (2000) O pryaslitsakh rannego zheleznoogo veka Verkhnego Priob'ya kak kul'turno-diaagnostiruyushchem priznake [About whorls in the Early Iron Age of the Upper Ob as a cultural and diagnosing sign]. In: Skubnevskiy, V.A. & Goncharov, Yu.M. (eds) *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri* [Topical problems of the history of Siberia]. Barnaul: Altai State University. pp. 75-82.
16. Frolov, Ya.V. (2008) *Pogrebal'nyy obryad naseleniya Barnaul'skogo Priob'ya v VI v. do n.e. – II v. n.e. (po dannym gruntovykh mogil'nikov)* [The funeral rite of the population of Barnaul Ob Region in the 6th B.C. – 2nd B.C. (according to the earthen burial data)]. Barnaul: AZBUKA.
17. Frolov, Ya.V. (2014) Pryaslitsa iz pogrebal'nykh kompleksov rannego zheleznoogo veka Barnaul'skogo Priob'ya [Whorls from the funerary complexes of the Early Iron Age in the Barnaul Ob]. In: Derevyanko, A.P. (eds) *Mezhdistsiplinarnoe izuchenie arkheologii Zapadnoy Sibiri i Altaya* [An interdisciplinary study of the archeology of West Siberia and Altai]. Barnaul: AZBUKA. pp. 109-110.
18. Chemyakina, M.A. & Mylnikova, L.N. (1995) K voprosu o pryadenii u sargattsev (po materialam poselencheskogo kompleksa Om'-1) [On spinning of the Sargat people (based on the settlement Om-1)]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Arkheologiya vchera, segodnya, zavtra* [Archeology of yesterday, today and tomorrow]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 52-63.
19. Chikunova, I.Yu. (2004) Pryaslitsa Rafaylovskogo selishcha kak istochnik po izucheniyu pryadeniya sargattsev [The whorls of Rafaylovskoe Villages as a source for the study of spinning at the Sargat people]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii – Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography*. 4. pp. 119-127.
20. Pechurina, O.A. (2013) U istokov pryadeniya i tkachestva: nit', vereteno i pryaslitse [The origins of spinning and weaving: a thread, a spindle and a whorl]. *Dizayn. Materialy. Tekhnologiya – Design. Materials. Technology*. 3(28). pp. 87-92.
21. Pechurina, O.A. (2013) Nit', katushka, vereteno i pryaslitse (proiskhozhdenie) [A thread, a spool, a spindle and a whorl (on the origin)]. *Dizayn. Materialy. Tekhnologiya. Seriya 3: Ekonomicheskie, gumanitarnye i obshchestvennyye nauki – Design. Materials. Technology*. 1. pp. 51-60.
22. Borodovskiy, A.P. & Borodovskaya, A.P. (2013) *Arkheologicheskie pamyatniki doliny Nizhney Katuni v epokhu paleometalla* [Archaeological sites in the valley of the Lower Katun in the paleometal era]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS.
23. Kotov, V.G. (2003) [Semantics of the whorls in the Ananyino Culture]. *Mezhdunarodnoe (XVI Ural'skoe) arkhologicheskoe soveshchanie* [International (XVI Ural) Archaeological Workshop]. Proc. of the International Conference. Perm: Perm State University. pp. 201-202. (In Russian).
24. Borodovskiy, A.P. (1995) [Objects of the primitive spinning as an indicator of ethno-territorial boundaries of mountain Altai in the early Iron Age]. *Aborigeny Sibiri: Problemy izucheniya ischeznuvshikh yazykov i kul'tur* [Aboriginal Siberia: On studying extinct languages and cultures]. Proc. of the Conference. Novosibirsk: IAE SB RAS. pp. 9-12. (In Russian).
25. Lebedeva, N.I. (1956) Pryadenie i tkachestvo vostochnykh slavyan v XIX–XX v. [Spinning and weaving of the Eastern Slavs in the 19th – 20th centuries]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Vostochnoslavianskiy etnograficheskiy sbornik* [East Slavic Ethnographic Collection]. Vol. 31. Moscow: Proc. of the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences. pp. 461-540.
26. Berseneva, N.A. & Bersenev, A.G. (2002) [Trasological aspects of the study of ceramic whorls]. *Severnnyy Arkheologicheskyy Kongress* [Northern Archaeological Congress]. Abstracts of reports. Yekaterinburg: Akademkniga. pp. 221-222. (In Russian).
27. Tolstoy, N.I. (2004) *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: The Ethnolinguistic Dictionary. In 5 vols]. Vol. 3. Moscow: Institute of Slavic Studies.
28. Tolstoy, N.I. (2009) *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: The Ethnolinguistic Dictionary. In 5 vols]. Vol. 4. Moscow: Institute of Slavic Studies.
29. Golovchenko, N.N. (2015) [Cowrie shells as part of belt accessories at the population of the Upper Ob basin in the early Iron Age]. *Polevye issledovaniya v Priirtysh'e, Verkhnem Priob'e i na Altai* [Field studies in Irtysh, Ob and Upper Altai]. Proc. of the Tenth International Conference. Barnaul: Altai State Pedagogical University. pp. 33-37. (In Russian).
30. Berseneva, N.A. (2004) [The whorls and the issue of gender in Sargat graves (based on the Middle Irtysh data)]. *VI Istoricheskie chteniya pamyati M.P. Gryaznova* [The Sixth Historical Readings in the memory of M.P. Gryaznov]. Omsk: Omsk State University. pp. 198-201. (In Russian).

31. Gennep, A. (1999) *Obryady perekhoda. Sistematicheskoe izuchenie obryadov* [The rites of passage. The systematic study of the rites]. Moscow: Vostochnaya literatura.
32. Huizinga, J. (1997) *Homo Ludens. Stat'i po istorii kul'tury* [Homo Ludens. Articles on the history of culture]. Translated from English by D.V. Silvestrov. Moscow: Progress-Traditsiya.
33. Yung, K.G. (1991) *Arkhetip i simvol* [Archetype and Symbol]. Moscow: Renessans.
34. Grintser, P.A. (ed.) (1989) *Rigveda. Mandaly V–VIII* [The Rigveda. Mandala V–VIII]. Moscow: Nauka.
35. Golovchenko, N.N. (2015) Search for parallel clothes articles of the population of the Upper Ob in the Early Iron Age in the hymns of the Rigveda. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1(33). pp. 111-115. (In Russian).
36. Golovchenko, N.N. (2015) Rezul'taty predvaritel'nogo tekhniko-tekhnologicheskogo analiza obratstov tkani iz nekropolya Novotroitskoe-1 (Verkhnee Priob'e) [The results of the preliminary technical and technological analysis of tissue samples from the necropolis Novotroitskoe-1 (Upper Ob)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. 14(7). pp. 30-38.
37. Golovchenko, N.N. (2015) Rekonstruktsiya odnogo iz variantov pogrebal'nogo kostyuma naseleniya Verkhneobskogo basseyna epokhi rannego zheleza (po materialam kollekcii pamyatnika Novotroitskoe-1) [Reconstruction of a variant of the burial costume at the population of the Upper Ob basin in the Early Iron Age (based on the collection from Novotroitskoe-1 site)]. In: *Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta: muzevedenie i sokhranenie istoriko-kul'turnogo naslediya* [Bulletin of Altai State Pedagogical University: Museology and the preservation of historical and cultural heritage]. Barnaul: Altai State Pedagogical University. pp. 64–68.
38. Borodovskiy, A.P. (2004) Farn skifskogo vremeni v Sibiri i osobennosti izobrazheniya roga [Farne of the Scythian time in Siberia and peculiarities of the horn image]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 4. pp. 135-140.

УДК 903.2 (57)
DOI 10.17223/19988613/41/15

А.А. Казаков

ИЗДЕЛИЯ ПОЛИХРОМНОГО СТИЛЯ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ НА р. ЕРАСЬКА

Рассматриваются технологические приемы, используемые мастерами эпохи «великого переселения народов» при изготовлении ювелирных изделий, выполненных в полихромном стиле, ставших маркерами при выделении погребений гуннского периода. На основании археологических материалов намечается восточная граница распространения изделий полихромного стиля. Выявленные технологические особенности ювелирного производства позволяют выделить группу изделий, изготовленных в едином производственно-технологическом центре, выдвинуть гипотезу, характеризующую организацию производства в эпоху «великого переселения народов», как «ремесленное», что свидетельствует о сложной социальной структуре общества, потребности которого в украшениях полихромного стиля призваны удовлетворять производственно-технологические мастерские.

Ключевые слова: полихромный стиль; технология; великое переселение народов; мастерская.

Эпоха «великого переселения народов» на протяжении всей истории археологии вызывает живейший интерес исследователей. Это связано с огромной ролью незначительного в хронологическом отношении периода для исторических судеб прежде всего европейских народов, что в конечном итоге отразилось на всем ходе истории Евразийского континента, особенно его аридной зоны. Примечательно, что если в начальных периодах изучения эпохи «великого переселения народов» доминировали нарративные источники, то в настоящее время ученые сошлись во мнении, что они носят субъективный характер и в полной мере не отражают объективных исторических процессов, протекавших в это время на обширных территориях, охватывающих всю Европу, Среднюю Азию и юг Западной Сибири. Данные археологии в этом плане более репрезентативны и носят беспристрастный характер, позволяя объективно и масштабно осветить происходящие процессы, приблизив нас к наиболее достоверной реконструкции исторических событий.

Несмотря на огромное количество исследований, пока не сложилось единого подхода к освещению эпохи «великого переселения народов». Полное единодушие существует лишь во мнении, что движущей силой всех исторических процессов были гунны. После этого начинается огромное количество вопросов: кто такие гунны, откуда они взялись, существует ли единая этнокультурная группа населения под таким названием или это собирательное название различных в этнокультурном отношении племен, каков их антропологический тип, на каком языке они говорили и т.п. Вопросы хронологии также далеки от разрешения.

Подобная мозаичность мнений в гуннологии не помешала сойтись в еще одной гипотезе, которой придерживается подавляющее большинство исследователей, а именно в выделении археологических маркеров, позволяющих вычленив гуннские материалы из общей массы. К ним относятся прежде всего изделия, изготовленные в абсолютно неповторимом полихромном стиле. Как можно более подробная характеристика этих изделий позволяет выйти уже на реконструктивный уровень, на уровень хронологии, выделения центров производства, наличия определенных технологи-

ческих приемов, сырьевых источников, ареалов влияния носителей этих изделий, преобладающего направления культурных контактов, поможет в решении других проблем гуннской археологии.

Тем более непонятно, почему столь выразительные вещи, несущие в себе не только информацию, способствующую решению спорных вопросов средневековой истории, но и являющиеся прекрасными и с эстетической точки зрения, очень часто не находят отражения в публикациях, хотя они достойны быть представленными в очень качественных цветных снимках. Участие некачественной первичной публикации постигла и предлагаемые вниманию исследователей изделия полихромного стиля, происходящие из погребения на р. Ераська Калманского района Алтайского края (рис. 1), что до недавнего времени способствовало их крайне малой известности.

Введение в научный оборот подробного описания этих изделий, их фотоснимков, технологических приемов, используемых средневековыми мастерами при их изготовлении, попытка реконструкции технологического процесса – основная задача автора данной публикации. Надеюсь, что это поможет решению некоторых вопросов гуннской археологии.

Перед подробным описанием предложенных вниманию исследователей находок необходимо отметить, что они являются частью достаточно представительной коллекции изделий полихромного стиля, пополнивших сокровищницу гуннской археологии за последние 50 лет, которые маркируют восточную границу их распространения. Начало этой коллекции положили Тузовоновские материалы А.П. Уманского 1959 г. [1]. К ним же относятся материалы погребений из Ивановки-6 [2], Сопки-2 (мог. № 688) [3], Боба [4], Аржан-Бугузуна [5] и Ераськи [6].

Погребение на р. Ераська является случайной находкой, что достаточно характерно для подобных материалов. Географические координаты памятника: 83° 33' 81,1" в.д., 53° 01' 12,2" с.ш. (рис. 1). Дообследование этого погребения провел сотрудник Алтайского краеведческого музея Я.В. Егоров, который передал все находки в музей. Среди этих экспонатов выделяются три изделия полихромного стиля, охарактеризован-

ные автором публикации как поясные бляшки [6] (рис. 2).

Описание и рисунок этих изделий, опубликованные Я.В. Егоровым, страдают излишним схематизмом: «3 бронзовые, круглые, “ярусные” бляхи с позолотой, насечками и выпуклой вставкой из отполированного минерала (одна вставка утеряна) <...> набор поясного ремня погребенного, к которому они крепились при помощи 3 шпеньков. Диаметр блях 3,5 см. На вставках минерала, по центру, заметны наколотые отверстия для крепления во время обработки» [Там же. С. 80].

Внимательное изучение этих предметов позволило выявить ряд технологических приемов и частично реконструировать технологическую цепочку их изготовления.

Все три изделия полихромного стиля представлены на рис. 2. Каждому изделию был присвоен порядковый номер. На рис. 2 слева направо расположены изделие № 1, изделие № 2 и изделие № 3.

Все изделия однотипны и представляют собой бронзовую круглую основу, на которую наложена тонкая золотая пластина с отверстием посередине для вставки из камня. Каменная вставка закреплена на основе посредством гнезда из тонкой припаянной золотой пластинки. По внешнему периметру бляшек и периметру вставки из камня напаяно по одному ободку зерни.

Все изделия имеют одинаковые метрические характеристики. Внешний диаметр составляет 34 мм, диаметр вставки из камня 24 мм, ширина золотого ободка 5 мм.

Ювелирные изделия изготовлены в единой технологической манере. На макросъемке хорошо просматривается их трехслойность: бронзовая основа, служившая для придания достаточно мягкому и тонкому листовому золоту жесткости и обеспечивающая долговечность изделия; слой клеящего вещества, при помощи которого золотая часть изделия крепилась к бронзовой основе; само золотое изделие. Эти конструктивные особенности прослежены на изделии № 2 (рис. 3) и изделии № 3 (рис. 4).

Гнездо для каменной вставки спаяно из тонкой полоски листового золота, что прослежено на изделии № 3 (рис. 5). Сама полоска припаяна к внутренней части золотого ободка. Обработанный камень вставлялся в предназначенное для него гнездо и крепился при помощи загибания краев золотой пластины, что прослежено на изделии № 1 и клеящего вещества, остатки которого зафиксированы на изделии № 3 (рис. 5).

Для более надежного крепления каменной вставки средневековые мастера использовали дополнительно шпеньки на бронзовой основе, один, наиболее толстый, посередине, как на изделиях № 1 (рис. 2) и № 2 (рис. 2), и № 3 потоньше – расположенные по периметру окружности с интервалом в 120 градусов, что прослежено на изделии № 1 (рис. 6). Для крепления на эти шпеньки в каменной вставке сверлились соответствую-

ющие отверстия, и если центральное сверлилось сквозным, то три по периметру старались сделать скрытыми, высверливая их не насквозь. Камень садили на эти шпеньки и бронзовую основу с использованием клеящего состава, что прослежено на всех трех изделиях (рис. 2, 5, 6).

В качестве вставки использовался поделочный камень, вероятнее всего – сердолик, красно-оранжевого цвета (рис. 2, 11).

Зернь напаявали на золотой листок ободка в заранее вырезанные в нем гнезда, что значительно облегчало достаточно трудоемкий и кропотливый процесс зернения. Это прослежено на изделии № 1 (рис. 7).

К золотой основе припаявались шпеньки для крепления к ремешку, затем в бронзовой основе пробивались (не сверлились) отверстия и золотая часть изделия при помощи этих шпеньков и клеящего состава соединялась с бронзовой основой. Это прослежено на изделиях № 1 (рис. 8, 9) и № 2 (рис. 10).

Таким образом, мы видим достаточно сложное ювелирное изделие, состоящее из следующих частей: бронзовая основа, шпенок для крепления камня центральный и три шпенька по периметру, три шпенька для крепления изделия к кожаной основе ремня, золотой ободок с вырезанными гнездами для пайки зерни, тонкая золотая пластина для изготовления гнезда под каменную вставку, мелкие золотые шарики, используемые в качестве зерни, каменные вставки.

Технологические приемы, используемые средневековыми мастерами, также достаточно разнообразны. Это литье (бронзовая основа), прокатка (изготовление золотой фольги), литье зерни (изготовление зерни), высечка-штамповка (изготовление золотого ободка с гнездами для пайки зерни), склейка (соединение золотого изделия и бронзовой основы), пайка (изготовление гнезда для вставки из камня, припайвание гнезда к внутреннему диаметру золотого ободка и припайвание зерни), пробивание (отверстия в бронзовой основе), шлифовка и полировка камня, сверление камня. Уверен, что это не все технологические приемы, используемые средневековыми мастерами. И это не говоря о процессах, предшествующих изготовлению изделия, – поиски месторождений, добыча руды, плавка и т.п.

На наш взгляд, сама технологическая цепочка выглядела следующим образом. Первоначально изготавливались составные части изделия. Затем собиралась золотая составляющая изделия. Спаивалась полоска для крепления каменной вставки. Так изготавливалось гнездо. Затем к золотому ободку припайвалось гнездо для крепления каменной вставки. Следующим этапом было напайвание ободков зерни как по периметру гнезда, так и по внешнему диаметру золотого изделия. Затем к золотому изделию припаявались три бронзовых шпенька для соединения его с бронзовой основой и крепления к кожаной основе ремня. На этом процесс изготовления золотой составляющей заканчивался.

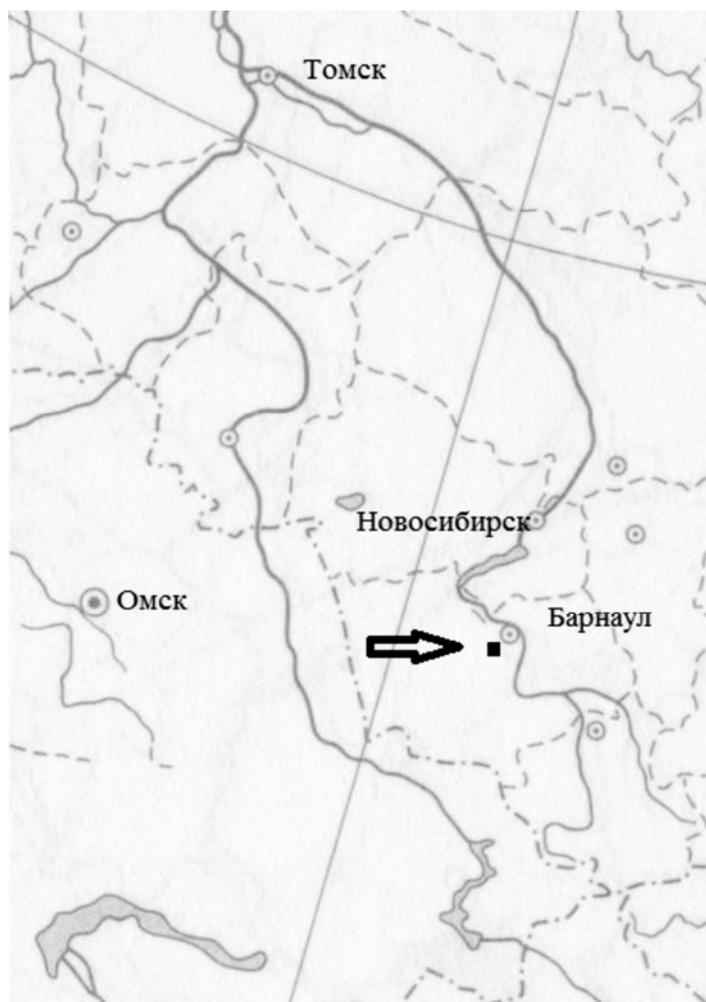

Рис. 1. Местонахождение погребения на р. Ераська

Рис. 2. Изделия полихромного стиля из погребения на р. Ераська

Рис. 3. Расслоение золотого изделия и бронзовой основы на изделии № 2

Рис. 4. Трехслойность изделия № 3

Рис. 5. Место спайки гнезда и остатки клеящего состава на изделии № 3

Рис. 6. Крепление каменной вставки на изделии № 1

Рис. 7. Гнезда в золотой основе для напаивания зерни на изделии № 1

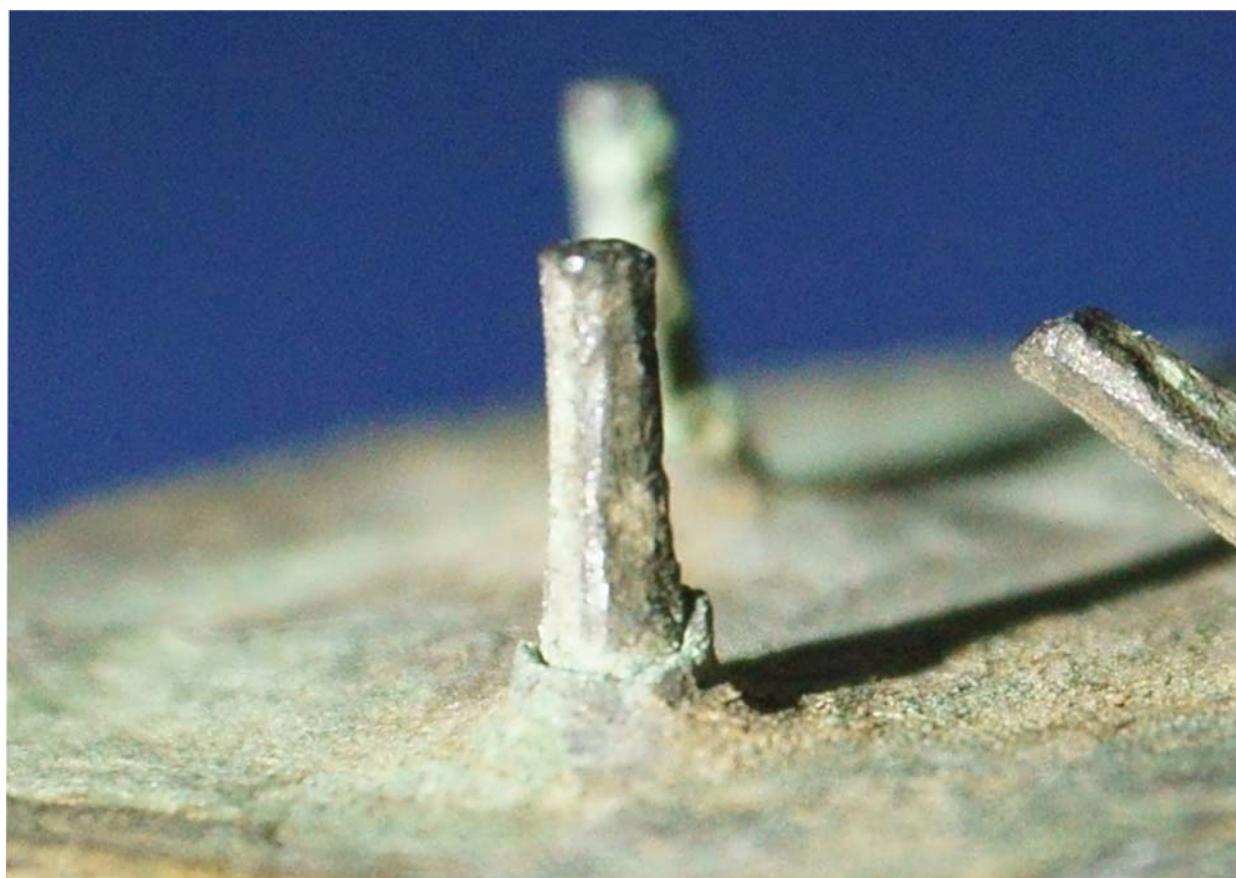

Рис. 8. Отверстия, пробитые в бронзовой основе изделия № 1

Рис. 9. Отверстия, пробитые в бронзовой основе изделия № 1

Рис. 10. Отверстия, пробитые в бронзовой основе изделия № 2

Рис. 11. Изделие 2. Каменная вставка

Изготовление бронзовой составляющей начиналось с вырубки-штамповки круглой основы. Затем к ней припаивались четыре шпенька для крепления каменной вставки, пробойником пробивались отверстия для соединения двух составляющих – золотого изделия и бронзовой основы.

Третья основная составляющая – каменная вставка – изготавливалась путем шлифовки и полировки камня по заранее заданным размерам и сверления в нем четырех отверстий – одного сквозного центрального и трех по периметру – для крепления к бронзовой основе. Причем задачей мастера было три отверстия по периметру постараться просверлить не насквозь каменной вставки, а на длину шпенька, припаянного к бронзовой основе.

Заключительный этап состоял в соединении этих трех частей в единое изделие. Первоначально золотая составляющая изделия и бронзовая основа соединялись при помощи клеящего состава. Затем с применением того же клеящего состава в гнездо садилась каменная вставка. Весь процесс завершалось поджатием краев гнезда с целью более плотной фиксации каменной вставки.

Таким образом, мы наблюдаем достаточно сложный технологический процесс, связанный как с изготовлением отдельных составляющих изделия, так и с его сборкой в единое целое. Трудно вообразить, что все технологические операции, начиная с разведки, заготовки и изготовления сырья и заканчивая сборкой готового изделия, производились одним мастером. Вероятнее всего,

изготовление таких сложных в технологическом плане ювелирных изделий происходило в специализированных мастерских. Более того, в технологическом процессе было задействовано большое количество мастеров, специализирующихся на определенных технологических операциях, что говорит о достаточно сложной социальной организации общества, являющегося потребителем подобных изделий, изготовленных в полихромном стиле. Кроме того, серия идентичных изделий (три одинаковые поясные бляшки-накладки) подтверждает гипотезу о наличии хорошо организованной производственно-технологической цепочки в средневековом обществе эпохи «великого переселения народов», специализирующейся на ремесленном выпуске продукции, уже даже не по индивидуальному заказу.

Более детальное изучение имеющихся изделий полихромного стиля, находящихся в различных музейных коллекциях, с выходом на технологические особенности поможет выявить наличие различных производственно-технологических центров (мастерских), определить места их локализации и регионы поставки изделий. Поиск и выделение подобных мастерских – одна из задач археологов, занимающихся этим интереснейшим периодом истории.

Выражаю благодарность фотографу И.В. Могиленко за произведенную фотосъемку и администрации Алтайского государственного краеведческого музея за предоставленную возможность работы с материалами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уманский А.П. Погребение эпохи «великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 129–163.
2. Бородавский А.П. Украшение полихромного стиля из Новосибирского Приобья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы VII Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. Т. V. С. 283–287.
3. Молодин В.А., Чикишева Т.А. Погребение воина IV–V вв. н.э. в Барабе // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 161–179.
4. Алкин С.В. Коллекция из кургана Бомы в Северном Притяньшанье: материалы к изучению гунно-сарматского времени в Восточном Туркестане // Алтай-Саянская горная страна и соседние территории в древности : сб. науч. ст. / под ред. В.Е. Ларичева. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2007. 288 с.
5. Кубарев Г.В. Уздечный набор в полихромном стиле из памятника Аржан-Бугузун (Юго-Восточный Алтай) // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии : сб. науч. тр. / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул : Азбука, 2010. С. 27–31.
6. Егоров Я.В. Новое исследование погребения воина эпохи великого переселения народов на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 77–80.

Kazakov Alexander A. Barnaul Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia (Barnaul, Russia). E-mail: kaa-2862@mail.ru

POLYCHROME STYLE OBJECTS FROM BURIAL SITE ON THE ERAS'KA RIVER.

Keywords: polychrome style; technology; Great migration of peoples; workshop.

The article considers for the first time a rare category of equipment for Siberian archaeology – polychrome style objects. Though not numerous in numbers, they are important for reconstructing historical processes in the Early Middle Age, the period also called the Great Migration Period, marking the eastern border of Hunnic influence. The period was remarkably important for the history of European peoples and, in the long run, for the course of historical events of all Eurasian continent, especially its arid area. Siberian territory was also under its influence. The archaeological materials received during the period of the recent 60 years have shown that the South of the Western Siberia had been under quite a strong Hunnic influence, which can be proved by six burial sites studied in the region containing polychrome style objects. In spite of certain progress in the studying of the period, there is no agreement about the main factor – driving force of the period – the Huns. At present the researchers differ about their origin, anthropological and linguistic identity. Although there are some difficulties in identifying Hunnic artifacts, polychrome style jewelry pieces together with some burial rituals have become markers in differentiating Hunnic burials. Detailed considering each of them is certain to help in finding answers to numerous questions in the history of the Great Migration Period. Analysis of archaeological materials, received as a result of research of the burial site on the Eras'ka river in the Altai Territory with three belt plates and other objects in polychrome style, leads to drawing the eastern border of spreading polychrome style objects. The data received by macro photography revealed that the objects were composite, consisting of two elements. The article also considers techniques of the Great Migration Period craftsmen used in making polychrome style jewelry, which makes possible to reconstruct a complex technological cycle of their production. Further studying polychrome style objects from other sites and regions with the purpose of understanding technology of jewelry production will allow to divide the objects into groups according to the centers of their production and identify the location of the centers. Complex character of the reconstructed production-technological processes allows to put forward a hypothesis characterizing the production organization in the Great Migration Period as handicraft, which is indicative of complex social organization of the society where demand for polychrome style jewelry was met by production and technological workshops.

REFERENCES

1. Umanskiy, A.P. (1978) Pogrebenie epokhi "velikogo pereseleniya narodov" na Charyshe [The burial on Charysh referring to the era of the "Great Migration of Peoples"]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Drevnie kul'tury Altaya i Zapadnoy Sibiri* [Ancient cultures of Altai and West Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 129-163.
2. Borodovskiy, A.P. (1999) Ukrashenie polikhromnogo stilya iz Novosibirskogo Priob'ya [Polychrome style decorations of Novosibirsk Ob]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology in Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk: IAE SB RAS. pp. 283-287.
3. Molodin, V.A. & Chikisheva, T.A. (1990) Pogrebenie voina IV–V vv. n.e. v Barabe [The burial of a warrior of the 4th – 5th BC in Baraba]. In: Khudyakov, Yu.S. (ed.) *Voennoe delo drevnego i srednevekovogo naseleniya Severnoy i Tsentral'noy Azii* [Military arts of ancient and medieval population of North and Central Asia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 161-179.
4. Alkin, S.V. (2007) Kolleksiya iz kurgana Boma v Severnom Prityan'shan'e: materialy k izucheniyu gunno-sarmatskogo vremeni v Vostochnom Turkestane [The collection from the Bohm mound in the North Prityan'shan'e: Materials to the study of Hun-Sarmatian time in the East Turkestan]. In: Larichev, V.E. (ed.) *Altae-Sayanskaya gornaya strana i sosednie territorii v drevnosti* [The Altai-Sayan mountain land and neighbouring areas in ancient times]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS.
5. Kubarev, G.V. (2010) Uzdechnyy nabor v polikhromnom stile iz pamyatnika Arzhan-Buguzun (Yugo-Vostochnyy Altay) [The polychrome-style bridle from Arzhan Buguzun site (South-Eastern Altai)]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Torevтика v drevnikh i srednevekovykh kul'turakh Evrazii* [Toreutics in ancient and medieval cultures of Eurasia]. Barnaul: Azbuka. pp. 27-31.
6. Egorov, Ya.V. (1993) Novoe issledovanie pogrebeniya voina epokhi velikogo pereseleniya narodov na Altae [A new study of the warrior burial referring to the era of "Great Migration of peoples" in Altai]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Kul'tura drevnikh narodov Yuzhnoy Sibiri* [The culture of the ancient peoples in Southern Siberia]. Barnaul: [s.n.]. pp. 77-80.

УДК 94(571)

DOI 10.17223/19988613/41/16

А.К. Идиатуллов

СИНКРЕТИЧНАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ КУМЫКОВ И НОГАЙЦЕВ В НАЧАЛЕ XXI в.

Проанализированы общие тенденции отношения кумыков и ногайцев к исламу, язычеству, атеизму и христианству. В основу статьи легли данные интернет-опроса, публикации религиоведческого плана. Автор считает, что респонденты, особенно кумыкской национальности, демонстрируют высокий уровень первичной исламской религиозности. В ответах ногайских респондентов очевиднее проявляется полисинкретизм. Автор видит причины этих различий в том, что ногайцы расселены дисперсно, а также в общей либеральности ханафитского мазхаба, которого они придерживаются.

Ключевые слова: синкретичная религиозность; кумыки; ногайцы; ислам.

Широкое распространение синкретичной религиозности как характерного явления современной духовной жизни народов России традиционно связывают с воистину эпохальными переменами, произошедшими в нашей стране в 80–90-е гг. XX в. Распад Советского Союза, крушение экономических и социальных систем, невиданные доселе права и свободы, кризисные явления во всех сферах общества привели к трансформации старых и поступательному развитию новых идеалов и ценностей, к общей либерализации религиозной сферы, а также к глобализации и технизации культурного пространства. В условиях катастрофической неопределённости люди осознанно и неосознанно переживали индивидуальные кризисы и душевные коллизии, ставшие основой для их личностных и коллективных экзистенциальных и метафизических поисков [1. С. 3]. Все это вызывало вполне обоснованный интерес учёных к религиозности населения постсоветской России, в том числе в его новых, ранее не замеченных формах.

Ряд советских и российских учёных внес заметный вклад в осознание вышеназванных явлений и их специфику на почве отечественных духовных и религиозных культур. Часть из них рассматривала религиозность российских и советских народов в контексте проблемы синкретизма. Синкретичная религиозность – смешение, неорганическое слияние разнородных религиозных элементов [2. С. 3]. Ещё одно определение: «Синкретизм – объективный процесс слияния и взаимодействия генетически и типологически разных религиозных систем или их элементов и образование новой, целостной системы религиозного мировоззрения, мироощущения и культа со своей специфической структурой» [3. С. 7]. Нам наиболее удачным представляется определение синкретичной религиозности, предложенное Г.Е. Кудряшовым, в котором отсутствуют заведомо спорные утверждения о «неорганическом слиянии» элементов или о «новой, целостной системе». Согласно Г.Е. Кудряшову, под религиозным синкретизмом понимают диалектический процесс взаимосвязи, взаимовлияния и взаимопроникновения представлений и культовых действий, относящихся к различным религиозным системам [4. С. 17]. Тот же автор ввёл в науку понятие полисинкретизма, представляющего собой

многократное напластование различных религиозных культов и учений [Там же]. Думается, что применительно к народам поликультурного и многонационального Северного Кавказа данное понятие обладает немалым эвристическим потенциалом.

Анализировался религиозный синкретизм и Н.С. Капустиным, отделившим его от понятий эклектизма и ассимиляции [5]. В то же время, но в ином ключе рассматривал синкретичную религиозность И.Н. Яблоков [6]. В его работах она фигурирует как закономерный результат трансформации и даже аннигиляции религии в условиях социалистического общества. Надо сказать, что секуляризация религии в условиях новой России со сменой социальных и экономических отношений продолжает развиваться в отдельных случаях и вглубь и вширь, что подтверждает эвристический потенциал исследований И.Н. Яблокова, продолженных уже другими учёными [7].

В 1990-е гг. изучению религиозности населения России, в том числе синкретичной, посвящены работы М.П. Мчедлова [8], Е.А. Кублицкой [9] и З.И. Пейковой [10]. В них на материале социологических исследований показана религиозная ситуация в России, выявлено влияние антирелигиозной политики СССР, описаны неровности процесса ренессанса религий, который не всегда разворачивается только в русле традиционных религий.

Публикации 2000-х гг. продолжают констатировать наличие нетрадиционных религиозных представлений у части населения, в том числе у молодежи [11–14]. Однако само понятие нетрадиционной религиозности подвергается всё чаще детальной и вполне заслуженной ревизии. Действительно, население России настолько дифференцировано по религиозному критерию, что даже понятие традиционной религиозности стало крайне расплывчатым и нередко подменяется религиозной и конфессиональной самоидентификацией. Отсюда весьма распространённое в современных социологических исследованиях православной религиозности понятие воцерковлённости [15], которое как бы нивелирует воздействие на отдельных верующих неправославных представлений.

Сходной позиции придерживается и американский религиовед Джереми Ганн [16. С. 202–205], выделивший три основные грани религии: религия как вера, религия как идентичность и религия как образ жизни (цит. по: [17. С. 25]). По его мнению, связь человека хотя бы с одной из выделенных граней дает возможность говорить о причислении человека к последователям конкретной конфессии. Получается, что верующие или ассоциирующие себя с православием, но являющиеся носителями тех или иных религиозных влияний неправославного толка рассматриваются как начальная стадия воцерковлённости, а не разновидность представителей синкретичной религиозности. В такой ситуации происходит размывание смысла и содержания православной веры и православного образа жизни [18. С. 86].

В поисках более адекватной оценки таких верующих Н.Н. Почепцов предлагает термин «религиозная субкультура», особенностью которой является ее связь с базовой или «материнской» традиционной культурой [19. С. 106–107]. Религиозная субкультура черпает свои основополагающие идеи или доктрины из традиционной религиозности, при этом формируя или привнося свой, новый элемент, который и отделяет ее от базовой религиозной системы. Этот взгляд весьма уместен при анализе синкретичной религиозности у этносов, традиционно исповедующих ислам, так как их конфессиональная идентичность чрезвычайно сильно переплелась с национальной, а заимствованные новые неисламские представления, как правило, сосуществуют как осознанно, так и неосознанно с традиционными представлениями. В нашей работе под синкретичной религиозностью мы как раз понимаем систему взглядов, представлений и мнений, зачастую разрозненных, отличающихся от принятых в традиционной религии изучаемых народов (в данном случае в исламе), которых придерживаются в том числе представители мусульманской субкультуры.

Цель статьи – рассмотрение синкретичных религиозных представлений кумыков и ногайцев. В основу работы легли данные интернет-опроса и ряд этнографических и социологических исследований по религиозности как данных народов, так и других тюркомусульман. Достоверность материалов, полученных с помощью опроса, обеспечивается тем, что участие в анкетировании возможно с каждого компьютера только один раз. Кроме того, интернет-опрос характеризуется высокой степенью релевантности, по сравнению с другими видами опросов, что особенно важно в контексте нашего исследования. Например, в ответах респондентов, как ожидается, будут реже встречаться происламские, социально-одобряемые варианты. И наоборот, над выбором ответов, не совпадающих с установками ислама, в этом случае не столь очевидно будут довлеть социальные ожидания. Всего в опросе приняли участие 48 кумыков и 42 ногайца (90 человек, из них 61 мужчина и 38 женщин; 15 лиц в возрасте 15–18 лет, 50 че-

ловек в возрасте 19–25 лет, 20 респондентов в возрасте 26–40 лет; 3 человека в возрасте 41–60 лет и 2 человека в возрасте 61 год и старше). И хотя выборку нельзя считать репрезентативной, на наш взгляд, данные, полученные в ходе опроса, могут дать некоторое представление о современном состоянии религиозности кумыков и ногайцев, особенно среди молодёжи. Дело в том, что вопросы анкеты учитывали не только религиозную самоидентификацию респондентов, но и были направлены на выявление степени вовлечённости опрашиваемых в исламскую, традиционную тюркскую, неоязыческую и православную культуры.

Кумыки и ногайцы – народы тюркской группы алтайской языковой семьи, верующие которых традиционно исповедуют ислам суннитского толка. Этнокультурная и религиозная близость народов очевидна. Однако в контексте нашего исследования важно отметить, что есть и различия. Так, большинство кумыков – сунниты шафиитского мазхаба, а большинство ногайцев – ханафитского. По данным переписи 2010 г., численность народов насчитывает 503,1 и 103,7 тыс. человек соответственно, составляя 0,35 и 0,07% от населения страны. По этому показателю кумыки занимают восемнадцатое место среди всех народов России и пятое – среди тюркских народов, исповедующих ислам (после татар, башкир, казахов и азербайджанцев), а ногайцы – 40-е и 9-е места соответственно. Расселены кумыки весьма компактно, преимущественно в Республике Дагестан, а расселение ногайцев гораздо более дисперсное. Большинство ногайцев проживают в Дагестане, Карачаево-Черкесии и Ставропольском крае.

Надо сказать, что религиозность исследуемых народов неоднократно привлекала внимание этнографов и религиоведов. Синкретичные мотивы в публикациях, посвящённых религиозным представлениям кумыков [20] и ногайцев, прослеживаются с завидной регулярностью, что неудивительно. Дело в том, что ислам, проникнув в разное время к народам Северного Кавказа и столкнувшись с местными обычаями и традициями, не всегда уничтожал их, но в ряде случаев использовал себе во благо. Например, акт бракосочетания у кумыков осуществлялся по шариату, а остальная часть свадебного, равно как предсвадебного и послесвадебного, обряда – по кумыкским адатам [21. С. 16]. Такие многовековые контакты исламских и доисламских представлений приводили, в том числе, к возникновению синкретичных культов «исламизированного» шаманства [22]. Иногда языческие представления и обряды вовсе сохранялись в малоизменённом варианте. Многие архаичные обряды, канонизированные местными мусульманскими духовными деятелями, исполняются в кумыкской и ногайской среде и в настоящее время [23. С. 103].

Краткий историографический обзор позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на значительный вклад исследователей в рассмотрение различных проблем религиозного мировоззрения изучаемых

мусульманских народов Северного Кавказа, исследование полисинкретичных религиозных представлений у кумыков и ногайцев только начинается. Нам кажется правильным рассмотреть не только религиозную идентичность, связанную с традиционной религией данных народов (исламом), но также систему взглядов, представлений и мнений, отличающихся от принятых в исламе, которых придерживается хотя бы и незначительная часть респондентов. Иными словами, в нашей статье предпринята попытка выявления всего комплекса религиозных представлений кумыков и ногайцев, в том числе неисламского толка.

Анализ анкет показывает, что первичная религиозность опрошенных находится на очень высоком уровне. В частности, большинство респондентов относят себя к мусульманам и верующим (таблица). При-

чём, религиозность лиц в возрасте от 15 до 25 лет несколько ниже: среди них отнесли себя к верующим 52 человека из 65, в то время как среди лиц старше 25 лет их оказалось 23 человека из 25. Это вполне предсказуемые данные, так как распространение исламской идентичности вглубь и вширь – довольно характерное явление для мусульманских народов России. Например, 63,3% казахов России назвали себя верующими, а 89% отнесли себя к мусульманам [24. С. 96]. Сходные цифры были получены и при изучении первичной религиозности татар Республики Татарстан, среди которых к верующим мусульманам отнесли себя более 89% респондентов [25. С. 9], а также у студентов татарской и башкирской национальностей в Уфе, среди которых к верующим отнесли 48,8 и 69,2% респондентов соответственно [26. С. 65].

Религиозные убеждения, представления и обряды кумыков и ногайцев (по данным интернет-опроса)

Религиозные убеждения, представления и обряды	Кумыки и ногайцы, чел.	Кумыки, чел.	Ногайцы, чел.
Верующие	75	45	30
Коллеблющиеся	12	2	10
Неверующие	1	0	1
Относят себя к мусульманам	82	42	40
Не относят себя ни к какой религии	1	1	0
Празднуют Курбан-Байрам и Ураза-Байрам, так как считают эти праздники священными	75	43	32
Празднуют Курбан-Байрам и Ураза-Байрам, так как это принято в семье и народе	10	2	8
Считают Иисуса Пророком	78	42	36
Считают Иисуса Богом	2	1	1
Считают Иисуса обычной исторической личностью	4	2	2
Посещают мечеть каждый день	1	1	0
Посещают мечеть каждую пятницу	22	14	8
Посещают мечеть 1 раз в месяц	7	3	4
Посещают мечеть на Курбан-Байрам и Ураза-Байрам	7	3	4
Посещают мечеть очень редко (1 раз за последние 2–3 года)	21	7	14
Были пару раз в мечети	16	12	4
Никогда не посещали мечеть	8	4	4
Обращались к магам, колдунам, экстрасенсам, так как считают, что многие из них обладают сверхъестественными способностями	2	0	2
Обращались к магам, колдунам, экстрасенсам ради интереса	9	3	6
Не обращались к магам, колдунам, экстрасенсам, так как магия – большой грех	45	30	15
Не обращались к магам, колдунам, экстрасенсам, так как они шарлатаны	21	11	10

Показательно, что наибольший уровень первичной религиозности (категория верующих) показали кумыки – народ, компактно проживающий на востоке Северного Кавказа (Республика Дагестан), в отличие от ногайцев, ареал проживания которых имеет более сложную конфигурацию. Неверующих среди кумыков совсем не оказалось. Вообще именно народы Дагестана и Чечни традиционно демонстрируют крайне высокую степень религиозности в постсоветских социологических исследованиях. Например, 83,3% студентов дагестанских вузов отнесли себя к верующим мусульманам [25. С. 9]. Касательно Дагестана с его чрезвычайной этнической пестротой, столь высокий уровень религиозности объясняется особой транснациональной ролью ислама в регионе, который как бы «сглаживает» воз-

можные межэтнические конфликты общностью духовной. Ещё одна причина обозначившихся различий заключается в разнице между шафиитской правовой школой, которой придерживаются большинство кумыков, и ханафитским мазхабом. Известно, что именно ханафитская школа наиболее терпимо относится к местным традициям и обычаям – адату, что и предопределило успех данной школы особенно среди тюркских кочевых народов. Ханафитский мазхаб – также наиболее лояльная школа по отношению к иудеям и христианам [27; 28. С. 737].

Больше среди кумыков, по сравнению с ногайцами, и тех, кто празднует Курбан-Байрам и Ураза-Байрам, считая их священными. По обрядовой и догматической части религиозность опрошенных респондентов обеих

групп практически совпадает. Например, значительный перевес оказывается на стороне тех, кто считает Иисуса Пророком и у кумыков, и у ногайцев. В равной степени на мировоззрение этих народов оказывают влияние христианское православие и секуляризм-атеизм: некоторая часть респондентов считают Иисуса Богом, следуя, таким образом, за христианскими представлениями, или обычной исторической личностью, придерживаясь в известном смысле секулярных взглядов – прямых наследников советского атеистического прошлого.

Среди опрошенных кумыков и ногайцев оказывается примерно одинаковая доля лиц, посещавших мечеть хотя бы пару раз в жизни (40 и 34 респондента соответственно). Получается, что различия в первичной религиозности у данных народов не всегда имеют под собой более глубокую основу из системы обрядов и представлений. Позиция более высокой религиозности, исходя из самоопределения, зависит по большей части от эмоциональной составляющей и редко затрагивает обрядовую и мировоззренческую сторону ислама. В некотором роде первичная религиозность кумыков – это «пафос» отношения к исламу, за которым не во всех случаях стоит полноценная религиозная практика. В этом смысле реальная матрица духовной жизни оказывается открытой поискам, внешним влияниям, заимствованиям (в том числе из православия и неоязыче-

ства). Мировоззрение кумыков и ногайцев – это не жёсткая система, а достаточно подвижный, живой пространственно-временной континуум, в котором нет строго определённых и ожидаемых связей и соотношений. Высокая первичная религиозность, например, не всегда влечёт за собой соответствующий высокий уровень обрядности или компетенции в сфере догматики.

Различия между опрошенными кумыками и ногайцами проявляются особенно очевидно только на уровне неоязыческих представлений, а именно при ответе на вопрос об обращении к колдунам, магам и экстрасенсам. Среди опрошенных ногайцев к ним обращались 8 респондентов (против 3 человек у кумыков). Как мы уже отмечали, сохранность таких представлений имеет глубокие исторические корни у изучаемых народов и связана с культом «ислаимизированного» шаманства.

Таким образом, исследование показало, что мировоззрение части кумыкских и ногайских респондентов можно считать полисинкретичным, так как в их ответах обнаруживаются элементы, заимствованные из представлений христианства и атеизма, а также архаичные пережитки, и всё это на фоне высокого уровня исламской первичной и обрядовой религиозности. Особенно это заметно у ногайцев, что определяется рассеянным расселением данного этноса, а также общей либеральностью ханафитского мазхаба по сравнению с шафиитским.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева С.Б. Традиционная и нетрадиционная религиозность в современном мире // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 8. С. 3–8.
2. Таевский Д.А. Синкретические религии и секты. Словарь-справочник. М. : INTRADA, 2001. 160 с.
3. Абдулаева Э.С. Синкретизм духовной культуры: взаимосвязь общего и особенного : автореф. дис. ... канд. философ. наук. Майкоп, 2007. 22 с.
4. Кудряшов Г.Е. Динамика полисинкретической религиозности: опыт историко-этнографического и конкретно-социологического исследования генезиса, эволюции и отмирания религиозных пережитков чувашей. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1974. 356 с.
5. Капустин Н.С. Особенности эволюции религии (на материалах древних верований и христианства). М. : Мысль, 1984. 222 с.
6. Яблоков И.Н. Кризис религии в социалистическом обществе. М. : Знание, 1974. 64 с.
7. Гёзалин И.Г. Трансформация религиозности // Мониторинг общественного мнения. 2011. № 1 (101). С. 152–157.
8. Мчедлов М.П. Религиозная ситуация в России: реалии, противоречия прогнозы // Свободная мысль. 1993. № 5. С. 52–62.
9. Кублицкая Е.А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. 1990. № 5. С. 95–103.
10. Пейкова З.И. Религиозный портрет студента // Высшее образование в России. 1999. № 5. С. 109–115.
11. Грашевская О.В. Исследование отношения студенческой молодежи к религии // Проблемы развития территории. 2014. Вып. 5 (73). С. 57–68.
12. Идиатуллов А.К. Религиозность карачаевских студентов // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. С. 718.
13. Миронова Н.П. Религия в системе самоидентификации студенческой молодежи Республики Коми (по материалам социологических исследований 2007 г.) // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2009. № 92. С. 75–79.
14. Павлов Б.С. К вопросу о религиозности уральских студентов // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2014. Т. 19, № 24 (151). С. 104–109.
15. Синелина Ю.Ю. Этапы изменения религиозности населения в России // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2009. № 4. С. 78–88.
16. Gunn T.J. The Complexity of Religion and the Definition of "Religion" in International Law // Harvard Human Rights Journal. 2003. Vol. 16. P. 189–215.
17. Казьмина О.Е. Русская православная церковь и новая религиозная ситуация в современной России (этноконфессиональная составляющая проблемы) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007.
18. Вовченко В.А. К вопросу определения уровня, степени и характера религиозности православного населения России (на основе опроса студентов вузов г. Орла) // Учёные записки Орловского государственного университета. 2008. № 3. С. 84–87.
19. Почепцов С.С. Религиозные субкультуры: проблема взаимосвязи с субкультурными религиями // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2011. Вып. 16, № 8 (103). С. 104–109.
20. Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1961. 388 с.
21. Гусейнов Ю.М. Адат и шариат в семейном и общественном быту кумыков в XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2012. 27 с.
22. Сызранов А.В. Исламизированное шаманство у казахов и ногайцев-карагашей нижней Волги в XIX – начале XXI в. // Этнографическое обозрение. 2010. № 1. С. 47–54.
23. Гмыря Л.Б. Обряды вызова дождя в традиционной культуре тюркоязычных народов прикаспийского Дагестана (кумыки, ногайцы, терекеменцы, азербайджанцы г. Дербента) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2010. № 3. С. 103–124.

24. Идиатуллов А.К. Религиозность казахов России в начале XXI в. // Вестник Чувашского университета. 2015. № 4. С. 95–98.
25. Лункин Р.Н., Филатов С.Б. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Russian Review. 2005. № 3–4. С. 9.
26. Идиатуллов А.К. Религиозность студентов Уфы (на примере башкир и татар) // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 399. С. 63–66.
27. Логашова Б.Р. Ханафиты // Народы и религии мира : энциклопедия. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 849.
28. Пучков П.И. Ислам // Народы и религии мира : энциклопедия. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 734–739.

Idiatullov Azat K. Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov (Ulyanovsk, Russia). E-mail: AzKoIdiat@yandex.ru

SINKRETIZM RELIGIOSITY OF KUMYKS AND NOGAIS AT THE BEGINNING OF THE XXIST CENTURY.

Keywords: sinkretizm religiosity; Kumyks; Nogais; Islam.

In work the general tendencies of the attitude of Kumyks and Nogais to Islam, paganism, atheism and Christianity are analysed. The basis of work was formed given Internet poll, and also by publications of the theological plan of these people. In total 48 Kumyks and 42 Nogais have taken part in poll. Questions of Internet poll consider not only religious self-identification of respondents, but are directed to identification of degree of an involvement interrogated in Islamic, traditional Turkic, pagan and orthodox cultures. Kumyks and Nogais – the people of Turkic group of the Altai language family which believers practise Sunni Islam. Most of Kumyks belong to a shafiitsky mazkhab, and most of Nogais to hanafitsky. Kumyks compactly in the Republic of Dagestan. Most of Nogais live in Dagestan, Karachay-Cherkessia and Stavropol Krai. Religiosity of Kumyks and Nogais often drew attention of scientists. Sinkretizm motives in the publications devoted to religious representations of Kumyks and Nogais are traced regularly. Many archaic ceremonies canonized by local Muslim spiritual figures are executed in the Kumyk and Nogai environment now. The analysis of questionnaires shows that primary religiosity of respondents is at very high level. Most of respondents carry themselves to Muslims and believers. The largest level of primary religiosity was shown by Kumyks – the people which are compactly living in the east of the North Caucasus unlike Nogais whose area of accommodation has more difficult configuration. Among Kumyks there are no non-believers. High level of religiosity of Kumyks is explained by a special transnational role of Islam in multinational Dagestan, it levels the possible interethnic conflicts. One more reason of distinctions consists in a difference between shafiitsky legal school and a hanafitsky mazkhab. By ceremonial and dogmatic part, religiosity of respondents of both groups coincides. Equally Christian Orthodoxy and atheism exerts impact on outlook of these people. The author considers that distinctions in primary religiosity at these people not always have under themselves deeper basis from system of ceremonies and representations. The outlook of Kumyks and Nogais is not rigid system, but a live existential continuum in which there are no strictly certain communications. High primary religiousness not always involves the appropriate high level of ceremonialism or competence of the sphere of dogmatics. Distinctions between the interrogated Kumyks and Nogais are shown especially obviously only at the level of pagan representations. 8 of Nogais and 3 of Kumyks addressed sorcerers and magicians. Safety of these representations has deep historical roots at these people and is connected with a cult of the "islamized" shamanism. In answers of the Nogai respondents polysyncretism is more obviously shown, is defined by scattered moving of this ethnos, and also the general liberal views of a hanafitsky mazkhab in comparison with shafiitsky.

REFERENCES

1. Vasilieva, S.B. (2010) Traditsionnaya i netraditsionnaya religioznost' v sovremennom mire [Traditional and non-traditional religion in the modern world]. *Vestnik Buryatskogo gosuniversiteta – The Buryat State University Bulletin*. 8. pp. 3-8.
2. Taevskiy, D.A. (2001) *Sinkreticheskie religii i sekty* [Syncretic religions and sects]. Moscow: INTRADA.
3. Abdulaeva, E.S. (2007) *Sinkretizm dukhovnoy kul'tury: vzaimosvyaz' obshchego i osobennogo* [Syncretism of spiritual culture: General and special relationships]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Maykop: Adygskiy gosudarstvennyy universitet.
4. Kudryashov, G.E. (1974) *Dinamika polisinkreticheskoy religioznosti: opyt istoriko-etnograficheskogo i konkretno-sotsiologicheskogo issledovaniya genezisa, evolyutsii i otmiraniya religioznykh perezhitkov chuvashey* [Dynamics of polysyncretic religiosity: The experience of the historical-ethnographic and sociological study of the genesis, evolution and regression of religious vestiges among the Chuvash people]. Cheboksary: Chuvashiya Book Publ.
5. Kapustin, N.S. (1984) *Osobennosti evolyutsii religii (na materialakh drevnikh verovaniy i khristianstva)* [Peculiarities of the evolution of religion (a case study of ancient beliefs and Christianity)]. Moscow: Mysl'.
6. Yablokov, I.N. (1974) *Krizis religii v sotsialisticheskoy obshchestve* [The crisis of religion in a socialist society]. Moscow: Znanie.
7. Gezalyan, I.G. (2011) Transformatsiya religioznosti [Transformation of religiosity]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*. 1(101). pp. 152-157.
8. Mchedlov, M.P. (1993) Religioznaya situatsiya v Rossii: realii, protivorechiya prognozy [The religious situation in Russia: Realities and controversies, forecasts]. *Svobodnaya mysl'*. 5. pp. 52-62.
9. Kublitskaya, E.A. (1990) Traditsionnaya i netraditsionnaya religioznost': opyt sotsiologicheskogo izucheniya [Traditional and non-traditional religiosity: Experience of the sociological study]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 5. pp. 95-103.
10. Peykova, Z.I. (1999) Religioznyy portret studenta [The religious portrait of a student]. *Vyshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 5. pp. 109-115.
11. Grashevskaya, O.V. (2014) Study of students' attitude to religion. *Problemy razvitiya territorii – Problems of Territory's Development*. 5(73). pp. 57-68. (In Russian).
12. Idiatullov, A.K. (2014) Religiosity of Karachai students. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 5. p. 718. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/399/11
13. Mironova, N.P. (2009) *Religiya v sisteme samoidentifikatsii studencheskoy molodezhi Respubliki Komi (po materialam sotsiologicheskikh issledovaniy 2007 g.)* [Religion in the system of self-identification of the Komi Republic students (based on sociological surveys of 2007)]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena – Izvestiya: Herzen University Journal of humanities and Sciences*. 92. pp. 75-79.
14. Pavlov, B.S. (2014) K voprosu o religioznosti ural'skikh studentov [On the religiosity of the Ural students]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Izvestia VSTU*. 19(24). pp. 104-109.
15. Sinelina, Yu.Yu. (2009) Stages in the religiousness changes in the Russia's population (1989–2006). *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom - State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 4. pp. 78-88. (In Russian).
16. Gunn, T.J. (2003) The Complexity of Religion and the Definition of "Religion" in International Law. *Harvard Human Rights Journal*. 16. pp. 189-215.

17. Kazmina, O.E. (2007) *Russkaya pravoslavnaya tserkov' i novaya religioznaya situatsiya v sovremennoy Rossii (etnokonfessional'naya sostavlyayushchaya problema)* [Russian Orthodox Church and the new religious situation in Russia today (the ethnoconfessional component of the problem)]. Abstract of History Doc. Diss. Moscow: Moscow State University.
18. Vovchenko, V.A. (2008) K voprosu opredeleniya urovnya, stepeni i kharaktera religioznosti pravoslavnogo naseleniya Rossii (na osnove oprosa studentov vuzov g. Orla) [On determining the level, extent and nature of the Russian Orthodox religiosity of the population (based on a survey of university students from Orel)]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3. pp. 84-87.
19. Pocheptsov, S.S. (2011) Religioznye subkul'tury: problema vzaimosvyazi s subkul'turnymi religiyami [Religious subcultures: The problem of the relationship with the subcultural religions]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 16(8). pp. 104-109.
20. Gadzhieva, S.Sh. (1961) *Kumyki. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Kumyks. The historical and ethnographic research]. Moscow: USSR Academy of Sciences.
21. Guseynov, Yu.M. (2012) *Adat i shariat v semeynom i obshchestvennom bytu kumykov v XIX – nachale XX v.* [Adat and Shariah in family and social life of the Kumyks in the 19th – early 20th centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Nalchik: Kabardino-Balkarian State University.
22. Syzranov, A.V. (2010) Islamicized Shamanism among the Kazakh and Karagash Nogai of the Lower Volga River Area in the 19th and Early 20th Centuries. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1. pp. 47-54. (In Russian).
23. Gmyrya, L.B. (2010) Obryady vyzova dozhdy v traditsionnoy kul'ture tyurkoyazychnykh narodov prikaspiyskogo Dagestana (kumyki, nogaytsy, terekemtsy, azerbaydzhantsy g. Derbenta) [Rain calling rituals in the traditional culture of the Turkic-speaking peoples of the Caspian Dagestan (Kumyk, Nogai, Terekeme people, Azerbaijani Derbent)]. *Vestnik Instituta istorii, arkhologii i etnografii*. 3. pp. 103-124.
24. Idiatullov, A.K. (2015) Religiosity of Russia's Kazakhs in the early 21st century. *Vestnik Chuvashskogo universiteta – Bulletin of the Chuvash University*. 4. pp. 95-98. (In Russian).
25. Lunkin, R.N. & Filatov, S.B. (2005) Statistika rossiyskoy religioznosti: magiya tsifr i neodnoznachnaya real'nost' [Statistics of Russian religiosity: Magic numbers and ambiguous reality]. *Russian Review*. 3–4. p. 9.
26. Idiatullov, A.K. (2015) Religiosity of the Ufa city student (a sace study of Bashkirs and Tatars). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 399. pp. 63-66. (In Russian).
27. Logashova, B.R. (1998) Khanafity [Hanafiyah]. In: Tishkov, V.A. (ed.) *Narody i religii mira* [Peoples and religions of the world]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya. p. 849.
28. Puchkov, P.I. (1998) Islam [Islam]. In: Tishkov, V.A. (ed.) *Narody i religii mira* [Peoples and religions of the world]. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya. pp. 734-739.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ И ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ

УДК 94(47) «17»

DOI 10.17223/19988613/41/17

М.В. Симонова

К.А. БУЛАВИН В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Рассматриваются оценки отечественных историков личности и деятельности Кондратия Афанасьевича Булавина, который возглавлял казачье восстание на Дону в 1707–1708 гг. Дореволюционные исторические труды по большей части являют собой апологетику деятельности Петра I и негативно оценивают деятельность Булавина. Советские историки первыми обратили внимание на личность атамана и дали ей подробную характеристику. Современные исследователи опровергают многие тезисы и гипотезы предыдущих исследователей. Казачьи исследователи, по понятным причинам, позитивно оценивают вождя восстания.

Ключевые слова: К.А. Булавин; отечественная историография; исторический портрет.

Восстание, организованное на Дону и его притоках Кондратием Афанасьевичем Булавиным, произошло в 1707–1708 гг. На протяжении XVIII–XX вв. появлялись всё новые сведения об этом событии, но каждый раз одним и тем же фактам давались разные оценки. Цель данной статьи – выявить динамику оценок личности К.А. Булавина и его действий в отечественной историографии.

В данной работе используется общепринятое деление историографических работ на три периода: дореволюционный (XVIII–XIX вв.), советский (XX в.) и современный. Для характеристики оценок дореволюционной историографии использованы сочинения А.И. Ригельмана, И.И. Голикова, В.Б. Броневского, П.П. Ламбина, С.М. Соловьёва, Н.И. Костомарова, Ф.Д. Крюкова и Е.П. Савельева. Советский период представлен трудами П.Н. Краснова, В.И. Буганова, Е.П. Подъяпольской, В.И. Лебедева. Постсоветский период – работами О.Г. Усенко, Н.А. Мининкова, А.Г. Шкварова.

Одна из наиболее ранних работ о казачестве, где есть сведения о выступлении К.А. Булавина, – «История, или Повествование о донских казаках» А.И. Ригельмана, которая была закончена к 1778 г., но напечатана только в 1846 г. [1]. А.И. Ригельман был военным и государственным деятелем, в звании генерал-майора ушёл в отставку и занялся историческими исследованиями. По его сведениям, Булавин начал действовать после того, как к нему в руки попала грамота войсковой старшины с призывом оказывать сопротивление сыскающей компании князя Долгорукого. Характеризуется Булавин негативно: «Сей злодей, Кондрашка Булавин, был Войска Донского казак, жительства из бывшей Трехизбянской станицы на Северном Донце» [Там же. С. 86]. К этой же характеристике добавлено описание разбойничьих действий Булавина и его отряда. Они уходили от границы за сто и более вёрст в Крымские степи и разрывали там курганы в поисках драгоценно-

стей. Исследователь утверждает, что Булавин действовал по своей инициативе и войсковая старшина в этом замешена не была, как утверждал сам атаман. Булавин, по мнению А.И. Ригельмана, выдумал эту грамоту, чтобы привлечь к разбою казаков. В книге говорится, что Булавин провёл зиму 1707–1708 гг. в Пристанском городке, хотя он находился в этот период в Запорожской сечи.

Иван Иванович Голиков (ок. 1734–1801) дал оценку личности К. Булавина в труде «Деяния Петра Великого». Несомненным плюсом этой работы является то, что автор обработал большое число документов, некоторые из них он приводит полностью с небольшими пояснениями. По словам С.М. Соловьёва, труд И.И. Голикова – «многотомный панегирик» российского царя [2. С. 542], поэтому очевидно, что антиправительственные действия К.А. Булавина им оценены крайне негативно. Кроме этого, отсутствует объективная оценка личности вождя казачьего восстания, а также затруднительно её распознать в тексте И.И. Голикова из-за того, что он проводит обзор действий только правительства и Петра I. Характеристика К.А. Булавина, которую можно почерпнуть из «Деяний Петра Великого», однозначна: «бунтовщик», «злодей», «злой бунтовщик». При первом упоминании имени Булавина автор именует его «Кондрашка Булавин» [3. С. 307], как было принято именовать людей низшего звания.

В.Б. Броневский в своей работе «История Донского войска» показал Булавина как пособника Мазепы: «Сей коварный предатель (И. Мазепа. – М.С.), еще таяся, хотя не успел во всех своих предположениях, но сыскал в войске Донском подобного ему Иуду в лице Кондрата Булавина; сыскал и не ошибся в своем выборе» [4]. По словам автора, Мазепа и Булавин вели тайную переписку. Ссылаясь на грамоты Булавина, автор характеризует его как раскольника и изменника. Аргументом (хоть и сомнительным) в пользу тезиса о том,

что Булавин был раскольником, является то, что городки, населённые старообрядцами, принимали Булавина и его отряды как своих. Требование Мазепы казакам Запорожской сечи выдать Булавина во время его пребывания там автор считает лишь действием для отвода глаз. Кроме этого, в сговоре участвовал и кошевой атаман Запорожской сечи Гордиенко, который несколько раз посылал отписки царю по поводу указа поимки и выдачи Булавина. Несмотря на негативную оценку личности и деятельности Булавина, В.Б. Броневский не оставляет без внимания достоинства атамана: «распоряжения и действия его показывают человека решительного, с духом, быть может, более дерзновенным, нежели силы и способности его то позволяли» [4]. По мысли автора, Булавина можно было бы назвать Байрактаром, «если бы храбрый сей Казак защищал правое дело» [Там же]. В самоубийстве атамана автор увидел благородство, так как он предпочёл смерть побегу.

В 1870 г. в журнале «Русская старина» П.П. Ламбин напечатал ряд документов, посвящённых булавинскому бунту, с небольшими пояснениями. Эти документы разделены на пять частей: воззвания атамана войска Донского Кондратия Булавина; письма майора кн. В.В. Долгорукого к князю А.Д. Меншикову; повинная казаков Сухаревской станицы; просьба походных юртовых донских калмыков об отпуске их из Польши в Черкасск; письмо царевича Алексея Петровича к князю Меншикову. Самым объёмным из этих блоков стал первый, содержащий воззвания К.А. Булавина. Интересно, что П.П. Ламбин сделал замечание по поводу использования историками текста воззвания К.А. Булавина к кубанским казакам: «о воззвании этом мы не нашли никаких сведений ни в статье “Булавин” С.М. Соловьёва, ни в “Истории Донского войска” В. Броневского, ни в “еяниях Петра Великого”, ни в “Журнале Петра Великого”» [5. С. 1]. Автор считает, что именно этот документ объясняет события с позиций самих булавиновцев. Таким образом, Булавин выступает как недооценённый деятель.

В статье С.М. Соловьёва «Булавин» («Рассказы из русской истории XVIII века») впервые встречается попытка разобрать события 1707–1708 гг. с позиций составших, т.е. даны представления автора о мотивах действий К.А. Булавина и его отрядов, хотя само восстание, по мнению С.М. Соловьёва, было обычным казацким выступлением [6. С. 590], а К.А. Булавин назван историком «новым Разиным» [Там же. С. 593]. Атаман возглавил отряд казаков, которые были недовольны изъятием беглых людей с Дона розыскной командой Юрия Владимировича Долгорукова. О самом К.А. Булавине историк сообщает лишь то, что он был бахмутским старшиной [Там же].

Упоминает автор и о том, что Булавин имел пособников в лице войсковой старшины Черкаска, которые негласно поддерживали его действия, но при отписках царю осуждали его. Внимание привлекает описание историком действий атамана: рассылка пре-

лестных писем; набор людей в свои отряды как добровольно, так и принудительно; разорение попутных деревень. Здесь можно говорить о том, что Булавин с поддержкой старшины войска Донского мог чувствовать себя намного увереннее и свободнее и вряд ли войсковая старшина во главе с Лукьяном Максимовым спустились бы с рук подобные действия Булавину. Историк провёл анализ событий булавинского восстания, но почти не останавливался на личности самого Булавина.

Н.И. Костомаров, как и С.М. Соловьёв, рассматривает булавинское восстание очень сжато в рамках изложения событий, происходивших тогда в России, особое внимание уделяя Северной войне. Не упоминает Костомаров о сообщничестве Булавина и Л. Максимова, а представляет их противниками. Историка возмущает и удивляет способ воззвания Булавина: «...он требовал, чтобы отовсюду половина жителей шла за веру и за царя (!) для того, что злые бояре и немцы злоумышляют» [7. С. 654]. В нём содержится явное противоречие с действиями атамана: убийство Ю. Долгорукого, посылка писем турецкому султану с просьбой подданства.

Немаловажное значение имеют работы представителей из среды казачества. К ним относятся Ф.Д. Крюков, Е.П. Савельев и П.Н. Краснов.

Рукопись Ф.Д. Крюкова, написанная в 1890-е гг., но опубликованная сравнительно недавно, в 2004 г. Рукопись носит художественный характер, но исторический материал проработан автором основательно: «...многочисленные ссылки на труды Савельева, Сухорукова, Костомарова, Соловьёва говорят о том, насколько детально и достоверно рассмотрен Крюковым этот исторический эпизод Булавинского восстания» [8. С. 11]. Источники, которые использовал Ф.Д. Крюков, – грамоты К.А. Булавина, материалы переписки казаков между собой и казацкие песни. Исследователи указанной рукописи (А.Г. Макаров, С.Э. Макарова) полагают, что основной причиной рассматриваемых событий был не только сыск беглых на Дону, но и личность самого казацкого атамана – К.А. Булавина, «умом и волею своею понявшего всю значимость наступившего момента для донской истории и подвигшего всю неоформленную, неготовую, туповатую казацкую массу на решительный и смертельный бой за исконные казацкие права» [9. С. 17]. Ф.Д. Крюков – один из немногих авторов, который уделяет внимание характеристике личностных качеств вождя восстания, называя его одним из «блистательных рыцарей» [10. С. 72].

Действия К.А. Булавина Ф.Д. Крюков представляет своему читателю вынужденными из-за экспедиции князя Ю.В. Долгорукова, которая отличалась исключительными жестокостями [Там же. С. 42]. После расправы над князем и его отрядом в Шульгинском городке К. Булавина встречали по станицам с хлебом-солью, так как все этим были довольны. Ещё одна черта

К. Булавина, на которой заостряет внимание автор, – гуманность, бережное отношение к жизням соотечественников. Речь идёт о сюжете осады Черкаска, когда атаман решил не брать город приступом, а выждать во избежание лишнего кровопролития [10. С. 49]. В отличие от остальной массы казачества, которая требовала посылать повинную к Петру I, К. Булавин понимал, что за убийство князя Долгорукого царь применит к ним наказание в виде лишения исконных прав казачества. Такое умение анализировать складывающуюся политическую ситуацию является ещё одной чертой личности К. Булавина по описанию Ф.Д. Крюкова [Там же. С. 54]. По словам писателя, атаман подвергся обычной участи казацких вождей, которого предали при первых военных неудачах.

Со временем написания работы Ф.Д. Крюкова совпадает время издания энциклопедии «Брокгауза и Ефрона» (1890–1907). Её редакторы и авторы статей являлись представителями официальной историографии того периода. А.Г. Макаров и С.Э. Макарова указывают на расхождение взглядов Ф.Д. Крюкова и автора статьи ЕСБЕ на восстание и самого его вождя [9. С. 19]. Таким образом, работа Ф.Д. Крюкова не вписывалась в рамки официальной исторической мысли. И действительно, у Ф.Д. Крюкова Булавин представлен как человек, стремящийся отстоять исторические права всего казачества на вольницу. В статье энциклопедии «Брокгауза и Ефрона» К.А. Булавин – это пособник Мазепы и человек, который, воспользовавшись удобным моментом (действия отрядов Ю.В. Долгорукова по сыску беглых), собрал ораву бродяг и организовал возмущение. При этом атаман войска Донского Л. Максимов изображён рьяным служителем царя и защитником его интересов [11].

Известный историк казачества Е.П. Савельев в 1915–1918 гг. издал работу «Древняя история казачества» [12], которую в советский период не перепечатавали. В этой работе Булавин представлен следующим образом: «Атаман Бахмутского городка Кондратий Афанасьевич Булавин, человек твёрдого характера, поборник старого казачьего права» [Там же. С. 412]. Он разорил и прогнал местных солепромышленников на Бахмуте и завладел ими сам. За этими событиями следует описание действий князя Ю.В. Долгорукова, которого автор назвал «казначившимся царским вельможей», получившим полную свободу действий на Дону [Там же. С. 413]. Действия Долгорукого привели к тому, что Дон восстал, и Булавин не мог не откликнуться. На общем кругу было решено убить князя. После исполнения принятого решения Булавин начинает призывать к себе казаков. Интересно, что Е.П. Савельев не говорит о наличии связи Булавина с войсковой старшиной войска Донского. Войсковой атаман Лукьян Максимов выступает как рьяный борец с антигосударственными движениями, и Савельев пишет о том, что Максимов даже рассылал по Дону письма для убеждения восставших в пагубности затеянного [Там же.

С. 414]. Связанные с ходом восстания события совпадают с изложением других историков, поэтому нет смысла на этом останавливаться. Гибель Булавина описана как самоубийство без каких-либо сомнений. Но есть одна любопытная деталь, о которой не упоминает ни один автор. Е.П. Савельев приводит легенду, по которой вместе с Булавиным в курени находилась его дочь Галя, переодетая в мужскую одежду: «видя, что отец взвёл курок, вскочила, обнажила кинжал и проколола себе грудь» [Там же. С. 420]. На основе собранного исторического материала в 1917 г. в Новочеркасске Савельевым была опубликована работа «Булавин и Некрасов. Историческая драма».

Ещё одним историком казачества является П.Н. Краснов, личность которого сама по себе неоднозначна. После Гражданской войны, являясь ярым противником большевиков, он был вынужден эмигрировать, а в годы Второй мировой войны воевал на стороне гитлеровцев. Его фраза «Хоть с чёртом, но против большевиков» является обоснованием его действий. Находясь в Берлине в 1943 г., П.Н. Краснов напечатал книгу «Исторические очерки Дона». После окончания Великой отечественной войны он был выдан советским властям и в 1947 г. повешен, а в 2008 г. был безуспешно поднят вопрос о его реабилитации [13]. П.Н. Краснов в своей книге подчёркивает, что К.А. Булавину оказывалась поддержка со стороны Л. Максимова, но тайно. Булавин представлен как защитник исторических прав и свобод казачества от посягательства российского царя. «Придет Тихому Дону конец, – говорил Булавин Боровскому атаману, – если не восстанет он, как один, против Петра и не прогонит со своих земель Русские войска» [14]. Таким образом, как и у Ф.Д. Крюкова, в работе П.Н. Краснова наблюдается апологетика вождя восстания.

В советский период восстание К.А. Булавина представлено как антифеодальное и как движение по отставанию вольностей казачества. Бывший бахмутский атаман станицу за станицей склонял к восстанию своими прелестными письмами [15. С. 291]. Они призывали чернь не работать на полях, расправляться с помещиками, собираться в отряды и идти на Дон, обещали снабдить оружием и конями. При этом Булавин противодействовал верным царю казакам во главе с Л. Максимовым. Интересно, что в «Истории СССР» смерть Булавина уже описывается как убийство, а не самоубийство: «...мятежный атаман пал от руки есаула Ананьина» [Там же. С. 293].

Е.П. Подъяпольская во вступительном слове перед рядом новых публикуемых документов [16] поставила проблему изучения биографии К. Булавина. Впервые публиковался материал расспроса атамана Кульбаки, который сообщил, что Булавин был выходцем из русских, «салтовец», т.е. уроженец городка Салтова Харьковского полка. Автор указывает, что родня Булавина была из казачьей среды и сам он к моменту восстания

был казаком Трехизбянской станицы. На основании этого построено предположение о том, что Булавин не принадлежал к «черкасским» низовым казакам, из среды которых избирались войсковая старшина и атаман Донского войска [16].

Ряд документов, относящихся к восстанию и деятельности Булавина, был напечатан в 1967 г. В.И. Недосекиным [17] – это грамоты Петра I. В них исследователь обнаружил новые сведения о действиях Ивана Лоскута – ближайшего сподвижника Булавина.

Владимир Иванович Лебедев, специалист по изучению казачьих и крестьянских восстаний в эпоху Петра I, движению К.А. Булавина посвятил целую книгу «Булавиноское восстание 1707–1708» [18]. Восстание Булавина исследователь ставит в один ряд с движениями Болотникова, Разина, Пугачёва. Очень тесно связаны итоги восстания С.Т. Разина с причинами восстания К.А. Булавина. Обращено внимание на малочисленность источников о личности Булавина и их противоречивость. Противоречие заключено между показаниями бывшего бахмутского атамана Кулбаки и материалами по розыску родственников К. Булавина белгородским воеводой Голицыным. Кулбака показал, что «Булавин природою подлинный салтовец из русских людей». По розыску Голицына выходило, что Булавин из Трехизбянского городка (материалы допроса атамана Петрова от 4 ноября 1707 г. в Посольском). Сам историк предполагает, что «Булавин был сходцем из русских селений, может быть, и из Салтова, а затем поселился в Трехизбянском городке» [Там же]. На Бахмут Булавин был отправлен Ильёй Зерщиковым. Приведены отклики современников об атамане, в которых он представлен как человек храбрый и решительный. Но, на наш взгляд, эта оценка однобока, так как вряд ли солепромышленники на Бахмуте, разорённые Булавиным, отзывались о нём лестно, или те люди, которые были лишены имущества.

Когда начинается розыскная компания князя Долгорукого, Булавин создаёт отряд для расправы над ним. В.И. Лебедев отрицает наличие сговора между войсковым старшиной Л. Максимовым и К. Булавиным, так как считает это недоказанным: «Единственным доказательством этого является донос казака Л. Карташа. Однако это мнение вряд ли может быть оправдано» [Там же]. Не признаётся им наличие связи Булавина с гетманом Мазепой из-за отсутствия документов, которые подтверждали бы это. Так как восстание Булавина представлено им как форма классовая борьба, то соответственно приведено описание действий Булавина в этом направлении. Став войсковым атаманом, Булавин провёл ряд мер: казнил старшин, относящихся к домовитым (зажиточным) казакам; восстановил права казачества на распоряжение своей внутренней и внешней политикой; снизил цены на закупку хлеба.

В.И. Лебедевым рассмотрены две версии смерти Булавина: самоубийство (из показаний старшин Зерщикова, Григорьева, запорожца Верховира и др.) и

убийство (со ссылкой на историка Е.П. Подъяпольскую). Сам автор на основе изученных им материалов склоняется ко второй версии и считает, что версия о самоубийстве К. Булавина исходила от домовитых казаков, которые, боясь разоблачения, постарались убить его.

Ещё более масштабной и детальной работой является книга советского историка В.И. Буганова «Булавин». Историк показывает Булавина не просто как казачьего вождя, но и как человека со своими личными проблемами и переживаниями. Работа содержит описание юности атамана, его женитьбы, начала службы. Автор приводит сведения о происхождении К.А. Булавина: «Кондратий Афанасьевич родился и первое время жил в городках восточной части Левобережной Украины, прилегавшей к войску Донскому, южным и юго-западным уездам России» [19]. Личность атамана складывалась в среде казачества, под обаянием рассказов и песен дедов и отцов о походах и сражениях. Когда пришло время жениться, Булавин проживал в станице Трехизбянской близ устья Айдара, левого притока Северского Донца, к востоку от Бахмута и Тора. Его первой женой стала Провоторова Любовь Поликарповна. Боевым крещением стал поход против кубанцев и крымцев [Там же]. После этого Кондрат Афанасьевич становится станичным атаманом в Трехизбянской. По сведениям В.И. Буганова, Булавин не был обучен грамоте, что позднее подтвердил О.Г. Усенко.

На основе материалов книги В.И. Буганова можно говорить о том, что Булавин занимал высокое социальное положение в среде казачества. Кроме этого, у К.А. Булавина были во владении солеварни на Бахмуте. В этом историк видит причину бахмутского дела: «Можно полагать, Кондрат имел не только курень и атаманскую булаву, но и какое-то имущество, движимое и недвижимое, в том числе уголья, солеварни и, возможно, наемных работников. Недаром год-другой спустя он явится над солеварями и в целом над Бахмутом атаманом» [Там же]. В 1705 г. Булавин во главе военного отряда напал на бахмутские уголья, которые были отданы в распоряжение Изюмского полка. После этого авторитет Булавина только возрос и укрепился среди казачества. В.И. Буганов предположил, что по вероисповеданию К.А. Булавин был раскольников, как и его ближайшие сторонники, что отражено в прелестных письмах булавиновцев.

По мнению В.И. Буганова, Булавин не просто пользовался негласной поддержкой войсковой старшины во время 1707 г., но был ею привлечён к расправе над отрядами Долгорукого: «...и старшина, несмотря на все колебания, решилась не соглашаться с Москвой, но не открыто, с оружием в руках, а с помощью других казаков, особенно из значных, старожилых в верховских городках, за которыми, как она была уверена, и не без оснований, пойдут голутвенные казаки и новопришлые людишки» [Там же]. Выбор пал на Булавина именно из-за его успехов в Бахмуте.

После того как войсковая старшина официально объявила Булавина преступником, обвинив его в самовольном убийстве главы сыскальной компании на Дону князя Ю.В. Долгорукого, Булавин на круге вынес решение о смертной казни предателей. Стало быть, К.А. Булавин совершенно справедливо расправился с руководителями войска Донского, которые его предали и представили как изменника перед царём. За поимку атамана даже была назначена награда в 200 рублей. Несмотря на сложившиеся обстоятельства, Булавин продолжил начатое им дело борьбы за вольности казачества, так как был глубоко убеждён в своей правоте и необходимости своих действий. Когда Булавин находился в Запорожской Сечи для набора бойцов, произошёл арест его второй жены Анны Семёновны и сына, которых отвезли в Белгород. Как пишет В.И. Буганов, это стало тяжелейшим ударом для атамана и он «впоследствии, уже в разгар восстания, будет упорно добиваться, впрочем безуспешно, ее возвращения» [19].

В.И. Буганов восхищается отвагой, проявленной атаманом и булавинцами летом 1708 г.: «Первая половина июля – время решительных сражений повстанцев с карателями, время героическое и трагическое» [Там же].

Историк также отрицает официальную версию самоубийства Булавина, утверждая, что он пал от рук Степана Ананьина. Версия о самоубийстве, по словам В.И. Буганова, была распространена для обработки общественного мнения. Необходимо было отважного атамана показать трусом и малодушным человеком. Кроме того, это было выгодно черкасской старшине, так как Булавин был осведомлен об их первоначальных планах неподчинения царскому указу о сыске беглых людей на Дону. Рассуждая о ложной версии самоубийства атамана, Буганов ссылается на показания современников (Иван Наумов – атаман Сухаревои станицы, новобородицкий житель, бригадир Шидловский, старшины из Рыковской станицы, Илья Зерщиков – следующий войсковой атаман), которые говорили именно об убийстве Булавина.

Представитель современной исторической науки О.Г. Усенко в своей статье «К уточнению биографии К.А. Булавина» обратил внимание на ряд спорных вопросов в историографии главы булавинского восстания и его личности. К таким вопросам относятся: происхождение Булавина, пребывание его на должности бахмутского атамана, вероисповедание Булавина и причины выступления. Уточнение биографии К.А. Булавина автор начинает с выяснения причин конфликта между изюмцами и донцами. Автор указывает, что изюмцы ссылались на царскую грамоту об отписке земель в их пользу, а донцы – на свою «обычность». Действия самого Булавина соответствуют войсковому праву, так как донцы подчинялись приказам только за войсковой печатью Черкаска. Действия Булавина по аресту дьяка А. Горчакова в июне 1706 г. были одобрены черкасской старшиной. Но в конце того же года Булавина сняли с поста бахмутского атамана, так как в сен-

тябре 1706 г. была получена грамота царя с выражением недовольства разгромом бахмутских солеварен. Войсковая администрация всю вину переложила на Булавина. Поэтому, по мнению О.Г. Усенко, с февраля 1707 г. «К. Булавин имел все основания считать себя оскорблённым» [20. С. 102]. По мнению историка, Булавин при нападении на отряд Ю.В. Долгорукова преследовал сугубо личные цели: расправиться со своими обидчиками (часть войсковых старшин сопровождала Долгорукова), подорвать позиции Л. Максимова [Там же. С. 103].

Что касается вопроса происхождения атамана, то О.Г. Усенко предполагает, что Булавин был из числа старожилых казаков. В пользу этого тезиса приведены следующие аргументы: в Бахмуте он руководил старожилыми казаками, а не гольтыбкой; к началу XVIII в. его отец был станичным атаманом. Автор провёл анализ фамилии Булавина и сделал вывод о том, что в источниках упоминается именно фамилия «Булавин» или «Буловин», а не прозвище или отчество. Следующий вывод автора достаточно неожиданный: «...возникает предположение, что К.А. Булавин по своему происхождению не принадлежал к податному сословию. Вполне вероятно, что он вышел из “детей боярских”» [Там же. С. 104]. В качестве подтверждения приведена «верстальная челобитная» от имени «Воронежского уезда села Подхлевно сына боярского Васьки Лазарева сын Булавина» от 1670/71 гг. Ещё одним аргументом стало повседневное обращение среди казаков к представителям рода Бобылиных, которые до поселения на Дону были детьми боярскими. К ним обращались только по фамилии, как и к самому Булавину.

Опровергает О.Г. Усенко и гипотезу о приверженности К. Булавина к расколичеству, опираясь на «Дело по прошению Бахмутской станицы атамана Кондратя Булавина с товарищи о посвящении оной станицы дьячка Ивана Гаврилова в попы... о постройке церкви во имя Иоанна Предтечи и о даче для оной церковной утвари» [Там же] от 1705 г. Эти же идеи О.Г. Усенко высказывал уже с 1991 г. с момента написания кандидатской диссертации [21].

До сих пор не перестают публиковаться новые архивные материалы по истории восстания. В 2002 г. в сборнике «Новый часовой» (СПб.) был напечатан документ, который содержит первое упоминание о Булавине. Это список с памяти из Адмиралтейского приказа в Посольский приказ от 31 июля 1706 г. Список является частью дела по донесению полковника Изюмского полка бригадира Фёдора Шидловского с жалобой на донских казаков, в которой он описывает события 1705 г., т.е. сюжет разорения Булавиным Бахмутских солеварен. Н.А. Мининков [22] – автор публикации – утверждает, что этот источник историки ранее использовали, но никто не давал на него ссылку. Булавин выступает в этих событиях как представитель интересов всего Донского казачества, так как его поддерживали донские старшины: «Эти старшины

заявили, что войско Донское во главе с войсковым атаманом Лукьяном Максимовым никакого разрешения на осмотр и опись соляных промыслов не давало и, следовательно, действия Булавина также считает правильными» [22].

Другой историк – А.Г. Шкваров – издал в 2010 г. книгу «Петр I и казаки» [23], которая разделена на три главы. Каждая из них характеризует один и тот же исторический период, но с разных позиций истории казачества: в рамках религии, борьбы за казацкую вольницу и в рамках государственной службы. При этом исследователь обратил внимание, что история казачества в связи с религией почти не изучалась ранее.

А.Г. Шкваров поддерживает тезис об убийстве Булавина. Он опирается на религиозную составляющую вопроса и считает, что Булавин не мог наложить на себя руки из-за греховности данного действия. Также для статуса и образа жизни казака предпочтительнее погибнуть в бою. Шкваров полагает, что сама расправа (непогребение и надругательство) над телом атамана была необходима именно для религиозного устрашения населения: в Азове его обезглавили, голову насадили на кол, а тело подвесили за ноги. Затем по указу Петра останки Булавина привезли в Черкасск, расчленили и на специально установленных колёсах возили по городку. Само восстание Булавина историк считает продолжением борьбы староверов после 1695 г. Автор не отрицает политического и социального подтекста, но подчёркивает, что в качестве основного лозунга была выдвинута вера: «Всем старшинам и казакам за дом Пресвятой Богородицы, за истинную христианскую веру и за великое войско Донское, также сыну за отца, брату за брата и другу за друга стать и умереть за одно. Зло на нас умышляют, жгут и казнят напрасно, вводят нас в еллинскую (новую) веру и от истинной отвращают...» [Там же]. События на Бахмутских солеварнях названы прологом к восстанию Булавина.

Историк предполагает, что отец Булавина был слободским казаком Харьковского полка и по каким-то причинам оставил Салтов. Он обратил внимание на расхождение сведений о дате рождения Кондрата (от 1659 до 1671 г.), однако всё сходится в месте его рождения – указывается территория войска Донского, станция Трёхизбянская. Рассуждая о вопросе даты рождения Булавина, историк называет 1671 г., так как, вероятно, семья Булавиных покинула Слободщину в период малороссийских смут и междоусобиц 1658–1669 гг. Шкваров перечисляет родственников, которые принимали участие в событиях восстания: родные братья – Антип и Иван, жена Анна (Ульяна) Семеновна, сын Никита (Никифор) и дочь Галина.

Шкваров подтверждает, что действия Булавина были согласованы с войсковой старшиной. Старшиной К. Булавин был замечен не во время бахмутских событий, а раньше, ещё во время азовских походов. Для отстаивания бахмутских солеварен донская старшина

снарядила отряд в 500 человек во главе с К. Булавиным. Они разгромили все солеварни изюмцев, изъяли соль и продали её.

Действия К.А. Булавина в Шульгинском городке видятся историку закономерными, как реакция на жестокие расправы, проводимые отрядами Ю.В. Долгорукова. После этих событий лозунги Булавина меняются, он начинает призывать к разбою.

А.Г. Шкваров возвращается к вопросу взаимодействия К. Булавина и И. Мазепы. Историография советского периода связь Булавина с Мазепой отрицает, поскольку измена гетмана Петру I остается очевидной, а связь с предателем бросала тень на «героическую фигуру» мятежного атамана, провозглашённого продолжателем дела С. Разина [Там же]. Булавин пытался привлечь к восстанию казаков Запорожской Сечи, но безуспешно. Оттуда он был вынужден вернуться на Дон, так как И. Мазепа требовал подчиниться царскому указу о выдаче Булавина. Кроме этого, Мазепа снарядил два полка против булавиновцев, между которыми состоялась стычка, что подтверждает царская грамота о награждении отличившихся казаков Мазепы в этой схватке. Таким образом, автор опровергает связь Мазепы и Булавина.

Когда Булавин стал войсковым атаманом, он понимал, что против царской армии ему не выстоять, поэтому стал рассылать грамоты с просьбами о помощи, а также составил план отхода на Кубань. Этот план впоследствии был осуществлён И. Некрасовым – сподвижником Булавина. А.Г. Шкваров отмечает коллективность обращений на Кубань, т.е. Булавин писал от войска Донского, а не от себя лично. Булавинское восстание представляет как часть борьбы старообрядцев не только А.Г. Шкваров, но и исследователь В.Н. Водолазко [24].

В итоге можно сделать следующие выводы. Определилось несколько спорных вопросов. Одним из них стало изучение обстоятельств смерти К.А. Булавина. В советской исторической науке впервые появляется версия об убийстве Булавина (до этого официальной версией было его самоубийство). Ещё один спорный вопрос – поддержка Булавина войсковой старшиной. Его разрешение поможет определить мотивы деятельности Булавина.

Авторы, которые трудились до революции, в основном являлись апологетами деятельности Петра I, поэтому они давали негативную оценку К.А. Булавиному и его деятельности. Не уделялось внимания биографии и характеристике личности атамана. К этим историкам относятся А.И. Ригельман, И.И. Голиков, В.Б. Броневский, П.П. Ламбин, С.М. Соловьёв, Н.И. Костомаров. Советские историки расширили представление о личности К.А. Булавина за счёт публикаций новых архивных материалов и дискуссий. В этот период выделились специалисты по изучению антиправительственных движений в целом и булавинского восстания в частности (Е.П. Подъяпольская, В.И. Буганов, В.И. Лебедев).

В.И. Буганов особое внимание уделил выдающимся личностным характеристикам вождя восстания. Представители современной историографии продолжают издавать архивные материалы, относящиеся к восстанию, и выдвигают новые гипотезы о происхождении Булавина. О.Г. Усенко, в отличие от других историков, видит в действиях К. Булавина не столько социальные, сколько личные мотивы. Атаманом руководила личная обида, а не отстаивание исконной казачьей воли. А.Г. Шкваров впервые говорит о том, что булавинское

восстание – это часть борьбы старообрядцев. Следовательно, сам Булавин руководствовался именно религиозными мотивами, хотя до сих пор не установлено, был ли Булавин старообрядцем. Из числа всех работ следует отдельно выделить труды историков казачества Ф.Д. Крюкова, Е.П. Савельева и П.Н. Краснова, в которых Булавин представлен как блистательный рыцарь, защищающий казачьи права от посягательства правительства. В целом же можно констатировать скудость информации о казацком вожде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ригельман А.И. История или повествование о донских казаках. М. : Университетская типография, 1846. 161 с.
2. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М. : Соцэкгиз, 1963. Кн. 9. 700 с.
3. Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенных по годам. М. : Типография Николая Степанова, 1837. Т. 2. 550 с.
4. Броневский В.Б. История Донского войска: описание Донской земли и Кавказских Минеральных Вод : в 2 ч. СПб, 1834. Ч. 1. URL: <http://www.adjudant.ru/lib/bronevsky1-10.htm>, свободный (дата обращения: 23.01.2016).
5. Ламбин П.П. Булавинский бунт // Русская старина. СПб., 1870. Т. II. С. 1–13.
6. Соловьев С.М. Рассказы из русской истории XVIII века // Чтения и рассказы по истории России. М. : Правда, 1989. С. 590–604.
7. Костомаров Н.И. История России в жизнеописаниях её главнейших деятелей. М. : Эксмо, 2005. 1024 с.
8. Дода Л.Н. Исторические параллели Фёдора Крюкова // Ф.Д. Крюков. Булавинский бунт (1707–1708). Этуд из истории отношений Петра Великого к Донским казакам. Неизвестная рукопись из Донского архива Фёдора Крюкова. М. : АИРО-XX ; СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. С. 7–14.
9. Макаров А.Г., Макарова С.Э. Неизвестная рукопись из Донского архива Фёдора Крюкова // Ф.Д. Крюков. Булавинский бунт (1707–1708). Этуд из истории отношений Петра Великого к Донским казакам. Неизвестная рукопись из Донского архива Фёдора Крюкова. М. : АИРО-XX ; СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. С. 15–39.
10. Крюков Ф.Д. Булавинский бунт (1707–1708). Этуд из истории отношений Петра Великого к Донским казакам. Неизвестная рукопись из Донского архива Фёдора Крюкова. М. : АИРО-XX ; СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. 208 с.
11. Вейнберг Л.Б. Булавин Кондрат // Энциклопедический Словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz>, свободный (дата обращения: 12.01.2016).
12. Савельев Е.П. Древняя история казачества. М. : Вече, 2007. 480 с.
13. Матвеева П. «Единой России» хоть с чёртом // Газета.ру. 2008. URL: http://www.ryzkov.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=18729&catid=2:2011-12-26-10-24-39&Itemid=26, свободный (дата обращения: 9.11.2016).
14. Краснов П.Н. Исторические очерки Дона. Берлин : На казачьем посту, 1943. Ч. 1. URL: <http://profilib.com/chtenie/83316/petr-krasnov-istoricheskie-ocherki-dona.php>, свободный (дата обращения: 9.01.16).
15. История СССР с древнейших времён до наших дней : в 12 т. М. : Наука, 1967. Т. 3. 662 с.
16. Подьяпольская Е.П. Новое о восстании К. Булавина // Исторический архив. 1960. № 6. С. 119–142. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1700-1720/Bulawin/Novoe_o_vosstanii/pred.htm, свободный (дата обращения: 15.02.2016).
17. Недосекин В.И. Новые данные о Булавинском восстании // Советские архивы. 1967. № 3. С. 107–111. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1700-1720/Bulawin/Nov_dannye/text.htm, свободный (дата обращения: 21.02.2016).
18. Лебедев В.И. Булавинское восстание 1707–1708. М. : Просвещение, 1969. URL: <http://kazachiy-krug.ru/stati/est-takoe-mnenie/bulavinskoe-vosstanie-17071708>, свободный (дата обращения: 14.02.2016).
19. Буганов В.И. Булавин. Молодая гвардия, 1988. URL: http://royallib.com/book/buganov_viktor/bulavin.html, свободный (дата обращения: 26.10.15).
20. Усенко О.Г. К уточнению биографии К.А. Булавина // Россия в XVIII столетии. М. : Языки славянской культуры, 2002. Вып. 1. С. 97–108.
21. Усенко О.Г. Социально-политические представления участников народных движений в России XVII–XVIII вв. (на примере восстания К.А. Булавина) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. : МГУ, 1991. 22 с. URL: <http://olegusenko1965.narod.ru/index/0-2>, свободный (дата обращения: 21.02.2016).
22. Мининков Н.А. Первое упоминание о Кондратии Булавине // Новый часовой. СПбГУ. 2002. № 13–14. С. 225–230. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1700-1720/Bulawin/pamjat_golovin_31_07_1706.htm, свободный (дата обращения: 18.02.2016).
23. Шкваров А.Г. Петр I и Казаки. СПб. : Алетей, 2010. 456 с. URL: <http://www.proza.ru/2010/03/28/1210>, свободный (дата обращения: 03.02.16).
24. Водоласко В.Н. Старообрядчество на Дону: история и современность (поселения на реке Медведице, старообрядческие имена и говоры) // История и география русских старообрядческих говоров : сб. ст. / Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук ; Университет г. Тромсё (Норвегия). М., 1995. С. 5–13.

Simonova Marina V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: simonova_marina42rus@mail.ru

COSSACK LEADER K. A. BULAVIN IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY.

Keywords: K.A. Bulavin; national historiography; historical portrait.

In 1707–1708 Kondraty Afanasyevich Bulavin led the Cossack rebellion on the river Don. All the authors writing about Bulavin Rebellion used to estimate personality and actions of its leader. The aim of the paper is to monitor evolution of K.A. Bulavin's image in these evaluations. In the paper the works on historiography are classified in three periods: prerevolutionary (XVIII–XIX cent.), soviet (XX cent.), and modern. Works by A.I. Rigelman, I.I. Golikov, V.B. Bronevskiy, P.P. Lambin, S.M. Soloviev, N.I. Kostomarov, F.D. Kryukov and E.P. Savelyev were used to characterize evaluations given by prerevolutionary historiography. Works by P.N. Krasnov and V.I. Bugarov, E.P. Podyuapolskaya, V.I. Lebedev represent soviet period. Post-soviet period is represented by O.G. Usenko, N.A. Mininkov, A.G. Shkvarov. During the investigation several controversial points were revealed. One of them is the study of circumstances around K.A. Bulavin's death. Soviet historical studies proposed for the first time the version of Bulavin's assas-

ination (previously the official version of his death was suicide). One more controversial issue is whether Bulavin was supported by the Cossack lieutenant colonel. The settlement of this issue will help to determine the motifs of Bulavin's actions. The prerevolutionary authors were mainly apologists of Peter I politics, therefore they used to give negative evaluations to K.A. Bulavin and his actions, disregarding his biography and personal characteristics. Among these historians we can name A.I. Rigelman, I.I. Golikov, V.B. Bronevskiy, P.P. Lambin, S.M. Soloviev, N.I. Kostomarov. Soviet chronologists broadened the notion of K.A. Bulavin's personality by leading discussions and publishing new archive materials. Researchers of antigovernment movements, and Bulavin Revolt in particular (E.P. Podyuapolskaya, V.I. Buganov, V.I. Lebedev), were especially notable during that period. V.I. Buganov paid special attention to outstanding personal characteristics of the Rebellion Leader. Modern historiographers continue publishing archive materials related to the rebellion and propose new hypothesis on Bulavin's origin. O.G. Usenko, unlike other historians, sees personal rather than social motifs in Bulavin's actions. The Cossack chieftain was driven by a personal offense and not by the willingness to defend the Cossack freemen. A.G. Shkvarov was the first to state Bulavin Revolt as a part of Old Believers movement. Therefore, Bulavin was led by religious motifs, although it is still not clear whether Bulavin himself was an Old Believer. Particular attention should be paid to the works on Cossacks history by F.D. Kryukov, E.P. Savelyev and P.N. Krasnov, representing Bulavin as a splendid hero, who defended Cossacks' rights from the governmental oppression. In general, we can state the scarcity of information on the Cossack leader.

REFERENCES

- Rigelman, A.I. (1846) *Istoriya ili povestvovanie o donskikh kazakakh* [The history or narrative of the Don Cossacks]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
- Soloviev, S.M. (1963) *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [History of Russia Since Ancient Times]. Book 9. Moscow: Sotsekgiz.
- Golikov, I.I. (1837) *Deyaniya Petra Velikogo, mudrogo preobrazovatelya Rossii, sobrannye iz dostovernykh istochnikov i raspolozhennykh po godam* [Acts of Peter the Great, the wise reformer of Russia collected from credible sources and arranged by year]. Vol. 2. Moscow: Nikolay Stepanov.
- Bronevskiy, V.B. (1834) *Istoriya Donskogo voyska: opisanie Donskoy zemli i Kavkazskikh Mineral'nykh Vod: v 2 ch.* [History of the Don army: description of the Don land and the Caucasian Mineralnye Vody. In 2 parts]. [Online] Available from: <http://www.adjutant.ru/lib/bronevsky1-10.htm>. (Accessed: 23rd January 2016).
- Lambin, P.P. (1870) *Bulavinskiy bunt* [The Bulavin rebellion]. *Russkaya starina*. II. pp. 1-13.
- Soloviev, S.M. (1989) *Chteniya i rasskazy po istorii Rossii* [Stories of Russian history of the 18th century]. Moscow: Pravda. pp. 590-604.
- Kostomarov, N.I. (2005) *Istoriya Rossii v zhizneopisaniyakh ee glavneyshikh deyateley* [Russian history in the lives of its principal figures]. Moscow: Eksmo.
- Doda, L.N. (2004) *Istoricheskie paralleli Fedora Kryukova* [Historical parallels by Fyodor Kryukov]. In: Kryukov, F.D. *Bulavinskiy bunt (1707–1708). Etyud iz istorii otnosheniy Petra Velikogo k Donskim kazakam. Neizvestnaya rukopis' iz Donskogo arkhiva Fedora Kryukova* [The Bulavin rebellion (1707–1708). On the history of relations of Peter the Great to the Don Cossacks. An unknown manuscript from Fyodor Kryukov's Don archives]. Moscow: AIRO-KhKh; St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 7-14.
- Makarov, A.G. & Makarova, S.E. (2004) *Neizvestnaya rukopis' iz Donskogo arkhiva Fedora Kryukova* [An unknown manuscript from Fyodor Kryukov's Don archives]. In: Kryukov, F.D. *Bulavinskiy bunt (1707–1708). Etyud iz istorii otnosheniy Petra Velikogo k Donskim kazakam. Neizvestnaya rukopis' iz Donskogo arkhiva Fedora Kryukova* [The Bulavin rebellion (1707–1708). On the history of relations of Peter the Great to the Don Cossacks. An unknown manuscript from Fyodor Kryukov's Don archives]. Moscow: AIRO-KhKh; St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 15-39.
- Kryukov, F.D. (2004) *Bulavinskiy bunt (1707–1708). Etyud iz istorii otnosheniy Petra Velikogo k Donskim kazakam. Neizvestnaya rukopis' iz Donskogo arkhiva Fedora Kryukova* [The Bulavin rebellion (1707–1708). On the history of relations of Peter the Great to the Don Cossacks. An unknown manuscript from Fyodor Kryukov's Don archives]. Moscow: AIRO-KhKh; St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
- Weinberg, L.B. (n.d.) *Bulavin Kondrat* [Kondrat Bulavin]. In: Brockhaus, F.A. & Efron, I.A. *Entsiklopedicheskiy Slovar'* [Encyclopedic Dictionary]. [Online] Available from: <http://www.vehi.net/brokgauz>. (Accessed: 12th January 2016).
- Saveliev, E.P. (2007) *Drevnyaya istorii kazachestva* [The ancient history of the Cossacks]. Moscow: Veche.
- Matveeva, P. (2008) *"Edinoy Rossii" khot' s chertom* [The United Russia Party – even with Devil]. [Online] Available from: http://www.ryzkov.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=18729&catid=2:2011-12-26-10-24-39&Itemid=26. (Accessed: 9th January 2016).
- Krasnov, P.N. (1943) *Istoricheskie ocherki Dona* [Historical Sketches of the Don]. *Na kazach'em postu*. Part 1. [Online] Available from: <http://profilib.com/chtenie/83316/petr-krasnov-istoricheskie-ocherki-dona.php>. (Accessed: 9th January 2016).
- Ponomarev, V.N. (ed.) (1967) *Istoriya SSSR s drevneyshikh vremen do nashikh dnei: v 12 t.* [History of the USSR from ancient times to the present day: In 12 vols]. Vol. 3. Moscow: Nauka.
- Podiyapolskaya, E.P. (1960) *Novoe o vosstanii K. Bulavina* [New on the K. Bulavin rebellion]. *Istoricheskiy arkhiv*. 6. pp. 119-142. [Online] Available from: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1700-1720/Bulavin/Novoe_o_vosstanii/pred.htm. (Accessed: 15th February 2016).
- Nedosekin, V.I. (1967) *Novye dannye o Bulavinskom vosstanii* [New data on the Bulavin rebellion]. *Sovetskie arkhivy*. 3. pp. 107-111.
- Lebedev, V.I. (1969) *Bulavinskoe vosstanie 1707–1708* [The Bulavin uprising of 1707–1708]. Moscow: Prosveshchenie.
- Buganov, V.I. (1988) *Bulavin* [Bulavin]. [Online] Available from: http://royallib.com/book/buganov_viktor/bulavin.html. (Accessed: 26th October 2015).
- Usenko, O.G. (2002) *K utocnieniu biografii K.A. Bulavina* [To clarify the biography of K.A. Bulavin]. In: Kryuchkov, V., Morozova, T., Plotnikov, A., Rychalovskiy, E., Smilyanskaya, E., Usenko, O. & Feldman, D. *Rossiya v XVIII stoletii* [Russia in the 18th century]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 97-108.
- Usenko, O.G. (1991) *Sotsial'no-politicheskie predstavleniya uchastnikov narodnykh dvizheniy v Rossii XVII–XVIII vv. (na primere vosstaniya K.A. Bulavina)* [Socio-political views of participants of popular movements in Russia of the 17th – 18th centuries (a case study of the Bulavin rebellion)]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow: Moscow State University.
- Mininkov, N.A. (2002) *Pervoe upominanie o Kondratii Bulavine* [The first mention of Kondrat Bulavin]. *Novyy chasovoy*. 13–14. pp. 225-230.
- Shkvarov, A.G. (2010) *Petr I i Kazaki* [Peter I and Cossacks]. St. Petersburg: Aleteyya.
- Vodolazko, V.N. (1995) *Staroobryadchestvo na Donu: istoriya i sovremennost' (poseleniya na reke Medveditse, staroobryadcheskie imena i govory)* [Old Believers on the Don: Past and Present (settlements on the Medveditsa River, Old Believers' names and dialects)]. In: Lenngren, T. (ed.) *Istoriya i geografiya russkikh staroobryadcheskikh govorov* [History and geography of Russian Old Believers' dialects]. Moscow: Institute of Russian Language, RAS. pp. 5-13.

УДК: 39: 572.9 “19”
DOI 10.17223/19988613/41/18

В.С. Глинкин

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИОГРАФИИ ИЗУЧЕНИЯ ЧЖУАНОВ В XX в.

Статья посвящена истории изучения чжуанов. Чжуаны – народ, проживающий на юге КНР. В настоящее время являются самым многочисленным этническим меньшинством Китая, их численность составляет примерно 16 млн чел. История изучения чжуанов насчитывает более 100 лет. В ней можно выделить несколько этапов, имеющих свои отличительные признаки. Чжуаны по-прежнему остаются одной из самых «невысвеченных» учёными этнических общностей КНР. Также приводятся причины активизации изучения этого народа в 1950-е и 1990-е гг. XX в. Кроме того, анализируются различные трактовки причин, побудивших правительство КНР дать чжуанам автономию на уровне провинции и организовать Гуанси-Чжуанский автономный район (ГЧАР) в 1958 г.

Ключевые слова: чжуаны; Гуанси-Чжуанский автономный район; этногенез; национальное строительство; конструирование этничности.

Чжуаны – народ, говорящий на чжуанском языке тай-кадайской языковой семьи. Они являются самым крупным из 55 официально признанных правительством этнических меньшинств в КНР. Кроме Китая, как самостоятельный этнос они проживают во Вьетнаме.

История изучения чжуанов прошла несколько этапов. Первый этап совпал с расцветом колониальной политики европейских государств. В XIX в. мировые империалистические державы боролись за господство в разных государствах Восточной Азии, и их влияние доходило до южных провинций Китая. В рамках колониальной политики западные учёные проводили исследования географии, истории, этнографии, языков, быта и обычаев местных народов. В этот период, например, были опубликованы работы A.R. Colquhoun «Amongst the Shans» (Арчибалд Колхун «Среди народа шан») [1], «Yun-nan: The link between India and Yangtze» (Генри Дэвис «Юньнань – звено между Индией и Янцзы») [2], и др. Первые работы по истории и этнографии региона начали появляться также в Таиланде.

В этот период основными особенностями изучения чжуанов, как отмечал Цинь Найчан, были следующие:

1) с самого начала чжуанов изучали западные учёные. Несколько позже работы, касающиеся истории чжуанов как народа, сходного с тайцами, появились в Таиланде;

2) чжуанов и тайцев считали одним народом, в частности на основании схожести тайского и чжуанского языков. Следует также отметить, что основными материалами для исследования чжуанов были исторические хроники и данные лингвистики;

3) исследования касались только происхождения этих народов, их традиций и ареала расселения. Глубоких исследований, касающихся этнографии чжуанов, в тот период не существовало [3. Р. 29].

Следующий этап изучения чжуанов связан с исследованиями китайских ученых и приходится на 20–40-е гг. XX в. В этот период многие китайские интеллектуалы осознали, что важнейшей причиной нестабильности на китайских приграничных территориях является то, что центральное правительство не уделя-

ло достаточного внимания развитию и изучению пограничных районов. Всплеск интереса к национальным меньшинствам Китая, таким образом, стал своеобразным ответом интеллигенции на вызов времени. В 30-е гг. XX в. были выпущены некоторые исследования либо прямо посвящённые чжуанам, либо затрагивающие различные вопросы изучения малочисленных народов, проживающих на юге Китая. Например, 徐松石: 粵江流域人民史 (Сюй Сунши: «История жителей бассейна реки Юэцзян»), 林惠祥: 中国民族史 (Линь Хуэйсян «Этническая история Китая») и др. В этот период в науке о чжуанах наметились следующие отличительные черты:

- 1) исследования проводили китайские учёные;
- 2) была проведена работа по сопоставлению данных, изложенных в литературе, и данных, полученных в ходе полевых экспедиций;
- 3) в этот период иностранные учёные практически не проводили исследований чжуанов, тем не менее, некоторые их выводы оказывали влияние на работу китайских учёных.

В 30–40-е гг. прошлого века значительный вклад в изучение чжуанов внёс Сюй Сунши, учёный-этнограф, религиовед. Его вклад состоял в следующем:

1) он проводил исследования, анализируя и синтезируя данные, накопленные за долгие годы полевых экспедиций в районы проживания чжуанов, и исторические свидетельства, оставленные древними китайскими историками;

2) Сюй Сунши первым разработал и применил метод анализа топонимов, доказав, что чжуаны – коренное население области Линнань, а также то, что чжуаны были тесно связаны с древним народом боюэ;

3) он исследовал связи чжуанов с другими народами региона: дай, ли, шан, тайцами Таиланда и др.

В этот период, как отмечается в статье Цинь Найчана [3. Р. 30], определённый вклад в улучшение жизни южно-китайских народностей внесли гуансийские «милитаристы». Например, были организованы курсы подготовки педагогических кадров из чжуанов, мяо, ицзу. В то же время местные власти вслед за офици-

альной идеологией партии Гоминьдан считали, что в Китае нет различий по национальному признаку, и всё население, кроме пяти указанных Сунь Ятсеном народов, является ханьцами. Чжуаны описывались как «китайцы, говорящие на чжуанском языке», и не получали признания как особый народ до образования нового Китая [3. Р. 31].

В КНР чжуаны были признаны отдельным народом. В 1953 г. власти страны начали проводить работу по выявлению и признанию неханьских этносов. В Лунчжоу, Луншэн, Пинго и другие уезды провинции Гуанси со значительным чжуанским населением были направлены экспедиции, призванные собрать материалы по истории, языку, традициям и современному состоянию южно-китайских малочисленных народностей. Одной из самых заметных работ того периода стала книга первого чжуана, ставшего профессором, Хуан Сяньфяня «Краткая история чжуанов» (黄明璠: «壮族简史»).

В 1988 г., уже после смерти Хуан Сяньфяня, его ученики и последователи, дополнив монографию, издали «壮族通史» («Полная история чжуанов») [4].

Особенностью этого периода изучения чжуанов стала широкая поддержка государства: власти КНР организовывали многочисленные научные экспедиции, в которых было собрано большое количество материалов. Результаты, полученные в этот период, позволили накопить и расширить базу для изучения культуры, истории, быта этого народа в новом Китае. В то же время существовала такая проблема, как «левый» уклон – особое внимание уделялось изучению экономической жизни чжуанов, а изучению культуры и традиций отводилось намного меньше внимания.

В начале 1960-х гг. учёные пытались найти ответы на три основных вопроса: этногенез чжуанов, проблема существования у них рабства, характер восстания Нун Чжигао.

С 1964 по 1977 г., в связи с культурной революцией и охватившей Китай социально-политической нестабильностью, исследования в области этнографии вообще и истории чжуанов в частности были прекращены.

В 1977 г., по завершении культурной революции, работы по исследованию чжуанов были восстановлены. В первую очередь, была возобновлена работа по изданию и редактированию «Краткой истории чжуанов» (壮族简史). В 1978 г. Комитет по вопросам национальностей провинции Гуанси организовал конференцию об истории чжуанов, на которой вновь рассматривались три вышеуказанные проблемы. Относительно первой проблемы учёные сошлись в том, что чжуаны являются автохтонным населением региона и происходят от сиоу, лоюэ и некоторых других этносов (например, см.: 中国民族史概要 («Краткая этническая история Китая») [5. Р. 389]). По второму вопросу, о наличии рабства у чжуанов, были сформулированы три мнения: чжуаны в своей истории проходили этап рабовладения; население восточной части современного ГЧАР знало

рабовладение, а население западной части рабства не имело; чжуаны не знали рабовладения.

Относительно третьего вопроса учёные также разошлись во мнениях. Одни ученые настаивали на том, что Нун Чжигао боролся за существование отсталого рабовладельческого строя против более продвинутой феодальной системы династии Сун, и, таким образом, отношение к Нун Чжигао должно быть отрицательным. Другие поддерживали мнение о том, что Нун Чжигао боролся против оккупации области Цзяочжи, которая входила в Наньюэ вместе с частями современных Гуандуна и Гуанси, районами проживания чжуанов [3. Р. 32].

В 1980–1990-е гг. наука о чжуанах вступила в новый период своего развития. Появились многочисленные работы специального характера. Были выпущены исследования по этногенезу, истории, различным аспектам их культуры, продолжилась дискуссия о наличии у них классового общества и т.д. Всего за XX в. была издана 101 монография, касающаяся чжуанов. Из этого числа 93 монографии вышли в свет с 1980 по 1998 г. Количество изданных в этот период научных статей по тематике насчитывало 800 наименований, т.е. 90% от всего того, что было издано за весь XX в. [Ibid].

Кроме исследователей из КНР исследованиями этнографии чжуанов занимались учёные и других государств.

Тайваньские учёные не уделяли изучению чжуанов достаточного внимания, считали их общностью, состоящей из многих родственных племён на юге Китая, которые к тому же подверглись сильной китаизации.

Учёные королевства Таиланд изучали чжуанов параллельно с остальными таяязычными народами, живущими вне Таиланда, например, наряду с народом ту в провинции Хунань, населением острова Хайнань – ли, народом шан, проживающим во Вьетнаме, и др. В 80-е гг. XX в. из университетов Таиланда было отправлено несколько научных экспедиций в ГЧАР с целью изучения различных аспектов жизни чжуанов. В 1990 г. Институт искусств Таиланда и Институт чжуанских исследований Гуанси подписали договор о проекте совместного изучения чжуанской и тайской культур. В 1991 г. делегация учёных Таиланда посетила районы проживания чжуанов. По итогам экспедиции в Таиланде была издана книга «Чжуаны – древние братья тайцев». В 1993 г. в Таиланде была издана книга «От Гуанси и Юньнани до государства Ланьна» [6. Р. 54]. В Бангкоке и Наньнине было проведено более десяти научных конференций по проблемам изучения чжуанов и тайцев разного уровня.

Вьетнамские учёные уделяли достаточное внимание изучению чжуанов, так как ГЧАР имеет общую границу с Вьетнамом. Их интересовали вопросы происхождения, истории и культуры народов, живущих на территории Вьетнама, а также на сопредельных территориях. Чжуаны упоминались в работах как родственные проживающим во Вьетнаме нун. В работах вьетнам-

ских ученых чжуаны считаются частью более широкой общности таяязычных этносов, населяющих территории юга КНР, Вьетнама, Лаоса, Таиланда наравне с такими народами, как буи, шан, ли и др.

В России, несмотря на давнюю историю развития востоковедения, исследования чжуанов практически не проводились. Иакинф Бичурин, один из первых востоковедов России, в своей работе «Китай: его жители, нравы и обычаи» описал население губерний китайской империи, но выделил всего 10 «племён», населяющих Китай. «Племена, населяющия Китай, суть; 1) Китайцы; 2) Маньчжуры; 3) Монголы; 4) Туркистанцы; 5) Фань; 6) Цянь; 7) Мiao; 8) Яо; 9) Ли; 10) И». Хотя он отмечал, что в губерниях проживает, например, «50 инородческих племён», но не указывал, какие именно это племена [7. С. 16].

Классической и, возможно, единственной в СССР и России является монография Р.Ф. Итса «Этническая история юга Восточной Азии». В ней учёный, основываясь на богатом археологическом и этнографическом материале, описывает этногенез мяо, яо и чжуанов и историю их политических объединений [8]. И хотя Цинь Найчан указывал, что эта «работа содержит много фактических ошибок», но он не указал, какие именно, и не привел конкретных примеров [5. Р. 55].

Одним из основных вопросов в современной историографии изучения чжуанов остаётся вопрос об их этногенезе и причинах их выделения из разрозненных таяязычных групп в отдельный этнос.

В статье Кэндис Шён «On constructed identities: A dialogue on the nature of Zhuang identity» («К вопросу о сконструированных идентичностях: Разговор о природе идентичности чжуанов») [9] приведены основные точки зрения на проблему происхождения чжуанов как этноса и ответы на вопрос о причинах создания ГЧАР властями Китая в 1958 г. Первую точку зрения представляет Джордж Мозли. Он указывает, что чжуаны были лишь пассивными реципиентами собственной национальной идентичности, которую навязали им из центра, а ГЧАР был создан, чтобы, во-первых, взять под контроль возможный местный сепаратизм национальных меньшинств, во-вторых, чтобы ослабить влияние ханьцев в макрорегионе, включающем в себя Гуандун и Гуанси [Ibid. Р. 48].

Аргумент, который представляет Диана Лэри, перекликается с объяснением Д. Мозли. Она утверждает, что причиной выделения ГЧАР было стремление Центра ослабить роль кантонцев, жителей провинции Гуандун [8. С. 50].

Кэтрин Кауп в 2000 г. выпустила монографию «Creating the Zhuang: ethnic politics in China» («Создавая чжуанов: национальная политика в Китае»), в которой ставит под сомнение само существование чжуанов как единого этноса [10]. Справедливости ради отметим, что её выводы оспариваются многими китайскими и зарубежными учёными. По её мнению,

ГЧАР был создан без достаточных причин этнического характера, поскольку этническое самосознание чжуан было крайне неразвито, а одной из главных целей создания ГЧАР было, опять же, разделение региона «Лянгуан», т.е. Гуандун и Гуанси. Таким образом, предполагалось ослабить возможный сепаратизм в этом стратегически важном и экономически развитом районе [Ibid. Р. 52].

Джефффри Барлоу утверждает, что чжуаны являются частично природной и частично сконструированной общностью. «Сконструированность», по его мнению, выражается в следующем. В отличие от монголов и тибетцев, имевших сильных политических лидеров, таких как Чингисхан или Далай Ламы, чжуаны таких лидеров не имели со времён Нун Чжигао, т.е. с династии Сун. Нун Чжигао потерпел поражение, что оправдало в глазах даже самих чжуанов то, что они попали под управление ханьской администрации. Другими словами, чжуаны не полностью «природные», поскольку очень давно находятся в политической зависимости от ханьцев. В то же время Барлоу указывает на несомненные уникальные этнические характеристики чжуанов, их богатые традиции и др. По его мнению, это и есть доказательство того, что чжуаны являются как минимум не полностью «сконструированным» этносом [9. Р. 54].

Китайские учёные не соглашались с трактовкой чжуанов как сконструированной общности. Например, указывается, что различия в языке и культуре чжуанов являются следствием географической обособленности, а китаизация – следствием подавления национализма во времена Китайской Империи и Китайской Республики. Таким образом, появление ГЧАР и выделение чжуанов как самостоятельного этноса является актом восстановления исторической справедливости и несомненным благом для чжуанов [Ibid. Р. 56].

Итак, чжуаны – этнос, который изучали многие учёные на протяжении более чем ста последних лет. Изучение чжуанов, однако, шло неравномерно. В изучении чжуанов выделяется несколько этапов, для каждого из которых характерны особенности, начиная от национальной принадлежности ученых и поставленных ими научных целей и заканчивая решением проблем этногенеза чжуанов, их связей с народами Юго-Восточной Азии.

На современном этапе изучение чжуанов переживает период устойчивого развития. После появления на карте КНР нового автономного района проведены исследования по самым разным аспектам истории и культуры чжуанов, которые финансировались правительством. Появление таких исследований было необходимо как средство консолидации разрозненных групп чжуан и повышения их самосознания, что, таким образом, должно было легитимизировать создание нового автономного района.

ЛИТЕРАТУРА

1. Colquhoun Archibald R. *Amongst the Shans*. London ; New York : Field and Tuer [etc.]; Scribner and Welford, 1885. 392 p.
2. Davies Henry R. *Yün-nan : the link between India and the Yangtze*. Cambridge : The University Press, 1909. 398 p.
3. Цинь Найчан. Эрши шицидэ чжуансюэ янцзю (шан) / на кит. яз. (Исследование изучения чжуанов в XX веке. (Ч. 1)) // Гуанси миньцзю яньцзю (Национальные исследования в Гуанси). 2001. Вып. 4. P. 29–37.
4. Хуан Сяньфань и др. Чжуанцзю тунши / на кит. яз. (Полная история чжуанов). Наньнин : ГЧАР, 1988. 1293 p.
5. Ван Чжунхань. Чжунго миньцзюши гайяо / на кит. яз. (Краткая этническая история Китая). Тайюань : Шаньси цзюаюй чубаньшэ (Изд-во Шаньсийское образование). 2004. 542 p.
6. Цинь Найчан. Эрши шицидэ чжуансюэ янцзю (ся) / на кит. яз. (Исследование изучения чжуанов в XX веке. (Ч. 2)) // Гуанси миньцзю яньцзю. (Национальные исследования в Гуанси). 2002. Вып. 1. P. 48–55.
7. Архим Иакинф (Бичурин). Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение // Сочинение монаха Иакинфа. СПб. : Типография Императорской академии наук, 1840.
8. Итс Р.Ф. Этническая история юга Восточной Азии. Л. : Наука, 1972. 307 с.
9. Candice Sheung Pui NG. On constructed identities: A dialogue on the nature of Zhuang identity // *Journal of Oriental Studies*. 2011. Vol. 1–2. P. 45–61.
10. Кауп Katherine Palmer. *Constructing the Zhuang. Ethnic Politics in China*. L. : Lynne Rienner Publishers, 2000. 221 p.

Glinkin Vitaly S. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: glinkinvs@yandex.ru

TO A QUESTION OF HISTORIOGRAPHY OF ZHUANG STUDIES IN THE XX CENTURY.

Keywords: zhuangs; Guangxi-Zhuang Autonomous Region; ethnogenesis; ethnic construction; nation building.

The people Republic of China is by its constitution a multinational state with 56 nationalities. Han is the largest nationality in China and Han people take approximately 95 % of PRC's population. Nevertheless the rest 55 nationalities have together around 100 million of people and present great variety of languages, religions and customs. The article describes some issues of Zhuang studies in the 20th century. Zhuang people are far the most populous ethnic minority among the 55 ethnic minorities, which are now officially recognized by the PRC government. The majority of Zhuang population of 16 million of people live in Guangxi-Zhuang Autonomous Region, or GZAR. The region was established in 1958 by the decision of PRC government instead of former Guangxi province. Despite the fact that Zhang people are numerous, there is a relatively small number of scholars doing their research on Zhuang issues. There are a few periods of interest to Zhuang studies and all these periods have special features: for example the nationality of scholars, their goals, attitude towards national minorities etc. First attempts to explore the Southern Asia were made by Western colonial officers. They faced the necessity of understanding the people they dealt with. It promoted the first explorations of southern China ethnic minorities including Zhuang, and their languages, culture, religious beliefs, history etc. The majority of scholars doing research on Zhuang issues were the Westerners. Second period is 1920s. In this period Chinese Republican intellectuals put their attention to national territories on the borders of the Republic of China. Due to the influence of Sun Yat-Sen's concept of nation, Zhuang people were not recognized as a separate ethnic minority. All the minorities except those five specially mentioned by Sun Yat-Sen were treated as "Chinese who speak a non-Chinese language". The third period of Zhuang studies starts in 1950s. After the creation of the People Republic of China one of the first issues new government started to deal with is the issue of ethnic construction and recognition. Zhuang studies were broadened and deepened by large scale. Guangxi Province become Guangxi-Zhuang Autonomous Region in 1958. Since then with a 10 years's break of Cultural Revolution Zhuang studies have been developing rapidly. The article also describes some scholars' view of possible reasons, which made the PRC government to create an Autonomous Region for people, whose ethnic consciousness and will for self-determination was relatively weak.

REFERENCES

1. Colquhoun, A.R. (1885) *Amongst the Shans*. London, New York: Field and Tuer; Scribner and Welford.
2. Davies, H.R. (1909) *Yün-nan: the link between India and the Yangtze*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Qin Naychan. (2001) Issledovanie izucheniya chzhuanov v XX veke. (Ch. 1) [The research on Zhuan in the twentieth century (Part 1)]. *Natsional'nye issledovaniya v Guansi*. 4. pp. 29-37. (In Chinese).
4. Huang Xiangyang et al. (1988) *Polnaya istoriya chzhuanov* [The complete history of Zhuang]. Nanning: GChAR. (In Chinese).
5. Van Chzhunhan. (2004) *Kratkaya etnicheskaya istoriya Kitaya* [The brief history of ethnic Chinese]. Taiyuan: Shanxi education. (In Chinese).
6. Qin Naychan. (2002) Issledovanie izucheniya chzhuanov v XX veke. (Ch. 1) [The research on Zhuang in the twentieth century (Part 2)]. *Natsional'nye issledovaniya v Guansi*. 4. pp. 48-55. (In Chinese).
7. Archimandrite. Hyacinth (Bichurin). (1840) *Sochinenie monakha Iakinfa* [Works of Monk Iakinfa]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
8. Its, R.F. (1972) *Etnicheskaya istoriya yuga Vostochnoy Azii* [The ethnic history of South East Asia]. Leningrad: Nauka.
9. Candice Sheung Pui NG. (2011) On constructed identities: A dialogue on the nature of Zhuang identity. *Journal of Oriental Studies*. 1–2. pp. 45-61.
10. Palmer, K.K. (2000) *Constructing the Zhuang. Ethnic Politics in China*. Leningrad: Lynne Rienner Publishers.

А.Г. Данков

БРИТАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в. О «БОЛЬШОЙ ИГРЕ» В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Рассматривается британская историография второй половины XX в., посвященная различным аспектам англо-русского соперничества в Центральной Азии в XIX – начале XX в. В статье отражены основные подходы британских авторов к изучаемой проблеме и представлена их эволюция в контексте общих тенденций развития историографии Европы и Америки. Исследование выполнено с использованием значительного количества исторических работ британских авторов второй половины XX в.

Ключевые слова: «Большая игра»; британская историография; историография и источниковедение.

Вторая половина XX в. стала важным этапом в развитии британской историографии «Большой игры» в Центральной Азии. Это во многом было связано с изменением соотношения сил на мировой арене, социальными и политическими трансформациями в мире. В первые послевоенные десятилетия распалась Британская колониальная империя, а на мировой арене ведущую роль стали играть Соединенные Штаты Америки и Советский Союз, между которыми развернулась холодная война, определявшая международные отношения на протяжении практически всей второй половины XX в.

После Второй мировой войны все более меняется и общая мировоззренческая установка западной исторической науки в отношении идеи прогресса. Сомнение порождала сама действительность, в которой нашлось место для двух мировых войн, тоталитарных режимов, мощного подъема национализма и появления угрозы гибели человечества в результате ядерного конфликта. Все это способствовало подрыву веры в цивилизацию и прогресс. Все чаще социологи и историки избегали говорить об историческом прогрессе, предпочитая нейтральное понятие «социальные изменения». Отход от идеи поступательного развития общества нашел свое отражение в концепциях «круговорота» или «циклическости истории».

Состояние британской историографии во второй половине XX в. во многом было обусловлено изменением места Великобритании в послевоенном мире, ее преимущественной ориентацией на Европу и замещением концепции Британской империи идеей «островного» европейского государства. Ведущие направления исторической науки страны в целом были согласованы с тенденциями социально-гуманитарного знания стран Европы и Америки того периода. В то же время британская историография обладает устойчивыми, характерными чертами, которые формируют ее неповторимый облик.

К сожалению, в отечественной литературе на так много работ, посвященных изучению подходов британской историографии второй половины XX в. к «Большой игре» в Центральной Азии. В советский период зарубежные историки зачастую давали собствен-

ную трактовку проблем, оставшихся неосвещенными в официальной советской историографии царского и советского времени, поэтому их работы были объединены под общим понятием «буржуазная историография», которая нередко подвергалась огульной критике и была практически недоступна широкой массе советских ученых. Перед немногими авторами, которые занимались этой темой, ставилась задача раскрытия «фальсификации» зарубежных исследователей, при этом часто игнорировались и рациональные аргументы. Даже названия некоторых сборников, где были опубликованы работы Г.А. Хидоятова, Б.С. Маннанова, М.Т. Кожекиной и И.Е. Федоровой, во многом говорят сами за себя [1–3].

После распада СССР идеологический пресс заметно ослабел, однако общее удручающее положение российской науки не позволило полноценно использовать появившиеся возможности, и тема историографии «Большой игры» ушла на второй план. Среди немногих, но тем особо ценных, работ последних лет стоит отметить труды доктора исторических наук, профессора Поволжского государственного университета сервиса (г. Тольятти) С.Н. Брежневой [4, 5], а также интересные обзоры литературы по теме «Большой игры» в фундаментальных работах Е.Ю. Сергеева, посвященных различным аспектам «Большой игры» и судьбам ее участников [6, 7].

Изучение британской историографии второй половины XX в. англо-русского соперничества в Центральной Азии является трудной, но важной задачей, которая позволяет понять истоки многих актуальных политических процессов на мировой арене и в западных средствах массовой информации, так как многие идеологические штампы и стереотипы о России и ее внешней политике были заложены в тот период.

Британские авторы второй половины XX в. в первую очередь пытались разобраться в истоках «Большой игры», понять цели и мотивы ее участников. Главными причинами, которые легли в основу англо-русских противоречий в Центральной Азии, по их мнению, были потенциальная угроза конфликта, взаимное недоверие и подозрительность двух держав – тезис, который выдвинул бывший посол Великобритании в

Афганистане В.К. Фрэзер-Тайтлер [8]. Все авторы отмечали то влияние, которое оказали на «Большую игру» русофобия, пустившая глубокие корни в британском обществе [9, 10], и особую роль Центральной Азии в русско-британских противоречиях XIX в. «Наиболее уязвимым местом Британской империи была северо-западная оконечность Индии – здесь и лежала колыбель “Большой игры” <...> в то или иное время британские стратеги считали “ключом к Индии” Персию, Турцию <...>, но классическая “Большая игра” разыгралась в горном королевстве Афганистан, именно здесь англичане постоянно ощущали опасность, так как с севера к этому району примыкала Российская империя, нацелившаяся на Бухару и Хиву», – так британский историк Дж. Моррис определил место Центральной Азии в отношениях России и Великобритании [11. Р. 90].

Несмотря на то что большинство британских авторов второй половины XX в. имели критические взгляды на внешнюю политику Российской империи, они признавали нереальность и невозможность русского «похода в Индию» в XIX в. В то же время они подчеркивали отсутствие агрессивных целей и у властей Британской Индии. «Россия не имела долгосрочной политики в Центральной Азии. <...> Британская критика действий России влияла на ее политику, однако она (Россия. – А.Д.) искренне опасалась, что британское влияние в Афганистане может угрожать ее позициям в Центральной Азии» [12. Р. 185]. В то же время «у России никогда не было ни воли, ни возможности для того, чтобы вторгнуться в Индию. Несмотря на то что “горячие головы” с обеих сторон могли угрожать или опасаться, всегда находились государственные деятели, которые предотвращали большую войну. <...> Индия (Британская. – А.Д.) никогда не имела военной возможности двигаться в Центральную Азию. Все, на что она надеялась, но так и не смогла получить, заключалось в коммерческом влиянии. <...> Торговля, а не война – вот что было главной задачей Компании (Ост-Индской. – А.Д.)» [Ibid. Р. 213].

Такую же точку зрения высказывал и другой британский историк Д. Джиллард: «Николай I не имел большого желания вторгаться в Азию и намерения попытаться совершить нашествие или просто угрожать Индии. Но это не означало, что сама идея расширения своих владений в направлении Азии была ему абсолютно чужда» [13. Р. 64]. Авторы этого периода признавали, что в первой половине XIX в. опасения Лондона в отношении агрессивных планов России были необоснованными. Однако, по их мнению, поход русских на Индию был всего лишь вопросом времени. Поэтому все действия англичан на северо-западной границе Индии расценивались Д. Джиллардом как «превентивные операции» Великобритании для обеспечения своих владений в Индии «от опасности с севера» [13. Р. 121–123, 144–145].

Многие британские авторы второй половины XX в. были склонны преуменьшать значение англо-русского соглашения 1907 г., указывая на то, что впоследствии, даже во время тесного сотрудничества двух держав как союзников в Первой мировой войне, противоречия между Великобританией и Россией в Центральной Азии существовали и продолжали влиять на ситуацию в регионе. Они рассматривают Конвенцию 1907 г. лишь как одно из многочисленных англо-русских соглашений о разграничении сфер влияния в Центральной Азии, которые были заключены в конце XIX – начале XX в. и впоследствии неоднократно нарушались. Особый акцент делается на то, что противоборство в Центральной Азии продолжалось и после 1907 г., и после Революции 1917 г. в России, закончившись лишь накануне Второй мировой войны [14. Р. 126–147; 15. Р. 175–196]. Таким образом, англо-советские противоречия в Центральной Азии в 20–30-х гг. XX в. напрямую рассматриваются как продолжение соперничества России и Великобритании в Центральной Азии в XIX в. [16, 17].

С 60-х гг. XX в. в британской историографии основной акцент в изучении проблематики соперничества России и Великобритании в Центральной Азии был перемещен с проблем имперского соперничества и экспансии на проблемы социального строительства и роль Великобритании в становлении современных государств Азии. Так, британский исследователь М. Япп утверждал, что Первая англо-афганская война помогла централизации власти в Афганистане, так как в результате ее «был нанесен последний удар по власти вождей, которых после этого Дост-Мухаммад смог быстро поставить под контроль» [18. Р. 381].

В то же время традиционная «оборонительная» концепция британской политики в Центральной Азии по-прежнему имела сильные позиции в британской историографии второй половины XX в. Главными причинами противоречий в Центральной Азии они видели действия России в Центральной Азии, например осаду Герата персидской армией и поход русского вооруженного отряда на Хиву в 1839 г. [19. Р. 132].

Особенно возрос интерес британских историков к «Большой игре» 80-х гг. XIX в. в связи с вторжением советских войск в Афганистан в 1979 г. Именно в этот период времени в свет вышел ряд книг Дж. Моргана и П. Хопкирка, посвященных различным новым аспектам англо-русских и англо-советских противоречий в Центральной Азии [12, 20, 21]. Активно публиковали свои работы и другие авторы (Л. Моррис, Р. Гривс, Б. Манц, М. Япп и др.) [22–25]. В этих работах активной, инициативной стороной всегда являлась Российская империя, а Великобритания лишь отвечала и реагировала на те или иные действия России.

В британской историографии второй половины XX в. особое место занимает работа известного английского историка Дж. Моргана «Англо-русское соперничество в Центральной Азии. 1810–1895» [12].

Дж. Морган ограничивает хронологические рамки «Большой игры» периодом с 1810 по 1895 г. Соглашение 1907 г. он выносит за рамки исследования, так как считает, что она была больше связана с европейскими делами, чем непосредственно с Центральной Азией, а фактически раздел сфер влияния в регионе завершился еще в конце XIX в. Опираясь на обширную источниковедческую базу (материалы архивов Министерства иностранных дел Великобритании, Королевского азиатского общества, Королевского географического общества и т.д.) и широкий спектр литературы британских, американских и отечественных авторов, Дж. Морган описывает многочисленные английские и российские исследовательские миссии в Центральную Азию в XIX в. В работе также анализируются причины начала Первой и Второй англо-афганских войн, описывается ход боевых действий, анализируются причины поражения английской армии и основные политические итоги этих войн [Ibid. P. 20–38, 170–188]. Отдельный раздел автор выделил анализу и сравнению основных положений двух противоборствующих школ: «наступательной политики» и «искусного бездействия», а также характеристике личностей главных идеологов этих школ [Ibid. P. 100–118]. Кроме этого, Дж. Морган подробно анализирует ход и методы присоединения центральноазиатских ханств к Российской империи, а также значительное внимание уделяет процессу формирования Афганистана как буферного государства между Британской Индией и Российской империей [Ibid. P. 188–200].

Анализ работ британских авторов 80-х гг. XX в. показывает, что в значительной части из них Россия представляется агрессивной экспансионистской державой, которая постоянно стремилась к расширению за счет своих соседей. Даже те работы, которые были переизданы или опубликованы после распада Советского Союза, оставались и остаются под влиянием традиционной «оборонительной» концепции и определенных русофобских настроений на Западе [26–29].

В британской историографии второй половины XX в. одной из самых интересных и ценных с точки зрения изучения истории «Большой игры» в Центральной Азии является серия книг известного журналиста и исследователя П. Хопкирка, которая вышла в свет в 80-х гг. XX в., а позднее неоднократно переиздавалась в США и Великобритании. Работы П. Хопкирка, безусловно, публицистические, однако подготовлены они были при опоре на детальное изучение источников. Список использованной литературы впечатляет, видно, что автор знаком со многими материалами и документами, работами английских, американских и отечественных авторов, взгляды и выводы автора обоснованы, так как опираются на серьезную источниковедческую базу. Сама работа написана в интересной живой манере. Это во многом является причиной того, что П. Хопкирк до сих пор является, пожалуй, наиболее популярным автором по

данной тематике. Одна из его работ было даже позднее переведена на русский язык [30].

В современной британской литературе большинство авторов считают, что англо-русская конвенция, заключенная в 1907 г., не положила конец «Большой игре», а была лишь промежуточным этапом перед новым витком международных противоречий в Центральной Азии. Схожие позиции занимает и П. Хопкирк [26. P. 190]. Особое внимание в своих работах он уделяет германскому фактору в «Большой игре». По мнению П. Хопкирка, Германия, которая опоздала к колониальному разделу мира, в конце XIX в. особое внимание в своей внешней политике уделяла Османской империи. Для Германии азиатская часть Османской империи (Малая Азия, Месопотамия, Сирия и Палестина) была важным объектом колониальных устремлений, потенциальным «жизненным пространством» и основой так называемой Германской Индии [27. P. 28].

П. Хопкирк считает, что «Русско-турецкая война 1877–1878 гг. продемонстрировала Великобритании, что ослабевшая Османская империя не может являться надежным союзником и служить защитным буфером от российской экспансии в Восточном Средиземноморье. Это заставило англичан сместить акцент с Константинополя и Проливов на Суэцкий канал, который в 1875 г. перешел под контроль Великобритании. В 1882 г. англичане оккупировали Египет, что еще больше ухудшило англо-турецкие отношения. <...> На место англичан пришла Германия, которая с начала 80-х гг. XIX в. начала активное экономическое и политическое проникновение в Османскую империю и Персию» [Ibid. P. 30].

Таким образом, концу XIX в. германский фактор начал оказывать серьезное влияние на британскую внешнюю политику. «К этому моменту многие люди в Великобритании начали осознавать, что рано или поздно вооруженное столкновение с Германией было неизбежным». Не оставалась в стороне и Россия: «Русские тоже были обеспокоены угрозой их собственным интересам. Они не только опасались растущего влияния Берлина в Константинополе, который контролировал их единственный выход из Черного моря <...>, они так же опасались, что Вильгельм имел планы на их собственные богатые минеральными ресурсами кавказские территории». Именно возникновением германского фактора П. Хопкирк объясняет сближение России и Великобритании, которое выразилось в подписании в 1907 г. англо-русской конвенции, разделившей сферы влияния в Персии, Афганистане и Тибете [Ibid. P. 32–33].

П. Хопкирк также считает, что «Большая игра» не закончилась в 1907 г., отдельную книгу он посвятил развитию англо-советских противоречий в Центральной Азии после Революции 1917 г. в России [17]. В ней, опираясь на солидную источниковедческую базу, он доказывает, что «Большая игра» продолжалась

на протяжении 20–30-х гг. XX в. вплоть до начала Второй мировой войны и охватила не только классические регионы противостояния (Персию, Афганистан и Тибет), но западные районы Китая и Монголию [17. Р. 108–137].

Другой интересной работой последнего времени, посвященной «Большой игре», является совместный труд журналистов К. Мейер и Ш. Брисак «Турнир теней: Большая игра и борьба империи за Центральную Азию», которая была издана в 1999 г. в Вашингтоне [16]. Авторы этой книги рассматривают «Большую игру» как цепь взаимосвязанных событий начиная с 1810 г. и заканчивая периодом после окончания Второй мировой войны [Ibid. Р. 7].

Данный труд является кульминацией многолетних исследований, которые авторы начали в первой половине 90-х гг. XX в. За пять лет авторам удалось ввести в научный оборот многочисленные новые документы, связанные с различными аспектами «Большой игры», особенно в первой половине XX в. Так, они опирались на материалы экспедиции СС в Тибет в 1938–1939 гг., экспедиций Н. Рериха в Тибет в поисках таинственной страны Шамбала и т.д. Авторы, которые являются известными журналистами и писателями, имеют богатый опыт путешествий в Индию, Пакистан, Непал и Западный Китай, однако они, к сожалению, никогда не были ни в Афганистане, ни в бывших советских республиках Центральной Азии. В своей работе К. Мейер и Ш. Брисак опирались на документы и материалы из библиотеки Королевского географического общества, архивов Министерства иностранных дел Великобритании, Школы восточных и африканских исследований в Лондоне, различных коллекций Национального архива США, библиотеки Конгресса США, архивов Гарвардского и Оксфордского университета, библиотеки им. Ф.Д. Рузвельта в Гайд-парке. Работа написана в живой, интересной, хотя и местами излишне публицистической, манере, авторы через описание жизни и деятельности отдельных персонажей, гармонично вписывая их в контекст борьбы за доминирование над Евразийским хартлендом между Российской и Британской империями, рисуют нам живую, многообразную и противоречивую картину «Большой игры».

Десятки путешественников, географов, разведчиков, дипломатов, военных и гражданских чиновников на протяжении более чем полутора сотен лет старались избавить карту Центральной Азии от белых «пятен». В своей работе К. Мейер и Ш. Брисак уделяют внимание не только английским (У. Муркрофт, А. Бернс, Дж. Лоуренс, Ф. Янгхазбенд) и российским (Н.П. Пржевальский, А. Доржиев, Н. Рерих) исследователям, но и путешественникам и ученым из других

стран (шведу С. Гедину, венграм А. Вамбери и А. Штейну, американцу В. Рокхиллу, немцам А. Риттеру, В. Мюллеру, капитану СС Э. Шаферу и т.д.). Безусловным плюсом работы является то, что авторы в книге представляют всю жизнь героев, проводят их от самых ранних моментов до начала «Большой игры», через годы противостояния и соперничества в Центральной Азии до самых последних дней их жизни.

Подводя итоги развития британской историографии «Большой игры» во второй половине XX в., необходимо отметить, что этот период дал новый толчок развитию историографии изучаемой проблемы. Это было связано с изменением соотношения сил на мировой арене, социальными и политическими трансформациями в мире, распадом Британской империи, появлением двух сверхдержав – США и СССР, которые определяли развитие международных отношений до конца XX в. В этот период в британской историографии «Большой игры» произошел окончательный переход от геополитической концепции к модернизационной, которая делала акцент на «цивилизаторском аспекте» политики Великобритании в Индии и Центральной Азии. Также в этот период в британской историографии соперничества России и Великобритании в Центральной Азии окончательно утвердился тезис о том, что «Большая игра» не закончилась с заключением англо-русской конвенции 1907 г., а продолжалась и после окончания Первой мировой войны, хотя уже и в несколько другой форме – в рамках идеологического противостояния Советской России и буржуазных государств, концепции «экспорта коммунистической революции», выдвинутой еще Л.Д. Троцким.

Британская историческая литература второй половины XX в., безусловно, обладает двумя главными достоинствами. Во-первых, ученые получили доступ к солидной источниковедческой базе, которая была накоплена несколькими поколениями исследователей, на протяжении более чем 100 лет изучавших Центральную Азию. Во-вторых, британская историография опиралась на сложившиеся в конце XIX – начале XX в. солидные научные исторические школы. В то же время она не лишена и некоторых недостатков. Первый и самый главный недостаток работ британских авторов этого периода заключается в том, что они, как и их советские коллеги, находились под влиянием идеологических противоречий. Это приводило к тому, что они зачастую не достаточно объективно подходили к оценке действия Российской империи в регионе, делали акцент на ее агрессивности, экспансионизме и ориентации на аннексию территории соседних государств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хидояттов Г.А., Маннанов Б.С. Против фальсификации исторического значения присоединения Средней Азии к России // Против буржуазных фальсификаторов : сб. ст. М., 1983. С. 38–50.

2. Маннанов Б.С. Современная буржуазная историография о некоторых аспектах истории англо-русских отношений на Среднем Востоке // Против буржуазных фальсификаторов : сб. ст. М., 1983. С. 51–75.
3. Кожекина М.Т., Федорова И.Е. Политика Великобритании и США на Среднем Востоке в английской и американской историографии (очерки). М., 1989. 220 с.
4. Брежнева С.Н. Присоединение Средней Азии к России: историографический аспект // Вестник Волжского университета им. Татищева. Серия История. 2000. Вып. 2. С. 122–136.
5. Брежнева С.Н. Основные направления англо-американской историографии проблемы присоединения Туркестана к России // Известия Самарского научного центра РАН. Спец. выпуск «Наука – промышленности и сервису». 2006. Вып. 2. С. 34–42.
6. Сергеев Е.Ю. Большая игра. 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012. 454 с.
7. Сергеев Е.Ю. Джордж Натаниэль Керзон. Последний рыцарь Британской империи. М., 2015. 303 с.
8. Fraser-Tytler W.K. Afghanistan. A study of political developments in Central Asia. L., 1950. 330 p.
9. Gleason J.H. The Genesis of Russophobia in Great Britain: A Study of the Interaction of Policy and Opinion. Harvard, 1950. 314 p.
10. Resis A. Russophobia and “Testament” of Peter the Great. 1818–1980 // Slavic review. 1985. Vol. 44, № 4. P. 681–693.
11. Morris J. Heaven's Command. An Imperial Progress. L., 1973. 260 p.
12. Morgan G. Anglo-Russian Rivalry in Central Asia: 1810–1895. L., 1981. 264 p.
13. Gillard D. Struggle for Asia, 1828–1914. A Study in British and Russian Imperialism. L., 1977. 320 p.
14. Klein I. The Anglo-Russian Convention and the Problem of Central Asia, 1907–1914 // The Journal of British Studies. 1971. Vol. XI, № 1. P. 126–147.
15. Siegel J. Endgame. Britain, Russia and the Final Struggle for Central Asia. L. ; N.Y., 2002. 273 p.
16. Meyer K.E., Brysac S.B. Tournament of Shadows: The Great Game and the Race for Empire in Central Asia. Washington, 1999. 646 p.
17. Hopkirk P. Setting the East ablaze: On Secret Service in Bolshevik Asia. L., 1984. 272 p.
18. Yapp M.E. The revolution of 1841–1842 in Afghanistan // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. 1964. Vol. 27, № 2. P. 381.
19. Norris J.A. The First Afghan War. 1838–1842. Cambridge, 1967. 500 p.
20. Hopkirk P. Foreign Devils on the Silk Road. L., 1980. 252 p.
21. Hopkirk P. Trespassers on the Roof of the World. L., 1982. 284 p.
22. Morris L.P. British Secret Service Activity in Khorassan, 1887–1908 // The Historical Journal. 1984. Vol. 27, № 3. P. 657–675.
23. Greaves R.L. Sistan in British Indian Frontier Policy // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. 1986. Vol. 49, № 1. P. 90–102.
24. Manz B.F. Central Asian Uprisings in the Nineteenth Century: Ferghana under the Russians // Russian Review. 1987. Vol. 46, № 3. July. P. 267–281.
25. Yapp M.A. British Perceptions of the Russian Threat to India. // Modern Asian Studies. 1987. Vol. 21, № 4. P. 647–665.
26. Hopkirk P. The Great Game: the Struggle for Empire in Central Asia. L., 1990. 565 p.
27. Hopkirk P. On Secret Service East of Constantinople. L., 1994. 320 p.
28. Hopkirk P. Hidden Fire: The Plot to Bring Down the British Empire. N.Y., 1995. 448 p.
29. Hopkirk P. Quest for Kim: in Search of Kipling's Great Game. L., 1996. 273 p.
30. Хопкирк П. «Большая игра» против России: азиатский синдром. М., 2004. 640 с.

Dankov Artem G. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia). E-mail: artyomdankov@sibmail.com

BRITISH HISTORIOGRAPHY (SECOND HALF OF THE XXTH CENTURY) ON «THE GREAT GAME» IN CENTRAL ASIA.

Keywords: The Great Game; British historiography; historiography.

The article discusses the British historiography of the second half of the XXth century, dedicated to the various aspects of the Anglo-Russian rivalry in Central Asia in the XIX-early XXth centuries. The second half of the XX century was an important step in the development of British historiography of «The Great Game» in Central Asia. This was largely due to the change in the balance of forces in the world arena, social and political transformations in the world. After decolonization of the British empire, on the world stage the United States and the Soviet Union began to play the leading role. Between them turned «Cold war», which define international relations for almost the entire second half of XXth century. Summing up «The Great Game» the results of the British historiography in the second half of XX century it should be noted that this period gave a new impetus to the development of the historiography of the problem being studied. It was due to a change in the correlation of forces in the world arena, social and political transformations in the world, the collapse of the British Empire, the emergence of two superpowers – the US and the USSR, which was determined by the development of international relations until the end of the XX century. During this period, the British historiography of «the Great Game» is derived from the final transition to the geopolitical concept of the modernization concept, which focuses on the "civilizing aspect of" British policy in India and Central Asia. In addition, during this period in British historiography Russian rivalry and Britain in Central Asia finally confirmed the thesis that «the Great Game» did not end with the conclusion of the Anglo-Russian Convention of 1907, and continued after the end of World War I, although it was in a slightly different form – in the framework of ideological confrontation of Soviet Russia and the capitalist states, the concept of "communist revolution export", launched more L.D. Trotsky. British historical literature of the second half of XXth century has two main advantages. First, the researchers had access to the solid base of source that has been accumulated by several generations of researchers, for more than 100 years studying Central Asia. Secondly, the British historiography was based on solid scientific historical school. At the same time, it is not without some drawbacks. First and foremost, the lack of British authors of this period – lies in the fact that they, like their Soviet counterparts, were influenced by ideological contradictions. This led to the fact that they are often not sufficiently objective approach to assessing the actions of the Russian Empire in the region have focused on its aggression, expansionism and the orientation of the annexation of the territory of neighboring states.

REFERENCES

1. Khidoyatov, G.A. & Mannanov, B.S. (1983) Protiv fal'sifikatsii istoricheskogo znacheniya prisoedineniya Sredney Azii k Rossii [Against the falsification of the historical significance of joining Central Asia to Russia]. In: *Protiv burzhuaznykh fal'sifikatorov* [Against the bourgeois falsifiers]. Moscow: [s.n.]. pp. 38–50.
2. Mannanov, B.S. (1983) Sovremennaya burzhuaznaya istoriografiya o nekotorykh aspektakh istorii anglo-russkikh otnosheniy na Srednem Vostoke [Modern bourgeois historiography about some aspects of the history of Anglo-Russian relations in the Middle East]. In: *Protiv burzhuaznykh fal'sifikatorov* [Against the bourgeois falsifiers]. Moscow: [s.n.]. pp. 51–75.

3. Kozhekina, M.T. & Fedorova, I.E. (1989) *Politika Velikobritanii i SShA na Srednem Vostoke v angliyskoy i amerikanskoy istoriografii (ocherki)* [Policy of Great Britain and the United States in the Middle East in the British and American historiography (essays)]. Moscow: [s.n.].
4. Brezhneva, S.N. (2000) Prisoedinenie Sredney Azii k Rossii: istoriograficheskiy aspekt [Accession of Central Asia to Russia: A historiographical aspect]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. Tatishcheva. Seriya Istoriya – Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatishchev.* 2. pp. 122-136.
5. Brezhneva, S.N. (2006) Osnovnye napravleniya anglo-amerikanskoy istoriografii problemy prisoedineniya Turkestana k Rossii [The main directions of the Anglo-American historiography of the problems of Turkestan's joining to Russia]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. Spets. vypusk "Nauka – promyshlennosti i servisu".* 2. pp. 34-42.
6. Sergeev, E.Yu. (2012) *Bol'shaya Igra. 1856–1907: mify i realii rossiysko-britanskikh otnosheniy v Tsentral'noy i Vostochnoy Azii* [The Big game. 1856–1907: Myths and Realities of the Russian-British relations in Central and Eastern Asia]. Moscow: KMK.
7. Sergeev, E.Yu. (2015) *Dzhordzh Nataniel' Kerzon. Posledniy rytsar' Britanskoy imperii* [George Nathaniel Curzon. Last Knight of the British Empire]. Moscow: KMK.
8. Fraser-Tytler, W.K. (1950) *Afghanistan. A study of political developments in Central Asia.* Oxford University Press.
9. Gleason, J.H. (1950) *The Genesis of Russophobia in Great Britain: A Study of the Interaction of Policy and Opinion.* Harvard: Harvard University Press.
10. Resis, A. (1985) Russophobia and “Testament” of Peter the Great. 1818–1980. *Slavic review.* 44(4). pp. 681-693.
11. Morris, J. & Morris, J. (1973) *Heaven's Command. An Imperial Progress.* London: Faber & Faber.
12. Morgan, G. (1981) *Anglo-Russian Rivalry in Central Asia: 1810–1895.* London: Routledge.
13. Gillard, D. (1977) *Struggle for Asia, 1828–1914. A Study in British and Russian Imperialism.* London: Methuen.
14. Klein, I. (1971) The Anglo-Russian Convention and the Problem of Central Asia, 1907–1914. *The Journal of British Studies.* 9(1). pp. 126-147.
15. Siegel, J. (2002) *Endgame. Britain, Russia and the Final Struggle for Central Asia.* London; New York: I.B. Tauris.
16. Meyer, K.E. & Brysac, S.B. (1999) *Tournament of Shadows: The Great Game and the Race for Empire in Central Asia.* Washington: Basic Books.
17. Hopkirk, P. (1984) *Setting the East ablaze: On Secret Service in Bolshevik Asia.* London: Oxford University Press.
18. Yapp, M.E. (1964) The revolution of 1841–1842 in Afghanistan. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London.* 27(2). p. 381.
19. Norris, J.A. (1967) *The First Afghan War. 1838–1842.* Cambridge: Cambridge University Press.
20. Hopkirk, P. (1980) *Foreign Devils on the Silk Road.* London: Oxford University Press.
21. Hopkirk, P. (1982) *Trespassers on the Roof of the World.* London: John Murray.
22. Morris, L.P. (1984) British Secret Service Activity in Khorassan, 1887–1908. *The Historical Journal.* pp. 657-675.
23. Greaves, R.L., (1986) Sistan in British Indian Frontier Policy. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London.* 49(1). pp. 90-102.
24. Manz, B.F. (1987) Central Asian Uprisings in the Nineteenth Century: Ferghana under the Russians. *Russian Review.* 46(3). pp. 267-281. DOI: 10.2307/130563
25. Yapp, M.A. (1987) British Perceptions of the Russian Threat to India. *Modern Asian Studies.* 21(4). pp. 647-665. DOI: 10.1017/S0026749X00009264
26. Hopkirk, P. (1990) *The Great Game: the Struggle for Empire in Central Asia.* London: Kodansha International.
27. Hopkirk, P. (1994) *On Secret Service East of Constantinople.* London: QPD.
28. Hopkirk, P. (1995) *Like Hidden Fire: The Plot to Bring Down the British Empire.* New York: Kodansha.
29. Hopkirk, P. (1996) *Quest for Kim: in Search of Kipling's Great Game.* London: John Murray.
30. Khopkirk, P. (2004) “*Bol'shaya igra*” protiv Rossii: aziatskiy sindrom [The “Great Game” against Russia: The Asian syndrome]. Translated from English by I. Kubatko. Moscow: Ripol Klassik.

А.А. Горбунова

ОСВЕЩЕНИЕ ТЕМЫ ЭКСПЕРТИЗЫ ЦЕННОСТИ ДОКУМЕНТОВ В ЖУРНАЛЕ «ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО»

Дается общее представление о понятии и сущности экспертизы ценности документов. Обосновывается актуальность изучения темы. Аргументируется целесообразность использования контент-анализа для определения роли и места темы экспертизы ценности документов в редакционной политике журнала «Делопроеводство». Описывается процедура проведения контент-анализа. Сформулированы выводы, полученные в результате проведенного исследования, характеризующие место, роль и динамику освещения экспертизы ценности документов с 1998 по 2014 г. на страницах одного из ведущих российских документоведческих периодических изданий.

Ключевые слова: журнал «Делопроеводство»; контент-анализ; экспертиза ценности документов.

Документы, создающиеся в процессе деятельности предприятий, организаций и учреждений, имеют разную ценность. Большая часть документов после выполнения оперативных функций подлежит утилизации, поскольку потребность в них отпадает. Но есть документированная информация, которая может быть востребована и актуальна на протяжении многих десятилетий, а отдельные документы, имеющие научную, историческую значимость, должны храниться вечно. Однако общество не в состоянии хранить все документы. Поэтому в организациях, на предприятиях и в учреждениях систематически проводится экспертиза ценности документов (ЭЦД) – изучение документов на основании критериев их ценности для определения сроков хранения документов [1. С. 5].

В советскую эпоху деятельность, связанная с ЭЦД, была строго регламентирована и централизована. После революционных экономических преобразований 1990-х гг. возникли новые формы собственности. Многочисленные рыночные структуры не имели ни опыта, ни культуры проведения экспертизы ценности. Документы хранились в ненадлежащих условиях, многие из них подверглись стихийному уничтожению. В настоящий момент ситуация несколько улучшилась: существуют нормативные документы, регламентирующие ЭЦД, крупные предприятия ответственно подходят к данной процедуре. Тем не менее нельзя сказать, что методика проведения ЭЦД остается полностью прозрачной. Остается много нерешенных проблем в практике и теории определения ценности документов.

Определенную научно-практическую и методическую помощь в организации и проведении экспертизы ценности документов призваны оказывать издающиеся в нашей стране специализированные журналы, такие как «Делопроеводство», «Секретарское дело», «Отечественные архивы» и др. Чтобы понять, насколько эффективно они решают данную задачу, необходимо осуществить анализ содержания периодических изданий. Это довольно большой массив информации, поэтому представляется целесообразным для его исследования использовать метод контент-анализа. Его суть

сводится к тому, чтобы из большого количества неструктурированной информации получить краткую выжимку необходимых данных в числовой форме и затем эти данные интерпретировать в зависимости от целей исследования.

Объектом исследования стал журнал «Делопроеводство». Это авторитетное российское периодическое издание с более чем полуторадесятилетней историей. Его учредителем в 1998 г. выступило ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез»». Журнал издаётся при участии Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета и Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела. На протяжении многих лет его редактором являлась Т.В. Кузнецова – широко известный в стране специалист в области документоведения и документационного обеспечения управления. В настоящее время (2015 г.) журнал издаётся значительным для такого рода специализированных изданий тиражом 10 000 экземпляров. «Делопроеводство» было выбрано также по причине довольно частого упоминания ЭЦД в его текстах, по сравнению с другими профильными журналами. В качестве выборки были использованы все статьи за 1998, 2007 и 2014 гг. Их совокупность дает возможность проследить динамику освещения темы экспертизы ценности на страницах данного журнала начиная с 1998 г. (время выхода в свет его первого номера). Самые свежие номера (годовой комплект) «Делопроеводства» относятся к 2014 г. В качестве промежуточного выбран 2007 г. До 2002 г. журнал издавался с периодичностью один номер в полугодие, затем – ежеквартально.

Целью представленного исследования являются определение динамики актуальности темы экспертизы ценности документов с 1998 по 2014 г., а также выявление проблем, в большей или меньшей степени сопряженных с этой темой в указанный период.

На первом этапе работы осуществлялся поиск и выделение в журнальных публикациях всех упоминаний об ЭЦД. Единицами счета были выбраны следующие слова и словосочетания: «экспертиза ценности

документов», «отбор документов на хранение», «определение (регламентация, установление) сроков хранения», «определение ценности документа», «отбор (выделение) на уничтожение документов», «передача документов либо на хранение, либо на уничтожение», «обработка документов с целью передачи на хранение».

Вторым этапом работы стало составление матрицы данных – рабочей таблицы с данными, содержащими

название статьи, авторство, год и номер выпуска, рубрику (если имеется) и количество упоминаний единиц счета.

На следующем этапе работы были определены рубрики в том случае, если это не было сделано редакцией, составлен тезаурус и определены темы каждой статьи. Всего было выделено 7 тем, которые охватывают все стороны исследований в области делопроизводства и документооборота.

Тезаурус

Тема	Расшифровка	Ключевые слова (по алфавиту)
Безопасность	Статьи, посвященные персональным данным, конфиденциальным документам, ограничению доступа к информации	Безопасный, безопасность, защита информации, конфиденциальный, ограниченный доступ, персональные данные, сохранность документов, фальшивый документ
Делопроизводство	Статьи, посвященные созданию официальных документов и организации всех этапов работы с ними. Все, что связано с практикой документационного обеспечения управления (ДОУ)	Делопроизводство, документирование, опыт работы, организация ДОУ, оформление документов, регистрация документов, создание документов
Документоведение	Статьи, посвященные классификации документов, способам организации документооборота, построению систем документирования. Все теоретические аспекты работы с документами	Классификация, научный, определение, понятие, система признаков, теория, термин
Законодательство	Статьи, посвященные нормативному регулированию ДОУ, основным документам, регламентирующим работу с документированной информацией	Государственный стандарт (ГОСТ), закон, законодательство, законодательный, нормативно-методический, нормативное регулирование, перечень документов, правовой акт, правовое регулирование, табель форм, требование к оформлению, устав, юридический
История	Исторический аспект документооборота и делопроизводства	VIII в., XIII в., XIV в., XVII в., XIX в., XX в., 1898 г., Берия, египетское письмо, земские учреждения, история, исторический источник, источниковедение, Киевская Русь, КПСС, Петр I, Российская империя, Русь, Сталин, Царь Борис
Образование	Статьи, посвященные высшему и средне-специальному документообороту, повышению квалификации документооборотов	Образовательный процесс, повышение квалификации, подготовка документоведа, подготовка специалиста, профиль ДОУ, специалист-документовед, формирование компетенций
Электронный документооборот	Статьи, посвященные электронным технологиям в делопроизводстве	IT, автоматизация, информационные технологии, компьютер, электронный, электронный архив, электронный документооборот, электронный документ

Распределение статей по рубрикам в журнале его редколлегией началось не сразу. В номерах за 1998 г. рубрикация отсутствует. Впрочем, и в последующих номерах, которые были использованы для контент-анализа, некоторые статьи не были отнесены ни к одной из рубрик. Поэтому для чистоты исследования в необходимых случаях рубрики были определены самостоятельно, исходя из логики их выделения редакцией журнала. Всего в исследованных номерах журнала зафиксировано 13 разных рубрик. С годами названия рубрик менялись, поэтому иногда их смыслы совпадают (например, «компьютерные технологии» и «информационные технологии»;

«история документирования» и «из истории делопроизводства»).

Названия и смысл некоторых рубрик и тем перекликаются. Но анализ только рубрик или только тем не дал бы полной картины для исследования, так как названия рубрик слишком узки. Именно эта узкая направленность позволила сделать определенные выводы.

На последнем этапе работы были проведены необходимые подсчеты в матрице данных. Всего было проанализировано 160 статей. Результаты анализа представлены в табл. 1–3.

Т а б л и ц а 1

Количество упоминаний ЭЦД в журнале «Делопроизводство»

Год	Кол-во статей в год	Кол-во упоминаний ЭЦД	Средняя величина кол-ва упоминаний ЭЦД в 1 статье журнала «Делопроизводства»
1998	29	42	1,4
2007	62	96	1,5
2014	69	64	0,9

Т а б л и ц а 2

Тематический контент-анализ ЭЦД в журнале «Делопроизводство» (1998, 2007, 2014 гг.)

Тема	Общее кол-во статей	Кол-во статей с ЭЦД	Сумма единиц счета
Безопасность	8	0	0
Делопроизводство	46	9	78
Документоведение	17	5	53
Законодательство	36	8	61
История	17	0	0
Образование	11	2	2
Электронный документооборот	25	5	8

Т а б л и ц а 3

Анализ упоминаний ЭЦД в журнале «Делопроизводство» (1998, 2007, 2014 гг.) в зависимости от рубрик

Рубрика	Общее кол-во статей	Кол-во статей с ЭЦД	Сумма единиц счета
Архивное дело	15	7	102
ДОУ	21	7	45
Документирование	17	2	8
Зарубежный опыт	4	0	0
Из истории делопроизводства	6	0	0
Информатизация	6	0	0
Информационные технологии	10	3	19
История документирования	4	0	0
Компьютерные технологии	20	5	11
Опыт работы	23	2	2
Обучение	14	1	1
Подлоги документов	4	0	0
Право	15	2	14

Полученные данные позволяют сделать следующие выводы:

1. За первые десять лет существования журнала «Делопроизводство» наблюдался некоторый рост интереса к теме экспертизы ценности документов. Однако в последующем, в том числе вследствие большего внимания к компьютерным информационным технологиям, тема ЭЦД постепенно стала уходить на второй план в редакционной политике журнала.

2. Наибольшее число статей с упоминанием ЭЦД и наибольшая сумма единиц счета охвачены темой «делопроизводство». Это позволяет заключить, что ЭЦД прежде всего востребована в практике работы с документами и прикладные ее аспекты исследуются наиболее активно. Немногим меньше упоминаний связано с темой «законодательство». Это не случайно, поскольку процедура ЭЦД регламентирует довольно большое количество нормативных документов, анализ которых интересен редакции журнала. На третьем месте тема «документоведение». Теоретические статьи в журнале «Делопроизводство»

занимают сравнительно небольшой удельный вес (17 статей из 160). Тем не менее количество упоминаний ЭЦД в них довольно велико, следовательно, теория ЭЦД также привлекает внимание авторов.

3. Больше всего статей с упоминанием ЭЦД содержится в рубриках «Документационное обеспечение управления» (рубрика «ДОУ») и «Архивное дело». Причем количество единиц счета в рубрике «архивное дело» составляет чуть более половины от общего количества упоминаний ЭЦД вообще.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что тема экспертизы ценности в архиве более разработана и востребована, чем тема ЭЦД на предприятиях и в организациях. На третьем месте по количеству статей с упоминанием ЭЦД находится рубрика «Компьютерные технологии», но так как сумма единиц счета относительно невелика, можно заключить, что тема экспертизы ценности электронных документов, или тема автоматизации ЭЦД, находится в нашей стране в зачаточном состоянии.

ЛИТЕРАТУРА

1. СИБИД. ГОСТ Р 7.0.8–2013. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. М. : Стандартинформ, 2013.

Gorbunova Anastasia A. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: Gorbunova_anastasiya_92@mail.ru

COVERING OF RECORDS APPRAISAL ISSUES IN «DELOPROIZVODSTVO» MAGAZINE.

Keywords: «Deloproizvodstvo» magazine; content analysis; records appraisal.

Records created by organizations and institutions have different value. Society is not able to store all records. Therefore, records appraisal, or studying of records on the basis of their value in order to define storage periods for them, is carried out in organizations. Specialized magazines published in our country, such as "Deloproizvodstvo", "Sekretarskoye delo", "Vestnik arkhivista" etc., are supposed to provide certain scientific, practical and methodical help in the organization and conduct of records appraisal. To understand if they solve this task successfully, it is necessary to carry out an analysis of the contents of these periodicals. Since there is a wide array of information, usage of content analysis method for this research seems reasonable. Content analysis implies that large amount of unstructured information is processed to receive necessary data in a numerical form, and then these data are interpreted depending on the aim of the research. This research is based on the articles from «Deloproizvodstvo» magazine published in 1998, 2007 and 2014. Such selec-

tion allows to track the dynamics in covering of the topic of records appraisal in this magazine. The research shows the dynamics in topicality of records appraisal issues from 1998 to 2014 and identifies problems that are more or less related to this subject within the time period specified above. The following conclusions were made: 1. During the first ten years of «Deloproizvodstvo» magazine's existence, rising of interest in records appraisal was observed. However, recently records appraisal has been pushed to the background because more attention was paid to information technologies. 2. The biggest amount of articles that mention records appraisal are collected under the "office-work" theme. It allows to conclude that first of all records appraisal is demanded in practical work with documents, and its applied aspects are studied most actively. 3. Most of the articles that mention records appraisal are published in the sections called "records management" and "archiving". More than a half of all the key words related to records appraisal are mentioned in the "archiving" section. Thus, it is possible to draw a conclusion that the theme of records appraisal is studied more thoroughly in archival institutions than in organizations.

REFERENCES

1. SIBID. (2013) *GOST R 7.0.8–2013. Deloproizvodstvo i arkhivnoe delo. Terminy i opredeleniya* [GOST R 7.0.8–2013. Records management and archiving. Terms and Definitions]. Moscow: Standartinform.

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 325.27(510) (574)
DOI 10.17223/19988613/41/21

К.Н. Балтабаева

РЕЦЕНЗИЯ : АБЛАЖЕЙ Н.Н. КАЗАХСКИЙ МИГРАЦИОННЫЙ МАЯТНИК «КАЗАХСТАН – СИНЬЦЗЯН. ЭМИГРАЦИЯ. РЕПАТРИАЦИЯ. ИНТЕГРАЦИЯ. 2-е ИЗД., ИСПР. НОВОСИБИРСК, 2015. 255 с.

Первое издание данной монографии доктора исторических наук, старшего научного сотрудника Института истории Сибирского отделения РАН Н.Н. Аблажей вышло в Республике Казахстан (г. Караганда) в 2014 г.

История межгосударственных миграций между Россией (бывшим СССР) и Китайской Народной Республикой ввиду закрытости многих официальных документов дореволюционного и советского периодов остается актуальной темой. В частности, преодоление эпизодического характера научных исследований по формированию и развитию зарубежной казахской диаспоры, репатриации этнических казахов зарубежья в Казахстан достигнуто лишь в последние годы. Но при этом преобладают статьи в страноведческом аспекте, апробация на конференциях подходов в основном еще молодых исследователей в их научном поиске. Кроме того, отсутствуют монографии по репатриации казахов в Казахскую ССР, которая входила в состав союзного государства, и ее внешняя политика не могла тогда носить самостоятельный характер. В этом контексте предлагаемое исследование российского ученого Н.Н. Аблажей представляет большой интерес для науки, является существенным вкладом в историографию советско-китайских отношений, диаспорологию и историю Казахстана. В российской науке термин «ирредента» в отношении казахов, населяющих приграничную с Казахстаном зону (Россия, Китай, Узбекистан), не применяется, и по этому поводу высказываются отрицательные суждения о политизировании вопроса, касающегося статуса населения приграничья. «Не менее продуктивно обсуждение проблемы этничности как детерминанты миграционных процессов» [1. С. 28], – подчеркивает Н.Н. Аблажей.

Существенным достижением книги является богатый фактический материал, извлеченный из одиннадцати архивов России и Казахстана (Алматы, Семей, Усть-Каменогорск), воспоминаний участников исторических событий, переписей населения. Автор представил эмиграционную и реэмиграционную динамику в казахстано-синьцзянском приграничье за целостный исторический период – с 1880-х до начала 1960-х гг., особо выделив эмиграционные последствия голода

начала 1930-х гг. и возвратную миграцию начала 1950–1960-х гг. В монографии показана роль миграций в формировании и расширении ареала казахской диаспоры в Синьцзяне, раскрыто содержание процесса национального районирования в КНР с середины 1950-х гг., дана развернутая демографическая характеристика казахов Китая.

В монографии соблюдены тематическая логика и четкий порядок изложения материала во введении, четырех главах и заключении, в том числе summary. Основной текст занимает 194 страницы, в приложении приведены 33 таблицы, составленные по материалам архивов. В книге помещен перечень основных директивных документов высших государственных учреждений СССР и Казахской ССР по приему репатриантов в 1954–1963 гг.

С учетом научного задела российских и зарубежных, в том числе казахстанских, ученых Н.Н. Аблажей всесторонне проанализировала геополитические, этнодемографические и социально-экономические аспекты сложных миграционных процессов. Ею впервые обозначены и показаны пути решения проблем по интеграции казахов-репатриантов в принимающее советское общество. Этот опыт имеет практическое значение для миграционной политики Республики Казахстан. 1960-е гг. вызваны не инокультурной средой, а степенью готовности самих переселенцев принять произошедшие политические и социально-экономические изменения, усвоить новые ценности на своей исторической родине. «Пространственная и временная дистанция, инокультурные влияния, безусловно, тоже внесли изменения в социум и культуру, в значительной мере корректируя интеграционный процесс» (С. 7), – отмечает автор.

В монографии находит подтверждение гипотеза о том, что формирование казахской диаспоры связано с колониальной и переселенческой политикой царской России, демаркацией границы, в результате чего территория проживания (кочевок) казахов оказалась значительно шире сложившихся к тому времени национально-государственных границ, и с последующими миграционными потоками, активизировавшимися в результате коллективизации и голода начала 1930-х гг. в Казахстане. По мнению автора, «Россия, а позднее СССР, на

протяжении полувека являлись миграционным донором, за счет которого происходил рост численности казахского населения Синьцзяна» [1. С. 28]. Н.Н. Аблажей особо подчеркивает: «В случае миграции казахов мы имеем дело с массовой миграцией, этнической по характеру не только потому, что в миграционное движение вовлечены мигранты одной национальности, но и потому, что под этнической миграцией понимается миграция, в основе которой лежат факторы, связанные с самосохранением этноса или его части. Именно “выдавливающие” этнические факторы обуславливали сначала массовую эмиграцию казахов из Российской империи (СССР) в Китай, а позже определяли их возвратную миграцию (реэмиграцию) из Китая в Казахстан» [1. С. 28]. Автор подводит итоги миграции для Китая: репатриация в 1945–1962 гг. из Синьцзян-Уйгурского автономного района (наряду с массовой миграцией ханьцев) позволила китайским властям частично изменить этническую структуру населения приграничья и ускорить интеграцию Синьцзяна в состав КНР.

Автором успешно реализована попытка вписать этническую историю в контекст национальной, политической и социально-экономической истории. Н.Н. Аблажей рассматривает откочевки казахов за пределы советского Казахстана как беженство и этническую миграцию одновременно. При этом цикличность миграционных процессов явилась следствием не столько номадизма, сколько жесткого влияния привнесенных извне экономических и политических причин. «Для кочевников миграция, будучи родовой сущностью и константой социума, стала и групповой стратегией, способствующей сохранению этноса в период катаклизмов и катастроф» (С. 6).

Некоторые идеи монографии были предварительно апробированы на конференциях: о миграционном потенциале казахской диаспоры [1], советизации казахского населения Синьцзяна [2], учебной адаптации детей репатриантов [3], дан историографический анализ российской и казахстанской исторической литературы по проблемам межгосударственной миграции и истории казахской диаспоры в Китае [4].

Следует принять и другой вывод автора монографии о зависимости численности казахского населения Казахстана от эмиграции и реэмиграции. Так, с 1991 по 1 января 2015 г. в Казахстан вернулись и получили статус оралмана (репатрианта) 259 159 казахских семей, или 952 882 этнических казаха, что составляет 5,5% от общей численности населения страны. Большинство репатриантов – 61,5% – прибыло из Узбекистана, 14,3% являются выходцами из Китая, 9,3% – из Монголии, 6,8% – из Туркменистана, 4,6% – из России и 3,5% – из других стран дальнего зарубежья. Возвращение казахов в Республику Казахстан вместе с естественным ростом способствовало увеличению численности казахов и их удельного веса с 53,4% в 1999 г. до 63,1% в 2009 г., что предопределяет сегодня развитие этнодемографических, социальных, миграционных процессов на эндогенной основе, способствует восстановлению культурной преемственности народа, обогащению родного (казахского) языка, традиций, обрядов, народных ремесел, распространению государственного языка.

Монография Н.Н. Аблажей написана на удивление кратко, но насыщенно. Презентация первого издания книги была проведена Всемирной ассоциацией казахов 5 декабря 2014 г. в Алматы на Международной научной конференции «Казахская диаспора Центральной Азии: история – культура – памятники» с участием ученых России (Санкт-Петербург, Омск, Тюмень, Красноярск, Новосибирск), Китая, Монголии, Кыргызстана, Таджикистана. К сожалению, по теме монографии еще не завершён процесс рассекречивания документов КПСС и исполнительной власти, что объективно не позволяет сделать развернутые комментарии по принятым решениям касательно приема и обустройства репатриантов. Но прочный задел для последующих работ исследователей создан именно Натальей Аблажей. Инициативное исследование также продемонстрировало актуальность междисциплинарного подхода и научной кооперации специалистов гуманитарного профиля. Так что у этой проблемы еще будут последователи, по крайней мере, в России, Казахстане и Китае.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аблажей Н.Н. Миграционный потенциал казахской диаспоры Синьцзяна: история и современность // Национальная идея – фактор объединения соотечественников во благо независимого Казахстана : материалы междунар. науч.-теор. конф., г. Алматы, 14 сент. 2011 г. / сост. К.Н. Балтабаева, Т.Е. Абилова, Е.У. Байдаров, А.Т. Сулейменова. Алматы, 2011. С. 26–33.
2. Аблажей Н.Н. Советизация казахского населения приграничных районов Синьцзяна во второй половине 1940-х – начале 1960-х гг. // Казахстан и зарубежные казахи : материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Алматы, 12 окт. 2012 г. / сост. К.Н. Балтабаева, К.М. Конырбаева. Алматы, 2012. С. 17–20.
3. Аблажей Н.Н. Особенности образовательной политики в отношении детей казахов-репатриантов из Китая в Казахстане (вторая половина 1950-х – 1960-е гг.) // Созидательный потенциал казахской диаспоры: история и современность : материалы Респ. научн.-практ. конф., г. Алматы, 31 окт. 2013 г. / сост. К.Н. Балтабаева, К.М. Конырбаева, А.И. Кудайбергенова, Ж.Б. Ошакбаева. Алматы, 2013. С. 20–26.
4. Аблажей Н.Н. Проблемы изучения межгосударственной миграции и истории казахской диаспоры в Китае // Современное состояние и перспективы развития исторической науки Казахстана и России : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. / ред. С.Ф. Мажитов. Алматы, 2008. С. 96–102.

Baltabayeva Kulgazira N. The World Association of Kazakhs (Almaty, Republic of Kazakhstan). E-mail: Kulgazira_777@mail.ru

REVIEW: ABLAZHEY N.N. THE KAZAKHS MIGRATION PENDULUM «KAZAKHSTAN – XINJIANG» EMIGRATION. REPATRIATION. INTERGRATION. 2-ND EDITION, CHECKED. NOVOSIBIRSK, 2015. 255 p.

REFERENCES

1. Ablazhey, N.N. (2011) [The migration potential of Xinjiang Kazakh Diaspora: Past and Present]. *Natsional'naya ideya – faktor ob"edineniya sootestvennikov vo blago nezavisimogo Kazakhstana* [The national idea as the factor of association of compatriots for the benefit of independent Kazakhstan]. Proc. of the International Conference. Almaty. September 14, 2011. Almaty. pp. 26-33. (In Russian).
2. Ablazhey, N.N. (2012) [Sovietization of the Kazakh population in the border areas of Xinjiang in the late 1940s – early 1960s.]. *Kazakhstan i zarubezhnye kazakhi* [Kazakhstan and Kazakhs abroad]. Proc. of the International Conference. Almaty. October 12, 2012. Almaty. pp. 17-20. (In Russian).
3. Ablazhey, N.N. (2013) [Peculiarities of the education policy for children of Kazakhs repatriated from China to Kazakhstan (the late 1950s – 1960s)]. *Sozidatel'nyy potentsial kazakhskoy diaspor: istoriya i sovremennost'* [The creative potential of the Kazakh Diaspora: Past and Present]. Proc. of the Republican Research Conference. Almaty. October 31, 2013. Almaty. pp. 20-26. (In Russian).
4. Ablazhey, N.N. (2008) [Problems in the Study of interstate migration and history of Kazakh Diaspora in China]. *Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya istoricheskoy nauki Kazakhstana i Rossii* [The current state and prospects of development of historical science in Kazakhstan and Russia]. Proc. of the International Research Conference. Almaty. pp. 96-102. (In Russian).

УДК 94(100)“1914/19”
DOI 10.17223/19988613/41/22

В.Г. Кокоулин

**РЕЦЕНЗИЯ : ШИЛОВСКИЙ М.В. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА 1914–1918 ГОДОВ И СИБИРЬ /
ОТВ. РЕД. В.П. ЗИНОВЬЕВ; РОС. АКАД. НАУК, СИБ. ОТД.-Е, ИНСТИТУТ ИСТОРИИ.
НОВОСИБИРСК : АВТОГРАФ, 2015. 330 с.**

Несмотря на то что Сибирь в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. находилась в тылу и военные действия на её территории не проходили, события военного лихолетья напрямую затронули сибиряков. Прежде всего это участие сибирских соединений на фронтах войны, различные мобилизации, формирование и обучение запасных полков. Следует далее отметить военнопленных, беженцев, выселенцев, раненых, инвалидов, дезертиров, которые буквально наводнили сибирские просторы. Противоречивые процессы происходили в экономике региона: промышленность, сельское хозяйство, транспорт, торговля и кооперация переживали непростые времена. Произошли изменения и в повседневной жизни сибиряков: продовольственные и прочие трудности, военно-патриотическая тематика общественных настроений, менявшаяся от урапатриотических настроений до полного равнодушия к военным проблемам. Работа органов местного управления и общественного самоуправления также подверглась серьёзным испытаниям. Все эти проблемы на обширном фактическом материале изучаются в рецензируемой книге.

В историографии проблемы данная монография занимает особое место. Хотя отдельные сюжеты уже изучались историками, однако в большинстве случаев они рассматривались с точки зрения предпосылок революции 1917 г. в регионе или развития революционного движения в Сибири. Изменение в подходах к освещению проблем Первой мировой войны произошло в 1990-е гг., когда историки и краеведы стали активно исследовать мобилизационные процессы, армейскую повседневность, ратный подвиг сибиряков на фронте. Вышли в свет также работы, освещающие повседневную жизнь сибиряков в годы Первой мировой войны. Однако в целом тема «Первая мировая война и Сибирь» не получила комплексного освещения. Работа М.В. Шиловского представляет собой попытку заполнить данную историографическую лауну.

Первая глава монографии посвящена военному потенциалу Сибири в годы войны. Автор обобщает исторические материалы о мобилизациях сибиряков, участии сибирских соединений в боевых действиях, подготовке пополнений и запасных частей для действующей армии. М.В. Шиловский подробно останавливается на такой дискуссионной проблеме, как солдатские бунты в Сибири. В советской историографии они однозначно квалифицировались как форма классового борь-

бы крестьянства против самодержавия. Данный вывод в настоящее время подвергается серьёзной критике. Автор рецензируемой монографии считает, что проблема была связана не с сознательной или стихийной борьбой с самодержавием, а с негативным восприятием в целом необходимости участия в военных действиях, а также с резким изменением повседневной жизни крестьян в самый напряжённый период крестьянской страды. Сказались также и недостатки в организации мобилизации, о чём, кстати, сообщали акмолинский и тобольский губернаторы в донесениях в столицу. Это подтверждается подробным разбором двух масштабных бунтов – в Барнауле и Новониколаевске.

Подготовка пополнений для действующей армии и армейская повседневность в тылу в советской историографии рассматривались исключительно с точки зрения наличия в армии предпосылок к социальному взрыву 1917 г., фокусируясь преимущественно на негативных явлениях тыловой повседневности – плохих жилищных условиях и отвратительном питании, массовых заболеваниях и т.п. Автор монографии попытался разобраться в этой проблеме на примере 38-го Сибирского стрелкового запасного батальона. Не отвергая указанных негативных фактов, исследователь делает вывод, что данные явления, в частности негативное отношение к войне, не носили массового характера и были типичными для любой армии, формируемой на основе всеобщей воинской повинности, не исключая советскую и современную российскую.

Вторая глава монографии посвящена основным тенденциям развития сибирской экономики в 1914–1917 гг. Первая мировая война стала серьёзным испытанием для промышленности и сельского хозяйства. Основными причинами кризиса этих отраслей, по мнению автора монографии, были мобилизация мужчин, прекращение кредитования, сокращение коммерческих перевозок и расстройство транспорта. Хотя историки и приводят многочисленные данные о развитии тех отраслей промышленности и сельского хозяйства, которые работали на оборону, однако М.В. Шиловский на основании детального изучения всей совокупности данных делает вывод о том, что некоторый подъём производства в военные годы вовсе не свидетельствует о росте, поскольку отсутствовали перспективы для дальнейшего динамичного развития основных отраслей, к тому же многие начинания в годы Первой мировой войны удалось полностью реализовать только в годы нэпа. В качестве при-

мера автор приводит предприятия «Копикуза», которые в марте 1917 г. были завершены на 86%, а введены в эксплуатацию только в 1924 г. Аналогичные процессы происходили в сельскохозяйственной отрасли. Историки отмечают рост сбора урожая зерновых в годы войны в Сибири. Вместе с тем констатируется негативное влияние войны на развитие аграрной сферы региона: снижение численности трудоспособного населения, сокращение объёма промысловой деятельности, усиление противостояния старожилов, переселенцев и коренного населения и т.п. Аналогичные процессы прослеживаются в сфере транспорта, торговли и кооперации, а также финансовой сферы региона.

В третьей главе монографии освещается военная повседневность сибирского тыла. Как и по всей стране, в регионе отмечаются рост цен, дефицит продуктов и промышленных товаров, нехватка помещений для размещения военнопленных, масштабная коррупция должностных лиц, антисанитария в городах и как следствие – рост инфекционных заболеваний. В целом же повседневная жизнь сибиряков неузнаваемо изменилась, и то критическое её состояние, которое фиксируется в годы революции и Гражданской войны, отличается от периода Первой мировой войны только масштабностью и глубиной.

Новаторской темой стало освещение специфики национальных отношений в 1914–1917 гг. Ухудшение положения всех аборигенных и пришлых этносов региона автор монографии связывает с ростом дороговизны и уменьшением товарооборота в регионе, реквизициями скота и других продуктов сельского хозяйства, антинемецкими и антисемитскими настроениями, обострившимися в годы войны и вылившимися в погромы и вооружённые восстания.

Активизация политических партий в регионе, общественных неполитических организаций также стала одним из проявлений общего кризиса в России. Дея-

тельность ссыльных социалистов-революционеров и социал-демократов стала заметной уже к 1916 г. Местные кадетские организации также включились в общественно-политическую жизнь, активно участвуя в создании и деятельности военно-промышленных комитетов и требуя введения земства в регионе. В то же время происходили сокращение численности и сворачивание деятельности черносотенных организаций в регионе, которые не смогли переориентироваться с традиционного союза с монархиями Германии и Австро-Венгрии к союзу с их противниками. В итоге лишь в Новониколаевске остался дееспособным местный отдел Союза русского народа, в остальных же городах они не подавали никаких признаков жизни.

Хотя «властная вертикаль» в Сибири в изучаемый автором период не изменилась, однако возросла роль органов городского самоуправления, которые помимо своих традиционных обязанностей занимались расквартированием войск, размещением беженцев и пленных, обеспечением горожан продовольствием и его нормированием, что привело к повышению их роли в социально-экономической и общественно-политической жизни Сибири.

Основной вывод автора монографии состоит в том, что Первая мировая война усилила модернизационные процессы в области социально-политических отношений и сформировала то соотношение политических сил и средств в регионе, которое проявилось уже в первые месяцы революции 1917 г.

Следует добавить, что монография прекрасно иллюстрирована, в том числе и малоизвестными широкому кругу историков фотографиями и плакатами времён Первой мировой войны, долгое время хранившимися в музеях и различных коллекциях сибирских архивов, что только повышает научную ценность данного труда, достойного занять место среди выдающихся работ, посвящённых истории Сибири.

Kokoulin Vladislav G. Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: kwladislaw@yandex.ru

REVIEW: SHILOVSKY M.V. FIRST WORLD WAR 1914–1918 YEARS AND SIBERIA / EXECUTIVE EDITOR V.P. ZINOVYEV. ACADEMY OF SCIENCE OF RUSSIAN FEDERATION, SIBERIAN BRANCH, INSTITUTE OF HISTORY. NOVOSIBIRSK: AUTOGRAPH, 2015. 330 p.

УДК 070 (571.1/5) (091) <18/19>
DOI 10.17223/19988613/41/23

С.А. Красильников

РЕЦЕНЗИЯ : ШЕВЦОВ В.В. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ СИБИРИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА). ТОМСК : ИЗД-ВО ТОМ. УН-ТА, 2016. 620 с. 500 экз. Серия «Транссибирский научный путь». ISBN 978-5-7511-2394-9. DOI: 10.17223/9785751123949

Несмотря на значительные изменения в историческом ландшафте в постсоветский период в сравнении с предыдущим, советским (весьма радикальная смена приоритетов в изучении тех или иных сфер российской истории второй половины XIX – начала XX в.), следует констатировать, что данное переформатирование почти не коснулось устойчивости изучения отечественной периодической печати пореформенного периода времени. И тому есть объяснение. Это было время, когда, наряду с традиционными государственными институтами, появлялись «точки роста» в виде структур гражданского общества – внесловесные страты и корпорации, негосударственные объединения и т.д. Быстрый рост негосударственного сектора в сочетании с ростом самосознания и консолидации различных слоев российского социума резко актуализировал формы и каналы реакции официального, правительственного сектора на растущий вызов. Институциональное становление и эволюция правительственной печати в пореформенное время и стали одним из ответов на новые обстоятельства времени и места.

Монография В.В. Шевцова, предметом исследования в которой выступает провинциальная, сибирская официальная периодика второй половины XIX – начала XX в., – первая обобщающая работа такого рода, вышедшая в новейшее время и уже поэтому обречена (в позитивном смысле) стать явлением историографического порядка. Автор, несомненно осознавая свою профессиональную ответственность перед предшественниками, предположил основной, конкретно-исторической части работы весьма обстоятельный историографический обзор проблемы. И в этом – не просто дань устоявшейся традиции, для автора здесь есть возможность заявить о том, в чем состоит современный научный взгляд на феномен периодики, на возможности и ограничения в его ретроспективном анализе.

Выполненный В.В. Шевцовым историографический обзор заслуживает высокой оценки. Его отличает взвешенная характеристика вклада предшественников и современных историков в изучаемую проблематику. При этом он не уходит от принципиального вопроса: следует ли считать современные исследования в области истории дореволюционной печати «прорывом» или же, пользуясь стандартной формулой, «исправленным и дополненным изданием» советской концепции. Мы разделяем точку зрения автора о том, что ныне проис-

ходит активное теоретическое осмысление истории провинциальной печати (С. 52) при обеспечении проблемно-тематической преемственности с исследованиями советской эпохи. Главный критерий для оценки работы – это уровень ее научности, а не время написания. В частности, на значительном и разнообразном историографическом материале В.В. Шевцов показал, что сформулированные еще в советской историографии оценки места и роли официальной прессы в начале XX в., а затем и в эпоху войн и революций как элемент «охранительной» системы право-консервативного толка, теряющего свой потенциал в экстремальных условиях, существенной корректировке в современной историографии не подвергаются.

Представляется обоснованной позиция автора в вопросе о необходимости рассмотрения научного анализа темы вне привычного деления историографии на советский и постсоветский периоды. Действительно, во главу угла должны быть положены принципы научного исследования проблем истории правительственной периодики, а не политические условия, хотя значение последних бесспорно. В связи со сказанным выше попутно заметим, что влияние социально-политических факторов на сферу коммуникаций дает основание для выделения данного аспекта как особого. Мы бы предложили и рабочее название для маркировки данного явления, обозначив его как «режим прессы/печати», подразумевая под этим не только динамично меняющиеся условия и контексты, в которых протекают изучаемые коммуникационные процессы, но и адаптацию института прессы к условиям существования.

Безусловно, центральное место в монографии занимает ее основная часть (2–4-я главы). Отметим, что структура и наполнение данных глав являются оптимальными: вначале проводится анализ правового поля, в котором формировался и развивался сегмент региональной правительственной печати; далее осуществлено изучение собственно формирования и развития официальной прессы в условиях двух существенно различавшихся эпох российской государственности (60–90-е гг. XIX в. и 1900–1916 гг.). На наш взгляд, анализ правового поля, в котором действовала российская периодическая печать в изучаемый период, проведен автором весьма профессионально. На значительном разнообразном фактическом материале показана динамика правовых основ для формирования и после-

дующего развития сети официальных губернских изданий. Представляется также важным, что автор обосновал синхронность процессов изменений в системе власти и в режиме деятельности его информационной, печатной подсистемы. На основе проанализированных источников им сделан также вывод о том, что, несмотря на различия социально-политических условий относительно «спокойной» эпохи последней трети XIX в. и «бурных» первых двух десятилетий XX в., в целом в функционировании официальной периодики существовала четкая преемственность – информационная функция оставалась базовой, тогда как другие стороны – просветительская, культурная, пропагандистская и т.д. – являлись вспомогательными. Выскажем, тем не менее, замечание относительно завершенности анализа правового пространства, в котором действовала официальная печать Сибирского региона: конкретно – исторический анализ проделан автором вплоть до конца 1919 г., тогда как правовые основы действия печатных органов в 1917–1919 гг. остались вне авторского рассмотрения.

Профессионализм автора, новизна его подходов и аналитических оценок в наибольшей степени проявились в главах, посвященных конкретно историческому рассмотрению условий, механизмов и результатов деятельности официальных органов печати в Сибирском регионе. В частности, автором осуществлен очень подробный и глубокий анализ экономики издательской деятельности, дано обоснование того, как и в силу каких обстоятельств казенные учреждения оказывались нерентабельными, дотационными, а любые попытки оптимизации казенной печати завершались неудачами (С. 209, 211, 215–216). Здесь присутствует четко выраженная авторская позиция, подкрепленная достаточным эмпирическим материалом, чтобы на основе детального рассмотрения базовых экономических факторов сделать обоснованные заключения о динамике ресурсного обеспечения правительственной прессы.

В монографии В.В. Шевцова динамика возникновения и последующего развития региональной казенной периодики совершенно логично помещена в сетку меняющихся координат и приоритетов государственной политики в ее взаимодействии с управляемым социумом. Губернские ведомости изначально несли в себе функциональный дуализм между требованием быть глашатаем официальной политики и одновременно путем информирования о действиях и намерениях власти выступать средством формирования доверительного отношения к ней. А это означало говорить одновременно на двух языках – официальном и гражданском. Насколько удачным и результативным мог быть такой функциональный симбиоз – ответ дает автор.

Среди факторов, оказывавших решающее воздействие на развитие печати, В.В. Шевцов выделил как объективные условия (наряду с социально-политической ситуацией в стране и с отмеченными выше правовыми, организационно-финансовыми ос-

новами существования правительственной печати автор включает в свой анализ и потенциал частных, неправительственных изданий), так и условия субъективного порядка (позиция губернаторов в отношении направлений развития официальной периодики; совпадение интересов групп бюрократии и редакторов изданий; профессиональный уровень и политические предпочтения редакторского корпуса и групп интеллигенции, консолидировавшихся вокруг изданий и т.д.). Отметим, что В.В. Шевцову удалось осуществить этот весьма тонкий и многофакторный анализ, позволяющий выявить на фоне действия общих условий также и региональные особенности функционирования правительственной печати. Полагаем, что автор поднялся тем самым на новый уровень осмысления узловой проблемы соотношения, или, иначе, соответствия государственной политики и практики ее реализации применительно к сфере периодической печати. Государственная политика выступала в роли унификатора, тогда как ее практическое воплощение в значительной степени определялось «человеческим фактором», что убедительно доказал В.В. Шевцов, тщательно отследив все траектории развития изученных губернских казенных изданий Сибири.

Автор демонстрирует высокий уровень профессиональной исследовательской культуры. Он владеет всем арсеналом презентационных средств. Помещенные в книгу таблицы и рисунки/диаграммы являются формализационным компонентом, обладая чертами наглядности и информационной насыщенности. С ними органично соседствуют аналитические фрагменты, и, что чрезвычайно важно, в работе присутствует «человеческое измерение», где широко и разнообразно представлены главные деятели провинциального газетного мира. Особенно следует отметить аналитические разделы о деятельности редакторов неофициального отдела «Томских губернских ведомостей» таких ярких личностей, как Д.Л. Кузнецов, Н.А. Костров, Е.В. Корш, придававших казенной печати свое «лицо» и реальную конкурентоспособность в провинциальном газетном пространстве. Безусловной заслугой В.В. Шевцова является то, что он весьма квалифицированно описывает динамику противостояний, конфликтов и соглашений не только людей, личностей, но и идей, которые они выражали.

Автором дано обоснование глубокого кризиса системы государственной власти, самым прямым образом проявившегося в информационно-издательской ее подсистеме. Ситуация Революции и Гражданской войны в восточных регионах России еще более рельефно обозначила утрату гегемонии государственных режимов в информационном пространстве. Проведенный В.В. Шевцовым анализ показывает необратимость деструктивных процессов, охвативших всю систему печати, а возросшее доминирование идеолого-пропагандистской составляющей над информационной фактически подвело черту под исторической эпохой

развития отечественной пореформенной прессы. Из эпохи войн и революций Россия вышла с другим типом государственности, мобилизационным, где информация оказалась полностью подчинена идеологии и ретворена в ней.

Исследование не свободно от некоторых недоработок. К таковым, в частности, можно отнести определенную стереотипность в изложении и воспроизводство в тексте так называемых общих мест, что затрудняет установление авторской позиции и, соответственно, новизны исследования. Так, вторая глава завершается подробной периодизацией государственной политики и правовой регламентации деятельности правительственной печати (С. 176–177). Однако неясно, в какой мере данная периодизация является авторской, отличной от уже существующих.

Несколько схематично в монографии оказался отражен социокультурный контекст изучаемых эпох. И если о позициях и участии интеллигенции в работе органов печати встречается немало рассуждений и примеров, то проблема эффективности воздействия казенной печати на другие группы городского социума и обратная связь обозначены, поставлены, но недостаточно проработаны. В частности, анализируя первый период становления «Иркутских губернских ведомо-

стей» и редакторство неофициального раздела М.В. Загоскиным, В.В. Шевцов отмечает, что последний выступал выразителем мнения и интересов «среднего городского класса», в другом месте говорится о «среднем сословии» (С. 434, 442), но дальнейшего развития такого рода анализ не получил.

Отметим и очевидную неравноценность в глубине разработки различных периодов существования официальных печатных органов в регионе. Так, период 1917–1919 гг. представлен фактически в обзорном формате. Исключением является полноценный анализ деятельности томской газеты «Голос свободы» (орган губернского народного собрания) в 1917 г., выполненный на высоком профессиональном уровне (С. 576–586).

В завершении отметим следующее. Пресса во всех ее проявлениях всегда обладает двойным статусом – как часть институциональной информационной системы и один из наиболее значимых источников ресурсов для расширения имеющихся и получения новых знаний о конкретной исторической эпохе, обеспеченной прессой. Монография В.В. Шевцова, в которой органически соединены институциональный и содержательный аспекты динамики сибирской «казенной» печати «от восхода до заката», – достойное тому подтверждение.

Krasilnikov Sergey A. Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: krass49@gmail.com

REVIEW: SHEVTSOV V.V. GOVERNMENTAL PERIODICALS IN SIBERIA (THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY AND BEGINNING OF THE 20TH CENTURY). TOMSK: TOMSK STATE UNIVERSITY PUBLISHING HOUSE, 2016. 640 p. – «TRANSSIBERIAN SCIENTIFIC WAY».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АГАПОВ Вадим Львович, кандидат исторических наук, доцент кафедры журналистики и издательского бизнеса, докторант кафедры отечественной истории и архивоведения Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). E-mail: agarov_vl@mail.ru

БАКШТ Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, заместитель начальника Научно-исследовательского отдела Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. E-mail: baksht@mail.ru

БАЛТАБАЕВА Кулгазира Нурановна, кандидат исторических наук, директор аналитического центра Всемирной ассоциации казахов (г. Алматы, Республика Казахстан). E-mail: Kulgazira_777@mail.ru

БИБИКОВ Григорий Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (г. Москва). E-mail: grigoriy_bibikov@mail.ru

ВОДЯСОВ Евгений Вячеславович, кандидат исторических наук, инженер-исследователь проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. E-mail: vodiasov_ev@mail.ru

ГЛИНКИН Виталий Сергеевич, ассистент кафедры Востоковедения Томского государственного университета. E-mail: glinkinvs@yandex.ru

ГЛУШКО Николай Михайлович, председатель профкома Томского политехнического университета. E-mail: hlv@tpu.ru

ГОЛОВЧЕНКО Николай Николаевич, аспирант Новосибирского государственного педагогического университета, заведующий кабинетом археологии им. А.П. Уманского Алтайского государственного педагогического университета (г. Барнаул). E-mail: nikolai.golowchenko@yandex.ru

ГОРБУНОВА Анастасия Андреевна, магистрант исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: Gorbunova_anastasiya_92@mail.ru

ДАНКОВ Артем Георгиевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры менеджмента Томского политехнического университета (г. Томск). E-mail: artyomdankov@sibmail.com

ДЕЙНЕЖЕНКО Александр Луквич, кандидат физико-математических наук, пенсионер. E-mail: deinezh@mail.ru

ЗАЙЦЕВА Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, заведующий лабораторией междисциплинарных археологических исследований «Артефакт» Томского государственного университета. E-mail: snori76@mail.ru

ИДИАТУЛЛОВ Азат Корбангалиевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры географии и экологии Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова. E-mail: AzKoldiat@yandex.ru

КАЗАКОВ Александр Альбертович, кандидат исторических наук, доцент, начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Барнаульского юридического института МВД России. E-mail: kaa-2862@mail.ru.

КОКОУЛИН Владислав Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Новосибирского государственного университета. E-mail: kwladislaw@yandex.ru

КРАСИЛЬНИКОВ Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Новосибирского государственного университета. E-mail: krass49@gmail.com

КРИНКО Евгений Федорович, доктор исторических наук, директор лаборатории истории и этнографии Института социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН (г. Ростов-на-Дону). E-mail: krinko@mail.ru

МАДЖУН Джамиля Сулеймановна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра дунгановедения и китаистики Института истории и культурного наследия Национальной академии наук Кыргызской Республики (г. Бишкек, Кыргызстан). E-mail: djamad1966@mail.ru

МАСЛЮЖЕНКО Денис Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Курганского государственного университета. E-mail: denmas13@yandex.ru

МАССЕЛЬ Людмила Васильевна, доктор технических наук, главный научный сотрудник Института систем энергетики Сибирского отделения РАН (г. Иркутск). E-mail: massel@isem.sei.irk.ru

ОРАВ Владимир Алексеевич, аспирант кафедры Новейшей истории России Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: v.oraw@yandex.ru

ПОБЕЖИМОВ Андрей Иванович, кандидат исторических наук, директор ООО «Ионик» (г. Санкт-Петербург). E-mail: andrey-pi@mail.ru

СИМОНОВА Марина Владимировна, аспирантка кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: simonova_marina42rus@mail.ru

СМОЛЯКОВА Людмила Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры Новой, Новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета. E-mail: smol_ln@mail.ru

ТЕРЕХОВ Олег Эдуардович, доктор исторических наук, профессор кафедры Новой, Новейшей истории и международных отношений Кемеровского государственного университета. E-mail: terehov1968@mail.ru

ФЕДОРОВ Алексей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Челябинского государственного университета. E-mail: alex_boss@list.ru

ЧЕРКАСОВ Александр Арвелодович, доктор исторических наук, заведующий лабораторией мировых цивилизаций Международного сетевого центра фундаментальных и прикладных исследований (г. Сочи). E-mail: sochi003@ Rambler.ru

ШИГАПОВ Савелий Рустамович, студент исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: shigapovs94@mail.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ИСТОРИЯ**

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

2016. № 3 (41)

Редактор К.В. Полькина
Оригинал-макет А.Н. Воробьевой
Редакторы-переводчики Н.А. Глущенко, В.Н. Скок
Дизайн обложки Яна Якобсона (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Подписано к печати 14.06.2016 г. Формат 60x84^{1/8}.

Гарнитура Times.

Печ. л. 18,2; усл. печ. л. 17.

Тираж 60 экз. Заказ № 1910.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28